

В.К. Малиновский

Левенвольде

Некоторые исторические сведения

«ЯНУС-К»

Москва
2021

УДК 52
ББК 22.6г
М 19

М 19 *В.К. Малиновский. Левенвольде. Некоторые исторические сведения.* – М.: Изд-во «Янус-К», 2021, 381 с., илл.

ISBN 978-5-8037-0820-9

Книга посвящена изложению, начиная с 1230-х годов, некоторых фактов из истории семьи Левенвольде, представители которой играли заметные роли в российской и европейской истории XVIII в. В книге, на основе дошедших до нашего времени документов, рассматриваются приемы тайной и открытой дипломатии того времени, механизмы переворотов и технология удержания власти. Некоторые из этих вопросов, такие как изготовление подложных родословий для представителей семьи Левенвольде с целью проведения своих интересов и противодействие этому, освещены в исторической литературе впервые.

Материал предназначен для любителей истории, желающих делать самостоятельные выводы на основе первичных источников, каковыми являются архивные документы, и вторичных источников, таких как мемуары современников.

© Малиновский В.К., 2021

ISBN 978-5-8037-0820-9

*Памяти Г.И. Левенвольде,
в трехсотлетие его кончины.*

Оглавление

Предисловие	xi
1 Рыцари Левенвольде	1
1.1 Немецкий орден в Пруссии и Ливонии	1
1.2 Восточная и центральная Европа в 1230–1240 гг.	3
1.3 Копорье в Ингерманландии: «и изверже град до основания, а самих немец избиша»	7
1.4 Генрих Левенвольде, «genannt van Wrangle»	12
1.5 Левенвольде и Врангели: «одна из первых фамилий края»	13
2 Герхард Иоганн Левенвольде	15
2.1 Левенвольде из дома Малла и Архарты	15
2.2 Тайный советник барон Левенвольд	18
2.3 Иоганн Рейнгольд Паткуль: редукции и колесование	26
2.4 Г.И. Левенвольде, пленипотенциарий Петра I	44
2.5 Г.И. Левенвольде, обер-гофмейстер двора принцессы Шарлотты Софии	48
2.6 Записки Моро де Бразе: «черная легенда»	55
2.7 Кости из захоронений были вывезены . . . в неизвестном направлении	65
3 Карл Густав Левенвольде	67
3.1 К.Г. Левенвольде, генерал-адъютант Петра I	67
3.2 К.Г. Левенвольде, ливонский ландрат	72
3.3 Екатерина, Анна, Прасковья, герцог Мекленбургский и Анна Леопольдовна	74
3.4 Митавские кондиции: «бессилен немощный удар»	75
3.5 Б.Х. Миних и К.Г. Левенвольде	83
3.6 К.Г. Левенвольде, первый полковник лейб-гвардии Измайловского полка	88
3.7 К.Г. Левенвольде и конезаводство	90
3.8 К.Г. Левенвольде, дипломат	94
3.9 К.Г. Левенвольде, первый эстонский промышленник	104
3.10 Маркловские собаки	105
3.11 Человек был великого разума	107

4 «Veritas vincit», или кто изготовил поддельное родословие	109
4.1 Некоторые особенности дипломатии	109
4.2 Маршал Шотландии и лифляндский ландрат	110
4.3 Родословия двух родных братьев, К.Г. Левенвольде и Г.Р. Левенвольде	117
4.4 Был ли виконт Кенмюр–Гордон близким родственником лифляндского ландрата?	120
4.5 «Is fecit, qui prodest»: дюк Лирийский и милорд маршал, или зачем изготовили подложное родословие?	126
4.6 Ложь и коварство — прибежище глупцов и трусов	131
4.7 «Veritas vincit»: зачем нужен наш анализ	137
5 Фридрих Казимир Левенвольде	143
5.1 Посол в Варшаве и генерал от кавалерии	143
5.2 «...ссылки на членов этой фамилии в исторических монографиях почти всегда исполнены ошибок»	146
5.3 Как различить братьев Левенвольде?	148
5.4 Два примера: неясность в отличие от недостоверности	150
6 Густав Рейнгольд Левенвольде	153
6.1 Г.Р. Левенвольде при жизни Петра I	153
6.2 Г.Р. Левенвольде в царствование Екатерины I	156
6.3 Герцогиня Анна Иоанновна до восшествия ее на престол в ее письмах к графу Левенвольду	163
6.4 Н.Б. Шереметева об императрице Анне: «престрашная была взору, отвратное лице имела...»	165
6.5 Г.Р. Левенвольде в царствование Анны Иоанновны: обер-гофмаршал	170
6.6 Карточные долги, соляная контора и письмо из Фландрии	179
6.7 Наталья Федоровна Лопухина	183
6.8 Переворот 1741 г.: «... преступление всех арестованных лиц состояло в том, что они слишком ... хорошо служили императрице Анне»	192
6.9 Лопухинское дело	197
6.10 «... достойный Левенвольде ... умер в Соликамске»	206
7 Карл и Казимир Левенвольде	211
7.1 «... родился в Раппине...»	211
7.2 До и после Аустерлица	218
7.3 «... и был под Бородиным, когда убит был полковой командир Левенвольде»	223
7.4 О сражении при селе Бородино и о посмертной славе	234

8 Родственные семьи и прямые потомки	239
8.1 Мантейфель, Ферзен, Шлиппенбах	239
8.2 Мыза Малла «есть старинная фамилии Левенвольдов» . .	240
8.3 И.Е. Ферзен: из стаи славной Екатерининских орлов . . .	243
8.4 А.И. Шлиппенбах: директор Конногвардейских заводов . .	247
8.5 Трое прямых потомков	256
8.5.1 А.А. Шлиппенбах	256
8.5.2 Н.Н. Неплюев	259
8.5.3 А.И. Шаргей	262
8.6 Заключение: «были хорошие люди — им честь, были дурные люди — Богу ответ дадут»	264
А Оригинальные документы	267
A.1 Инструкция Императорского Величества господину Обер-гофмейстеру (1730 г.)	268
A.2 Инструкция Ея Императорского Величества Обер-гофмаршалу (1730 г.)	273
A.3 Особенные высочайшие повеления 1730 г.	279
A.4 Начало образования при Капелле музыкантов (1740 г.) . .	281
A.5 О приведении конских заводов в лучшее состояние и о размножении оных (1732 г.)	282
A.6 Из полковой истории л.-гв. Измайловского полка	289
A.7 Бирон Э. И.: «Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнста-Иоанна Бирона»	296
A.8 Дюк Лирийский: «Отдельное разсуждение о характерах различных особ при дворе Российском»	311
A.9 Сопоставление истинного и подложного родословий	320
A.10 Сертификат к подложному родословию	330
A.11 Оригинальный текст воспоминаний Джорджа Кита	332
A.12 О просимом графом Мантейфелем вознаграждении за конфискованную у предка его графа Левенвольда мызу Маллу, находящуюся в Эстляндской губернии	333
В Специальный анализ	339
B.1 Источники и даты	339
B.2 Как использовать источники	342
B.3 Несоответствия, обнаруженные Дж. Гордоном при анализе родословия К.Г. Левенвольде	345
B.4 Арбротская декларация	348
B.5 Взгляд на события 1240–1242 гг. с ливонской стороны . .	351
Литература	367
Именной указатель	377
Об авторе	381

Предисловие

Находясь 9 февраля 1873 г. в С.-Петербурге, русский историк М.И. Семеvский (1837–1892) в предисловии к «Российской родословной книге»¹ писал:

«в первом отделе особенно интересны и полны родословия, из вошедших в настоящее издание, следующих фамилий: кн. Воротынские, кн. Лыковы, кн. Острожские, кн. Курбские, кн. Холмские, кн. Пожарские, кн. Вишневецкие, кн. Кантемиры, гр. Брюсы, графы и бароны Левенвольде (ссылки на членов этой фамилии в исторических монографиях почти всегда исполнены ошибок, а между тем Левенвольде играли весьма важные роли в истории России первой половины XVIII века)».

В 1890–1907 гг. был издан «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» [13]. К нему образованное население России обращалось, да и обращается до сих пор, желая получить самые разнообразные сведения. Про графов и баронов Левенвольде там сказано следующее:

«Левенвольде — графский и баронский род, происходящий из графства Маркского и переселившийся в начале XIV в. в Ливонию. Барон Гергард Иоанн (ск. в 1721 г.) был царским уполномоченным в Лифляндии и Эстляндии (1710), а затем обер-гофмейстером супруги царевича Алексея Петровича. Сын его Карл Густав (ск. в 1735 г.) — известный дипломат. По смерти Петра II, уведомил, через брата своего Рейнгольда, Анну Иоанновну о решении верховного совета, передававшем трон в ее руки. В 1731 г. был отправлен полномочным министром в Вену, откуда переведен в Берлин; в 1732 г. заключил тайный договор с прусским и цесарским правительствами касательно избрания польского короля и курляндского герцога. Вместе с двумя братьями он получил в 1726 г. графское достоинство в России. Другая отрасль Л. существовала еще в 1870-х годах в Лифляндии, где род этот занесен в дворянский матрикул».

¹Наиболее авторитетный в Российской империи источник по генеалогии русского дворянства, изданный в 4 частях (1854–1857) П.В. Долгоруковым. После его смерти в 1868 г. на основе собранных им документов издание возобновилось А.Б. Лобановым–Ростовским под названием «Русская родословная книга». Еще одной авторитетной публикацией по этой теме является «Родословный сборник русских дворянских фамилий», изданный в 1886–1887 гг. В.В. Руммелем и В.В. Голубцовым.

Занятно, что авторы уважаемого энциклопедического словаря делом подтвердили слова М.И. Семевского: ссылки на представителей рода Левенвольде действительно исполнены ошибок. Чтобы не интриговать читателя, сразу скажем, что не Карл Густав уведомил через брата своего Рейнгольда Анну Иоанновну о решении Верховного тайного совета передать трон в ее руки, а прямо наоборот: младший брат Густав Рейнгольд через старшего брата Карла Густава (к которому окольными тропами был послан гонец) информировал будущую императрицу Анну Иоанновну об этом развитии событий. Это можно *доказать*. Важно ли это? Весьма. Поскольку эти события привели к значимым последствиям в истории России первой половины XVIII в.

Фамилия Левенвольде — не русская, а немецкая. В 1737 г. прусский дипломат И.Г. Фоккеродт (1693–1756) в своем сочинении «Россия при Петре Великом» [102] пишет, что существо недовольства так называемым «немецким засилием» высказывалось следующим образом:

«... старинные цари хоть и делали завоевания, да только таких земель, владение которыми необходимо для царства или откуда нас беспокоили разбои. Кроме того, они давали нам пользоваться плодами наших трудов, поступали с побежденными, как с побежденными, делили между дворянством их земли, а на место того ливонцы чуть у нас на головах не пляшут и пользуются большими льготами, чем мы сами, так что из всего этого завоевания не выходит нам никакой другой прибыли, кроме чести оберегать чужой народ на свой счет да защищать его своею же кровью».

В 1737 г. недовольные могли еще не знать, что в Бородинском сражении командовать Кавалергадским полком будет полковник Карл Левенвольде, который своей кровью защищал свою страну, Россию². Но от таких недовольных вряд ли следует ожидать добросовестности: в 1737 г. им были прекрасно известны такие имена, как Карл Эвальд Ренне, потомок балтийских рыцарей, награжденный 25 июля 1711 г. орденом Св. Апостола Андрея Первозванного за военные подвиги.

Так называемые «антинемецкие настроения», откуда произошли многие явления, от досадных до трагических, сильно повлияли на исторический процесс. Они использовались известными кругами³ для внесения раздора в русскую жизнь. Но почему и Петр Великий, которого трудно упрекнуть в недальновидности и непатриотизме, и Анна Иоанновна, последняя по происхождению русская царица, приближали к себе таких лиц, как Левенвольде? Легковесные и игривые объяснения, такие как «всем обязан женщинам», вовсе ничего по сути не объясняют⁴.

²Полковник Карл Левенвольде был убит при атаке на вражескую кавалерию и атаку эту ветераны полка называли «атакой Левенвольда»; его младший брат Казимир Левенвольде умер от ран на следующий день после Аустерлица.

³От славянофилов разного толка до революционеров-интернационалистов.

⁴Безобидными такие объяснения не назовешь: в письме 110 от виконта де Вальмона к маркизе де Мертей (см. [108]) имеется такое замечание: «подобные рассказы лучше

Известно много высказываний о лжи. Иногда говорят, что ложь, повторенная многократно, становится правдой; говорят также, что чем наглее ложь, тем охотнее люди верят ей. Пример такой лжи относительно нашего предмета следующий:

«... не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иностранцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из «клеотур» двух сильных патронов, «каналы курляндца», умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого каналы, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольде, обер-штальмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, какие мастерил другой Левенвольде, обер-гофмаршал, перещеголявший злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упада на доимочные деньги, выколачиваемые из народа ... Недаром двор при Анне обходился впятеро-вшестеро дороже, ... чем при Петре I, хотя государственные доходы не возрастали, ... скорее убавлялись».

То, что это именно ложь и клевета, а не добросовестное невежество⁵, читатель поймет, сопоставляя эту цитату с тем, что он увидит чуть ниже. Беда же в том, что это — цитата из (см. [45], с. 391) «Курса русской истории» профессора В.О. Ключевского.

Можно ли *не возражать* на это? Как видно, можно. Но это приводит к печальным последствиям. Клевета на исторических деятелей страны в конечном итоге суть клевета на саму страну. Неуважение к историческим деятелям — а уважение к ним не должно находиться только на уровне эмоций; оно должно опираться на прочный фундамент знаний — эквивалентно неуважению к самой стране. При этом, натурально, никого не нужно ни идеализировать, ни демонизировать: каждое время имеет свои особенности, свои нормы и свои ограничения.

Касательно же ныне покойного историка В.О. Ключевского, достаточно, например, сопоставить его слова об «обер-штальмейстере, человеке лживом, страстном игроке и взяточнике» со свидетельством прямого подчиненного этого человека, которого звали Василий Александрович Нащо-

чего бы то ни было другого придавали смелость моей робкой ученице, в то же время внушая ей глубочайшее презрение к ее матери. А я давно заметил, что, если это средство не всегда необходимо для того, чтобы соблазнить девушку, оно незаменимо и часто наиболее действенно, если хочешь ее развратить. Ибо та, кто не уважает своей матери, потеряет и всякое уважение к себе — вот нравственное правило, которое я считаю настолько назидательным, что очень рад был найти пример для его подтверждения».

⁵В.О. Ключевский проявляет полную информированность, ссылаясь на «послов», но не говорит, что это послы — как увидит далее читатель — были послами недружественных к России стран.

кин. Вот что он пишет в записках (см. [64]), не предназначавшихся для публикации:

«В 1735 году обер-шталмейстер, лейб-гвардии Измайловского полка полковник, ордена Св. Апостола Андрея кавалер, ее императорского величества генерал-адъютант граф фон Левенвольд, который был в Польше полномочным послом и послан был к цесарю; он же и полк Измайловский привел в изрядный регулярный порядок и в лучшую от других полков экзерцицию; по многих его к государству трудах из немецких краев в С.-Петербург возвратился в тяжелой болезни и просил все милостивейшую государыню, чтоб отпущен был в деревню его Дерптского уезда, в мызу Ряпину. А при отъезде призвал он всех штаб- и обер-офицеров, со всеми прощался и поехал в последнем состоянии своего здоровья, а по прибытии в свою деревню, как было известно, все домовое распорядя, добропорядочно того же года в апреле месяце умре. *Человек был великого разума, имел склонность к правосудию; к подчиненным, казалось, был строг, только в полку ни единый человек не штрафован приказом его, а все в великом страхе находились, и такой человек, как оный граф Левенвольд, со справедливыми поступками и zelo с великим постоянством, со смелостью, со столь высокими добродетелями редко рожден быть может.* Он же при жизни его императорского величества, блаженной памяти государя Петра Великого, был его величества генерал-адъютантом и много употреблен бывал от его величества в посылки. В жизни своей оный граф фон Левенвольд имел охоту к ружью и охотник был до лошадей. И так я об оном описал, как *подлинное мое есть примечание бесстрастно, ибо я у него в особливой милости не был и чрез его рекомендацию никакой милости в авантаж свой не получал, только писал в сей моей записке из почтения, видя в жизни моей такого достойного человека, который, паче своей славы, общее добро, то есть правдолюбие, наблюдал, что мне случилось видеть и сим засвидетельствовать.*

Клеветы без цели не бывает. Цель была и у историка В.О. Ключевского (1841–1911), учеником и последователем которого был историк-марксист М.Н. Покровский (1868–1932), автор «Русской истории в самом сжатом очерке». Но это отдельный вопрос.

Цель настоящей книги, как и близкой к ней по форме и по структуре книги [56], состоит в том, чтобы предъявить читателю фактический, первичный, архивный материал, относящийся к семье Левенвольде. Этот материал предваряется и перемежается авторским текстом, но основным, доказательной базой, является именно первичный материал; в этом смысле девизом книги будет известный афоризм⁶ «кто ничего не знает, тот вынужден всему верить».

⁶«Wer nichts weiß, muss alles glauben». Этот афоризм приписывают австрийской писательнице Марие фон Эбнер-Эшенбах (1830–1916).

Авторские комментарии возникли на основе специальной или справочной литературы, но в значительной степени источник таких комментариев — мемуары. Тут следует быть весьма осторожным, поскольку мемуары всегда субъективны, а иногда очень и очень далеки от объективности. Пользуясь ими, следует хорошо представлять себе личность мемуаристов.

Знакомство с фактическим архивным материалом в ряде случаев является началом захватывающего расследования. Так, известны родословия двух родных братьев, Карла Густава и Густава Рейнгольда Левенвольде, которые — при их сличении — не совпадают в своей шотландской части. Это не случайное несовпадение и не ошибка: именно наиболее тщательно подготовленное шотландское родословие, сопровождаемое сертификатом на латыни и схемой с цветными рисунками безупречно подобранных гербов упомянутых в ней лиц оказывается при ближайшем рассмотрении ложным.

Принимая во внимание личности братьев Левенвольде, их роли в политической жизни того времени, а также мнения и воспоминания современников, становится абсолютно ясно, что это не случайная ошибка, а намеренная подделка, подлог. И как только это заключение становится доказанным, личность того или тех немногих, кто мог — точнее, умел — подготовить подделку столь высокого уровня, становится очевидной. А анализ целей, которых таким образом пытались добиться, ставит точку в этом детективном расследовании.

В заключение скажем, что жизненный путь многих представителей семьи Левенвольде, одной из старейших среди семей балтийского рыцарства, заслуживает если не восхищения, то безусловного уважения. Именно так к ним относились многие лично знавшие их в разное время современники, от Петра I, Анны Иоанновны и В.А.Нащокина (1707–1760) в XVIII в. до С.Г.Волконского⁷ (1788–1865) в XIX в.

В соответствии со своим значением у современников и непреклонностью в защите несправедливо притесняемых сограждан — что кратко называется патриотизм — представители семьи Левенвольде сталкивались с большими проблемами, крайней формой которых были смертные приговоры. И хотя ни смертный приговор шведского короля Карла XI, ни смертный приговор пришедшей к власти в результате поддержанного из-за рубежа переворота Елизаветы Петровны приведены в исполнение не были, изгнание или ссылка, заменившие казнь, являются высокой платой и нам будет интересно понять — за что именно ее приходилось платить.

В.К. Малиновский

⁷Приведем его слова: «Замечательным человеком был между нами Карл Карлович Левенвольд, положивший свою жизнь в Бородинской битве. Он был замечательное лицо в полковом нашем кругу образованностью и рыцарскими понятиями и имел такой вес в обществе офицеров, что осуждение его во всяком возникшем деле между нами было для обеих сторон неоспоримый приговор».

Глава 1

Рыцари Левенвольде

Согласно родословной росписи Левенвольде [125], составленной Гербертом Мозером фон Фильзеком¹ (см. рис. 1.1), рыцарь Генрих ван Левенвольде², родившийся около 1170 г. и скончавшийся около 1238 г., продал свои владения в Нижней Саксонии, вблизи от современного города Ильцен (нем.: Uelzen) и около 1200 г. переехал в Ливонию (нем.: Alt-Lievland), где получил обширные земли. У него сыновья: Эйлхард и Роберт. Их потомство является основателями трех известных родов: Врангели, Левенвольде и Энгдесы. Первые и третьи из них стали называться по принадлежавшей им земельной собственности. Вторые разделились на две ветви, также называемые по земельной собственности: Лугден и Малла³.

1.1 Немецкий орден в Пруссии и Ливонии

Мы не ставим перед собой цель излагать историю Немецкого (Тевтонского) ордена в Пруссии и Ливонии, поскольку имеются труды профессиональных историков, такие, как [7], [10], [58], [59]. Они основаны на изучении материальной культуры (в первую очередь — на археологических исследованиях) и письменных источников. К таковым относятся как русские летописи, так и аналогичные им источники с немецкой стороны; из них упомянем лишь Старшую Ливонскую рифмованную хронику, опубликованную с переводом и комментариями в [7].

Так вышло, что большинство наших современников знают об этом историческом периоде вовсе не из трудов профессиональных историков, а из, например, фильма С.М. Эйзенштейна «Александр Невский» или из

¹Герберт Мозер фон Фильсек (1927–1989) (нем: Herbert Moser von Filseck), генеалог эстляндского рыцарства.

²Löwenwolde. Слово «Wald» по-немецки значит «лес». Но вряд ли Löwenwolde (с вариантом Löwenwalde) означает «львиный лес». Скорее, исходя из этимологии имени Waldemar (в переводе: «управляющий», «известный», «сильный»), это «львиная сила» или «львиная мощь». Слово «wald» (древнегерманское для «walten») восходит к индоевропейскому корню «val» (ср. латинское «valere», т.е. «сила»).

³Считается, что дом Лугден старший, а дом Малла младший; графские ветви рода происходят из дома Малла.

v. Löwenwolde
Matrikel Nr. 25

Die Stammfolge wurde erstellt nach dem im Depositum der Livl. Rrschaft im Hessischen Staatsarchiv Marburg verwahrten genealogischen Nachlaß des Herbert Loewenwolde, besonders der von Carl-Gustav Liljeborg bearbeiteten Stammtafel aus dem Jahre 1950, und nach der im Vorwort genannten genealogischen Literatur ergänzt.

Heinrich van Lewenwolde, * 117., + in Livland a. 1238, Ritter, a. Lewenwolde a.d. Ilmenau (im Gebiet der heutigen Stadt Uelzen); verkaufte um 1200 seine Besitzungen in Niedersachsen und zog nach Alt-Livland, wo er mit umfangreichen Ländereien belehnt wurde; 1207 im Gebiet von Loxten, 1214 im Gebiet des Ksp. Arrasch, 1224 im Gebiet der Ksp. Odenpäh, Camby, St. Johannis (Dorpat), Ecks usw., sowie 1225-1226 im Gebiet der Ksp. Klein-Marien, Jewe u. Halljall in Wierld, vielleicht auch 1227 im Gebiet der Ksp. Rsthel u. Poenal in der Wiek.

Söhne:

1. Eilhard, * 1241 in Ingermanld, Ritter; a. Loxten usw. im Stift Riga, a. Gütern bei Wenden, im Stift Dorpat, in Hartien u. Wierld, a. Warangele; Führer im Krieg gegen Rußland 1240-1242, wahrscheinlich Glied des Landesrats zu Riga.

Söhne:

- 1) Heinrich, gen. van Wrangele, * um 1220, ✕ bei Ascheraden 5.3.1279; a. Loxten usw., a. Gütern im Stift Dorpat u. bei Wenden, a. der Wallburg Wrangele, a. Gütern in Wierld u. der Wiek; Rrschaftshptm. von Harrien u. Wierld, Stammvater der v. Wrangell.
- 2) Johann, * um 1222, + a. 1299, Ritter; a. Gütern im Erzstift Riga, a. Lugden, Hackus, Letteküll, Ilmazahl u. Kuckelin im Stift Dorpat, a. Gütern in Jerwen u. Wierld.

Söhne:

- (1) Johann, Ritter, a. den väterlichen Gütern im Stift Dorpat, in Jerwen u. Wierld, stiftete

Рис. 1.1. Из родословной росписи Левенвольде [125], составленной Гербертом Мозером фон Фильзеком (Moser von Filseck).

остатков пропаганды третьего рейха, не подозревая, например, что пресловутый термин «псы-рыцари» возник из-за опечатки или из-за неверного перевода⁴. К сожалению, когда речь идет о Немецком ордене в Пруссии и Ливонии, вместо собственно истории этого предмета обсуждается история-истории или даже история-истории-истории (с соответствующим количеством итераций).

Нам же интересно, с чем на их жизненном пути встретились родившийся (согласно [125]) около 1170 г. рыцарь Генрих ван Левенвольде, продавший свои владения в Нижней Саксонии и приехавший в Ливонию в 1230-х годах, и его сыновья. Сам он умер в Ливонии примерно в 1238 г., так что до кульминации монгольского нашествия он мог не дожить, но до нее точно дожил его старший сын Эйхард, убитый в 1241 г. в Ингерманландии, один из военачальников в очередной⁵ войне с русскими в

⁴Выражение «Reitershunde», где, скорее всего, имелась опечатка (должно быть: «Reitersbunde»), употребил К. Маркс в рукописи «Хронологические выписки», описывая борьбу Александра Невского с ливонскими рыцарями.

⁵Поскольку русско-ливонских войн было множество, начиная с походов русских князей против Ордена меченосцев в 1203-1234 гг. и кончая Ливонской войной 1558-1582 гг. В известном смысле, к ним примыкает и Великая Северная война 1700-1721 гг.

Рис. 1.2. Герб Левенвольде, из книги Клингспора [119].

1240–1242 гг.; второй сын Генриха ван Левенвольде, Роберт, скончался между 1241 г. и 1257 г.

1.2 Восточная и центральная Европа в 1230–1240 гг.

Перечислим в хронологическом порядке некоторые наиболее известные события 1230–1240 гг., современниками которых были Эйлхард и Роберт Левенвольде — с тем, чтобы читатель сам сопоставил масштаб и значение этих событий.

1236–1237 гг. Монголами были покорены и в значительной степени физически уничтожены половцы и Волжская Булгария. Такие значительные болгарские города, как Биляр, Булгар, Сувар, Джукетау, а также ряд других городов и укреплений Волжской Булгарии были стерты с лица земли; половцы прекратили свое существование как самостоятельная политическая единица.

1237–1238 гг. Монголами были покорены Рязанское и Владимиро-Суздальское княжества. Вот основные события этого года:

- взятие Рязани в декабре 1237 г.,
- трехдневная битва под Коломной 1 января 1238 г.,
- взятие Владимира 7 февраля 1238 г.,
- сражение на р. Сити (северо-запад современной Ярославской области России) 4 марта 1238 г.

1239 г. Опустим события весны–лета этого года. Скажем, что 18 октября 1239 г. монголами был осажден и взят Чернигов. Ими были разорены земли и взяты города вдоль Десны и Сейма, в том числе Путивль, Глухов, Вырь и Рыльск. Разорению подверглось среднее Поднепровье. По данным археологии, был сожжен Гомель, разорены Мозырь, Любеч, Могилев, Городище, Вицин. Во время покорения Черниговского княжества к Днепру напротив Киева подходил Мунке, который, как пишет летопись, «видив град, удивился красоте его и величеству его и прислал послов своих к Михаилу и к горожанам, хотя их прельстить». Контролировавший в то время город черниговский князь Михаил Всеволодович ответил отказом на мирные предложения монголов.

1240 г. Киев был взят монголами 6 декабря 1240 г. Путешественник, миссионер, францисканец и разведчик Джованни Плано Карпини (1182–1252) в [77] сообщает следующее:

«...они пошли против России и произвели великое избиение в земле России, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей России, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве».

В этом же году произошли следующие события:

- князь Александр Ярославич с новгородцами и ладожанами на Неве победил шведов,
- рыцари Ливонского ордена вместе с князем–изгнанником Ярославом Владимировичем захватили Изборск, а позднее Псков,
- Даниил Романович Галицкий захватил киевский престол, прогнав Ростислава Мстиславича; он оставил город под управлением тысяцкого Дмитра, которому пришлось оборонять его от монголов,
- император Священной Римской империи Фридрих II начал наступление на Папскую область, угрожая Риму; он запретил церковный собор, который намеревался провести папа римский Григорий IX,
- король Хакон IV Старый нанес поражение ярлу Скуле Бордссону, на чем завершилась эпоха гражданских войн в Норвегии.

Вероятно, все эти события были очень важны для их участников. Но нашествие монголов и падение Киева поддается сравнению с пресловутым «Drang nach Osten» рыцарей Ливонского ордена (вместе с князем–изгнанником Ярославом Владимировичем) только в далекой исторической перспективе.

1241 г. Монгольский разгром продолжался: в январе ими взят Галич, Владимир–Волынский и ряд других городов Галицко–Волынской Руси. Темник Бурундай прорвался к Висле, где занял Люблин и Завихост; в феврале им взят Сандомир. Монгольские войска делятся на две части⁶: Байдар и Кайду направлены в Польшу, Бату и Субэдэй двинулась в Венгрию и Молдавию.

В этом году произошло четыре важнейших сражения, из которых два последних — решающие в противостоянии монголам.

- Битва под Турском 13 февраля 1241 г. произошла близ села Турско–Вельке в Польше и закончилось победой монголов при значительных потерях с противоположной стороны.
- Битва при Хмельнике 18 марта 1241 г. закончилась поражением польских сандомирской и краковской армий, что позволило монгольским войскам беспрепятственно захватить Краков.
- Битва при Легнице 9 апреля 1241 г. произошла близ силезского города Легница между монгольской армией под командованием Байдара и объединенным польско–немецким войском князя Генриха Благочестивого, который в ходе битвы был убит. Битва при Легнице закончилась полной победой монголов.
- Битва при Мохы (на реке Шайо) 11 апреля 1241 г. между войсками венгерского короля Белы IV и его брата, хорватского герцога Коломана, с одной стороны, и монгольскими войсками во главе с Бату, Шибаном, Каданом и Субэдэем, закончилась сокрушительным поражением венгерской армии.

После битвы при Легнице монголы собрали более чем внушительный трофей — несколько (в ряде источников сказано: девять) мешков отрезанных ушей своих побежденных врагов. В письме к французскому королю Людовику Благочестивому магистр Тевтонского Ордена⁷ Герхард фон Мальберг писал: «Мы сообщаем Вашей Милости, что татары землю погибшего герцога Генриха полностью разорили и разграбили, они убили его самого, вместе с многими его баронами; погибло шесть наших братьев, три рыцаря, два сержанта и 500 солдат. Только три наших рыцаря, известные нам поименно, бежали» (см. [122], с. 204).

Венгерский король Бела IV, после битвы при Мохы, 18 мая 1241 г., писал папе Григорию IX: «... недавно, около праздника Воскресения Господня (31 марта 1241 г.), в великой силе и в большом числе они [татарские войска] пришли в Венгрию, и всех, кого только смогли отыскать, не обращая внимания на пол и возраст, убили острием меча, церкви и освященные божественным именем места осквернили огнем, убийством людей

⁶Такое разделение сил говорит об абсолютной уверенности в себе; монголы прекрасно знали, что в сомнительной ситуации делить силы не следует.

⁷В войско князя силезского, польского и краковского Генриха Благочестивого (1192–1241) входили поляки, французские тамплиеры и тевтонцы (см. [17]).

и другими своими преступлениями, хвастая, что всех и главным образом христиан покорят своему господину» (см. [128], т. 1, с. 182).

В этом же году произошли следующие события:

- пришедший в Новгород «некий прусский князь» Гландо Камбило, сына Дивона, считающийся⁸ родоначальником фамилии Романовых, обратился в православие под именем Иоанна,
- император Священной Римской империи Фридрих II, воюя против городов Италии, приверженных Святому Престолу, захватил Фаэнцу и Беневенто; пытаясь помешать папе римскому провести церковный собор, Фридрих II начал топить корабли, на которых прибывали кардиналы,
- князь Александра Ярославич захватил и сжег Копорье, деревянную крепость, только что заложенную рыцарями Ливонского ордена,
- Эрик IV унаследовал корону короля Дании после смерти отца Вальдемара II,
- войска английского короля Генриха III вторглись в Уэльс.

1242 г. Зимой 1241/1224 гг. монгольское войско под командованием Бату переходит через Дунай, берет Эстергом и, в попытке догнать бежавшего венгерского короля Белу IV, вторгаются в Хорватию. Разорены Загреб, на адриатическом побережье — Свач, Дривасто (близ Скадара) и Катарро. После битвы на Иеленском поле (около Риеки) монголы отходят через северную Сербию и Болгарию за Днепр, а затем за Волгу.

Именно в этом году, 5 апреля 1242 г., произошла пограничная стычка, известная как Ледовое побоище, или победа русского войска под предводительством князя Александра Невского над ливонскими рыцарями на Чудском озере. О том, что это не вторжение завоевателей, сравнимое с монгольским⁹, а пограничная стычка, говорит то, что после монгольского разгрома Ливонский орден не имел ни людских, ни материальных ресурсов, а само Ледовое побоище по масштабу далеко уступает таким сражениям многочисленных русско-ливонских войн, как сражение на Омовже в 1234 г. или Раковорская битва 1268 г., произошедшим в ходе вторжения в Ливонию русских войск.

Заметим, что позднейшие спекуляции о том, что немецкие рыцари превосходили по снаряжению и подготовке русских дружинников, «были тяжелее», или что причина всему — их превосходство (или отставание) в тактике, когда они применяли построение «свиньей», или что основа всего — систематичность и каменные крепости немцев, не выдерживает критики. Как немцы, поляки или венгры, так и русские, были в этих вопросах примерно равны. Но все они далеко отставали от монгольского войска,

⁸Это может быть и родословной легендой семьи Романовых.

⁹Что бы при этом ни затевала сторона-агрессор; тут вспоминаются планы короля Пикроколя, персонажа Франсуа Рабле.

превосходившего их всех дисциплиной и организацией, полевой тактикой, наличием полевой и осадной «артиллерии»¹⁰, позволявшей в несколько дней брать не только маленькие крепости, но и большие укрепленные города. Отдельный вопрос — как и откуда это преимущество возникло. Тут, начиная с 1209 г., следует обратиться к первым монгольским походам, а затем — к последующим завоеваниям чжурчжэньской, тангутской, китайской, хорезмской, и так далее, держав. Следует признать большую опытность монголов. Но это выходит за рамки настоящего повествования.

Доминанта и частные события. Несомненной доминантой в истории Европы 1230–1240 гг., унесшей многие тысячи жизней и приведшей к качественным изменениям в историческом процессе, был монгольский разгром. Такие мелкие происшествия, как захват Даниилом Галицким киевского престола, или то, что король Хакон IV Старый нанес поражение ярлу Скуле Бордссону, имеют весьма частное и местное значение.

Смотря на события 1230–1240 гг. глазами их современников¹¹, а не заглядывая в далекое и неизвестное им будущее, чего они сделать никак не могли, несложно понять, что опустошение русских княжеств монголами, их вторжение в Польшу, Силезию, Чехию, разгром хорватско-венгерской армии — все это события, несопоставимые по масштабу и значимости с захватом в 1241 г. маленькой деревянной крепости Копорье, которую взял и сжег князь Александр Ярославич, будущий Святой благоверный князь Александр Невский (1221–1263). Но нам будет интересно именно это происшествие, поскольку тут погиб (см. [125]) Эйлхард Левенвольде.

1.3 Копорье в Ингерманландии: «и изверже град до основания, а самих немец избиша»

В центре нынешней деревни Копорье на высокой скале можно видеть стены и башни крепости, одного из средневековых укреплений, сохранившихся на территории Ленинградской области (Ингерманландии). За 60 лет на скальном мысу были построены одна за другой 5 крепостей: деревянные замки 1240, 1241, 1279 гг., каменный замок 1280 г. и каменный город 1297 г. В 1241 г. на этом месте стоял замок Ливонского ордена.

Имеется гипотеза¹², что современное Копорье было расположено на берегу моря: тектоническая плита Балтийского щита поднимается, а Фин-

¹⁰Осадные башни, штурмовые лестницы на повозках, стрелометы, камнеметы, машины, метавшие пороховые заряды, благодаря которым в значительной степени была одержана победа в битве при Мохи, и многое другое.

¹¹К чему призывает и должна стремиться историческая наука.

¹²Хотя эта гипотеза была сформулирована давно, за время ее существования не появилось фактов, подтверждающих ее с полной достоверностью.

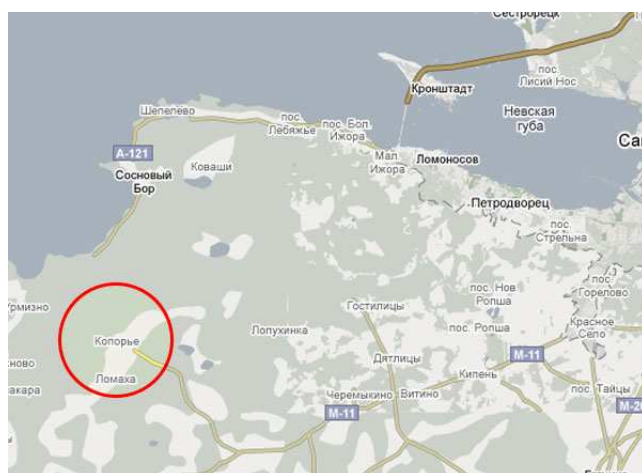

Рис. 1.3. Место расположения крепости Копорье в Ленинградской области (Ингерманландии).

ский залив отступает. Лишь за последние двести лет море отступило (см. рис. 1.3 и 1.4) на 5 км. к северо-востоку и сейчас от Копорья до берега моря 10–12 км. Обширная впадина на северо-запад, вероятно, представляла собой в старину удобную гавань¹³.

В настоящее время крепость в плане имеет (см. рис. 1.5) форму полумесяца, вытянутого с востока на запад почти на 200 м., так что протяженность крепостных стен, сложенных из местной известняковой плиты, превышает 400 м. Как и стены, четыре боевые башни цилиндрической формы почти всюду сохранили свою первоначальную высоту. Крепость — один из лучших по сохранности памятников древнерусской фортификации, к которому до недавнего времени почти не прикасалась рука реставратора¹⁴. Каменная облицовка стен из тесаной плиты почти вся осыпалась, обнажив бутовую часть кладки. Лишь в конце 19 в. часть крепости, где находятся въездные ворота, была облицована кирпичной кладкой. Но нам интересна не каменная крепость Копорье и не ее современное состояние, а стоявший на этом месте замок Ливонского ордена 1241 г.

Впервые Копорье упоминается в новгородских летописях так: зимой 1240 г. «на волость Новгородскую наидоша Литва, немци, чюдь и поима-ша по Луге вси кони и скот, и нелзе бяше орати по селам». В 1240 г. Ливонский орден построил в Копорье деревянный замок¹⁵; появление этого укрепления позволяло подвозить припасы морским путем и перекрыто

¹³ Несмотря на то, что высота Копорской скалы позволяет видеть на многие километры, моря не видно. В книгах авторов 18 в. указывается, что моряки видели копорскую крепость за 40 верст.

¹⁴ То, что происходит там сейчас — отдельный вопрос.

¹⁵ Взгляд на события 1240–1242 гг. с ливонской стороны описан в Старшей Ливонской

Рис. 1.4. Крепость Копорье.

Рис. 1.5. Крепость Копорье.

движение по рекам Плюссе и Луге. Возведением этой крепости Ливонский орден обозначал свое присутствие в западных пределах Новгородских земель. В 1241 г. новгородская рать, состоявшая из ладожан, карел и ижерян, двинулась (см. рис. 1.6 и 1.7) во главе с Александром Невским на Копорье. «И изверже град до основания, а самих немец избиша» — записал летописец о победе русских у стен замка.

Ход событий 1240–1242 гг., как он виделся с противоположной стороны, описан в Старшей Ливонской рифмованной хронике, опубликованной с переводом и комментариями в [7]. Она содержит 12017 стихов и сохранилась в двух пергаменных рукописях: рижской, которая относится к середине XIV в., и гейдельбергской, выполненной в XV в. В рижской

рифмованной хронике, опубликованной с переводом и комментариями в [7]. В разд. В.5 приводятся стихи 2065–2294 из книги [58].

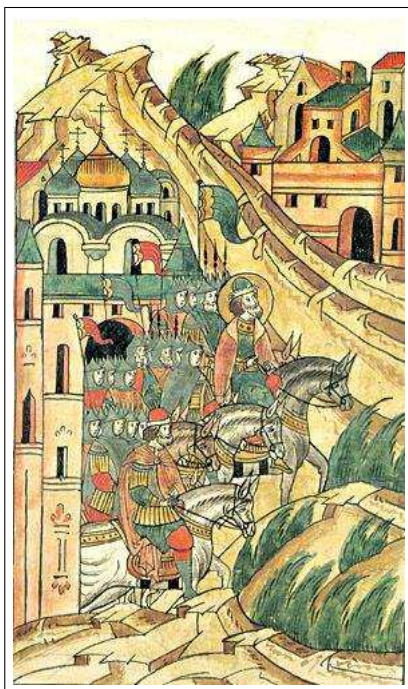

Рис. 1.6. Житие Александра Невского из Лицевого Летописного Свода (1560–1570): «Александр Невский выступает в поход на Копорье».

рукописи отсутствуют (вырваны) стихи 2561–3840, гейдельбергская же пропусков не имеет. Говоря кратко, борьба шла с переменным успехом, противоборствующие стороны были в сравнимых силах и собрать трофей в виде 9 мешков отрезанных ушей побежденных противников (только в одном сражении!) ни одной стороне никак не удалось бы. Ливонская сторона часто жаловалась, что защищать завоеванные пункты приходилось одному–двум рыцарям (которых, натурально, следует рассматривать как командиров подчиненного им отряда, а не простых воинов).

В родословной росписи [125] Эйлхард Левенвольде назван¹⁶ военачальником в войне с русскими в 1240–1242 гг.; он погиб в Ингерманландии в 1241 г. В этом году в Ингерманландии было только одно крупное столкновение русских войск с Ливонским орденом — взятие замка Копорье. Поэтому вполне разумно предположить, что Эйлхард Левенвольде командовал гарнизоном именно этой крепости.

На месте деревянного замка крестоносцев в Копорье новгородцы построили в 1241 г. небольшую деревоземляную крепость. Известно, что в 1256 г. здесь снова побывал Александр Невский, собирая новгородскую

¹⁶Нем.: «führer im Krieg gegen Rußland 1240–1242».

Рис. 1.7. Житие Александра Невского из Лицевого Летописного Свода (1560–1570): «Разрушение крепости Копорье».

рать перед походом на северное побережье Финского залива. В этом году шведский отряд во главе с Дитрихом фон Кивелем хотел построить на Нарове укрепления, но, узнав о приближении новгородского войска, отступил. Учитывая стратегическое положение Копорья, сын Александра Невского, князь Дмитрий, приглашенный новгородцами на княжение, в 1279 г. возвел тут новую деревянную крепость, заменив ее в 1280 г. каменной. «Испроси князь Дмитрий у Новгорода поставити себе город Копорию, и шед сам сруби». «Срубить» или «заложить город» значило построить деревянную или каменную крепость. Летопись довольно скупо рассказывает о появлении каменной крепости, этом важном событии в истории новгородских земель: «Князь великий Дмитрий, с посадником Михаилом и с большими мужи, ехавши обложи город камен Копорию». Это была первая каменная фортификация Северной Руси, построенная в период монгольского ига.

Археологи выяснили, что рядом с основанием каменной стены были остатки деревянного сооружения в виде истлевших бревен, частично заходивших под ее подошву. Во время пожара, следы которого были видны, сгорела не только деревянная стена, но и большие запасы зерна, хранив-

шие во внутристенных помещениях. Так, методами археологии, было установлено, что деревянную крепость уничтожил пожар.

1.4 Генрих Левенвольде, «genannt van Wrangle»

Родословная роспись [125], как и аналогичный материал в одном из ее главных источников, в Справочной книге по генеалогии эстляндского рыцарства¹⁷ (см. [115], с. 606–611), становится поколенной и строго документированной, начиная с 1440-х годов. Наш основной интерес в последующем изложении представляют события XVII–XIX вв. Поэтому из «древних времен» мы упомянем еще лишь только одно лицо. Это Генрих Левенвольде, «genannt van Wrangle», т.е. «известный как „из Врангеле“».

Он убит 5 марта 1279 г. в битве под Ашераденом. Эта битва произошла между войсками Ливонского ордена, с одной стороны, и войсками Великого княжества Литовского под командованием князя Тройдена, с другой. Орден потерпел серьезное поражение: погибли гроссмейстер ордена Эрнст фон Раценбург и предводитель рыцарей из датской Эстонии, ревельский наместник Эйларт фон Оберг. В этой битве (по некоторым источникам) был убит 71 член ордена, не считая остальных рыцарей и простых воинов. Битва под Ашераденом была вторым по масштабу поражением ордена в XIII в.

Чтобы не утомлять читателя, мы приведем всего лишь один отрывок из Ливонской хроники¹⁸ Германа Вартберга [15], в конце которого читатель встретит Генриха Врангеля:

«В 1274 г. магистром был брат Эрнст. Он построил замок Динабург; он заключил также договор с Рудольфом Унгернским; далее (заключил договор) с рижским соборным капитулом о постройке плотины в Ирбе; далее он даровал вместе с преосвященным Иоанном, архиепископом рижским, и преосвященным Германом, епископом Эзельским, некоторые льготы купцам в Ливонии (29 марта 1277). Он предпринял большой поход в страну литовцев в Кернове и литовцы, преследуя, убили его 5 марта 1279 г. вместе с 71 братом у Ашерадена¹⁹; точно также (убили) и Эйларда Обергенского, начальника ревельской

¹⁷Нем.: Genealogisches Handbuch der estländischen Ritterschaft.

¹⁸Chronicon Livoniae: Scriptores rerum Prussicarum.

¹⁹Из примечаний к «Хронике Генриха Латвийского»: Asscrade, Ascrade. Ascrad, Ascrath, в документах также Ascharad, Aschrad, в нижненемецком произношении Аскрат [Айзкраукле]; по-русски — «Скровный», «Скровен» (в договорах Ивана Грозного с Данией и Польшей 1578 и 1582 гг.) — замок на правом берегу Двины в 4 км. выше Фридрихштадта [Яунелгава], недалеко от нынешнего пастората Ашераден [Айзкраукле]. Одно из древних скандинавских поселений на Двине, судя по количеству археологических находок.

Рис. 1.8. Герб Врангелей и герб Левенвольде, родственных семей древнего происхождения, «издавна пользующихся баронским достоинством».

земли, вместе с его людьми, далее рыцарей Тизенгаузена и *Генриха Врангеля* со многими другими жителями и пилигримами. После этого место магистра замещал брат Герхард Катценельнбогенский».

Генрих Левенвольде, «genannt van Wrangle», это родившийся около 1220 г. сын Эйлхарда Левенвольде, внук Генриха ван Левенвольде, переехавшего в Ливонию примерно в 1200 г.

1.5 Левенвольде и Врангели: «одна из первых фамилий края»

Поскольку события XIII в. скрыты туманом древности, достоверно — с приложением метрик и свидетельств о рождении — о происхождении многих лиц сказать нельзя. Но их упоминания в связи с различными значимыми событиями, динамика земельной собственности и тому подобные косвенные свидетельства позволяют строить заслуживающие доверия гипотезы о лицах, живших семь столетий тому назад²⁰.

Вот что писал (см. [22]) о своем роде А.П. Врангель (1922–2005), сын²¹ «черного барона» Петра Николаевича Врангеля (1878–1928):

«Когда-то в XIII столетии некий немецкий рыцарь, покинув свои родовые владения в Нижней Саксонии (этот рыцарь мог происходить из рода *Левенвольде фон Вельцен*, чьи доспехи были такие же, как

²⁰Обычно, в качестве грубых прикидок, считается, что число поколений, сменившихся в некоторый период, равно длительности этого периода, деленное на тридцать. Итого, за семь столетий сменяется примерно 23 поколения.

²¹Борцам с «немецким засилием» сообщим, что девичья фамилия матери этого потомка балтийских рыцарей была Иваненко (звали ее Ольга Михайловна), а бабушки, матери «черного барона», Дементьева-Майкова (звали ее Мария Дмитриевна).

у Врангелей), направился на Восток, чтобы вступить в ряды Тевтонского ордена, который под предлогом обращения в христианство прибалтийских языческих племен захватывал новые земли на Востоке. Среди завоевателей выделялся датский король Вальдемар II. В его земельной переписи «*Liber Census Danie*» упоминается доминиус Эйлардус²², владелец деревни Уврангеле (*Uvranglele*). Итак, первый документ, где встречается упоминание о Врангеле, датирован 1277 годом: доминиус Генрикус де Врангель²³. Имя рыцарю дало его родовое поместье. Этот Врангель погиб в бою с литвинами в 1279 году во время войны, которую вел великий магистр Тевтонского ордена Эрнест фон Расберг. Процветание рода Врангелей пришлось на эпоху сражений и завоеваний. К концу правления Тевтонского ордена, в 1561 году, род обладал семью земельными владениями — вторым по величине феодальным уделом в Прибалтике. После того как эта территория отошла к Швеции, Врангели, согласно переписи 1681 года, являлись самым могущественным родом, который обладал тринадцатью земельными владениями, вдвое большими, чем у самых богатых фамилий».

Суть не в том, что на протяжении многих лет имелись разные научные гипотезы об основателях родов Левенвольде и Врангелей. Так, по одной версии считалось, что род Врангелей датского, а не немецкого происхождения. По этой версии родоначальником назывался некий Доминик Туку Вранге, который в 1219 г. командовал гарнизоном Ревеля. Суть в том, что сами представители этого рода считали, что их родоначальником является Генрих ван Левенвольде и его внук, Генрих Левенвольде, «*genannt van Wranglele*». Кстати, об этом говорит и сходство гербов (см. рис. 1.8), хотя доказательством оно служить не может.

В одном ни у кого не было сомнений: этот род, или роды²⁴, принадлежали к так называемой коренной аристократии, «*Uradel*». В германских и скандинавских странах под этим термином²⁵ понимаются семьи благородного происхождения, которые могут проследить предков благородного состояния не позднее, чем с 1400 г. и, возможно, происходящие от вождей времени переселения германских народов.

²²То есть, Эйлард Левенвольде, о котором говорится выше. — *Прим. В.М.*

²³То есть, Генрих Левенвольде, «*genannt van Wranglele*». — *Прим. В.М.*

²⁴Напомним: Левенвольде, Врангели и Энгдесы.

²⁵Его смысловой перевод: лица изначального или древнего благородного происхождения.

Глава 2

Герхард Иоганн Левенвольде

Документированное родословие (см. [115], с. 606–611) Левенвольде из дома Малла начинается с конца 1400-х гг., с Иоганна Левенвольде. Минувя XV и XVI вв., мы перейдем к его пра-пра-правнуку Кристофу Бернгарду, женатому на Изабелле Архарт, из семьи шотландских эмигрантов, получивших дворянство в Швеции. Сыном Кристофа Бернгарда Левенвольде и Изабеллы Архарт был Герхард Иоганн Левенвольде.

2.1 Левенвольде из дома Малла и Архарты

Кристоф Бернгард Левенвольде, владелец поместья Малла, был капитаном шведской службы. Он был женат на Изабелле Архарт, дочери полковника шведской службы Джона Архарта¹ из Кромарти.

Джон Архарт, отец Изабеллы Архарт, жены К.Б. Левенвольде, приехал в Швецию в составе подразделения шотландских наемников в 1630-х гг. В 1635 г. он — суб-капитан, а в 1636 г. — капитан в полку Юхана Шютте². В 1643 г. он служил помощником коменданта крепости Дюнамюнде³, а в 1645 г. стал майором в Лейб-гвардии королевы Кристины (под командой Магнуса Делагарди) и в мае этого же года получил от нее во временное владение три земельных участка. Условия владения были таковы: в течении всей его жизни, жизни его жены и жизни их законных потомков. В сентябре 1645 г. с 4 ротами гвардейцев (включая свою собственную роту и роту капитана Эрнста Форбса; общая численность — 379 человек) он прибыл в гарнизон Хальмстада и через два года произведен в подполковники. В июле 1648 г. он направлен с несколькими ротами

¹Urquhart. Шотландский клан с древней историей, девиз которого «Mean well, speak well and do well» переводится как «думай, говори и поступай во благо». Кромарти — город на северо-востоке Шотландии, на берегу залива Северного моря.

²Johan Skytte (1577–1645).

³Dünamünde, Neumunde, Nymünde. Даугавгривская крепость, она же Дюнамюнде или Усть-Двинск (см. [36]), занимала стратегически важное положение на полуострове между Рижским заливом и притоком Даугавы, у самого устья. Уникальность данного места заключалась в возможности контролировать все суда, следующие к расположенной выше по течению Даугавы Риге.

888	Levenwolde	609
III. Jacob II. , 1588 †, 1597, 1590 Dorpater Domherr; ∞ Maria Berner, 1588 II. 26. Wwe.		
1. Gerhard I., 1597—1603.		
2. Tönnies II., I. IV.		
3. Gajpar, 1600.		
4. Hans, 1597, 1619 †.		
5. Anna, 1619.		
IV. Tönnies II. , 1593, 1605, a. Paddas; ∞ [Anna v. Tiefenhausen, † d. Heinrich, a. Odenker, † p. 1556, u. d. Anna v. Rosen a. d. S. Pernigel († 1611)].		
1. Tönnies III., I. V. 1.		
2. Gerhard II., I. V. 2.		
3. Elisabeth; ∞ I. Anton Kanielberg, 1595 im Rlp. Smitten, 1629; ∞ II. Christoph v. Wolfframbsdorf.		
4. Anna, 1619.		
V. 1. Tönnies III. , 1619 †, a. Paddas; ∞ I. Anna v. Tiefenhausen, † d. Walter, a. Rühl († 1611), † a. 1599, u. d. Sophia v. Tiefenhausen a. d. S. Hansen († 1611); ∞ II. Margaretha v. Zweifel (∞ II. Heinrich v. Ungern, a. Rühl († 1611), † a. 1619), † d. Bernhard, a. Rühl, † a. 1626 auf dem Zuge nach Ruhl, u. d. Dorothea v. Rühl a. d. S. Rühl.		
ex II. Margarethe, 1607, Erb. a. Paddas; ∞ Hermann v. Seltinghausen, 1629 a. Bremenhof († 1640).		
V. 2. Gerhard II. (Gerl), 1596, 1616, † 1646, a. Malia u. Ruhl, 1626 a. Rugden, Imajal, Erb. a. Treiben; ∞ I. Gertrud v. Rühl, 1629, † d. Jürgen, a. Rühl († 1611), † a. 1594, u. d. Gertrud v. Zweifel; ∞ II. Anna Katharina v. Hundertmatt, gen. Spannenberg (Spartberg, Spangenberg) (∞ II. Gotthard Weiling, a. Ruhl).		
ex I. 1. Johann, † a. 1608, a. Rugden († 1611) u. Ruhl; ∞ Sophie Elisabeth v. Rühl, † d. Johann, a. Rühl († 1611), † a. 1603, u. d. Elisabeth v. Rühl a. d. S. Rühl († 1611), Stammvater der lnl. Häuler: Rugden-Rappin, siehe Teil VI.		
2. Margarethe, * 1603, † 1661 V. 31.; ∞ 1626 Heinrich v. Rühl, a. Rühl († 1611), Erb.		
3. Anna, * 1608; ∞ Gajpar v. Rühl, † a. 1649, 1630 a. Rühl († 1611), lshwed. Ob. u. Ruhl. v. Erfurt 1640—1646.		
VI. ex II. 4. Christoph Bernhard , a. Malia, 1648—1693, lshwed. Kap.; ∞ Isabella v. Rühl, † d. Johann, lshwed. Ob., aus Schweden, u. d. Isabella Kenmur-Gordon.		

Рис. 2.1. Из родословной росписи ([115], с. 609) Левенвольде из дома Мала. Матерью Изабеллы Архарт, жены Кристофа Бернгарда (п. VI), ошибочно показана Изабелла Гордон, из семьи виконтов Кенмюра.

в Хальберштадт, затем возвращается к Эльбе в ожидании дальнейших приказов. С окончанием Тридцатилетней войны, в 1648 г., он возведен в шведское дворянство. Став таким образом натурализованным шведом, в 1650 г. он был введен в Дворянское собрание⁴ и произведен в полковники лейб-гвардии королевы Кристины. В 1655 г. он был назначен комендантом города Бирзена⁵ в Ливонии и умер в следующем году.

Матерью Изабеллы Архарт, жены К.Б. Левенвольде, была Изабелла Киннимонд⁶, а вовсе не Изабелла Гордон, из семьи виконтов Кенмюра⁷, как ошибочно написано в [115] и в [125]; мы вернемся к подробному обсуждению этого вопроса в гл. 4. Как по материнской, так и по отцовской

⁴Резиденцией Дворянского собрания Швеции является историческое здание в Стокгольме, построенное в 1641–1674 гг. Часто под словом «Riddarhuset» (Дворянское собрание) понимается даже не сам государственный институт, а именно этот здание — одно из наиболее красивых дворцовых строений классицизма XVII в. в Швеции.

⁵Город Birsens, Bērzpils, 181 км. к востоку от Риги, в современной Латвии.

⁶Kinnimond, Kinninmont. Шотландский клан с документированной историей, восходящей к 1100-м гг. Его символ — покрытый листвою дуб; его девиз — «Stabo», т.е. «я буду стоять». Подробнее о представителях этого клана, в том числе в связи с авторством Арбротской декларации (см. разд. В.4), см. в [116].

⁷Уильям Гордон, 6-й виконт Кенмюр, был казнен в феврале 1716 г. как участник якобитского восстания.

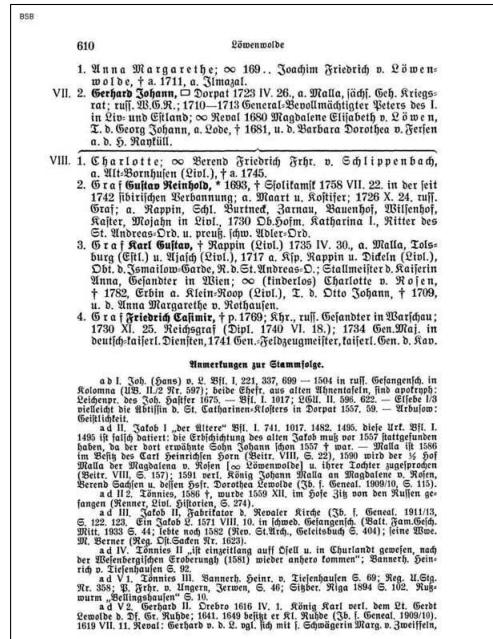

Рис. 2.2. Из родословной росписи ([115], с. 610) Левенвольде из дома Мала.

линии Изабелла Киннимонд была дочерью шотландских эмигрантов, получивших в награду за военную службу дворянство в Швеции.

Отцом Изабеллы Киннимонд, жены Джона Архарта (она же — теща К.Б. Левенвольде), был Вильям Киннимонд, в 1632 г. служивший майором в вербованном полку Эрика Ульфспарре⁸. Он произведен в подполковники в 1635 г. и в полковники в 1638 г. От брака с Изабеллой у Джона Архарта было двое детей: сын Томас и дочь Изабелла.

С большой долей уверенности можно сказать, что имя Томас было выбрано вовсе не случайно. Так, доподлинно известно, что в 1650 г. Джон Архарт подарил Томасу Архарту⁹ (1611–1660) две медные пушки с надпи-

⁸Erik Ulfsparr.

⁹Томас Архарт (1611–1660) — в то время шеф клана Архарт, роялист, эксцентричный генеалог, писатель, переводчик, языковой экспериментатор, создатель одного из вариантов универсального языка. Он наиболее известен своими переводами на английский язык (со значительными дополнениями текста автора переводчиком) произведений французского писателя эпохи Возрождения Франсуа Рабле. В 1648 г. он участвовал в роялистском восстании, а через два года после этого на стороне Карла II сражался в битве при Вустере; армия Карла II была разгромлена и вся территория Шотландии была оккупирована английскими войсками. Сам Т. Архарт был взят в плен, потерял все свои рукописи и был лишен собственности. Он содержался в Тауэре, а затем в Виндзорском замке, но ему разрешили работать и он написал в заключении многие свои произведения. Затем он был отпущен и уехал на континент. О дате его смерти, согласо-

сями на них, которые были отправлены в Шотландию из Стокгольма. По тогдашним временам это был очень дорогой и нужный подарок: в 1650 г. Оливер Кромвель (1599–1658) захватывает земли в Манстере и Ленстере, 26 мая покидает Ирландию и вторгается с армией в Шотландию. После длительных маршей и контрмаршей Кромвель вынудил шотландцев вступить в сражение и 3 сентября 1650 г. одержал полную победу над превышавшей его силы шотландской армией Дэвида Лесли при Данбаре. Это позволило Кромвелю перейти к систематическому завоеванию Шотландии. Уже 24 декабря 1650 г. англичане захватили Эдинбург и оккупировали всю юго-восточную часть страны. Хотя в Шотландии не было массовых убийств и конфискаций земель, как это было в Ирландии¹⁰, но и здесь Кромвелем был установлен жесткий оккупационный режим.

2.2 Тайный советник барон Левенвольд

У Кристофа Бернгарда Левенвольде и его жены Изабеллы Архарт были дочь и сын,

- Анна Маргарита, замужем за Иоахимом Фридрихом Левенвольде из дома Лугден,
- Герхард Иоганн Левенвольде.

Историограф, естествоиспытатель и путешественник, действительный член Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге Г.Ф. Миллер (1705–1783) в книге «О происхождении и о службах предков Шереметевых, особливо же о славных делах фельдмаршала графа Бориса Петровича и о потомках его» писал (см. [62], с. 290):

«не можно сомневаться, чтоб множество дел, при новом правлении ежедневно встречающихся, Фельдмаршала не отягощало. Некоторое ему облегчение чинилось присылкою от Государя для управления гражданских, а особливо до Шляхетства касающихся дел, того же Тайнаго Советника Барона Левенвольдаⁱⁱⁱ, о котором выше сказано,

но легенде, известно следующее: узнав о том, что Карл II взойшел на престол Англии и Шотландии, что случилось в 1660 г., после ужасов революции, гражданской войны и правления Оливера Кромвеля, сопровождавшегося потоками крови, Томас Архарт умер от взрыва смеха, то ли радостного, то ли саркастического.

¹⁰Согласно принятому парламентом в 1652 г. «Акту об обустройстве Ирландии», значительная часть земель местных собственников была конфискована и роздана английским офицерам и солдатам.

ⁱⁱⁱОн после был Обер-Гофмейстером при дворе Волфенбительской Принцессы Супруги Государя Царевича Алексея Петровича. Из трех его сыновей первой был на последок Обер-Шталмейстером, второй Камергером и Посланником при Венском дворе, третий Обер-Гофмаршалом — *Прим. Г.Ф. Миллера.*

что и в делах до завоевания Лифляндии касающихся великое имел участие. Сие так разуместь должно, что Левенвольд, яко природной и к Российской пользе усердной, да при том по фамилии знатной и обо всем сведущей Лифляндец, как сам первый из своих братьев присягал Петру Великому в подданнической верности, так и представлениями и советами своими много к тому способствовал, что все Лифляндское Шляхетство без малейшего сопротивления и понуждения победителю, или паче сказать свободителю своему повиновалось. По сим его услугам находился он и в великой милости у Петра Великого; потому и нетрудно было ему исходатайствовать своему отечеству такая неоцененная привилегия. Государь его отправил Октября 17 дня из Санктпетербурга с указом, чтоб Фельдмаршал ему показал вспоможение, и придал бы ему в товарищи два человека Офицеров, по Немецки или по Латински умеющих^{iv}».

Тайный Советник Барон Левенвольд, о котором пишет академик Г.Ф. Миллер — это Герхард Иоганн Левенвольде, сын Кристофа Бернгарда Левенвольде и Изабеллы Архарт.

Через несколько десятков лет после Г.Ф. Миллера, планируя написать исторический труд о времени Петра I, А.С. Пушкин работал с подлинными архивными документами и делал выписки¹¹, опубликованные¹² под названием «История Петра I. Подготовительные тексты» [81]. Напомним три места из [81], первые два из которых касаются присоединения Прибалтики к России в 1710 г., а третье — дела царевича Алексея Петровича, закончившегося его гибелью в 1718 г.

В выписках А.С. Пушкина, относящихся к 1710 г., говорится:

- 30 сент.<ября> Петр подтвердил капитуляцию в П.Б.¹³ двумя дипломами — по ходатайству барона *Левенвольда*. Шведск.<ая> редукция была уничтожена, — и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян.
- 17 сент.<ября> ...Петр послал в Ригу тайн.<ого> советника *Левенвольда* для учреждения гражданского порядка в Лифляндии, придав ему в помощь Зыбина и еще офицера, знавшего по нем.<ецки> и по латине. Сам Петр занялся исправлением крепостей и гаваней, вызовом иноземцев на заселение мест, опустошенных язвою etc. Он составил 15 000-й корпус лифл.<яндский> из природн.<ых> тамошних дворян.
- 22 декабря ... В Лифл.<яндии> учреждена была комиссия. Наказ, *Левенвольду* данный (11 пункт.<ов>) (см. ч. III-269).

^{iv}Письма № 86. — Прим. Г.Ф. Миллера.

¹¹Поэтому эти выписки могут рассматриваться как первичный источник.

¹²Подготовительный текст А.С. Пушкина, в котором представлена хронология событий времени правления Петра I, был утерян и найден в 1917 г. Начало рукописи и некоторые ее отрывки публиковались в 1855–1857 гг. и в 1880 г. Полностью текст был опубликован в 1950 г. в Вестнике Академии наук СССР.

¹³В С.-Петербурге. — Прим. В.М.

В выписках А.С. Пушкина, относящихся к 1712 г., говорится:

- 21 <июня> Петр предписывает адмиралу в рижских делах, относящихся *к уезду и дворянству*, относиться к *Левенвольду*, к<а>сательно торговли к Исаеву, а гарнизона — к Полонскому etc.
- 2-го дек.<абря> Датский король соединился с сакс.<онским> войском; Петр его благодарил, а сам заслони́л Штейнбоку все пути в Польшу. Тут получил он известие, что Штейнбок обратился к Шверину с намерением напасть на датск.<ие> и сакс.<онские> войска. Петр дал знать д.<атскому> королю, чтоб он дождался его, чтоб дать сражение, 8 декабря выступил в поход и с пути 3 курьеров: Нарышкина, Монса и *Левенвольда* послал одного за другим к д.<атскому> кор.<ол>ю — с подтверждением своего совета.

В выписках А.С. Пушкина, относящихся к 1718 г., о царевиче Алексее, среди прочего, говорится:

- ... женил его на принцессе Вольфенбит.<ельской> (смотри Moreau de Brasey). Она, кажется, изменила мужу с молодым *Левенвольдом*. Царевич ее разлюбил и взял себе в наложницы чухонку (см. Брюса; описание царевича и Кокса).

Понятно, что «для учреждения гражданского порядка в Лифляндии» и для посылки в качестве курьера вряд ли назначался бы один и тот же человек. Что касается подозрения в амурных делах, то здесь явно сказано: *с молодым Левенвольдом*. Поэтому несложно предположить, что А.С. Пушкиным упомянуто несколько разных людей с одной и той же фамилией¹⁴.

Кем были Левенвольде, упомянутые А.С. Пушкиным и как они соотносятся с тайным советником бароном Левенвольдом, о котором писал Г.Ф. Миллер? Ответ на этот вопрос совсем не прост. Еще сложнее разобратся, какими людьми они были и почему Петр I, как мы видим, давал им многие весьма ответственные поручения.

Вряд ли здесь поможет обращение к трудам позднейших историков, которые, вместо того, чтобы внести в этот вопрос ясность, либо еще более его запутали, либо вообще отказались от его решения. Так, известный историк 19-го века М.Д. Хмыров (1830–1872) пишет:

- ... замечательно, что де Лириа, Манштейн и князь Шаховской, лично и близко знавшие графа Левенвольде, дают о нем в записках своих отзывы совершенно противоречащие один другому,

¹⁴Эта фамилия, Löwenwolde, известна в русских источниках как Левенвольде, Лёвенвольде, Левенвольд, Левольд (не путать с Левальдом [Lehwaldt, Lehwald, Lewald], прусским военачальником, в Семилетнюю войну давшему сражение войскам Апраксина при Гросс-Егерсдорфе).

Таблица 2.1. Г.И. Левенвольде, его три сына и дочь

отец: Герхард Иоганн Левенвольде ∞ 1680 Магдалена Элизабет Лёвен	?–26. 4. 1723 [♠ июнь 1696, ♠ 1702]
старший сын: Карл Густав Левенвольде ∞ 1722 Шарлотта Розен	не ранее 1680–30. 4. 1735
средний сын: Фридрих Казимир Левенвольде	1692–8. 4. 1769
младший сын: Густав Рейнгольд Левенвольде	1693–22. 7. 1758 [♠ январь 1742]
дочь: Елена Кристина (по др. ист. Шарлотта) Левенвольде ∞ 1722 Беренд Фридрих Шлиппенбах (1695–1737)	род. позже 1693; ск. не раньше 1745

и далее:

- ...испанский посол дюк де Лириа, знавший Левенвольда по дворцу, свидетельствует, что он был лжив, а Нацокин, офицер измайловского полка, говорит в своих записках, что такой человек, как онный граф Левенвольд, с справедливыми поступками и zelo с великим постоянством, с смелостью, с столь великими добродетелями, редко рожден быть может.

Это — выдержки из примечаний (всего примечаний 109) № 3 и № 4, которыми М.Д. Хмыров сопровождал осуществленную им в 1861 г. публикацию [9] перевода с французского языка отчета, озаглавленного «Обстоятельства, подготовившие опалу Эрнста-Иоанна Бирона» и представленного самим Э.-И. Бироном царице Елизавете Петровне, вернувшей его из ссылки вскоре после переворота, приведшего ее на российский трон. Для удобства читателя мы приводим этот перевод в разд. А.7.

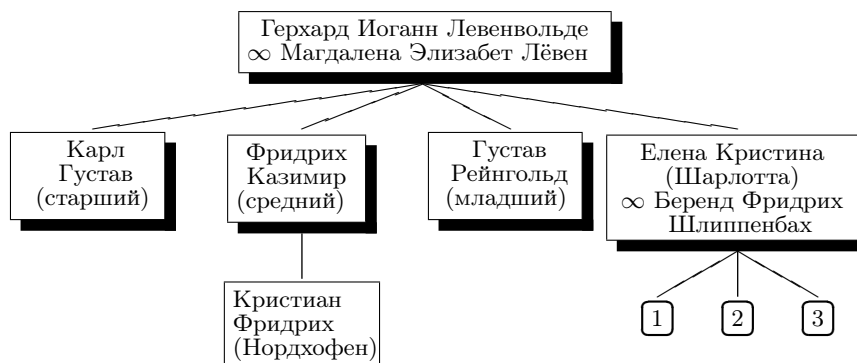
Занятно, что М.Д. Хмыров в своем примечании № 3 ошибается даже в имени того самого Левенвольде, о котором пишет свое примечание. Он говорит: «граф Карл Рейнгольд Левенвольд...»; как мы увидим, здесь М.Д. Хмыровым соединены в едином лице граф Карл Густав Левенвольде и граф Густав Рейнгольд Левенвольде.

Герхард Иоганн Левенвольде, его жена, три сына и дочь. Перейдем к решению поставленного выше вопроса. В табл. 2.1 описана семья Г.И. Левенвольде. Смертные приговоры, вынесенные шведскими королями¹⁵ Карлом XI и Карлом XII и русской императрицей Елизаветой

¹⁵Говоря точнее, шведскими судебными органами. Их независимость от короля была весьма условной. Поэтому мы будем говорить «приговорен Карлом XI» и «приговорен Карлом XII».

Петровной, обозначены через [♠ июнь 1696], [♠ 1702] и [♠ январь 1742]. Значок ∞ обозначает супружество.

Для удобства читателя приведем также следующую диаграмму:

Здесь номерами обозначены дочери Беренда Фридриха Шлиппенбаха и Елены Кристины (по др. ист. Шарлотты) Левенвольде:

- 1 Елена Шарлотта; род. 8. 9. 1723 в Бокенхофе, ск. 1. 11. 1765 в Ревеле; ∞ ок. 23. 6. 1741 Эберхард Густав Мантейфель (1715–1778),
- 2 Анна Фредерика; род. 22. 2. 1725 в Бокенхофе, ск. 23. 6. 1779 в Оллуствере; ∞ 1742 Карл Густав Ферзен (1717–1790),
- 3 Сири Шарлотта; род. 20. 4. 1726 в Бокенхофе, ск. 27. 2. 1775 в Альт-Борнхузене; ∞ Отто Иоганн Шлиппенбах (1719–1808).

С ними мы снова встретимся в гл. 8. Кристиан Фридрих Нордхофен — внебрачный сын Фридриха Казимира Левенвольде (см. гл. 5), для которого 8 апреля 1769 г. от императора Иосифа II было получено разрешение на усыновление с передачей графского титула. Карл Густав Левенвольде (см. гл. 3) был бездетен, а Густав Рейнгольд Левенвольде (см. гл. 6) детей имел, но фамилия их волей обстоятельств была другой.

Иногда по незнанию или по недоразумению утверждают, что Лёвен (Löwen), фамилия жены Г.И. Левенвольде, — это «сокращение от Левенвольде (Löwenwolde)». Это неверно: фамилия Лёвен вполне самостоятельна, имеет собственную славную родовую историю и собственный герб.

Как Г.И. Левенвольде стал советником Петра I. В 1686 г. Герхард Иоганн Левенвольде был капитаном шведской службы в Риге. Генерал-губернатор Лифляндии Якоб Юхан Гастфер¹⁶ послал его в качестве своего личного представителя в Митаву, к герцогу Курляндскому, для участия в крещении дочери герцога, Элеоноры Шарлотты, названной в честь

¹⁶Jacob Johan Hastfer (1647–1695), граф, между 1687 г. и 1695 г. в чине фельдмаршала был генерал-губернатором Лифляндии. Понимая болезненность редукций для потомков немецких рыцарей, большинство из которых было на шведской службе, старался в меру возможностей избегать открытых притеснений, но, как представитель шведской монархии, проводил в жизнь решения короля. И.Р. Паткуль говорит о нем

королевы¹⁷ Швеции. Это было почетное поручение, поскольку, выполняя его, Г.И. Левенвольде фактически выполнял функции представителя шведского короля Карла XI.

В биографии, помещенной в Справочной книге по генеалогии эстляндского рыцарства (см. [115], с. 606–607), сообщается следующее. В марте 1688 г. Г.И. Левенвольде по рекомендации Я.Ю. Гастфера был произведен в майоры. В этой рекомендации Я.Ю. Гастфер пишет, что Г.И. Левенвольде отличается образцовым внешним видом и примерным поведением. Г.И. Левенвольде, будучи майором, служил в том же полку, что и И.Р. Паткуль. Они подружились. Кроме того, они были родственниками.

Воспользовавшись родословными росписями [115] и [125], нетрудно назвать семьи, находившиеся в тесном родстве с семьей Левенвольде. Нас будет интересовать семья Паткуль. Мы видим, что Кристоф Бернгард Левенвольде, отец Герхарда Иоганна Левенвольде, — это сын Герхарда Левенвольде (ск. 1646) во втором браке. В первом же браке Герхард Левенвольде был женат на Гертруде Паткуль и в этом браке был рожден Иоганн Левенвольде (дом Лугден). Таким образом, Иоганн Левенвольде (дом Лугден), сын Гертруды Паткуль, — старший брат Кристофа Бернгарда Левенвольде (дом Малла). Это сыновья одного и того же отца, но от разных матерей.

Когда в 1694 г. искали бумаги арестованного¹⁸ И.Р. Паткуля, Г.И. Левенвольде — по слухам — успел их уничтожить. Это привело к его преследованию. Он был арестован 16 мая 1696 г. и 6 июня 1696 г. доставлен в Стокгольм. Уже 8 июня 1696 г. его приговорили к смертной казни, но король Карл XI его помиловал. После отъезда из Стокгольма Г.И. Левенвольде переехал в Курляндию и вскоре поступил на службу к Августу Саксонскому, в 1697 г. ставшему польским королем Августом II. В 1699 г. Г.И. Левенвольде упоминается как гофмаршал двора Августа II.

В 1700 г. Г.И. Левенвольде — полковник польско-саксонских войск, в 1702 г. включен в состав польско-саксонского Военного совета¹⁹. В феврале 1700 г. он находится в саксонском лагере близ Риги, в сентябре 1701 г. — в свите герцога курляндского Фердинанда²⁰ (1655–1737) в Данциге.

(см. разд. 2.3) перед казнью: «да простит Господь Гастферу. Он много содействовал к моему несчастью. Сначала он заманил меня, потом совсем ослепил, потом сделался моим врагом и стал меня преследовать».

¹⁷ Королева Швеции, жена Карла XI, звалась Ульрика Элеонора.

¹⁸ В 1689 г., после проведения редукций, т.е., массовой конфискаций земельной собственности на весьма спорных с точки зрения понятия о справедливости основаниях, И.Р. Паткуль возглавлял депутацию, приехавшую в Стокгольм к Карлу XI просить об их отмене. В 1692 г. И.Р. Паткуль снова подает королю жалобу от имени ливонского дворянства с угрозами (как это увидели) в адрес шведского правительства. За это в 1693 г. он обвиняется в подстрекательстве к бунту. В 1694 г. он был вызван в Стокгольм и обвинен в государственной измене. Шведский суд приговорил его к отсечению сначала правой руки, а потом головы.

¹⁹ GehKriegsrat. Мы увидим ниже, что Г.И. Левенвольде страдал от жестокой подагры. Поэтому вряд ли военное дело было его сильной стороной.

²⁰ Когда в 1700 г. началась Великая Северная война, Фердинанд принимал участие в

Рис. 2.3. Изданный И.Ф. Гледичем (нем.: J.F. Gleditsch) в 1747 г. Генеалигический и исторический справочник дворянства Св. Римской империи.

Он не выполнил приказ вернуться в Швецию²¹ и его владения были арестованы; в 1702 г. он был снова — заочно — приговорен судом в Стокгольме к смертной казни.

После Полтавской битвы, в 1710 г., Г.И. Левенвольде становится «пленнотенциариумом» (полномочным представителем) Петра I в Лифляндии и Эстляндии. Его влияние там было безгранично до 1712 г. и почти безгранично до 1713 г. Он осуществил административную реорганизацию балтийских провинций, занимался вопросами восстановления экономики и государственных доходов, с 1711 г. по поручению Петра I восстанавливал школы и способствовал учреждению почтовых станций. Он способствовал возвращению ливонскому дворянству имений, отнятых в результате редукций шведским правительством, а также сохранению за этим дворянством его старинных привилегий. Двумя дипломами (см. выше, с. 19)

боях со шведами, а после поражения польских войск в битве на Двине бежал в Данциг, где и оставался до конца жизни. Курляндия была оккупирована шведскими войсками и созданный шведами ландтаг отказался считать Фердинанда герцогом. Когда в 1711 г. умер Фридрих Вильгельм, недавно женившийся на русской царевне Анне, Фердинанд остался последним живым мужчиной из династии Кетлеров, но вернуться в Курляндию не захотел.

²¹Вспомним ответ Николая I в аналогичном случае. На вопрос, следует ли возвращаться, он ответил: «как Государь, требую немедленного возвращения; как частное лицо, не рекомендую». Даже если этот ответ — исторический анекдот, то суть проблемы передана верно.

Рис. 2.4. Мориц Вильгельм (1688–1731), 4-й герцог Саксен–Мерзебургский (с 1694 г.).

от 30 сентября 1710 г. Петр I подтвердил ливонскому дворянству его права и привилегии.

Как Г.И. Левенвольде избежал судьбы И.Р. Паткуля. Известно, что Петр I дважды дарил одну и ту же шпагу своему союзнику Августу II: первый раз в 1698 г., до Полтавы, а второй раз — в 1709 г., после Полтавы. Этот символический жест связан с тем, что в 1706 г. низложенный Август II передал подаренную Петром I шпагу Карлу XII, а тот под Полтавой ее потерял. В этом свете остановимся на выдаче Августом II Карлу XII петровского посла И.Р. Паткуля, после чего последовала его мученическая казнь колесованием, о чем подробно говорится ниже, в разд. 2.3. Но начнем мы с упомянутого выше приказа Г.И. Левенвольде вернуться в Швецию. Вот какие подробности сообщаются в [110], с. 649–652.

У в то время малолетнего²² Морица Вильгельма Саксен–Мерзебургского (см. рис. 2.4) был опекун: Август II. Еще у него был представитель при Августе II, имени которого мы не знаем. Г.И. Левенвольде сильно страдал от подагры. В 1706 г., как раз в тот год, когда Август II вручил шпагу Карлу XII, к этому представителю подошел Г.И. Левенвольде выразить свое почтение и проводил его до кареты. Затем они вместе в эту карету сели и приехали в Мерзебург. Когда Август II, как опекун, был проинформирован об таком самоуправстве, он высказал высочайшее недовольство. Представителя пришлось арестовать, и он, как говорят, умер в

²²В 1706 г. ему было 12 лет.

1709 г., а самого Морица Вильгельма Саксен–Мерзебургского перевезли в Дрезден, где он затем и находился некоторое время.

Был ли это побег с ведома и благословения Августа II, или без его ведома — нам не известно. Другими словами, была ли это инсценировка побега для спасения Г.И. Левенвольде от выдачи Карлу XII, или же это был реальный побег от Августа II, который спас Г.И. Левенвольде от выдачи шведам, мы не знаем. Скажем только, что имени Г.И. Левенвольде не было отдельной строкой в Альтранштадтском мирном договоре 1706 г., а фамилия И.Р. Паткуля там была.

В оставшейся части этой главы мы остановимся на следующем. В разд. 2.3 мы расскажем, кем был и как умер И.Р. Паткуль. В разд. 2.4 мы сообщим ряд сведений о том, как Г.И. Левенвольде выполнял роль полномочного представителя Петра I.

В разд. 2.5 мы расскажем, как Г.И. Левенвольде выполнял роль обер-гофмейстера двора принцессы Шарлотты Софии²³, жены царевича Алексея Петровича, матери Петра II (1715–1730) и его старшей сестры Натальи (1714–1728). Хотя брак наследника русского престола был заключен 13 октября 1711 г. в Торгау, Шарлотта София едет в Россию по настоятельной просьбе Петра I только в начале апреля 1713 г. В дороге ее сопровождает Г.И. Левенвольде, ставший обер-гофмейстером ее двора.

В связи с этой должностью известен один громкий случай неудачного шпионажа и вмешательства во внутренние дела России со стороны агентов Франции, который мы разберем в разд. 2.6. Читателю, вероятно, известен перевод отрывка [82] из «Записок Моро де Бразе», относящейся к неудачному Прутскому походу Петра I, который сделал А.С. Пушкин. Это — перевод лишь малой части этих записок. Мы заглянем в этот источник глубже; из того, что не стал переводить А.С. Пушкин, постараемся понять, как именно Моро де Бразе «впадает в грубые погрешности не только против благопристойности, но и против исторической правды».

2.3 Иоганн Рейнгольд Паткуль: редукции и колесование

Что такое «редукции». Вопрос о редукциях хорошо изучен историками. Мы, в пояснении того, что же это такое, приведем отрывок из [107].

«Польские магнаты мечтали о возвращении Речи Посполитой Лифляндии, отошедшей к Швеции по Оливскому миру 1660 г. Кстати, и в самой Лифляндии среди дворянства были сильны сепаратистские

²³Шарлотта Кристина София Брауншвейг–Вольфенбюттельская (нем.: Charlotte Christine Sophie von Braunschweig–Wolfenbüttele; 29 августа 1694–21 октября (1 ноября) 1715).

Рис. 2.5. Иоганн Рейнгольд Паткуль (1660–1707) — лифляндский дворянин, российский посланник и генерал. В 1689–1694 гг. возглавил движение за отмену редукиции.

Рис. 2.6. «Письма несчастного графа Ивана Рейнгольда Паткуля», Изд. 1806 г. Титульный лист и фронтиспис книги.

настроения. Дело в том, что король Карл XI продолжил политику своих предшественников, ограничивавших роль аристократии. Карл XI ввел редукицию имений — проверку документов на право владения землей и возвращение в казну казенных земель, ранее захваченных как аристократией, так и дворянством. Редукиция распространилась и на Лифляндию, где ко времени ее проведения существовали две категории землевладельцев: рыцари, столетиями владевшие имениями, и шведское дворянство, получившее земли после присоединения Лифляндии к Швеции.

Несмотря на различия во времени приобретения имений, обе категории землевладельцев находились примерно в равном положении по наличию у них документов на ... право собственности. Шведские

бароны и графы не имели оправдательных документов потому, что овладели имениями незаконно; подавляющее большинство рыцарей не могли предъявить документов, так как за многовековую давность утратили их. Редукция сначала распространилась на шведских землевладельцев, но затем охватила и рыцарей, вызвав их острое недовольство. Жалобы рыцарей, отправленные ими депутацией в Стокгольм, остались без последствий.

Вскоре из пяти тысяч имений у лифляндского дворянства осталась лишь тысяча. В 1697 г. Карл XI умер, но его сын Карл XII продолжал политику редукций. Главой недовольных лифляндских дворян стал капитан Иоганн Рейнгольд фон Паткуль. Даровитый, энергичный, неразборчивый в средствах, пылкий до бешенства, мстительный, жестокий, Паткуль в Лифляндии и Стокгольме говорил громче всех и лучше всех против обид и притеснений, волновал рыцарство, призывал его объединяться для отпора беде, писал от имени рыцарства просьбы к королю. В 1694 г. Паткуль был вызван в Стокгольм и обвинен в государственной измене. Увидев, что дело кончится для него плохо, Паткуль бежал в Курляндию, а в Стокгольме его заочно приговорили к смертной казни. Из Курляндии Паткуль бежал в Брандербург, оттуда в Швейцарию, во Францию и Италию. В 1698 г. Паткуль приехал в Варшаву, где нашел гостеприимство при дворе Августа II.

В двух мемориалах, поданных Августу II в июне 1698 г. и в апреле 1699 г., Паткуль развивал планы организации союза для борьбы со Швецией. Он писал: «Легче и выгодней склонить к тому два кабинета — московский и датский, равно готовые исторгнуть у Швеции силою оружия то, что она отняла у них при прежних благоприятных обстоятельствах и чем до сих пор незаконно владеет». В своих мемориалах Паткуль отводил России роль пушечного мяса и заранее предполагал ограничить ее территориальные приобретения.

«Надобно опасаться, — писал Паткуль, — чтоб этот могущественный союзник не выхватил у нас из-под носа жаркое, которое мы воткнем на вертел; надобно ему доказать историей и географией, что он должен ограничиться одной Ингерманландией и Карелией. Надобно договориться с царем, чтоб он не шел дальше Наровы и Пейпуса; если он захватит Нарву, то ему легко будет потом овладеть Эстляндией и Лифляндией. Надобно также уговориться с царем, чтоб при завоевании Ингерманландии и Карелии, московитяне не придавались своей обычной жестокости, не били, не жгли и не грабили. Надобно выговорить у царя деньги и войско, особенно пехоту, которая очень способна работать на траншеях под неприятельскими выстрелами». По мнению Паткуля, объектом нападения Августа II должна была стать Рига, «которая по своему положению, слабому укреплению и малолюдному гарнизону более всякой другой крепости подвержена

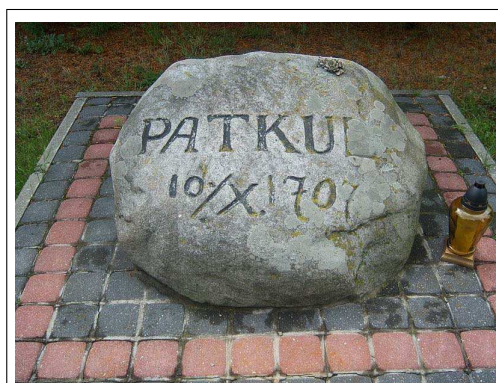

Рис. 2.7. Памятник на месте казни Иоганна Рейнгольда Паткуля.

опасности нечаянного нападения». Здесь Паткуль выступает уже не как прожектор, а как военный специалист, служивший капитаном в одном из полков рижского гарнизона и поэтому осведомленный об укреплениях Риги и боеспособности ее гарнизона. Главным условием успешной операции против Риги Паткуль считал подготовку ее в глубокой тайне и нападение врасплох.

Чтобы усыпить бдительность Швеции, Август II снарядил в Стокгольм сенатора Галецкого с заверениями в дружбе. Одновременно он в конце июля 1699 г. поручил Тайному совету рассмотреть предложения Паткуля и выработать конкретные меры по их реализации. Совет постановил отправить в Москву генерал-майора Карловича для заключения наступательного союза против Швеции, с тем, чтобы царь в конце 1699 г. вторгся в Ижорскую землю и Карелию. Вместе с Карловичем Тайный совет решил отправить в Москву сведущего в военном деле лифляндца. Таковым, разумеется, оказался Паткуль, поехавший в Россию под именем Киндлера.

16 сентября 1699 г. генерал Карлович вместе с Паткулем прибыл в Москву в качестве неофициального посланника и доверенного лица Августа II, а 5 октября 1699 г. подал царю мемориал, в котором подчеркивались торговые преимущества России от торговли с Западом и Востоком после ее утверждения на побережье Балтийского моря. Самым благоприятным временем нападения на Швецию Карлович считал декабрь 1699 г.

Затем, в 1700 г., началась Великая Северная война между союзниками, Данией, Польшей и Россией, и Швецией.

Весной 1702 г. Паткуль побывал в Москве, где был принят в русскую службу в чине тайного советника.

Война шла неудачно для союзников: сперва сокрушительное поражение потерпела Дания, а потом и Август II запросил у Карла XII сепаратного мира. Через своих доверенных лиц, барона д'Эмгофа и советника

Фингстена, Август II вступил в тайные переговоры с шведским королем. Карл XII принял посланцев Августа II и продиктовал им условия победителя. Они получили от него следующий письменный ответ:

«Я соглашусь заключить мир на следующих условиях, причем нечего ожидать, чтобы я согласился на какие-либо изменения:

1. Король Август навсегда отказывается от польской короны: он признает Станислава Лещинского законным королем и обещает никогда не думать о возвращении на престол, даже после смерти Станислава.
2. Он отказывается от всех других договоров и, главное, от договоров, заключенных с Москвией.
3. Он отправляет с почестями в мой лагерь князей Собоеских и всех, взятых им в плен.
4. Он передает мне всех дезертиров, перешедших к нему на службу, и особенно Иоганна Паткуля, и прекращает всякие преследования против тех, кто от него перешел ко мне».

20 октября 1706 г. в Альтранштадте договор был подписан. В октябре 1707 г. по приказу Карла XII И.Р. Паткуль был колесован.

Что такое «колесование». Казнь колесованием известна с древних времен. Согласно преданию, так был казнен в Риме св. Георгий.

Существовало несколько вариантов этой казни. Осужденному, раздетому догола и привязанному к вбитым в землю кольям, под суставы и таз подкладывались брусья и железным ломом в двух местах ломали каждую конечность и позвоночник. Затем его привязывали к колесу по ободу так, чтобы голова соприкасалась с пятками, и оставляли умирать. Иногда осужденного привязывали на колесе плашмя и только после этого ломали кости. В результате такой процедуры он становился похож на бесформенную куклу, месиво из мяса и костей. Затем колесо крепилось к шесту так, чтобы осужденный был лицом вверх. Он умирал долгой (до 5 дней) и мучительной смертью от боли, обезвоживания и хищных птиц, которые клевали искалеченное тело.

Петр I о казни И.Р. Паткуля. Выдача Паткуля была оскорблением²⁴ Петра I, поскольку Паткуль был представителем царя при саксонском дворе. Степень возмущения Петра I можно видеть из «Истории Свейской войны» (см. [30], т. 2, с. 399), которая редактировалась лично им:

«А 1707-го году марта 19 числа Лит из Берлина писал, что Паткуль еще 14-го числа того ж марта шведам еще не выдан был, но выдан 6-го апреля в ночи таким обстоятельством, что в железах на руках и ногах,

²⁴Намного большим, чем упомянутая выше передача Августом II подаренной Петром I шпаги Карлу XII.

Рис. 2.8. Колесование.

Рис. 2.9. Орудие казни. Колесо похоже на обычное колесо от телеги, только бóльших размеров и с бóльшим количеством спиц. Металлические пластины сделаны для ломания костей.

в одном плафрое верхом отвезен от шведов, и что король Август недавно Штатам Галанским отписал, что он Паткуля, *яко царского министра*²⁵, шведам выдать не может.

1707 году 4 марта Лит из Берлина писал²⁶, что генералу П. Пайкилю²⁷ 14-го февраля того ж году в Штокгольме чрез палача голову отсекли.

Паткуля заключенного шведы с собою вывезли из Саксонии 1707 сентября в первых числах, а октября в 10 день, не смотря не [на]

²⁵Паткуль был послом («министр» — это именно посол) Петра I в союзной державе, у короля Августа II. — *Прим. В.М.*

²⁶На полях написано: Лит о сем писал в реляции от 12-го апреля.

²⁷Этих двух людей, П. Пайкиля и И.Р.Паткуля часто путают — по созвучию фамилий и по сходной кончине. Весьма часто ошибаются в подписях к портретам. — *Прим. В.М.*

какие предстательства других государей, близь местечка Казимира в Великой Полше колесован и четвертован, где еще особливо примету достойно, что тот офицер, которой ему еще отчасть живому после колесования голову отрубить допустил, от короля швецкого чину лишен, ибо король повелел голову у него скорее не отрубить, пока не замучился до смерти. *Кн. 19. Л. 333–334 об.*»

Читатель, желающий бо́льших подробностей о казни И.Р. Паткуля и об отношении к этому Петра I, может ознакомиться с приведенным ниже более обширным отрывком из «Истории Свейской войны» [30]. Затем мы приведем воспоминания капеллана Гиельмского полка Лаврентия Гагена, исповедовавшего Паткуля перед казнью. Перевод этих воспоминаний был опубликован И.С. Тургеневым. Читатель, не интересующийся этими довольно-таки жестокими подробностями, может сразу перейти к разд. 2.4.

«История Свейской войны» [30], т. 2, с. 398–399. Приведем прямую цитату из книги [30]. Повторим, что это — не беллетристика и не труд позднейших историков, а *первичный* источник, авторство которого в известном смысле принадлежит Петру I.

«Сей Паткуль, [именем Яган Ревенголт]²⁸, был природной лифлянец и в 1695-м году, когда во Швеции короля Каролуса 11-го, отца Каролуса 12-го, Статы государственные укрепили в позволенном ему в 1682-м году самодержавстве, и, как [был капитаном]²⁹, к лифлянскому шляхетству, [которое королю не очень послушно было]³⁰, послан был некоторой указ. То они, выбрав депутатов, между которыми был и помянутой капитан Паткуль, и послали в Стокгольм к королю, дабы они требовали, чтоб редуцированные маестности возвращены были. И при приезде своем в Стокгольм Паткуль восприял дерзновение при аудиенции смелые и угрожительные речи королю говорить, отчего король на него осердился, однако ж при аудиенции ему промолчал и обнадеживал лифлянцев, что по нескольких днях резолюцию получат. После того король имел совет с своими сенаторми, каким бы образом с тем лифлянцем против ево дерзости и смелых поступок поступить. Но мнения сенаторския разны были, некоторые хотели, чтоб король оного Паткуля, яко мужественного и зело ученого человека, у себя оставил и приумножил бы ево королевскою милостию и учинил бы ево министром, чрез что б он был в службе королевской и тогда б тщился он лифлянцев успокоить. А иные говорили, чтоб ево за дерзость за арест взять и казнить. И последнее королю зело приятно показалось, приказал ево взять за арест. Но он, Паткуль, уведомясь о сем от приятелей своих, ушел и скрылся. И потом учинился процес и причли

²⁸Написано над строкой.

²⁹Написано над строкой.

³⁰Написано над строкой.

Сей Паткуль, ¹именем Яган Ревенголт¹, был природной лифлянец и в 1695-м году, когда во Швеции короля Каролуса 11-го, отца Каролуса 12-го, Статы государственных укрепили в позволенном ему в 1682-м году самодержавстве, и, как ¹был капитаном², к лифлянскому шляхетству, ¹которое королю не очень послушно было³, послан был некоторой указ. То они, выбрав депутатов, между которыми был и помянутой капитан Паткуль, и послали в Стокгольм к королю, дабы они требовали, чтоб редуцированные маенности возвращены были. И при приезде своем в Стокгольм Паткуль восприял дерзновение при аудиенции смелые и угрожительные речи королю говорить, отчего король на него осердился, однако ж при аудиенции ему промолчал и обнадеживал лифлянцев, что по нескольких днях резолюцию получат. После того король имел совет с своими сенаторами, каким бы образом с тем лифлянцем против его дерзости и смелых поступков поступить. Но мнения сенаторския разны были, некоторые хотели, чтоб король оного Паткуля, яко мужественного и zelo ученого человека, у себя оставил и приумножил бы его королевского милостию и учинил бы его министром, чрез что б он был в службе королевской и тогда б тилился он лифлянцев успокоить. А иные говорили, чтоб его за дерзость за арест взять и казнить. И последнее королю zelo приятно показалось, приказал его взять за арест. Но он, Паткуль, уведомясь о сем от приятелей своих, ушел и скрылся. И потом учинился процесс и причли его яко изменника государства, и маенности его на короля отписаны, а товарищи его zelo штрафованы были. А Паткуль предался в службу короля Августа, а потом и к его царскому величеству и учинен послом и генералом-лейтенантом. Но непокойной головы был, поступал он во учинении между его царского величества и короля Августа несогласия и первому советовал вшедших в Саксонию в 1704-м году росиан в царскую службу уступить. И для того содержал он с свейским двором корреспонденцию. Статгалтера в курфирстве Саксонском Эгона, князя Бергского и протчих министров жестоко обесчестил, и для того потщился он некоторое благодеяние королю швецкому оказать, дабы чрез то от него милость получить. Чего для король Август, несмотря на то, что он его царского величества послом и генералом-лейтенантом был, велел его заарестовать и в крепость Кейнихштейн посадить. И когда царское величество сие за зло восприял, предлагал Август король хитрые его подлоги, и так его, яко саксонского министра, велел заарестовать, понеже он от Августа великие пенсии получал. И был он в Саксонии по то время за арестом, как король швецкой в Саксонию вступил, и потом королю швецкому по мирному трактату выдан. И в 1707-м октября в 10 день в Польше по учиненному процессу недалеко от города Казимера оной Паткуль колевован. А понеже сия экзекуция zelo жестока была, тогда он, Паткуль, оборотил свою голову к полачю и говорил ему, называя его братом, чтоб отсек ему голову, и полз сам на плаху, что увидя, капитан швецкой, которой при той экзекуции был, велел ему голову отсечь, за что от короля своего имел немалый гнев⁴.

По учинении вышеписанного трактата многие тому не верили и говорили, что пашквиль⁴. А во ожидании ратификации король швецкой услышал, будучи в Саксонии, о великом уроне войск швецких в Великой Польше⁵, которой урон учинился таким образом. Король Август с своею ковалериею, присовокупясь с росианами и со многими числом поляков, перешел реку Вислу октября 7-го дня и атаковала швецкой корпус под командою генерала Мердефельта под Калишем 29-го числа октября, которой кругом себя ретрашамент имел, а армия, обретающаяся при Августе, была более 36 000. И тут шведов розбили и 4 000 на месте положили, достальные в полон взяты, между ими и Мердефельт взят. После того на другой день предалось

¹ ¹ Написано над строкой.

² ² Далее зачеркнуто: Потом.

³ ³ Далее зачеркнуто: Но когда уже король Август оной трактат ратификовал.

⁴ ⁴ Далее зачеркнуто: под Калишем.

Рис. 2.10. «Гистория Свейской войны» [30], т. 2, с. 398.

его яко изменника государства, и маенности его на короля отписаны, а товарищи его zelo штрафованы были. А Паткуль предался в службу короля Августа, а потом и к его царскому величеству и учинен послом и генералом-лейтенантом. Но непокойной головы был, поступал он во учинении между его царского величества и короля Августа несогласия и первому советовал вшедших в Саксонию в 1704-м году росиан в царскую службу уступить. И для того содержал он с свейским двором корреспонденцию. Статгалтера в курфирстве Саксонском Эгона, князя Бергского и протчих министров жестоко обесчестил, и для того потщился он некоторое благодеяние королю швецкому оказать, дабы чрез то от него милость получить. Чего для король Август, несмотря на то, что он его царского величества послом и генералом-лейтенантом был, велел его заарестовать и в крепость Кейнихштейн

посадить. И когда царское величество сие за зло восприял, предлагал Август король хитрые ево подлоги, и так ево, яко саксонского министра, велел заарестовать, понеже он от Августа великие пенсионны получал. И был он в Саксонии по то время за арестом, как король швецкой в Саксонию вступил, и потом королю швецкому по мирному трактату выдан. И в 1707-м октября в 10 день в Польше по учиненному процессу недалеко от города Казимера оной Паткуль колесован. А понеже сия экзекуция зело жестока была, тогда он, Паткуль, оборотил свою голову к полачу и говорил ему, называя ево братом, чтоб отсек ему голову, и полз сам на плаху, что увидя, капитан швецкой, которой при той экзекуции был, велел ему голову отсечь, за что от короля своего имел немалый гнев³¹.

По учинении вышеписанного трактата многие тому не верили и говорили, что пашквиль³². А во ожидании ратификации король швецкой услышал, будучи в Саксонии, о великом уроне войск швецких в Великой Польше³³, которой урон учинился таким образом. Король Август с своею ковалериею, присовокупясь с росианами и со многим числом поляков, перешел реку Вислу октября 7-го дня и атаковал швецкой корпус под командою генерала Мердефедьта под Калишем 29-го числа октября, которой кругом себя ретрашамент имел, а армия, обретающаяся при Августе, была более 36 000. И тут шведов розбили и 4000 на месте положили, достальные в полон взяты, между ими и Мардефельт взят. После того на другой день предалось к Августу многое число поляков. В тот же день завоевал Август город Калиш и под ним поставленной обоз полской³⁴.

Как до сей баталии, так и после Смигельской опустошал и разорял Станиславские вотчины. № 39, Л. 11–17 написано Черкасовым.

О Паткуле. № 8.

1705 году 19 декабря Паткул заарестован таким образом. Пришли к нему в нощи со объявлением, что в тайную конференцию его зовут, и он того ж часу, встав и одевшись, вышел на двор, где уже офицер с солдатами его ожидали и в крепость Зонненштейн повели. И тамо он вначале честным трактаментом и в пристойной каморе содержан был, но потом король якобы полской³⁵ к министерию своему указ послал о освобождении Паткуля, ежели он такой реверс и писменное обязательство даст, что ему против короля Саксонской земли и против

³¹Далее зачеркнуто: Потом.

³²Далее зачеркнуто: Но когда уже король Август оной трактат ратификовал.

³³Далее зачеркнуто: под Калишем.

³⁴Далее зачеркнуто: И 1500 шведов. Как, услыша сие, король швецкой.

³⁵На полях написано: Король польской то может быть вымыслил для виду одного и для оправдания пред их величеством.

Варианты и комментарии к последней редакции	399
к Августу многое число поляков. В тот же день завоевал Август город Калиш и под ним поставленной обоз польской¹. Как до сей баталии, так и после Смигельской опустошал и разорял Станиславские вотчины. № 39. Л. 11–17 написано Черкасовым. О Паткуле. № 8. 1705 году 19 декабря Паткула заарестован таким образом. Пришли к нему в ночи со объявлением, что в тайную конференцию его зовут, и он того ж часу, встав и одевшись, вышел на двор, где уже офицер с солдатами его ожидали и в крепость Зонненштейн повели. И тамо он вначале честным трапезником и в пристойной камере содержан был, но потом король якобы польской² к министерию своему указ послал о освобождении Паткуля, ежели он такой реверс и письменное обязательство даст, что ему против короля Саксонской земли и против его министров никогда никакого отмищения не ищет, также в год и 4-х месяцах в саксонских областях не являлся. На что Паткуль отвечивал, что он готов не токмо письменным реверсом, но и клятвою обязатся на королевским величеством и Саксониею никогда не возыскивать, а чтоб ему министрам и министерским членам за учиненное ему безчестие и ругательство надлежащей сатисфакции не искать, то весьма неразумное требование, ибо де он в том, что касается до уважения и власти своего государя, ничего уступать не может и не будет. Также что они его от Саксонии отдалить и якобы в сылку сослать намерены, и того они от честного мужа и министра не желали, но от плута и вора. На которую декларацию министерство жесточее его посадить велело в странную темницу. Потом король польской, уже намерен будучи с королем шведским партикулярный мир заключить, притом и Паткуля выдать положил, на что графиня Козена да тайный кабинет-секретарь Фингстен больше короля склонили, еже в мирном трактате между королем шведским и королем польским, того же году 14/24 сентября в Алтранстате заключенном, по силе 11-го пункта и совершилось. Где Паткуля имянно беглецом и изменником назвали и ради того из крепости Зонненштейн, связав у него руки и ноги, 9 числа сентября 1706-го³ году в Кенигштейн его посодили купно с коммендантом из Зонненштейна, на которого подозрение имели, что он его выпустить намерен или по меньшей мере письма от него отправлял. Шведы Паткуля отвезли в Дипгольцвалд, а как его с крепости Кенигштейн взяли, тогда хотя его в карете с шестерною вывезли, то однако ж после на бездельную лошадку его посадили и в помянутое место Дипгольцвалд отвезли. Его 50 человек шведов туды проводили. А 1707-го году марта 19 числа Лит из Берлина писал⁴, что Паткуль еще 14-го числа того ж марта шведам еще не выдан был, но выдан 6-го апреля в ночи таким обстоятельством, что в железах на руках и ногах, в одном шафровке верхом отвезен от шведов, и что король Август недавно Штатам Галанским отписал, что он Паткуля, яко царского министра, шведам выдать не может. 1707 году 4 марта Лит из Берлина писал, что генералу П. Пайкилю 14-го февраля того ж году в Штокгольме чрез палача голову отсекали. Паткуля заключенного шведы с собою вывезли из Саксонии 1707 сентября в первых числах, а октября в 10 день, не смотря не [на] какие предстательства других государей, близ местечка Казимира в Великой Поше колесован и четвертован, где еще особливо приметно достойно, что тот офицер, который ему еще отчасть живому после колесования голову отрубить допустил, от короля шведского чину лишен, ибо король повелев голову у него скорее не отрубить, пока не замучился до смерти. Кн. 19. Л. 333–334 об. ¹ Далее зачеркнуто: И 1500 шведов. Как, услыша сие, король шведской. ² На полях написано: Король польской то может быть вымыслил для виду одного и для оправдания пред их величеством. ³ На полях написано: О сем писал [арон] Гисен из Вены от 15-го апреля 1707-го году. ⁴ На полях написано: Лит о сем писал в редакции от 12-го апреля.	

Рис. 2.11. «Гистория Свейской войны» [30], т. 2, с. 399.

его министров никогда никакого отмищения не ищет, также в год и 4-х месяцах в саксонских областях не являлся. На что Паткуль отвечивал, что он готов не токмо письменным реверсом, но и клятвою обязатся на королевским величеством и Саксониею никогда не возыскивать, а чтоб ему министрам и министерским членам за учиненное ему безчестие и ругательство надлежащей сатисфакции не искать, то весьма неразумное требование, ибо де он в том, что касается до уважения и власти своего государя, ничего уступать не может и не будет. Также что они его от Саксонии отдалить и якобы в сылку сослать намерены, и того они от честного мужа и министра не желали, но от плута и вора. На которую декларацию министерство жесточее его посадить велело в странную темницу. Потом король польской, уже намерен будучи с королем шведским партикулярный мир заключить,

притом и Паткуля выдать положил, на что графина Козена да тайный кабинет-секретарь Фингстен болше короля склонили, еже в мирном трактате между королем шведским и королем полским, того же году 14/24 сентября в Алтранстате заключенном, по силе 4-го пункта и совершилось. Где Паткуля имянно беглецом и изменником назвали и ради того из крепости Зонненштейн, связав у него руки и ноги, 9 числа сентября 1706-го³⁶ году в Кенигстейн его посодили купно с коммендантом из Зонненштейна, на которого подозрение имели, что он его выпустить намерен или по меньшей мере письма от него отправлял. Шведы Паткуля отвезли в Дипголцвалд, а как его с крепости Кенинготеин взяли, тогда хотя его в карете с шестерною вывезли, то однако ж после на безделную лошадку его посадили и в помянутое место Дипголцвалд отвезли. Его 50 человек шведов туды проводили.

А 1707-го году марта 19 числа Лит из Берлина писал, что Паткуль еще 14-го числа того ж марта шведам еще не выдан был, но выдан 6-го апреля в ночи таким обстоятельством, что в железах на руках и ногах, в одном плафроке верхом отвезен от шведов, и что король Август недавно Штатам Галанским отписал, что он Паткуля, яко царского министра, шведам выдать не может.

1707 году 4 марта Лит из Берлина писал³⁷, что генералу П. Пайкилю 14-го февраля того ж году в Штокгольме чрез палача голову отсекли.

Паткуля заключенного шведы с собою вывезли из Саксонии 1707 сентября в первых числах, а октября в 10 день, не смотря не [на] какие предстательства других государей, близь местечка Казимира в Великой Полше колесован и четвертован, где еще особливо примету достойно, что тот офицер, которой ему еще отчасть живому после колесования голову отрубить допустил, от короля швецкого чину лишен, ибо король повелел голову у него скорее не отрубить, пока не замучился до смерти. *Кн. 19. Л. 333–334 об.*

Капеллан Л. Гаген о последних часах И.Р. Паткуля. Судьба казненного И.Р. Паткуля интересовала многих в XIX в. Ниже приводятся отрывки из критической статьи И.С. Тургенева «Генерал-поручик Паткуль. Трагедия в пяти действиях, и в стихах. С.–Петербург. Сочинение Нестора Кукольника» [101].

«Читатели могут усомниться в справедливости нашего мнения; мы им представим доказательство неотразимое: собственные признанья Паткуля. Капеллан Гиельмского полка, при котором находился пленный Паткуль, Лаврентий Гаген (Hagen), а не Гагар, как его называет

³⁶На полях написано: О сем писал б[арон] Гисен из Вены от 15-го апреля 1707-го году.

³⁷На полях написано: Лит о сем писал в реляции от 12-го апреля.

г. Кукольник, оставил необыкновенно трогательное, поражающее своей истиной, описание последнего дня бедного Паткуля, которому он служил исповедником. Чтение этого документа, писанного на другой день казни, так сильно подействовало на нас, что мы решаемся поделиться нашими впечатлениями с читателем. Этот документ чрезвычайно интересен и в психологическом отношении: читая простой рассказ почтенного пастора, мы как будто присутствуем при предсмертных муках человека страстного, много пережившего, не слабого, но и не сильного, умного, но не необыкновенного, каким и был Паткуль. . . Такие люди ближе и понятнее нам, в них больше принимаешь участия. Вот этот рассказ (пастор говорит о себе в третьем лице).

. . . Полковник за тайну сказал пастору, что Паткуля казнят на следующий день, и поручил ему объявить это пленнику и приготовить несчастного к христианской кончине. Согласно с этим приказанием, капеллан отправился к Паткулю в третьем часу дня и нашел его лежащим на постеле. Поклонившись ему, пастор попросил его не пенять на него за неожиданное посещение, тем более, что он (пастор) не сомневается в том, что в бедственном его положении ему необходимы увещания и утешения Божественного слова. «Я очень рад, — отвечал Паткуль, — и очень Вам благодарен; поверьте, г-н пастор, ни одно посещение не могло мне быть более приятным. Ну, — прибавил он, — что нового?» Капеллан отвечал, что он должен ему нечто сказать наедине; Паткуль встал и обратился к дежурному офицеру. Капеллан тоже подошел к офицеру и шепотом сообщил ему приказание полковника. Как только тот вышел, Паткуль взял пастора за руку . . . «Ах, г-н пастор, — начал он чрезвычайно взволнованным голосом, — что Вы такое мне хотите объявить?» — «Милостивый государь, — возразил пастор, — я прихожу к Вам с поручением Иезекии, я должен Вам сказать, что Исаия сказал этому царю (Исаии, XXXVIII, 1): „Устрой в доме твоём, умираешь ли ты и не будешь жив!“» — Услышав эти слова, Паткуль снова лег, и слезы потекли у него из глаз. Пастор начал его утешать и сказал ему, что так как он искусен во всех науках, то, вероятно, хорошо знаком и с главнейшей из всех наук, с религией, и что поэтому не следует ему принимать с такой горестью и с таким волнением известие, которого он притом должен был ожидать. «Ах, — сказал Паткуль, — я знаю старинную обязанность людей — умереть когда-нибудь; но эта смерть будет мне слишком тяжка». И он заплакал горько. Желая подкрепить его, пастор сказал ему, что еще неизвестно, какой род смерти ему назначен, но что она будет тем спасительнее для его души, чем страшнее для тела. Тогда Паткуль привстал на постели и, сложив руки, воскликнул: «Господи Иисусе, пошли мне праведную смерть». Потом, обратившись к стене, продолжал: «Ах! редукция³⁸ в Швеции

³⁸Эта «редукция» состояла в конфискации многих казенных имений, которые дво-

и Ливонии была причиной всех моих бедствий». Капеллан попросил его оставить все земные помыслы, которые притом не могли не быть ему неприятными, и подумать о небе и вечности. «Увы, добрый господин пастор! — отвечал он, — моя душа — старая язва, наполненная гноем; позвольте мне сперва выкинуть вон все, что у меня на сердце; все это должно выйти вон. Эта редукция, которая разорила столько людей — продолжал он, — эта редукция причина всех моих несчастий. Покойный король ударил меня по плечу и сказал мне: «Паткуль, защищайте права вашей родины, как следует честному человеку». Что же мне было делать? Но злые люди все перетолковали в дурную сторону. Да простит Господь Гастферу. Он много содействовал к моему несчастью. Сначала он заманил меня, потом совсем ослепил, потом сделался моим врагом и стал меня преследовать. Скоро я увижу тебя, вместе с моими другими обвинителями, перед престолом вечного судии. Борггейм тоже много мне повредил; но он по крайней мере действовал по приказанию. Швеция! Швеция! Не со смехом и плясками покинул я тебя, Бог тому свидетель! Но куда мне было деться? Не мог же я спрятаться в могиле вместе с мертвыми. Я не хотел пойти в монастырь: моя религия мне этого не позволяет; у союзных держав я не был в безопасности. Мне говорят: ты пошел к нашим врагам, следовательно, ты причиною этой кровавой войны. Но какой ложный вывод! Я пришел к ним как несчастный изгнанник, не как злой советник и бунтовщик. Тогда никто не полагал меня способным к тому делу и, действительно, я к этому не был способен. Когда я прибыл в Саксонию, все уже было сделано и конвенция с Москвией была подписана, прежде нежели я что-нибудь значил...».

Пастор снова посоветовал ему не вдаваться слишком в житейские дела; но Паткуль взял его за руку и сказал: «Позвольте мне проститься с ними, с тем, чтоб уж никогда больше о них не говорить. Какой вы нации, господин пастор?» — «Я швед, — возразил тот, — родом из Штокгольма». — «Тем лучше, — отвечал Паткуль, — я очень бы желал, чтобы шведы тоже узнали истину обо мне. Господин пастор, сердце у меня всегда было шведское, хотя этому не хотели верить; но Бог тому свидетель. Можно судить о моем расположении к шведам по тому, как я услужил некоторым, главным из них. Эти услуги такого рода, что, скажу без хвастовства, кроме меня, никто бы на них не решился. Часто желали меня вознаградить деньгами, но я не соглашался; я просил хотя одного рекомендательного слова при шведском дворе, с тем, чтобы опять попасть в милость. Но увы! врата кротости были постоянно заперты для меня, бедной заблудшей овцы. Я не переставал, однако, употреблять всяческие усилия; с этой же целью

рянство себе присвоило или получило в дар более ста лет тому назад. Огромные земли, между прочим десять графств и пятьдесят баронств, подверглись этому конфискации. — *Прим. И.С. Тургенева.*

поехал в Москву, когда наши посланники там были. Вы ведь слышали об этом», — прибавил он, обращаясь к пастору. «Да, — отвечал тот, — я даже имел тогда честь быть капелланом при посольстве; я Вас там видел». — «А! Вы там были! То-то мне и хотелось сперва сказать, что я Вас где-то видел. Да, г-н пастор, — продолжал он, — я старался попасть в милость через посредство царя. Но когда я узнал, что посланникам короля было приказано сыскать меня и требовать моей выдачи, я принужден был спрятаться и жить инкогнито. Тогда распустили слух, что я отвратил царя от заключения мира. Но это сделал Н.; креатура Н.³⁹ и другие тут участвовали, которых я знаю. Я же, с своей стороны, советовал согласиться на мир, сколько мог, советовал; и в первый же год я довел дело до того, что король шведский получил бы Курляндию, польскую Лифляндию и большую часть Самогитии, если бы хотел согласиться на мир. Полагали, что царь не захочет подписать такие условия; но, напротив, когда я ему предложил свой проект, он очень обрадовался, обнял меня и благодарил за совет. Но шведский король не согласился. Бедные пленные шведы, которых тогда было в Москве несколько сотен, могли бы тоже свидетельствовать в мою пользу. Я могу сказать, что я истратил более ста тысяч талеров, чтобы снова попасть в милость шведского короля. Ах, если бы я так же старался заслужить Божие милосердие!»

Он снова заплакал. Пастор начал опять его утешать, уверяя, что еще есть время, но что не надобно медлить, что врата Божьей благодати еще открыты для него. «В этом все мои надежды, — отвечал он. — Ты мой Бог, ты не человек: гнев твой не вечен... Но сердце мое разрывается при мысли, что я лучше служил людям, чем Богу...» Он еще прибавил несколько слов и, кончая, сказал: «*Potentes potenter tormenta patiuntur* (сильные будут наказаны сильно)». «Но, господин пастор, — продолжал он, — я, может быть, Вас задерживаю своими скучными речами. Теперь, если Вам нужно что-нибудь сделать... я бы желал остаться немного наедине. Попросите, также, пожалуйста, г-на полковника, чтобы меня не прерывали... я это сочту за милость». Пастор обещал исполнить его просьбу и удалился.

Когда он возвратился к пленнику, вечером в семь часов, Паткуль сказал ему с веселым и довольным видом: «Милости просим, господин пастор; я на Вас гляжу, как на ангела небесного. Теперь благодаря Бога у меня тяжелый камень с сердца свалился, я чувствую большую перемену в своей совести. Я рад тому, что должен умереть. Лучше умереть, чем долго томиться в тюрьме. Ах! лишь бы эта смерть была сносна! Не знаете ли вы, как я должен умереть?» Капеллан отвечал ему, что нет; но что, вероятно, все будет исполнено без шума, потому что до сих пор в полку никто об этом не знал, кроме полков-

³⁹Трудно догадаться, на кого метил Паткуль. Не на Меншикова ли? — *Прим. И.С. Тургенева.*

ника да его (пастора). «И это милость, — сказал Паткуль. — Но разве Вы не видели моей сентенции? Неужели ж меня казнят, не выслушавши, даже не сообщив мне приговора?» Пастор отвечал ему, что, вероятно, есть сентенция, но запечатанная, которую откроют только на месте. «Может быть, — сказал Паткуль, — лишь бы меня не долго мучили». Пастор подкрепил его, как только мог, — и он сам старался утешить себя словами священного писания. Между прочим, он сказал по-гречески стих из Деяний апостольских (XIV, 22):

«Многими скорбями подобает нам внити в царство божие»,

и из Послания к римлянам (VIII, 18):

«Непщую, бо, яко недостойны страсти нынешнего времени к
хотящей славе явится в нас».

Он спросил потом, может ли он получить бумаги и чернил. Когда же пастор сказал ему, что да, он попросил у него позволения продиктовать ему следующее:

«Завещание, или Последняя моя воля, которую я хочу, чтобы исполнили после моей смерти. Во-первых, чтобы мои родственники, находящиеся в шведском войске, получили должные мне суммы, в силу существующих облигаций, и чтобы его величество, шведский король, сделал милость, помог им в получении . . . »

Продиктовав эти строки, он сказал пастору: «Остановимся тут, это мне будет приятнее, и от времени до времени станем молиться, — что они и сделали. — Теперь, — примолвил он, — слава Богу, я чувствую себя все лучше и лучше. Ах! лишь бы меня не долго мучили! Как бы я охотно отдал всю кровь мою до последней капли, если б я мог выкупить ею свои грехи! Не правда ли, король — милосердый государь?» — «Да, — отвечал ему капеллан, — мы должны благодарить Бога за то, что он нам дал короля милосердного и благочестивого». — «Это главное, — сказал Паткуль, — где страх Божий, там и другие добродетели . . . Справедливо говорит Давид, что страх Божий начало премудрости. Окружен ли он честными людьми?» — продолжал он, говоря о короле. Капеллан отвечал утвердительно. «А первый министр, граф Пипер, — что, он вельможа, боящийся Бога?» На это капеллан ответил, что граф тоже неоднократно доказал свою набожность. «Слава Богу, — продолжал Паткуль, — со мной, следовательно, поступят правосудно. Счастливо то царство, где господствует благочестие и правосудие!» Он начал расспрашивать капеллана о Швеции, университетах, ученых, богословских сочинениях доктора Мейера. Потом он заговорил о Галле и в особенности о профессоре Франке и докторе Брейтгаупте, спрашивая мнение пастора о них, а также, где он учился. «Да — сказал он, наконец, с глубоким вздохом,

— да, да! есть у меня там и сям друзья, которые пожалеют обо мне и заплачут, узнав о моей смерти! Что скажет вдовствующая курфюрстица и фрейлина Левольде⁴⁰ и, в особенности, моя бедная невеста? (Паткуль был сосватан с одной саксонской дамой, по имени Эйнзидлен.) О! какое горькое известие для нее! Добрый мой господин пастор, — прибавил он, пожав ему руку, — могу я Вас беспокоить одной просьбой? — «Охотно, — ответил ему пастор, — если я только в состоянии Вам чем-нибудь услужить». — «Будьте так добры, напишите бедной госпоже Эйнзидлен, моей невесте; поклонитесь ей от меня в последний раз и скажите ей, что моя смерть, как она ни позорна, все же счастлива и спасительна для меня. Это ее немного утешит, особенно если она получит письмо от того, кто был при мне в последние мгновения моей жизни. Подумайте о моей верной любви. Моя невеста теперь свободна и ничем не связана, а я умираю, преданный и благодарный ей...»

Пастор обещался исполнить его желание. Паткуль достал кошелек и разделил свои деньги на три свитка. «Завтра, — сказал он, — если угодно Богу, я не хочу ничем заниматься житейским». Он предложил пастору один из этих свитков, в котором было сто червонцев. Когда же тот начал отказываться, говоря, что он этого не заслуживает, — «Ах! г-н пастор, — воскликнул Паткуль, — я часто давал по тысяче червонцев за временную услугу; Вы же мне теперь оказываете неоцененное расположение и приязнь, и я бы желал быть в состоянии достойнее возблагодарить вас! Впрочем, господин пастор, я хочу подарить Вам самое драгоценное мое сокровище — Новый Завет греческий, с комментарием Ария Монтана. Эта книга была неразлучна со мной во время моего изгнания. Она находится теперь у майора Гротгузена; Вы можете послать за ней». Пастор поблагодарил его и обещался хранить ее всю жизнь из любви к нему. Паткуль попросил пастора поклониться майору от его имени и благодарить его за все оказанные снисхождения. Потом он взял другую книгу и сказал: «Это я написал сам. Возьмите и эту книгу, г-н пастор, на память обо мне. Она докажет Вам мою веру. Я бы очень желал, чтобы эта книга как-нибудь попала на глаза королю». Пастор сказал Паткулю, что он отдаст ее полковнику, с тем чтобы тот представил ее королю. «Ах, как это было бы хорошо! — воскликнул Паткуль. — Милая книга, желаю, чтобы ты была счастливее меня. Я говорю тебе, что Овидий говорил своим «Tristes», посылая их к Августу, из места своего изгнания: «Ступай, моя книга, и выхлопочи мне то, чего я сам не мог выхлопотать». Потом он попросил пастора прочесть ему молитвы предсмертные, в особенности ту, которая начинается так:

«Вечному Богу вручаю я мою душу...»

⁴⁰ Жена Г.И. Левенвольде. — Прим. В.М.

Он сам повторил ее с большим вниманием и тут же заговорил о суете мирской. «Бог мне свидетель, — сказал он, — что среди всех блаженных у меня сердце всегда стеснялось и что теперь, когда я знаю, что должен умереть завтра, — я спокойнее и веселее, чем бывало, на больших пирах. Munde immunde vale, то есть прощай, нечистый мир! Г-н пастор, уверяю вас, что часто, особенно в последние годы, я старался освободиться от мира, но не мог. Я слишком был кругом опутан.

О Иисусе! буди благословен навсегда ты, разрывающий сети дьявола! Сети разорваны, моя душа свободна; это дело рук могущественного Карла. Благодарение богу!.. Справедливо сказал святой Павел (к Рим. посл. VIII, 27):

«Вемы же, яко любящим Бога вся поспешествуют в благое».

«Господин пастор, — продолжал он, — я Вас задерживаю; уже становится поздно, Вы устали». Пастор отвечал, что нет, помолился еще с ним и кончил вечернею молитвой. «Посоветуйте мне, г-н пастор, — спросил его Паткуль, — должен ли я отдохнуть теперь немного? Я очень уже давно не спал... я очень слаб. Сегодня я не ел ничего и выпил только несколько глотков воды». Пастор ему присоветовал отдохнуть. «Итак, — продолжал он, — мое тело может теперь успокоиться на время... Завтра мне нужны все мои силы. Я должен и хочу завтра подкрепить свою душу святым причастием». Тогда он заметил время на своих часах, лег на кровать, и пастор удалился.

На другой день, 30-го числа⁴¹, около четырех часов утра, капеллан опять явился к нему. Паткуль тотчас услышал его приход, встал и поблагодарил Бога за хорошо проведенную ночь. «Уже давно, — сказал он, — я так хорошо не спал». Они оба начали молиться, и автор этого рассказа сознается, что должен искренно похвалить его набожность. Около шести часов Паткуль сказал пастору: «Во имя Иисуса, приступим к священному действию, пока шум дневный не увеличится и не помешает нам». Он стал на колени и исповедался с большим уничижением. Начало его исповеди было в особенности замечательно тем, что он привел стих из Быт. XLIV, 16:

«Что отвечаем господину, или что возглаголем, или чим оправдимся? Бог же обрете неправду рабов своих».

Потом он причастился — и, причастившись, попросил пастора читать ему благодарственные молитвы и сам повторял их за ним. Он особенно одушевился при стихе:

«Подкрепи меня духом твоей радости»,

⁴¹ 30/20 сентября 1707 года. — *Прим. И.С. Тургенева.*

который, по его словам, был всегда его любимым изречением.

Солнце начало всходить. Он взглянул в окно и сказал: «„Salve festa dies!“ — ты день моего брака. Я надеялся было праздновать дружную свадьбу об эту пору; но этот брак счастливее. Сегодня душа моя будет введена в чертог уготованный, к предвечному жениху своему, Иисусу Христу. Как я рад! С каким нетерпением ожидал я этого дня!» — Тогда он во второй раз спросил у пастора, какую смертью ему суждено умереть. Когда же тот опять объявил ему, что он об этом ничего не знает, он стал просить его не покидать его, как бы казнь ни была ужасна. «Кричите мне святое имя Иисуса, — повторил он, — это облегчит мои муки. — Взглянув в окно, — ах, г-н пастор, — воскликнул он, — вот уже закладывают телегу . . . Слава Богу, они торопятся; мне надоело жить. — Потом, взглянув на бумагу, где капеллан начал было писать его завещание, — это все исполнят, — сказал он. Пастор спросил его, не хочет ли он подписаться, — нет, — произнес он со вздохом, — я не могу написать это ненавистное имя. Мои родственники и без того найдут, что я им оставил. Все в порядке, господин пастор; поклонитесь им, когда Вы их увидите». Он снова начал молиться, пока дежурный лейтенант не пришел за ним. Тогда он сказал, обращаясь к пастору: «Вот и подтверждение вашего печального поручения; ну, пойдемте, — прибавил он, — пора, — и надел плащ, — Вы сядете со мной, — сказал он пастору, — не покидайте меня». Он сел в телегу и заставил капеллана поместиться сзади. Он обнимал и целовал его, просил не забыть поклониться невесте, благодарил его . . .

Таким образом они прибыли на место казни, окруженное тремястами пеших солдат. Когда Паткуль увидал уже готовые копыя и колеса, он страшно испугался, бросился на грудь капеллана и простонал: «Ах, г-н пастор, молитесь Бога, чтобы я не впал в отчаяние». Пастор его начал утешать, напоминая ему распятого Христа . . . Тут его взяли, и пока с него снимали цепи, он читал молитву:

«О, агнец Божий, ты, который, хотя невинный, был принесен в жертву на кресте . . . »

Когда же его привели к самому месту истязания, капитан Гиельмского полка произнес громким голосом следующую речь: «Да будет ведомо всем и каждому, что по нарочитому приказанию Его Величества, нашего все милосердного государя и короля, сей человек, который изменил своему отечеству, в возмездие за его преступления и в пример другим, долженствует быть колесован и четвертован. Пусть же каждый боится измены и верно служит своему королю». При словах «изменил своему отечеству» Паткуль пожал плечами и взглянул на небо. Потом он спросил: «Где мне стать?» И когда палач указал ему место, он сел на землю и, пока его раздевали, закричал капеллану: «Молите Бога, чтобы он подкрепил меня в эту минуту . . . » Пастор

помолился и, обратившись к народу: «Милые мои дети, — сказал он им, — скажете „Отче наш“ за этого бедного человека». — «Да, ах, да, — сказал Паткуль, — молитесь...»

В эту минуту палач ударил его в первый раз. Паткуль закричал изо всех сил: «Сжался надо мной, Иисусе!» Однако же он получил от четырнадцати до пятнадцати ударов. Он имел дело с палачом неопытным, и казнь его была продолжительна и жестока. Во все время казни он кричал раздирающим голосом, беспрестанно призывая Христа Спасителя. «Ко мне, ко мне, Иисусе, — кричал он, — вручаю дух мой в руки твои». После того, как его два раза ударили по желедцу, он уже более не кричал, он сказал прерывающимся голосом: «Отрубите голову...» — и так как палач медлил, он сам положил ее на плаху. Только с четвертого удара ему ее отрубили... Потом его четвертовали и воткнули члены его в разных местах на копьа».

2.4 Г.И. Левенвольде, пленипотенциарий Петра I

Как мы уже сообщили читателю, Г.И. Левенвольде и И.Р. Паткуль не только находились в отчетливом (хотя и не очень близком) родстве, но и были офицерами шведской службы в одном и том же полку. В 1696 г. Г.И. Левенвольде, в то время майор, был арестован, доставлен в Стокгольм и приговорен Карлом XI, отцом Карла XII, к смертной казни. После помилования Г.И. Левенвольде переезжает в Курляндию и Польшу, где занимает ряд высоких постов, а после Полтавской битвы переходит на службу к Петру I и становится его пленипотенциарием в Прибалтике.

Как известно, слово «пленипотенциарий» переводится как «полномочный представитель». О том, как Г.И. Левенвольде начал службу русскому царю, написал Г.Ф. Миллер; мы приводили отрывок из его работы [62] выше, в разд. 2.2. Глубинные причины перехода Г.И. Левенвольде с польско-саксонской на русскую службу вполне объясняет пушкинская фраза

«шведск.<ая> редукция была уничтожена, — и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян»,

а также судьба И.Р. Паткуля, выданного шведам Августом II: такие поступки в отношении своих родственников и друзей трудно забыть.

Хозяйственное устройство и «гнет немецких помещиков». Патриарх Московский и всея Руси (7 июня 1990 г. — 5 декабря 2008 г.) Алексей II, в миру Алексей Михайлович Ридигер (1929–2008), представитель

курляндского рода Ридигеров⁴², в своей книге «Православие в Эстонии» [3], в главе «Прибалтика под гнетом немецких помещиков», пишет:

«Стремясь быстрее закрепиться в Прибалтике, Петр I считал целесообразным учитывать интересы немецких прибалтийских землевладельцев, привилегии эстляндского и лифляндского дворянства. В актах о капитуляции Риги и Ревеля, а также по Ништадтскому мирному договору (1721 г.) им были сохранены обширные привилегии, права на земельную собственность и на крестьян. Прибалтийские дворяне-помещики при переходе Прибалтийского края в состав России даже укрепили свою экономическую и политическую власть в крае.

Война и чума, великий голод 1695–1697 гг., реквизиции на содержание шведских войск сильно разорили Прибалтику. В Лифляндии численность населения сократилась более чем вдвое, а в Эстляндии и того больше. По данным ревизии 1712 г. смертность от чумы и других болезней составляла в северных уездах 70–80%, а на острове Эзель многие деревни вымерли поголовно⁴³.

В наказе дворянину⁴⁴ Г.И. Левенвольде, наделенному высшей гражданской властью в завоеванных Эстляндии и Лифляндии, Петр I в 1710 г. писал, что необходимо в короткое время восстановить «экономию» как в «публичных вотчинах, так и везде», потому что «продолжительною войною, в которой земля чрез десять лет пребывала, все тамо в смущение и непорядок пришло» ([75], с. 372).

И сразу же были приняты энергичные меры для проведения весенних работ: из России доставлено большое количество зерна для посева, увеличены площади распашки земли. Так же энергично действовали власти и в последующие годы, и уже к 1782 г. численность населения Эстляндии превысила таковую в период, предшествовавший войне и великому голоду 1695 г., на 40% и достигла полумиллиона человек ([117], с. 19), сельское хозяйство было не только восстановлено, но и ушло далеко вперед».

Описывая гнет немецких помещиков в своей книге [3], Алексей II (А.М. Ридигер) опирается на «Письма и бумаги императора Петра Великого» [75] и на ряд вторичных источников; он мог бы также опереться на широко доступную «Гисторию Свейской войны» [30], рассматривая ее если не как первичный, то как очень надежный источник. А.С. Пушкин, собирая материалы для своей «Истории Петра I» [81], работал в архивах; во всей «Истории Петра I» слово «гнет» (или производные от него) встречается дважды:

⁴²Ruediger, Rüdiger, Ruedinger, Redigeer. Под немецкого происхождения.

⁴³История Эстонской ССР. т. 1. с. 528.

⁴⁴На самом деле, своему полномочному представителю, «пленипотенциарию». То, что Г.И. Левенвольде был «дворянин», это частности. — *Прим. В.М.*

1714 <год>. ... Провиант некогда доставляли натурой, но Петр положил собирать соразмерную подать. Злоупотребления завелись, с году на год увеличивались, и наконец государст.<венные> доходы видимо уменьшились, между тем как угнетаемый народ роптал и жаловался втуне.

1723 <год>. ... Вахтанг, угнетенный турками, просился в Астрахань.

Вероятно, А.С. Пушкин понимал, что хозяйственное устройство в Эстляндии и Лифляндии в начале XVIII в. мало отличается от хозяйственного устройства того времени в большей части Европы. Вероятно, представителю внесенного в матрикул курляндского рода Ридигер было виднее.

Говоря о гнете немецких помещиков, Алексей II (А.М. Ридигер) несомненно знал, что

- крестьянская реформа в Эстляндии, когда был утвержден закон о полной отмене там крепостного права, хотя вся земля осталась за помещиками⁴⁵, датируется 1816 г.,
- отмена крепостного права в Лифляндии датируется 1819 г.,
- священники дворянского происхождения получили право покупать не только землю, но и населенные имения в 1819 г.,

но эти вопросы относятся скорее к XIX в.

Фраза «гнет немецких помещиков» требует также следующего уточнения: внесенными в матрикул, наряду с потомками балтийских рыцарей, довольно быстро оказались такие вполне русские помещики, как А.Д. Меншиков. Только лишь в «Списке дворянских родов, внесенных в Рыцарский матрикул Эстляндской губернии», встречаем: Апраксины, Аракчеевы, Балашевы, Балутьянские, Бибиковы, Валуевы, Васильчиковы, Волконские, Вязмитиновы, Голицыны, Голубцовы, Демидовы, Жеребцовы, Зубовы, Канкрины, Козодавлевы, Колтовские, Левашевы, Масловы, Медведевы, Меншиковы, Молчановы, Мордвиновы, и так далее. Значительная земельная собственность переходила в руки русских помещиков и другими способами. Так, о пожаловании в 1764 г. в вечное и потомственное владение сенатору (с 1764 г.) Н.Е. Муравьеву мызы Малла, конфискованной в царствование Елизаветы Петровны у Г.Р. Левенвольде, мы будем говорить в разд. 8.2.

Немецкая вера, немецкий язык и немецкое право. В книге «Основа истории эстонского народа» (см. [121], с. 30) Г. Круус, оценивая, по его словам, «акты о капитуляции»⁴⁶ эстляндского и лифляндского рыцарства, пишет, что, хотя «они и выступали от имени всей страны, в первую

⁴⁵Мы не обсуждаем экономической стороны дела. Заметим только, что в точности этого или почти этого желали декабристы и почти это было осуществлено в других российских провинциях только через 45 лет, в 1861 г.

⁴⁶Что плохо соотносится с присягой Петру I в подданнической верности, принесенной новыми подданными. Актов о капитуляции не было вовсе, даже со шведской стороны,

очередь отстаивали только свои интересы и беспокоились о том, чтобы сохранить немецкое господство в крае».

Вероятно, Г. Круусу виднее. Но фактически, как скоро редукции были отменены, вопрос о «привилегиях лифляндского дворянства» стал сводиться к трем вещам: немецкая вера⁴⁷, немецкий язык⁴⁸ и немецкое право.

Относительно последнего заметим следующее. Управление краем было вверено генерал-губернатору при непосредственном содействии вице-губернатора. Они ведали как гражданской, так и военной сферами, наблюдая за судами, за путями сообщения, за исправной платой податей; главной же обязанностью было охранять права державной власти, не нарушая, однако же, прав и преимуществ земских и городских сословий.

Петр I действительно подтвердил права и преимущества земских и городских сословий Лифляндии и Эстляндии, но (см. [28], с. 50) «с оговоркою, по которой дальнейшее сохранение этих прав и преимуществ должно было зависеть от усмотрения верховной самодержавной власти в России, и затем внутреннее земское управление и управление городов оставил в том виде, как было при шведах, без всяких существенных изменений». Эта оговорка явилась предметом ожесточенных дискуссий. Особенную социальную категорию⁴⁹ в этом вопросе составляли славянофилы, начиная с Ю.Ф. Самарина; до появления его книги «Окраины России» привилегии лифляндского дворянства считались закрепленными двухсторонними договорами 1710 г. Заметим, что Ю.Ф. Самарин по происхождению вовсе не разночинец, как Н.Г. Чернышевский или Н.А. Добролюбов, которые были сыновьями священников, а богатый родовитой дворянин, крестник императрицы Марии Федоровны, жены Павла I и матери Николая I.

Считается, что Ю.Ф. Самарин первым обратил внимание общественности (и породил напряженную борьбу за и против остзейских привилегий) на то, что рыцарство и магистрат городов, как подданные России, более не правомочны вступать в договорные отношения с царем — носителем государственного суверенитета. Следовательно, по мнению Ю.Ф. Самарина, договоры 1710 г. надо рассматривать теперь как обыкновенные жалованные грамоты, юридическая сила которых зависит от волеизъявления монарха. Посмотрим на то, как к этому обращению к общественности отнесся сам царь.

Итак (см. [20], где цитированы воспоминания самого Ю.Ф. Самарина), Ю.Ф. Самарин в молодости был заключен за предосудительное поведе-

а был Ништадский мирный договор 1721 г., согласно которому за отнятые у Швеции прибалтийские территории Швеции Петром I были выплачены немалые деньги.

⁴⁷То есть, лютеранство. Эту веру исповедовали в Эстляндии и Лифляндии далеко не только этнические немцы.

⁴⁸На самом деле, это язык делопроизводства. В быту никто не запрещал (как запрещали англичане в некоторые периоды истории Шотландии использовать родной язык шотландцев, гэлик) использовать эстонский язык.

⁴⁹К ней, особенно после появления объединенного немецкого государства в 1871 г., присоединились другие категории.

ние⁵⁰ в Петропавловскую крепость, откуда самим Николаем I был приглашен для душевспасительной беседы. Царь сказал ему:

«... Не говоря уже о том, что многое в том, что Вы пишете неверно и лживо, что я мог бы доказать одним словом, Вы очевидно возбуждали вражду Немцев против Русских, Вы ссорили их, тогда как следует их сближать; Вы укоряете целые сословия, которые служили верно; начиная с Палена, я мог бы высчитать до 150 генералов».

Далее Николай I говорит Ю.Ф. Самарину:

«... Вы хотите принуждением, силою сделать из Немцев Русских, с мечом в руках, как Магомет; но мы этого делать не должны, именно потому, что мы Христиане... Вы пишете: если мы не будем господами у них и т.д., т.е. если Немцы не сделаются Русскими, Русские сделаются Немцами; это писано было в каком то бреде. Русские не могут сделаться Немцами, но мы должны любовью и кротостью привлечь к себе Немцев. Вы прямо метили на Правительство; Вы хотели сказать, что со времени Императора Петра I и до меня мы все окружены Немцами и потому сами Немцы. Понимаете, к чему Вы пришли: Вы поднимали общественное мнение против Правительства; это готовилось повторение 14 Декабря».

Зная отношение Николая I к декабристам⁵¹, опирающееся на глубокое знакомство как с ними лично, так и с их воззрениями, конец этой фразы можно оценить по достоинству.

Славянофил Ю.Ф. Самарин прервал царя «уверением, что никогда не имел такого намерения», но — несмотря на обещания исправиться — мнений своих в корне не переменял, царя обманул и поступил как настоящий декабрист: деятельности своей не прекратил и продолжал работать с общественностью, что легко видеть из его собрания сочинений [91].

2.5 Г.И. Левенвольде, обер-гофмейстер двора принцессы Шарлотты Софии

Кого Петр I выбрал в жены царевичу Алексею Петровичу. Говорят, что «из политических соображений в жены своему сыну Алексею

⁵⁰Ю.Ф. Самарин составили из своих «Записок» книгу и сообщили ее своим близким знакомым, а фактически опубликовал. В этой книге он призывал к насильственной руссификации балтийских провинций.

⁵¹Николай I был похоронен в мундире л.-гв. Казачьего полка потому, что оттуда не было ни одного декабриста.

Рис. 2.12. Принцесса Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская. Художник Г.Д. Молчанов (1726–1786).

Петр I выбрал вольфенбюттельскую принцессу Шарлотту Крестину Софию». Кем же она была? Шарлотта Кристина София (1694–1715) была⁵²

- родной (младшей) сестрой Елизаветы Кристины Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1691–1750), супруги Императора Священной Римской империи Карла VI (1685–1740); таким образом, она приходилась тетей (родной сестрой матери) будущей императрицы Марии-Терезии (1717–1780), дочерью которой была королева Франции Мария Антуанетта.
- родной (старшей) сестрой Антуанетты Амалии Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1696–1762), матери будущей жены короля Пруссии Фридриха II Великого (1712–1786), Елизаветы Кристины (1715–1797).

Это, по меркам того времени, действительно очень достойный выбор.

В мае 1712 г. Шарлотта София

«со своей немецкой свитой, предводимой бароном Левенвольдом»,

как пишет историк Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920), прибыла в С.-Петербург. Выполнив миссию пленипотенциария Петра I в Прибалтике, Герхард Иоганн Левенвольде получил еще одну, весьма деликат-

⁵²Для краткости, мы не упоминаем, например, ее родство с курфюрстиной Ганновера Софией (1630–1714), сын которой Георг Людвиг (1660–1727) — с 1714 г. король Великобритании.

Рис. 2.13. Петр II. Художник Г.Д. Молчанов (1726–1786).

ную⁵³, миссию: он становится обер-гофмейстером двора супруги наследника престола царевича Алексея Петровича.

Вот что пишет Д.И. Иловайский в историческом очерке «Петр Великий и царевич Алексей» (см. [40]):

«...Вторая беременность кронпринцессы не обошлась без несчастного случая. Однажды, всходя на лестницу, она упала и ушибла себе левую сторону, после чего чувствовала постоянную боль, особенно в левом боку, несмотря на меры, принятые врачами. 12 октября она благополучно разрешилась от бремени сыном, который в честь деда был назван Петром. Дед [Петр I. — *В.М.*] вместе с своей любимой Натальей [Наталья Алексеевна (1673–1716), сестра Петра I. — *В.М.*] был его воспитателем от купели.

Первые дни родильница чувствовала себя недурно и сама начала кормить новорожденного. Но затем состояние ее ухудшилось, а на девятый день было уже так плохо, что созвали консилиум, на который царь прислал своих лейб-медиков Арескина, Блументроста, Поликала и других вместе с князем Меншиковым. Сам он был тогда очень нездоров и не выходил из комнаты. Екатерина также не могла прибыть, ибо сама ожидала разрешения от бремени. Консилиум нашел родильницу в безнадежном положении.

Следующим утром 21 октября Шарлотта, сознавая это положе-

⁵³В монархическом государстве — как это сейчас ни покажется странным — все, что касается семьи монарха, особенно наследников, является первостепенно важным.

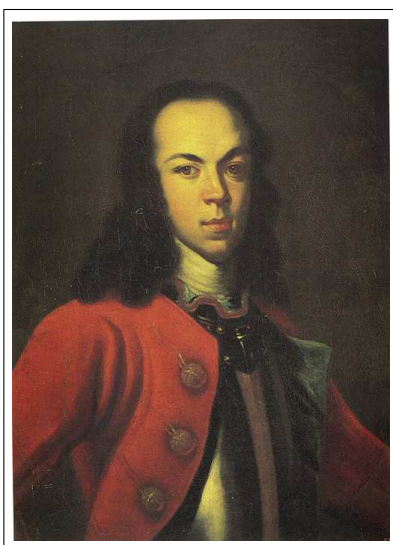

Рис. 2.14. Царевич Алексей Петрович.

ние, призвала свое доверенное лицо — барона Левенвольда⁵⁴ — и сделала последние распоряжения. Главное ее желание состояло в том, чтобы воспитание ее детей было поручено ее другу, принцессе Ост-Фрисландской⁵⁵, если на сие будет соизволение государя, в противном случае просила Левенвольда лично отвезти принцессу на родину. В заключение просила передать их величествам свою благодарность за все их благодеяния. В тот же день Петр по просьбе умирающей посетил ее, несмотря на свое нездоровье; она была еще настолько в памяти, что поручала его отеческому попечению своих детей и его милостивому вниманию — своих служащих. Ночью на 22 октября 1715 года она скончалась. По словам австрийского резидента (Плейера), Алексей не отходил от постели умирающей, а когда она скончалась, несколько раз падал в обморок. Потом взял на руки обоих детей и унес их в свою комнату.

Обратим внимание на слова об австрийском резиденте Плейере. За жизнью Шарлотты Софии наблюдал не только ее свекр Петр I, когда сам, а когда через Г.И. Левенвольде, что вовсе не является аморальным, а абсолютно естественно по нормам того времени. За ее жизнью также наблюдали представители ее сестры, супруги Императора Священной Римской империи Карла VI.

⁵⁴Герхарда Иоганна Левенвольде. — *Прим. В.М.*

⁵⁵Юлиана Луиза Ост-Фрисландская (1698–1740), кузина и подруга Шарлотты Кристины Софии, гофмейстерина ее двора. — *Прим. В.М.*

Рис. 2.15. Картина «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе», 1871 г. Художник Н.Н. Ге (1831–1894).

Существуют самые различные инсинуации на тему судьбы супруги царевича Алексея, одну из которых упоминает А.С. Пушкин — говоря: «она, *кажется*, изменила, etc.». Относясь ко всем этим слухам так, как они того заслуживают, скажем в заключение, что судьба Шарлотты Кристины Софии вряд ли сложилась счастливее судьбы ее законного супруга, старшего сына Петра Великого.

Вслед за А.Г. Брикнером⁵⁶, труд которого «Русский двор при Петре II» [12], опубликованный в 1896 г. в «Русской старине», является анализом дипломатической переписки, хранящейся в Вене, заметим, несколько забегая вперед⁵⁷, что

«... Граф Рабутин⁵⁸, бывший в России при Екатерине I, находил, что правительство очень мало заботилось о воспитании великого князя и что это упущение дорого может обойтись самой императрице. К этому австрийский дипломат прибавил (в своей депеше к Карлу VI, от 6-го октября 1726 г.) замечание, что вопрос о воспитании Петра Алексеевича должен считаться весьма деликатным и что затрогиванием его легко можно навлечь на себя негодование правительства. Немного позже Рабутин писал о намерении Екатерины [Екатерины I.

⁵⁶ Александр Густавович Брикнер (1834–1896), российский историк, профессор кафедры истории Дерптского университета.

⁵⁷ Поскольку Густаву Рейнгольду Левенвольде, младшему сыну Г.И. Левенвольде, посвящена гл. 6.

⁵⁸ Приведем выдержку из списка кавалеров ордена Св. Апостола Андрея Первозванного: «49: Бюсси-Рабутин, Игнац Амадеус, граф, австрийско-цесарский в России министр, умер в С.-Петербурге 28 августа 1727 г. Посол, представлявший интересы родной тетки Петра Алексеевича, потерявшего мать при рождении». — *Прим. В.М.*

Рис. 2.16. Принцесса Елизавета Кристина Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1691–1750), супруга Императора Священной Римской империи Карла VI (1685–1740). Прим. 1712 г.; художник неизвестен.

— *В.М.*] назначить воспитателем Петра графа Левенвольде⁵⁹. Несмотря на опасность коснуться вопроса о воспитании великого князя, Рабутин около этого же времени говорил Меншикову и Остерману о необходимости заняться серьезнее прежнего этим вопросом. В письме к австрийскому министру Шёнборну, Рабутин выставлял на вид, что в «народе» при назначении воспитателя непременно отдадут предпочтение кому-нибудь из русских. По мнению Рабутина граф Левенвольде⁶⁰ способен сделаться «директором» воспитания Петра. В разговоре с Меншиковым и Остерманом Рабутин настаивал на том, чтобы на великого князя действовали с целью развития в нем здравых мыслей и благородных чувств. Нельзя удивляться тому, что Рабутин считал выбор воспитателя делом довольно сложным. «Здесь это труднее, чем в других странах», писал он. Однако, более всего Рабутина смущало нерадение на этот счет русских министров.

Наконец, в марте 1727 г., значит, так сказать, накануне воцарения Петра [Петра II. — *В.М.*], Рабутин мог сообщить графу Шёнборну о назначении Остермана главным воспитателем Петра [Петра II. — *В.М.*] и Левенвольде его помощником⁶¹. Австрийский дипломат доносил, что этот выбор состоялся по личной инициативе императрицы

⁵⁹Густава Рейнгольда Левенвольде. — *Прим. В.М.*

⁶⁰Густав Рейнгольд Левенвольде. — *Прим. В.М.*

⁶¹Существо личных отношений между А.И. Остерманом и Г.Р. Левенвольде (первый был старше второго на шесть лет) в наше время существенно искажено. Нам пред-

Екатерины I и без ведома герцога голштинского, который был недоволен этим назначением.

... Выбор воспитателя был как нельзя более удачным».

О дальнейшем ходе воспитания Петра II сперва А.Д. Меншиковым, а после его свержения — Долгоруковыми⁶², многое известно. Помимо того, что его сперва *принуждали* жениться на Марии Александровне Меншиковой (1711–1729), затем *принуждали* жениться на Екатерине Алексеевне Долгоруковой (1712–1747), что является косвенной формой захвата власти, Долгоруковы молодого человека, оставшегося сиротой, как говорят, откровенно спаивали.

Относительно судьбы Шарлотты Софии, матери Петра II, написано много неверного. Источником ошибок историков в этом вопросе были переведенные на русский язык в 1845 г. «Записки» [52] Хакобо Фитц-Джеймса Стюарта, герцога де Лириа-и-Херика, испанского посла в России; он более известен российскому читателю под именем «дюк Лирийский». Вот выдержка оттуда, содержащая очевидные фактические ошибки:

«Он женил его⁶³ в 1711 г. на принцессе Шарлотте Кристине Брауншвейг-Вольфенбюттельской, младшей сестре правящей императрицы, принцессе добродетельной, красивой и рассудительной. У царевича были от нее дети — в 1714 г. принцесса Наталья и в 1715 г. будущий царь Петр II. Несчастная принцесса умерла от выкидыша⁶⁴, настрадавшись, как настоящая мученица, от мужа-варвара, который недостойно обращался с ней и никогда не оказал ей ни малейшего внимания».

Мы встретим дюка Лирийского в гл. 4, в связи с подложным родословием, изготовленным с его участием в неудачной попытке обмануть Карла Густава Левенвольде, старшего сына Г.И. Левенвольде. Но по тону приведенного выше отрывка несложно сделать заключение о личности самого говорящего; кроме того, это посол недружественной державы, проваливший свою миссию и негативно настроенный по отношению к стране, где он выполнял функции посла.

ставляется, что это была многолетняя и равноправная дружба. При этом «Остерман очень любит такого человека, которого всячески стараются отдалить от двора» (это утверждение относится ко времени *до* воцарения Анны Иоанновны; под «таким человеком» здесь подразумевается Г.Р. Левенвольде) и «он выдвинул Остермана, которого, как мы видели, бестужевская партия иначе не называла как «клеатурою (креатурою) Левольда» (это утверждение относится ко времени *после* воцарения Анны Иоанновны; «он» здесь — Г.Р. Левенвольде). — *Прим. В.М.*

⁶²В мемуарной литературе часто ошибочно пишут «Долгорукие» вместо «Долгоруковы». Мы будем приводить выдержки из таких мемуаров без коррекции.

⁶³«Он» — Петр I. «Его» — Алексея Петровича.

⁶⁴Sic! Вопреки этому утверждению, София Шарлотта умерла не от выкидыша, а родив сына Петра, впоследствии Петра II. — *Прим. В.М.*

Примерно через пятьдесят лет после смерти Шарлотты Софии возникла легенда, согласно которой она не умерла в 1715 г. и вместо ее тела в гроб положили деревянную куклу. Якобы она сбежала в Луизиану, где вышла замуж за французского офицера по имени д'Обан, с которым позже переехала в Париж. Затем они якобы переехали на остров Бурбон⁶⁵; когда д'Обан умер, Шарлотта София якобы вернулась в Европу и жила в Париже и Брюсселе, на пенсию от своей племянницы, императрицы Марии Терезии Австрийской. Генрих Чокке⁶⁶ (1771–1848) развил эту легенду в новелле под названием «Принцесса фон Вольфенбюттельская»; Шарлотта Берч-Пфайффер написала об этом либретто, а герцог Эрнест Саксен-Кобургский написал оперу «Санта-Кьяра» на эту тему.

Все это вряд ли удивит современного читателя. Но — как будет видно из следующего раздела — это мало удивило бы и людей XVIII в.: ничто не ново под луной в сфере домыслов, слухов и политической пропаганды.

2.6 Записки Моро де Бразе: «черная легенда»

Помимо архивных документов, полезным источником для добросовестного историка всегда были мемуары. Поэтому (см. выше, с. 20) ремарку А.С.Пушкина «...смотри Moreau de Brasey» следует понимать буквально — то есть, взять в свои руки книжки «Записок политических, забавных и сатирических господина Жана Никола де Бразе, графа Лионского, полковника Казанского драгунского полка и бригадира войск его царского величества» [112] и [113], написанные на французском языке и вышедшие двумя изданиями, 1716 г. и 1735 г., и тщательно их прочитать. Несомненно, что сам А.С.Пушкин так и сделал.

Наш интерес представляет — как ни странно — не то, что А.С.Пушкин решил донести в переводе до русского читателя, а то, что он не стал переводить. И именно эта, им не переведенная, часть раскрывает нам личностную характеристику Моро де Бразе и его жены, которая — согласно А.С.Пушкину — «как кажется, была то, что французы называют „une aventurière“». Суть непереуведенного текста — по словам А.С.Пушкина — в том, что «в 1714 году, г-жа Моро де Бразе была при дворе государыни великой княгини, супруги несчастного царевича, но не ужилаясь с молодым графом Левенвольдом и была выслана из Петербурга. ... В сих записках слишком часто принужден он [Моро де Бразе. — В.М.] оправдывать то себя, то свою жену. Они не имеют ни прелести Гамильтона, ни оригинальности Казановы: слог их столь же тяжел, как и неправи-

⁶⁵Ныне известный как Реюньон (фр. La Réunion), департамент и заморская территория Франции.

⁶⁶Heinrich Zschokke.

лен. ...Моро не любит русских и недоволен Петром; тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него поневоле».

Во вступительном слове к своему переводу «Записок Моро де Бразе» [82] А.С. Пушкин пишет:

«Бразье или Бразе, Иоанн Николай Моро де (Brasey), бригадир, автор путевых записок о России, родился в 1663 г., в Дижоне. До 1710 г. служил то во Франции, то в Испании; в этом году прибыл в Ригу и в следующем году был принят Петром на службу в чине полковника. Участвовал в Прутском походе, был ранен, получил отставку и чин бригадира и должен был покинуть Россию. После этого он много лет скитался по Европе, везде предлагал свои услуги, но и отовсюду почти получал отказы. Умер в 1723 г. в Бриансоне, на 60 году своей жизни. Бразье был человек весьма образованный, хорошо знал древних авторов, преимущественно поэтов, и оставил после себя несколько сочинений; из них напечатаны следующие: «Journal de la campagne de Piemont sous le commandement de Mr. de Catinat» (1690, тоже 1691 и 1692); «Relation de ce qui s'est passe a Chalons sur Sone a l'entree du duc de Bourgogne», 1701); «Suite du Virgile traversi de Paul Scarron» (Амстердам, 1706); «Memoires de la guerre du Turc et du Russe» (1713). Но главным образом известность создали ему его «Memoires politiques amusants et satiriques, de Messire (Jeune Nicolas de Brasey, comte de Lyon), colonel du regiment de dragons de Casanski et brigadier des armees de sa Majeste Czarienne», 3 т., 1716). В этих мемуарах Бразье едва ли не самым лучшим местом является описание Прутского похода, которое переведено на русский язык в «Современнике», № 2-й (СПб., 1837), с предисловием и примечаниями А. Пушкина. В этом описании Бразье не скрывает своего недовольства Россией и злобы на Петра и впадает в грубые погрешности не только против «благопристойности», но и против исторической правды».

Ниже мы приведем переводы с французского, сделанные автором этой книги⁶⁷ (см. [112]), полное название которой звучит так:

Moreau de Brasey, Jean Nicole. Mémoires Politiques, Amusans Et Satiriques De Messire J. N. D. B. C. de L., Colonel du Regiment de Dragons de Casanski & Brigadier des Armées de Sa M. Czarienne, Tome Premier. A Veritopolie [i.e., Amsterdam], Chez Jean disant Vrai. M.DCC.XVI (1716).

А.С. Пушкин это — прямо говоря, длинное — название перевел так:

Записки политические, забавные и сатирические господина Жана Никола де-Бразе, графа Лионского, полковника Казанского драгунского полка и бригадира войск его царского величества, в Веритополисе у Жана Дизанвре («в Истиннограде, у Ивана Правдивого»).

⁶⁷ Несмотря на то, что книга издана в 1716 г., ее легко найти в Интернете.

Начнем с перевода, сделанного А.С. Пушкиным.

с. 9 «В такое-то время я [Моро де Бразе. — *В.М.*] и прибыл в Ригу чтобы просить о службе Его Царское Величество, твердо решив лучше погибнуть от нищеты, чем повернуть оружие против своей страны, равно против ее интересов».

с. 11–12 «Около ноября месяца курьер от князя Меншикова привез уполномоченному генерал-комиссару лифляндскому барону Левенвольду [Герхарду Иоганну Левенвольде. — *В.М.*] приказание собрать рижских дворян и объявить им, что князь через месяц прибудет в Ригу для принятия от них присяги в верности и подданстве его царскому величеству. Между разными новостями князь прислал Левенвольду и условия, недавно предложенные Портою царю во избежание войны, неминущей в случае несогласия с его стороны. Я жил у Левенвольда. Мы провожали вместе часы веселия на досуге. Он показал мне эти условия; они состояли из семи статей:

- I. Возвратить Азов, а укрепления, вновь приложенные к прежним, также и новые крепости, выстроенные по берегам Черного моря, — разорить.
- II. Расторгнуть совершенно союз, заключенный с Фридриком-Августом, курфирстом Саксонским, и признать Станислава королем Польским.
- III. Возвратить всю Лифляндию и вообще все завоеванное русскими шведскому королю, а Петербург разорить и срыть до основания.
- IV. Заключить наступательный и оборонительный союз с королями Карлом XII и Станиславом противу Фридрика-Августа, курфирста Саксонского, если курфирст возобновит притязания свои на Польский престол, им уступленный Станиславу.
- V. Казакам возвратить их прежнюю вольность и преимущества.
- VI. Возвратить натурой или иначе все, что король шведский потерял через Полтавское сражение.
- VII. Морское войско и флот отвести к Воронежу и с ним к Черному морю не приближаться».

За что Моро де Бразе полюбил Г.И. Левенвольде? Жалуясь на беды, бедность и собравшись в Россию, Моро «отверз свое сердце»⁶⁸ некоему «графу Фризскому»⁶⁹ и получил от него рекомендательные письма, в том числе — к Г.И. Левенвольде.

⁶⁸Моро постоянно жалуется. При этом — обратим на это внимание читателя один раз и навсегда — он использует чрезвычайно напыщенный стиль и склонен к излишней, приторно-слащавой эмоциональности: «quand je lui eus fait une ouverture de cœur», и проч.

⁶⁹«Comte de Frise».

Рис. 2.17. Г.Р. Левенвольде, род. 1693 г., в Лифляндии, ск. 1758 г. в Соликамске.

Прибыв в Ригу, где было трудно найти жилье, Моро поспешил к Г.И. Левенвольде, который, страдая в то время подагрой, «принял его как многолетнего друга»⁷⁰. Моро встретил неожиданное для себя радушие и был приглашен поселиться — на всем готовом — в доме Г.И. Левенвольде⁷¹, который был пленипотенциарием Петра I, т.е. полномочным представителем верховной власти, а не содержателем постоянного двора для проежающих. Так что удивляться неожиданному для него гостеприимству Моро действительно мог.

За что Моро де Бразе возненавидел Г.И. Левенвольде? Упомянутая жена Моро, А.С. Пушкин говорит, что она, «как кажется, была то, что французы называют „une aventurière“». Мы сказали бы сильнее: она производит впечатление шпионки недружественного к России Французского двора, которой была поставлена задача внедриться в двор Софии Шарлотты, обер-гофмейстером которого был назначен⁷² Г.И. Левенвольде. Естественно то, что она получила от него должный отпор.

Обиженный муж, оскорбленный в лучших чувствах, довольно определенно отреагировал на это⁷³:

⁷⁰ «Je fus assez embarrassé pour trouver un logement en arrivant à Riga, puis que je fus contraint, n'en trouvant point, d'aller descendre chez le Baron de Leuvoldt, qui me reçut comme on reçoit un ami de longuemain». Здесь и далее мы сохраняем орфографию оригинала.

⁷¹ Il me fit donner un Appartement chez lui qu'il avoit fait meubler exprès.

⁷² Повторим, что при монархическом строе правления все, что связано с престолонаследием и жизнью семьи монарха, представляет первостепенную важность.

⁷³ Перевод В.М. Вот оригинальный текст: «Comme jusqu'ici le Baron de Leuvoldt ne m'avoit donné occasion que de me louer de la gérerosité apparente, & des bonne manières qu'il avoit eues pour moi, je n'avois vécu qu'en reconnoissance avec lui; mais la conduite

«... поскольку до сего времени я видел со стороны барона Левенвольда только видимые проявления щедрости и хороших манер в отношении меня, у меня не возникало к нему никаких других чувств, кроме благодарности. Но отношение его к Правительнице Двора Ее Высочества⁷⁴, моей жене, не позволяет мне больше хранить молчание. Поскольку он объявил себя врагом Графини Лионской, я объявляю себя его врагом и покажу ему — хотя мягкосердечие мешало мне до сих пор это сделать — кем он является в своем существе, и что это же самое чувство заставляет меня теперь сорвать с него маску, чтобы ославить его на весь мир и чтобы все знали, каков он есть и не заблуждались на его счет.

Далее — на протяжении десятков страниц — следуют потоки изощренных ругательств⁷⁵. Не будем приводить их примеров. Заметим лишь, что Густава Рейнгольда Левенвольде, младшего сына Г.И. Левенвольде, Моро де Бразе называет «jeune étourdi» («молодой вертопрах»), «sans esprit» («слабоумным»), «mal-fait» («недоделком»), «laid» («уродом»), «Calmouque en un mot» («одним словом, калмыком»), etc. Портрет этого «молодого вертопраха» и «одним словом, калмыка», организовавшего (см. [2]) впоследствии Русский Императорский двор при Анне Иоанновне, мы можем видеть, он сохранился: см. рис. 2.17.

Лишь один пункт в обвинениях Моро, предназначенных европейскому читателю, мы не оставим без внимания. Вот он⁷⁶:

qu'il a tenuë avec la Gouvernante de la Cour de Son Altesse Imperiale ma femme, ne me permettant pas de garder la silence, je veux, puis qu'il s'est déclaré l'ennemi capital de la Comtesse de Lion, me déclarer le sien, & lui montrer que si la charité m'a empêché de révéler ce qu'il est dans le fond jusqu'ici, cette même charité me force à le démasquer, pour que toute la terre connoisse le Baron Leuholdt tel qu'il est, & n'y soit plus trompé».

⁷⁴Sic! Этот титул — «Gouvernante de la Cour» — понятное дело, был выдан мужем своей жене. В росписях двора такой персоны не значится. По словам А.С. Пушкина, Моро, «вероятно по своей драгунской привычке, располагал иногда чужою литературной собственностью, как неприятельскою»; очевидно, это относилось не только к литературе. — *Прим. В.М.*

⁷⁵Вероятно, именно это названо А.С. Пушкиным «погрешностями ... против благопристойности».

⁷⁶Оригинальный текст: «... Peut-être quelque rigide Censeur m'accusera d'ingratitude à son égard quand il verra les couleurs que j'emploie ici, après avoir leu les termes dont je me fis servi dans les Memoirs de la Guerre de Turc, & du Russe que je donnai au public en 1713, mais qu'il sache que ce n'est qu'en faveur des obligations que je lui avois, que j'avois évité de définir ce cœur faux, cette ame lâche & ville, & de démasquer un homme dont la conduite est abominable, la vie un tissu d'ordures, & de caractère pernicieux aussi-bien que les mœurs, ce qui l'a rendu l'horreur de tous ceux qui le connoissent à fond. J'atteste ici la Noblesse de Riga. Le Baron de Leuholdt est Livonien de Nation, & par consequence né sujet du Roi de Suede, & de jeunesse attaché à son service. Il secoïa le joug de son Roi en se joignant à Patkul quand il trahit son Roi & sa patrie. La récompense qu'à eu ce traître à la tête des Armées Sueadoises, est la même qu'auroit le Baron de Leuholdt, s'il tomboit entre les mains des Suedois, & c'est la crainte de finir ses jours par la main d'un bourreau, qui le retient au service de Sa Majesté Czarienne, qui ne laisse pas de s'en défier aussi-bien que toute la Nation Russe. Il n'y a point de Souverain qui ne caresse un traître, & qui ne chérísse la trahison quand elle vise à ses intérêts, sur tout en pays de conquête. Leuholdt

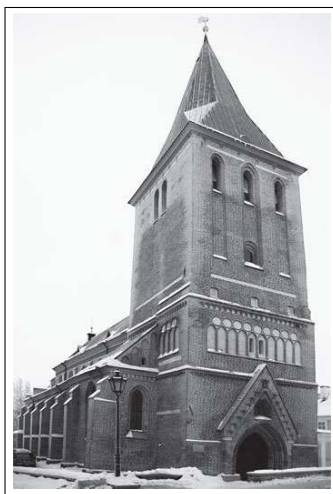

Рис. 2.18. Церковь Св. Иоанна в Дерпте (Тарту).

«... возможно, строгий цензор упрекнет меня в неблагодарности, когда увидит те цвета, какие я использую здесь в моем описании, особенно после того, как он [Строгий цензор. — *В.М.*] прочел ранее то, что я писал в 1713 году о времени войны с Турцией. Но пусть он [Строгий цензор. — *В.М.*] знает, что это было из-за тех обязательств, которые я имел перед ним [Г.И. Левенвольде. — *В.М.*] — и поэтому я избегал говорить об этом лживом сердце, душе мезкой и подлой, и разоблачить этого человека гнусного поведения, проводящего жизнь в непристойности, пагубного характера и вкусов, повергавших в ужас всех, кто постиг его до самого дна⁷⁷; я говорю здесь о благородном сословии Риги. Барон Левенвольд [Г.И. Левенвольде. — *В.М.*] был ливонцем по своему происхождению, по воле случая был рожден подданным короля Швеции и с юности был на его службе. Он сбросил иго своего короля⁷⁸ и присоединился к Паткулю, когда последний предавал своего короля и свою родину. Кара, которую получил сей предатель (Паткуль)

étoit Livonien, le Czar soumettoit cette Province, & n'en pouvoir à fond savoir les affaires secretes, que par les Gentilshommes du pays qui en avoient la Régence. Le seul Leuvoldt, qui étoit pour lors en Saxe, & qui avoit été témoin de la manière dont le Roi de Pologne avoit remis Patkul entre les mains des Suedois, & qui comme toute la terre avoit sçu la justice que lui avoit rendu le Roi de Suede, de craignant la même destinée, s'offrit au Czar & le servit utilement pour la ruine de ses Compatriotes & de son pais, ce que lui mérita la Charge de Plénipotentiaire Commissaire Général de la Livonie, etc.».

⁷⁷Заметим попутно, причем это относится ко всем его мемуарам, что Моро очень любит прилагательные превосходной степени. Удивительна его всегдашняя логика: кто мне хорош, тот всем хорош. — *Прим. В.М.*

⁷⁸Так в подлиннике («il secoïa le joug de son Roi»). Да так и по существу: Эстляндия и Лифляндия были присоединены к Швеции в 1651 г. и 1660 г. в результате военной оккупации и Швеция наложила иго на эти страны. — *Прим. В.М.*

Рис. 2.19. Церковь Св. Иоанна, довоенная фотография.

от шведских армий была бы такой же и для барона Левенвольда, если бы он попал шведам в руки, и боязнь закончить жизнь в руках палача привела его к службе Царскому Величеству, который презирал его так же, как и вся русская нация. На свете нет такого владыки, который бы не ласкал предателя, и который не приветствовал бы предательства, если бы это ему было на пользу, особенно в завоеванной стране. Левенвольд был ливонцем. Царь покорил эту страну, но не знал ее деталей и секретов, и должен был прибегнуть к помощи людей благородного происхождения из этой страны, которым доверил управление от своего имени. Один Левенвольд, который был до этого в Саксонии и который видел, как Польский король выдал Паткуля в шведские руки, и как весь мир приветствовал это наведение справедливости Шведским королем, опасаясь подобного и себе, предложил свои услуги царю и служил ему с пользой для окончательного разорения своих соотечественников и своей страны, что и дало ему пост Полномочного и генерального представителя в Ливонии, и проч.».

Сто лет после присоединения к России. Интересно оценить в исторической перспективе, прав ли был в своих оценках Моро де Бразе, хотя вопрос о правоте оценок этого автора изначально поставлен неправомерно: творчество Моро де Бразе — это довольно грубая пропаганда в духе «черной легенды»⁷⁹.

Итак, в 1710 г. «Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян» потому, что «шведск.<ая> редукция была уничтожена». Видно ли, скажем, из последующих ста лет, прав ли оказался Петр I, при участии своего

⁷⁹ «Черной легендой» называется историографический феномен, при котором тенденциозно и предвзято сообщаются сфабрикованные, преувеличенные и вырванные из контекста факты; это направлено против определенных лиц, наций или учреждений с намерением создать искаженное представление о них. В новой европейской истории такой феномен впервые возник как средство борьбы Англии против Испании в XVI в.

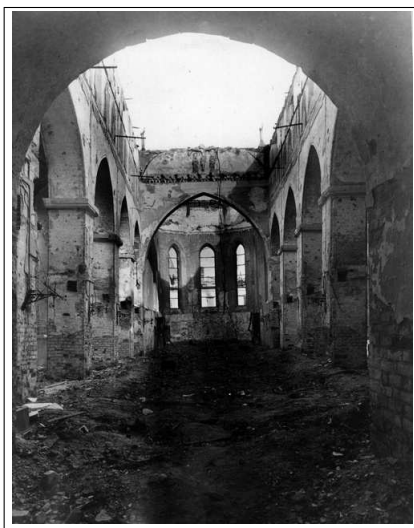

Рис. 2.20. Церковь Св. Иоанна в Дерпте, сразу после войны.

полномочного представителя Г.И. Левенвольде включив в состав Российской империи завоеванные прибалтийские провинции (Курляндия была присоединена к России позднее, в 1795 г.) на беспрецедентных условиях сохранения местного самоуправления, вероисповедания и языка?

Среди первого выпуска Царскосельского Лицея, к которому принадлежал А.С. Пушкин, мы видим Антона Дельвига и Модеста Корфа. Это представители потомков Балтийского рыцарства⁸⁰. Мать их товарища, будущего Светлейшего князя и канцлера Александра Горчакова, звалась Елена Доротея Ферзен. Имя графа (с 1795 г.) Ивана Евстафьевича Ферзена, ее дальнего родственника и представителя древнего эстляндского рода, было в конце 18-го века известно каждому русскому. По словам А.В. Суворова, сказанным о нем в 1894 г., «озараясь еще свежей славой, разбитием главного бунтовщика Костюшки и взятием его в плен, совокупил он новые лавры; при всей слабости здоровья, бодрствуя духом, превозмогал он и труды, и опасности, и как распоряжением по своей части, так и мужеством подтвердил известную о нем репутацию». Мы скажем об И.Е. Ферзене больше в гл. 8.

Еще один выпускник Лицея, Вильгельм Кюхельбекер, отец которого имел саксонское происхождение, по материнской линии приходится близким родственником другому представителю Балтийского дворянства — князю (с 1815 г.) Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли, русскому

⁸⁰ Антон Дельвиг принадлежит к Лифляндскому, а Модест Корф — к Курляндскому дворянству немецкого происхождения.

Рис. 2.21. Расчистка и раскопки в церкви Св. Иоанна, 1958 г.

полководцу⁸¹. В войне 1812–1814 гг. имена представителей Балтийского дворянства встречаются решительно на всех уровнях, включая высокие командные. Вот лишь несколько фамилий из именного указателя к книге «Бородино: Документальная хроника» [11]: Беллинсгаузен, Бистром, Буксгевден, Будберг, Врангель, Клодт фон Юргенсбург, Кнорринг, Корф, Левенвольде, Левенштерн, Мантейфель, Остен-Сакен, Пален, Розен, Тизенгаузен, Штемпель, Шлиппенбах, Энгельгардт⁸². Представители этих семейств — иногда практически вся мужская их часть — были в войсках. Поэтому известны, например, Розен 1-й, Иван Карлович; Розен 2-й, Григорий Владимирович; Розен 3-й, Александр Владимирович; Розен 4-й, Роман Федорович, и так далее⁸³; из семьи Шлиппенбах офицерами в раз-

⁸¹ «У русского царя в чертогах есть палата: Она не золотом, не бархатом богата. . . » — кому не известно это замечательное стихотворение А.С. Пушкина, написанное в 1835 г.

⁸² Особо скажем об Энгельгардте Павле Ивановиче (из смоленских Энгельгартов), который 15 октября 1812 г. был расстрелян у Молоховских ворот Смоленской крепостной стены. В последний путь его провожал священник Одигитриевской церкви, первый смоленский историк Никифор Мурзакевич. По воспоминаниям очевидцев, перед расстрелом он прервал читавшего ему приговор конвойного, запретил завязывать ему глаза со словами: «Прочь! Никто не видел своей смерти, а я её буду видеть», простился с сослуживцами и приказал стрелять. Первоначально французы прострелили ему ногу, обещая отменить расстрел и вылечить Энгельгардта в случае согласия его на переход на их сторону, но тот вновь отказался. Тогда был дан залп из 18 зарядов, 2 из которых прошли в грудь и 1 в живот. Энгельгардт остался жив и после этого. Тогда один из французских солдат убил его выстрелом в голову.

⁸³ В номерах иногда имеется путаница. Она легко разрешается, если обратиться к послужным спискам указанных лиц.

личных чинах в войсках и на флоте в то время было (см. [54], с. 56–86) девять⁸⁴ человек.

Среди кавалергардов вплоть до 1860-х годов о Бородинском сражении вспоминали (см. «Воспоминания» [106] С.Д. Шереметева) так: «... и был под Бородиным, когда убит был полковой командир Левенвольде». В «Сборнике биографий Кавалергардов» [71] сказано: «оба брата Левенвольде, достойные представители нашего Балтийского дворянства, нашли смерть на поле сражения, защищая, в рядах кавалергардов, честь и достоинство своего отечества — России»; мы вернемся к этому с большими подробностями в гл. 7.

К началу 1800-х годов Балтийское дворянство оказалось тысячами нитей связано с Российской империей. Сам А.С. Пушкин всегда знал, что бабушкой его жены, Натальи Николаевны Гончаровой, была Эуфрозиния Ульрика фон Липгарт. Увезший ее от мужа Иван Александрович Загряжский — скажем мы в дополнение — служил в 1780-х годах в Каргопольском карабинерном полку. А несколькими годами ранее в том же полку служили, и воевали в Турции и Польше, два брата, Андрей и Максим Шлиппенбах, старший из которых позднее стал директором Конногвардейских конских заводов (в Скопине и Починках), снабжавших гвардейские полки конским составом в военное и предвоенное время⁸⁵; об А.И. Шлиппенбахе мы скажем больше в гл. 8.

Вероятно, именно оценки Моро де Бразе, подобные приведенной выше, назывались позднейшими историками «погрешностями не только против благопристойности, но и против исторической правды».

В 1825 г. А.С. Пушкин написал эпигramму на критика и журналиста Михаила Каченовского:

« — Как! жив еще Курилка журналист?
 — Живёхонек! всё так же сух и скучен,
 И груб, и глуп, и завистью размучен,
 Все тискает в свой непотребный лист
 И старый вздор, и вздорную новинку.
 — Фу! надоед Курилка журналист!
 Как загасить вонючую лучинку?
 Как уморить курилку моего?
 Дай мне совет.
 — Да ... плюнуть на него».

Разобравшись в творчестве Моро де Бразе, *но не раньше*, мы — как это и сложилось в русской традиции — последуем этому мудрому совету.

⁸⁴ Недавно выяснилось, что их было десять.

⁸⁵ Андрей Иванович Шлиппенбах, ум. 1813 году, будучи директором Кавалергардских конских заводов.

2.7 Кости из захоронений были вывезены ... в неизвестном направлении

Герхард Иоганн Левенвольде похоронен 26 апреля 1723 г. в Дерпте.

Можно предположить, что могила его была в церкви Св. Иоанна (см. рис. 2.18 и 2.19), выстроенной в XIV в.: именно там находился (см. гл. 6) памятный знак, который в XIX в. был поставлен в память о кавалергардах братьях Казимире и Карле Левенвольде, погибших в 1805 г. и 1812 г., соответственно.

В августе 1944 г. церковь Св. Иоанна сильно пострадала (см. рис. 2.20): в нее попала бомба и церковь охватил пожар.

В 1954–1965 гг. в Тарту проводились раскопки, которые возглавлял Олев Принтц⁸⁶. В 1958 г., в результате расчисток и раскопок фундаментов церкви Св. Иоанна (см. рис. 2.21) находившиеся там захоронения были уничтожены. По рассказам современников, кости из захоронений были вывезены на грузовике в неизвестном направлении.

⁸⁶Olev Prints (1923–1993).

Глава 3

Карл Густав Левенвольде

Карл Густав Левенвольде, родившийся не ранее 1680 г., года брака его родителей, был старшим из трех сыновей Герхарда Иоганна Левенвольде. Ему и двум его младшим братьям посвящена эта и следующие три главы.

3.1 К.Г. Левенвольде, генерал-адъютант Петра I

Вот как выглядит стандартная и достаточно точная информация, которую обычно помещают в указателе имен:

Карл Густав Левенвольде (ск. 30.4.1735) — граф с 1726 г. Генерал-адъютант Петра I, подполковник, затем полковник. При Екатерине I бригадир. В 1727–1730 гг. в отставке, жил в своем курляндском¹ имении. В 1730 г. по поручению своего брата Густава Рейнгольда (см. разд. 6.1) известил Анну Иоанновну о решении Верховного тайного совета. С 1730 г. генерал-поручик, полковник л.-гв. Измайловского полка. В 1731–1732 гг. — посол в Австрии, затем в Пруссии и Польше. С 1732 г. обер-шталмейстер².

Можно заняться проверкой по документам, например, того, когда — в 1730 г. или в 1731 г. — К.Г. Левенвольде был произведен из генерал-майоров в генерал-поручики³. Можно проверить, где были его имения. Но это очень мало влияет на понимание динамики событий, в которых К.Г. Левенвольде был активным действующим лицом. Напротив, то, что

¹Правильно: «лифляндском» или «эстляндском». — *Прим. В.М.*

²Придворные чины в России в 18–начале 20 вв. — личные звания, предусмотренные табелью о рангах для лиц, занимавших высокие должности при императорском дворе или дворах членов императорской фамилии (обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-шталмейстер, обер-егермейстер, обер-гофмейстер, обер-шенк, обер-церемониймейстер, камергер и др.). Существовали также придворные почетные звания для дам и девиц (камер-фрейлина, фрейлина и др.). — *Прим. В.М.*

³И как правильно говорить: «генерал-поручик» или «генерал-лейтенант». Согласно «Списка генеральских чинов российской императорской армии и флота» [76] К.Г. Левенвольде — бригадир (в 1726 г.), генерал-майор (в 1730 г.), генерал-лейтенант с 01.01.1731, генерал-аншеф (в 1735 г.).

Рис. 3.1. Парный герб супругов К.Г. Левенвольде и Ш. Розен.

он сформировал л.-гв. Измайловский полк именно в 1730 г. — весьма важный и влияющий на понимание исторического процесса факт.

Пониманию мешают широко распространенные и иногда удивительные по нелепости ошибки. Для примера вопиющих смысловых ошибок приведем следующее примечание к биографии генерал-фельдмаршала гр. Миниха из книги «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» [6] Д.Н. Бантыш-Каменского:

Левенвольд Карл Густав, *любимец* Бирона, возведен Императрицею Анною Иоанновною из *камердинеров* Высочайшего Двора в генерал-поручики, генерал-адъютанты, полковники гвардии Измайловского полка; получил орден Св. Апостола Андрея Первозванного (1733 г.); был полномочным министром: в Берлине, Вене и Варшаве; умер 30 апреля 1735 г. Он исходатайствовал своим землякам, лифляндцам, возобновление их привилегий; соединял с обширным умом и отличными способностями коварство, чрезвычайную скупость. Не только подчиненные, но даже сам Бирон боялся его и во всех делах совещался с ним.

Вот то, что режет глаз⁴ автору этой книги:

- игривое слово «любимец», странно звучащее для тех, кто знает фразу из «Записок и замечаний гр. Эрнста Миниха» [63], сына фельдмаршала Б.Х. Миниха: «сам Бирон, который ни с кем другим не хотел делить власти своей у императрицы, не только сего

⁴Отстаньте, сукины дети! Что я за Гришка? — Как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! ...

Рис. 3.2. Шарлотта Левенвольде (урожд. Розен). Автор: И.Ф.А. Дарбес. Место хранения: Государственный Русский музей, С.-Петербург. Время создания: 1782 г.

мужа, доколе он жив был, при себе терпел, но даже, чему удивиться должно, некоторым образом его боялся»,

- поразительное по своей нелепости слово «камердинер»⁵. Если Д.Н. Бантыш-Каменский имел в виду слово «обер-гофмаршал», то это относится не к Карлу Густаву, а Густаву Рейнгольду. Но в любом случае разница между этими словами такая же, как между «Государем» и «милостивым государем», то есть огромная.

Наконец, личностная характеристика⁶, которую приводит Д.Н. Бантыш-Каменский, явно взята из чьих-то мемуаров; здесь чувствуется рука дюка Лирийского. Кто этот дюк (т.е. герцог) и насколько можно считать его объективным мемуаристом, мы увидим в гл. 4.

Апогеем невежества, верхоглядства и, в известном смысле, наглости является книга В. Пикуля «Слово и дело». Так, рисуя демонический образ, В. Пикуль почему-то решил, что «все Левенвольде отравители» и что жена К.Г. Левенвольде взята им чуть не силой, будучи малолетней.

⁵Если это авторский текст Д.Н. Бантыш-Каменского, а не опечатка позднейших издателей, то он негодный историк, а фраза эта — капкан для неподготовленного читателя: *камердинер* (нем.: Kammerdiener, букв. комнатный слуга, служитель при господине), да в генерал-поручики, генерал-адъютанты, полковники гвардии Измайловского полка, кавалеры ордена Св. Апостола Андрея Первозванного... Подобное бывало; пример тому — супруг Елизаветы Петровны А.Г. Разумовский. Но это единичные и в большинстве своем хорошо известные особые случаи.

⁶Повторим ее: «соединял с обширным умом и отличными способностями коварство, чрезвычайную скупость».

На самом деле, К.Г. Левенвольде родился не ранее 1680 г., года брака его родителей, а его жена — 18.6.1698 г. В брак они вступили в 1722 г. Отсюда разница в возрасте у супругов не больше 18 лет. В единственный в своей жизни брак Шарлотта Розен вступила 24 лет, что очень поздно по тем временам. Она умерла (см. рис. 3.2) в 1782 г., в возрасте 84 лет, а ее муж — в 1735 г., в возрасте не больше 55 лет. Парный герб супругов К.Г. Левенвольде и Ш. Розен (см. рис. 3.1) наводит на мысль, что в защите В. Пикюля друг от друга роды Левенвольде и Розен не нуждаются; это же следует и из «Очерка фамильной истории баронов фон Розен» [87], автор которого — А.Е. Розен. Большого внимания авторские выдумки В. Пикюля не заслуживают.

Перед тем, как переходить к рассказу о К.Г. Левенвольде, приведем несколько документов и мемуарных свидетельств, в которых он упоминается в молодые годы.

Письма и бумаги императора Петра Великого [75]. ► *Петр I о своем генерал-адъютанте Карле Густаве Левенвольде. № 6405 — Писано 28 декабря 1713 Августейшему императору Карлу VI.*

«... Но паче зло злей учинил [город Гамбург — В.М.] и худые свои поступки к нам умножил... и с нашими офицерами и служителями, которые в городех посланы были для наших дел, а особливо з генерал-адъютантом бароном⁷ Левенволдом, зело зле и бесчестно поступал, но и весьма допустил, что шведы на Гамбургской земле в самом присутствии городского караула и, знатно, по оного наущению, наших офицеров грабили, не упоминая о иных, толь многих нам и нашим подданным и служителям учиненных досадах». ■

Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год [8]. ► *Март 1723 г.*

«... Несмотря на то что река только что вскрылась и постоянно еще запруживалась множеством льда, император [Петр I — В.М.] плавал уже по ней взад и вперед и, как говорили, несказанно радовался, что вода открылась в этот год так рано, как никто не запомнит, потому что обыкновенно лед проходит здесь целым месяцем позже. В этот день приехали в Петербург оба Гессен-Гомбургских принца с подполковником Левольдом⁸, который сопровождал их. Младшему, говорят, шестнадцать, а старшему семнадцать лет. Они остановились очень далеко от нас, и неизвестно еще, как велика состоящая при них свита. В полдень император и императрица кушали в садовой беседке умершей недавно принцессы Марии». ■

⁷Карл Густав Левенвольде назывался Петром I «барон», хотя титулом не обладал. Он возведен в графское Российской империи достоинство в 1726 г. — *Прим. В.М.*

⁸То есть, с Карлом Густавом Левенвольде. Не путать Лев[енв]ольда с Левальдом (Lehwaldt, Lehwald, Lewald), прусским военачальником, в Семилетнюю войну дававшему сражение войскам Апраксина при Гросс-Егерсдорфе. — *Прим. В.М.*

Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год [8]. ► Апрель 1723 г.

«...Выходя из дворца, мы встретили генерала Ягужинского, который вел за руки обоих Гессен-Гомбургских принцев, идя с ними к императору; но его высочество не заметил этого. Оба этих принца живут в доме покойного генерал-майора Голицына. Подполковник Левольд, приехавший с ними в Петербург, несколько дней тому назад читал некоторым хорошим приятелям смешное место из одной голландской газеты, присланной ему отцом молодых принцев, именно, будто император российский ссудил князя Гессен-Гомбургского значительною суммой денег, в обеспечение которой последний отправил к его величеству в виде залога обоих своих сыновей. Между тем, говорят, эти принцы будут получать от императора ежегодно 6 000 рублей и провиант на 15 лошадей. Для чего они сюда приехали — покажет время. Незадолго перед обедом приехал с визитом секретарь посольства (австрийского) Гогенгольц, и так как его высочество опять дал уговорить себя кушать открыто, то он вместе с г. Измайловым был приглашен остаться у нас обедать. За столом много пили. После обеда его высочество катался немного на барке по реке и все время сам управлял рулем с помощью бригадира Плате».

А вот весьма неожиданный источник, в котором упоминается⁹ вдова К.Г. Левенвольде.

Джакомо Казанова. «История моей жизни» [43]. ► Том X: 1763–1765. Германия. Россия. Польша. Глава VII.

«... На другой день мы остановились в Копорье пообедать, имея в карете изрядный запас провизии и доброго вина. Через два дня мы повстречали славного регента Галуппи, прозванного Буранелло, каковой направлялся в Петербург с двумя друзьями и «виртуозкой». Он меня не знал и был изрядно удивлен, обнаружив в трактире, где он остановился, добрый венецианский обед, а впридачу и меня, приветствовавшего его на родном языке. Узнав мое имя, он долго меня обнимал.

Дождь испортил дороги, и мы целую неделю добирались до Риги, где я так и не нашел принца Карла Курляндского. Еще четыре дня ехали до Кенигсберга, где Вальвиль была принуждена меня покинуть — ее ждали в Берлине. Я оставил ей армянина, коему она любезно уплатила сто дукатов, мною ему должных. Через два года я повстречал ее в Париже, о чем расскажу в свой черед. Мы расстались весело, никакие грустные мысли, вечный спутник разлук, не омрачали хорошее наше настроение. Мы сделались любовниками лишь затем, что не ставили любовь ни во что; но мы прониклись друг к другу самой искренней дружбой. В

⁹Можно сказать, что она «упоминается» и в парном (слева от смотрящего муж — Левенвольде, справа от смотрящего — жена, Розен) гербе супругов, см. рис. 3.1, но там не видно лица.

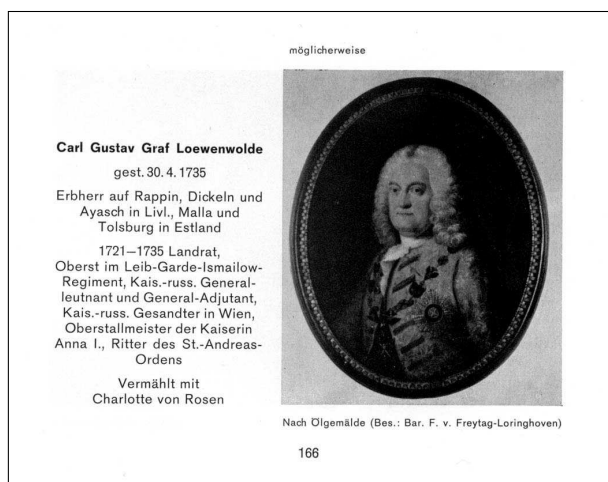

Рис. 3.3. Страница 166 книги Г. Крузенштерна [120].

местечке Кляйне Роп, что под Ригой, где мы остановились и заночевали, она предложила мне все свои деньги и драгоценности. Мы нашли приют у графини Левенвальд¹⁰, коей я вручил письмо от княгини Долгорукой. В гувернантках при ее детях¹¹ состояла красивая англичанка, жена Кампиони, с коей я познакомился в Риге в прошлом году. Она рассказала, что супруг ее в Варшаве и живет у Виллье. Она дала мне письмо для него, где просила не забывать ее. Я обещал понудить его прислать ей денег и сдержал слово».

3.2 К.Г. Левенвольде, лифляндский ландрат

Книга Г. Крузенштерна (1899–1989) «Ландмаршалы и ландраты лифляндского и эзельского рыцарства в иллюстрациях» [120] является¹² наиболее авторитетным источником, в котором перечислены лица, бывшие в Лифляндии на выборных должностях. Говоря формально, ландраты — это выборные представители, должностные лица самоуправления; ландмаршалы — выборные предводители дворянства.

На с. 166 книги [120] (см. рис. 3.3) над портретом надпись (по-не-

¹⁰ Левенвольде (урожд. Розен) Шарлотта (18. 6. 1698–1782), вдова Карла Густава Левенвольде. Напомним, что они вступили в брак в 1722 г., когда невесте было 24 года, очень много по тем временам. Она пережила мужа на 47 лет. Кляйне Роп [нем.: Klein Roop] — родовое имение Розенов. — *Прим. В.М.*

¹¹ Своих детей у графини Левенвольде, увы, не было. — *Прим. В.М.*

¹² Несмотря на нацистское прошлое автора.

Рис. 3.4. Кристиан Людвиг II Мекленбург–Шверинский (1683–1756).

мецки): «Карл Густав граф Левенвольде, ск. 30.4.1735, наследственный владделец Rappin, Dickeln и Ayasch в Лифляндии, Malla и Tolsburg в Эстляндии, ландрат в 1721–1735 гг., полковник л.-гв. Измайловского полка, генерал-лейтенант и генерал-адъютант русской службы, русский посол в Вене, оберштаймейстер царицы Анны I, кавалер ордена Св. Андрея, женат на Шарлотте Розен». С картины маслом. И пометка сверху: «möglichlicherweise», т.е. «предположительно».

Оказалось, что Г.Крузенштерн ошибся, но не в информации о лифляндском ландрате К.Г. Левенвольде, а в выборе портрета. Оказалось (см. рис. 3.4), что это портрет герцога Кристиана Людвиг II Мекленбург–Шверинского (1683–1756), художника Шарля Мокура¹³, нарисованный им в 1752 г. Место хранения этого портрета — музей замка Шверин.

Причину ошибки Г.Крузенштерна легко понять:

- на раме картины, в картуше, сверху — монограмма «CL», что можно понять как «Christian Ludwig», а можно и как «Carl Löwenwolde»,
- на груди изображенного — звезда и орденская лента русского ордена Св. Апостола Андрея Первозванного.

Известно, что герцог Кристиан Людвиг II Мекленбург–Шверинский стал кавалером этого ордена 30 октября 1749 г., а граф Карл Густав Левенвольде — 21 декабря 1733 г. Помимо всего сказанного, изображенный на портрете мужчина имеет вид весьма представительный.

Эта ошибка искушенного специалиста, каковым был Г.Крузенштерн,

¹³Charles Maucourt (1718–1768).

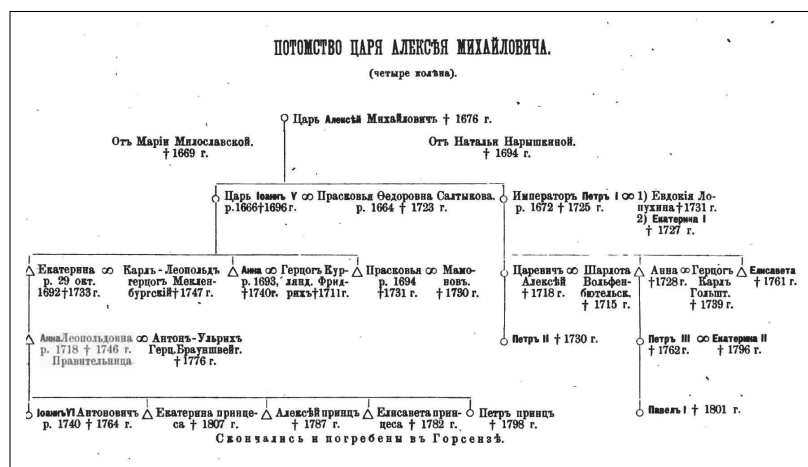

Рис. 3.5. Потомство царя Алексея Михайловича (из [109]).

позволяет читателю без лишних формальностей понять, каким в то время виделся лифляндский ландрат К.Г. Левенвольде.

3.3 Екатерина, Анна, Прасковья, герцог Мекленбургский и Анна Леопольдовна

Нам будет удобно дать тут краткую историческую справку, которая сильно облегчит читателю понимание дальнейшего.

Всего из Мекленбург-Шверинских и Мекленбург-Стрелицких кавалерами ордена Св. Андрея были 17 человек, начиная с 1716 г. и заканчивая 1901 г. Первым из них, в 1716 г., был герцог Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский. Герцог Кристиан Людвиг II Мекленбург-Шверинский (см. рис. 3.4) был вторым.

Суть в том, что род Мекленбургских восходит к князьям славянского племени бодричей и, будучи немецким по языку, традициям и положению, этот род рассматривался Романовыми как дальняя родня. Не вдаваясь в отдаленную историю, в 1701 г. появились герцогства Мекленбург-Шверин и Мекленбург-Стрелиц. Обе части Мекленбурга с этого времени стали именоваться великими герцогствами.

Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский (1678–1747) был женат на Екатерине Иоанновне (1692–1733), старшей дочери брата Петра I; от этого брака произошла Анна Леопольдовна (1718–1746). В 1728 г. Карл Леопольд был смещен с престола в 1717 г. в пользу своего брата Кристиана Людвига, изображенного на рис. 3.4. Смещенный герцог отличался

большими странностями («невоспитанный и бессовестный властитель», «непредсказуемый характер»). Из-за этого от него сбежала законная супруга, старшая сестра будущей императрицы Анны Иоанновны (см. схему 3.5 из [109]), с которой он обращался грубо и даже жестоко.

Нам интересен следующий отрывок из пересказа воспоминаний «Карл Леопольд дед императора Иоанна Антоновича» [109] Иоганна Дитриха Эйхгольца (1678–1747):

«... герцог¹⁴, желая овладеть городом Висмаром, занятым в то время союзными войсками, и не имея надежды найти подпору в императоре, обратил внимание на царя Российского, ныне столь сильного и уважаемого, и надеялся, что царь поддержит его, если он женится на одной из его племянниц. «Тогда я буду в состоянии, говорил он Эйхгольцу, всем предписывать законы». На сие Эйхголец возразил, что прижитие детей есть главная цель брака, и что царские племянницы для сего слишком стары. Герцог отвечал, что он намерен жениться на Анне Иоанновне, герцогине Курляндской, за которою получит славное герцогство. Эта мысль весьма понравилась Эйхгольцу. Герцог показал ему всю переписку с своим поверенным в С.-Петербурге, Габихтсталем. Из писем Габихтсталя видно было, что он привлек на свою сторону старика Левенвольде¹⁵ и что сей последний велел сказать герцogu: «*что хотя он Лифляндец и ныне российский вассал, но не забыл немецкого происхождения своего и не желал бы, чтобы немецкий князь был обманут. Qu'il falloit donc aller la bride en main et ne s'embarquer point sans biscuit*»¹⁶. Слова Левенвольде побудили Эйхгольца советовать герцogu не слишком торопиться в сем деле».

3.4 Митавские кондиции: «бессилен немогущий удар»

Кавалером ордена Св. Апостола Андрея Первозванного К.Г. Левенвольде стал за услуги, оказанные государству в 1730 г.: бывший генерал-адъютант Петра I в числе ряда прочих лиц не позволил заговорщикам превратить Россию из монархии в государство с эклектичным устройством власти, что в условиях России XVIII в. неизбежно вело к анархии и разрухе.

Поскольку для многих это утверждение спорно или даже неприемле-

¹⁴Речь идет о Карле Леопольде Мекленбург-Шверинском. — Прим. В.М.

¹⁵Речь идет о Герхарде Иоганне Левенвольде. Текст ниже выделен курсивом нами. — Прим. В.М.

¹⁶Перевод этой французской фразы: «Не должно ехать спустя поводья и пускаться в море, не запасшись сухарями». — Прим. В.М.

мо, мы сошлемся на А.С.Пушкина, которого трудно упрекнуть в отсутствии симпатии к «русскому боярству». Вот его оценка событий 1730-го года¹⁷:

Царя не стало; государство
Шаталось, будто под грозой,
И усмиренное боярство
Его железною рукой
Мятежной предалось надежде:
«Пусть будет вновь, что было прежде,
Долой кафтан кургузый. Нет!
Примером нам да будет швед».
Не тут-то было. Тень Петрова
Стояла грозно средь бояр.
Бессилен немощный удар,
Что было, не восстало снова;
Россию двинули вперед
Ветрила те ж, средь тех же вод.

Основную смысловую строку «примером нам *да будет* швед», не понимая мысли А.С.Пушкина, иногда цитируют неправильно¹⁸: «примером нам *не будет* швед». Ниже мы разберем ее подробнее.

Но сперва сообщим, что А.С.Пушкин писал об этом (см. [84], с. 90) факте русской истории прозой:

«Аристократия... неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; ныне же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы. Памятниками неудачного борения аристократии с деспотизмом остались только два указа Петра III-го о вольности дворян, указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться».

¹⁷А.С.Пушкин. «Езерский». Варианты начальных строф романа. Строфа VII. Собрание сочинений в 10 томах, т. IV, с. 399.

¹⁸Даже М.И.Семевским в [96], в конце гл. «Заклучение», на с. 254.

Итак, фраза «примером нам да будет швед» — это прямое упоминание А.С. Пушкиным митавских кондиций, принятие которых означало бы для России откат к допетровской эпохе. Прообразом для этих кондиций были перемены в государственном устройстве Швеции при Ульрике Элеоноре (1688–1741), известные как «эра свобод», которая вовсе не является источником или прообразом современной шведской государственной системы.

«Демократический» переворот в Швеции. Законным преемником Карла XII, убитого в конце 1718 г. под Фредриксхальдом, в Норвегии, являлся герцог Голштинский, отец Петра III, женившийся в 1726 г. на дочери Петра I Анне. Он — сын сестры Карла XII, Гедвиги Софии (1681–1708). Получить корону также стремился муж младшей сестры Ульрики Элеоноры, герцог Фридрих Гессенский (1671–1751), но сделать это законным путем он не мог. Во-первых, Карл XII выбрал своим наследником герцога Голштинского. Во-вторых, жена Фридриха Гессенского Ульрика Элеонора вышла замуж не за лютеранина или, по крайней мере, без разрешения риксдага¹⁹, нарушив закон 1604 г.: Фридрих Гессенский исповедывал реформаторскую ветвь протестантизма. Налицо был династический конфликт.

Ульрика Элеонора обошла закон 1604 г., предложив нации уничтожить самодержавие. Об этом она заявила на заседании риксдага вечером 2 декабря. Уже 20 января 1719 г. риксдаг приступил к работе, а 21 февраля сословия вотировали конституцию. Таким образом Ульрика Элеонора, поступившись законодательными прерогативами, сделалась королевой. Год спустя она отреклась от престола в пользу своего мужа. Сословия согласились на коронацию Фридриха Гессенского, получив взамен королевские исполнительные полномочия.

Итак, вся полнота власти в Швеции в два этапа перешла к сословиям: законодательной властью обладали депутаты риксдага, а исполнительной — правительство (риксрод во главе с канцлером Арвидом Горном). Фридрих Гессенский короновался 14 мая 1720 г., став царствующим, но не управляющим монархом Фредериком I.

Однако эта династическая комбинация в конце концов закончилась не торжеством демократии и парламентаризма, а разногласиями в риксдаге, которые перешли в конфликт между дворянами и низшими сословиями. Густав III (1746–1792), находившийся на троне с 1771 г. по 1792 г., произвел при поддержке большинства дворян государственный переворот в 1772 г. и восстановил монархию²⁰.

¹⁹Однопалатное «собрание сословий», сословно-представительный орган. В «эру свобод» (1718–1772) являлся главным законодательным органом, после 1772 г. стал собираться только по решению короля.

²⁰Между окончанием правления Фредерика I, как Фридрих Гессенский стал называться после коронации, и началом правления Густава III прошло ровно 20 лет.

Попытка «демократического» переворота в России. Приведем отрывок из «Записок и замечаний гр. Эрнста Миниха» [63], автор которых, Иоганн Эрнст Миних²¹ (1707–1788) — сын фельдмаршала Б.Х. Миниха.

«... между тем семья Долгоруких²² почти всю власть в России в свои руки захватила. Молодой император принужден был обручиться с сестрой своего наперсника [Долгоруков, Иван Алексеевич. — *В.М.*], но лишь только мы о сем известились, как граф Головкин чрез нарочного получил неожиданное известие, что Петр II в 19 день января 1730 г. скончался и вдовствующая герцогиня Курляндская, вторая дочь царя Иоанна Алексеевича, приняла российский престол.

В правление покойного императора Петра II все дела государственные решались в так называемом Верховном совете, состоявшем из пяти или шести особ, в котором князь Долгорукий [Долгоруков, Василий Лукич. — *В.М.*] больше всех голосу имел. Лишь только молодой император свой дух предал, то означенный совет съехался на совещание о наследии империи. Кончиною Петра II пресеклось мужское колено императорского дома, поэтому князь Долгорукий и его сообщники почли сие обстоятельство удобным случаем, чтобы власть российских государей некоторым образом ограничить. Они не чаяли в том ошибиться, когда, невзирая на степень родства или на перво-рождение, поднесут престол российский такой государыне, которая будет им благодарна за оказанное ей преимущество и, следовательно, из признательности подтвердит все, какие ни будут ей представлены, условия.

И так выбор пал, как выше сказано, на вдовствующую герцогиню Курляндскую, и примечательнейшие предложенные ей статьи были следующие:

1. без усмотрения и согласия высокого совета никакого в делах государственных не подавать решения, следовательно,
2. не объявлять войны и не заключать мира.
3. Никаких не налагать поборов или налогов.
4. Никого за преступление в оскорблении величества не осуждать к смерти в одной тайной канцелярии и ни у одного дворянина не конфисковывать имения без ясного доказательства на учиненное им вышеозначенное преступление.
5. Беспрекословно довольствоваться определяемым на содержание ее особы и придворного штата годовым доходом.
6. Казенных вотчин никому не дарить.
7. Не вступать в брак и не назначать наследника престола.

²¹В русских документах он Сергей Христофорович Миних.

²²Правильно: Долгоруковых. — *Прим. В.М.*

После сего к новой императрице, обретавшейся в Митаве, отправлены депутаты, между коими предводителем был князь Василий Лукич Долгорукий, чтобы возвестить ей об избрании ее и упомянутые статьи предложить на утверждение.

Сия до формы правления касающаяся перемена²³ не могла быть столь скрытна, чтобы не проведал об оной камергер покойного императора [Петра II — В.М.] граф Густав Рейнгольд Левенвольде, которого старший брат, после бывший обер-шталмейстером у императрицы Анны Иоанновны, жил тогда в отставке в своих деревнях в Лифляндии и с давнего уже времени предан был герцогине Курляндской. Дабы уведомить сего и чрез него императрицу об оном деле как можно скорее, не нашел камергер граф Левенвольде иного удобнейшего средства, кроме как послать своего скорохода в крестьянской одежде к нему с письмом в Лифляндию. Вестник, наняв сани, скоро поспел туда, так что старший граф Левенвольде успел отправиться в Митаву и приехать туда целыми сутками ранее, нежели депутаты. Он первый возвестил новоизбранной императрице о возвышении ее и уведомил о том, что брат к нему писал в отношении ограничения самодержавия. При том он дал свой совет, дабы императрица на первый случай ту бумагу, которую после нетрудно разорвать, изволила подписать, уверяя, что нация не долго довольна быть может новым аристократическим правлением и что в Москве найдутся уже способы все дела в прежнее привести состояние. После сего, откланявшись, без замедления возвратился в свои деревни.

Депутаты приехали в Митаву спустя один день. Императрица беспрекословно подписала предложенные условия и неукоснительно предприняла свой путь в Москву».

Сын фельдмаршала Миниха, знавший дело из первых рук, описывает события правильно.

В «Замечаниях на „Записки Г. Манштейна о России“» [37] неизвестного автора²⁴, в разделе «Об отправлении Сумарокова графом Ягужинским к Анне Иоанновне с извещением о замыслах Верховного совета» говорится следующее.

«Не чрез г. Сумарокова²⁵, отправленного графом Ягужинским, Анна Иоанновна получила первое известие о избрании ее на российский престол и об условиях, на которых Верховный совет предполагал вручить ей скипетр правления. Граф Карл Густав Левенвольде [На самом

²³Sic! Речь идет об изменении *формы правления*, т.е. не о дворцовом, а о государственном перевороте. — Прим. В.М.

²⁴Пытаясь вычислить личность автора «Замечаний», историки указывают на Эрнста Миниха, сына фельдмаршала Б.Х. Миниха. Но это невозможно из-за очевидных неточностей: в «Замечаниях» перепутаны два брата Левенвольде. Можно, конечно, предположить опisku, но это предположение равносильно гаданию.

²⁵Сумароков Петр Спиридонович (1709–1780). — Прим. В.М.

деле: Густав Рейнгольд. — *В.М.*], находившийся тогда камергером при российском дворе, отправил тайным образом нарочного к старшему²⁶ брату своему Рейнгольду [На самом деле: Карлу Густаву. — *В.М.*], жившему в Лифляндии. Посланный, переодетый в крестьянское платье, вышел пешком за заставу города, сел в приготовленные в некотором расстоянии сани, употребил возможную поспешность и удачно прибыл в Лифляндию с письмом графа Карла [На самом деле: Густава Рейнгольда. — *В.М.*] Левенвольде. Граф Рейнгольд [На самом деле: Карл Густав. — *В.М.*] тотчас поскакал в Митаву и первым подробно донес Анне Иоанновне о распоряжениях московского Верховного совета. Таковой опыт приверженности графов Левенвольде приобрел полную доверенность императрицы Анны, которая вскоре возвела их на первые степени в государстве».

К этому имеется рукописное примечание, в котором ошибок нет:

«Граф Рейнгольд Левенвольде был обер-гофмаршалом и кавалером св. Андрея и св. Александра. В 1742 г., по восшествии на престол Елизаветы Петровны, с другими знаменитыми вельможами учинился несчастною жертвой неправосудия и был сослан в заточение в Соликамск, где и умер в 1758 г. Граф Карл, умерший в 1735 г., был обер-штабмейстером, генерал-поручиком, генерал-адъютантом и гвардии Измайловского полка подполковником²⁷; имел орден св. Андрея».

О добросовестности историков. События 1730 г., когда, говоря словами А.С. Пушкина, «аристократия... замышляла ограничить самодержавие; к счастью, хитрость государей торжествовала над честолубием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным», привлекали постоянное внимание историков середины и конца XIX в. Многие историки, считавшие самодержавие анахронизмом, рассматривали «затейку верховников» 30-х годов XVIII в. как неудавшуюся попытку «демократического» переворота в России и использовали профессорскую трибуну для пропаганды своих собственных политических взглядов. Поэтому встает серьезный вопрос о добросовестности историков XIX–XX вв. в описании событий XVIII в.

Вот что об этих событиях в [49] сообщает своим читателям историк Н.И. Костомаров.

«Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» [49] Н.И. Костомарова. ► Гл. 21, ч. II. Избрание Анны Ивановны на

²⁶Занятно то, что это («к старшему») верно! Именно младший брат Густав Рейнгольд отправил нарочного к своему старшему брату Карлу Густаву. — *Прим. В.М.*

²⁷Это ошибка: К.Г. Левенвольде был полковником л.-гв. Измайловского полка. После его смерти в 1735 г. полковником стала Анна Иоанновна. Вероятно, из предположения, что она изначально была полковником л.-гв. Измайловского полка, происходит эта неточность.

престол Мысль об участии народа в правлении. Князь Димитрий Михайлович Голицын. Совет вельмож о престолонаследии по кончине императора Петра II. Подложное завещание. Выбор Анны Ивановны. Ограничение самодержавной власти. Отправление в Митаву князя Василия Лукича Долгорукого. Интриги Левенвольда и Ягужинского. Прибытие Анны Ивановны в Россию. Шляхетство. Партия за сохранение самодержавия. Гвардейцы. 25 февраля 1730 года. Провозглашение Анны Ивановны самодержавной государыней.

«...как ни старались верховники, чтобы до поры до времени Анна Ивановна не получила каких-либо сведений из Москвы, но принятые меры оказались бесплодными. Левенвольд [Густав Рейнгольд. — В.М.], живший в Москве, сообщил о всем происходящем там своему брату, проживающему в своем поместье в Лифляндии [Карлу Густаву. — В.М.], а последний поехал в Митаву и лично передал Анне Ивановне, что затевают русские бояре, дабы она могла принять заранее свои меры, тем более, что, как докладывал Левенвольд, шляхетство и народ не сочувствовали затеям вельмож. Ягужинский, со своей стороны, отправил в Митаву с такими же известиями гвардейского офицера Сумарокова. Посольство это не так было успешно, как Левенвольдово. Прежде чем Сумароков явился к герцогине курляндской, его увидал и узнал князь Василий Лукич [Долгоруков. — В.М.]; он приказал его тотчас арестовать. Посланный из Митавы в Москву с подписанными государынею пунктами генерал Леонтьев привез с собою Сумарокова закованным. Иные говорили, будто Сумароков успел-таки сообщить Анне Ивановне все, что следовало, но государыня сама выдала его послам, чтоб убедить их в искренности, с какою принимает предлагаемые пункты».

Симпатий к Левенвольдам — как и положено в конце XIX в. — историк Н.И. Костомаров, несомненно, не испытывает. Но и прямых ошибок и выдумок в его тексте нет. А вот что сообщает своим (да и нашим) современникам об этих событиях историк В.О. Ключевский.

«Курс русской истории» [45] В.О. Ключевского. ► *Лекция LXXI: Брожение среди дворянства. вызванное избранием герцогини Анны на престол. Шляхетские проекты. Новый план князя Д. Голицына. Крушение. Его причины. Связь дела 1730 г. с прошедшим. Императрица Анна и ее двор. Внешняя политика. Движение против немцев.*

«Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в

управлении. Этот сбродный налет состоял из «клеотур» двух сильных патронов, «каналы курляндца», умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого каналы, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольде, обер-штальмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, какие мастерил другой Левенвольде, обер-гофмаршал, перешеголявший злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упада на доимочные деньги, выколачиваемые из народа ... Недаром двор при Анне обходился впятеро-вшестеро дороже, ... чем при Петре I, хотя государственные доходы не возрастали, ... скорее убавлялись. «При неслыханной роскоши двора, в казне, — писали послы — нет ни гроша, а потому никому ничего не платят».

На очень много говорящей фразе «писали послы» мы остановимся подробно в гл. 4. Но и сейчас читатель может сделать вывод о политической ориентации этих двух историков XIX в., а главное — об их научной добросовестности²⁸.

В заключение мы приведем короткую выдержку из многотомного труда историка С.М. Соловьева.

«История России с древнейших времен» [99] С.М. Соловьева.

► Из: т. 19, гл. 3: Царствование императрицы Анны Иоанновны.

«... этот Левенвольд был брат обер-гофмаршала графа Рейнгольда Левенвольда; в звании лифляндского ландрата явился он в Москву в числе других депутатов, приехавших просить новую императрицу о подтверждении лифляндских привилегий, остался в Москве, был пожалован генерал-лейтенантом, а потом обер-штальмейстером».

В этой выдержке²⁹ есть одно важное замечание: именно Карл Густав Левенвольде, а не его младший брат Густав Рейнгольд был лифляндским

²⁸Мы вовсе не будем касаться личности Э.И. Бирона, хотя нам есть что сказать как о нем самом, так и о том, как Бирен стал Бироном. Это не наша тема. Но мы приведем известную фразу А.С. Пушкина об этом историческом персонаже: «он имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в правах народа». Под «ужасом», вероятно, понимается дело Артемия Петровича Волынского и Ивана Алексеевича Долгорукова, как это виделось (см. [34]) жене И.А. Долгорукова, Наталии Борисовне, урожденной Шереметевой, после пострижения Нектарии. Об этом мы скажем ниже несколько слов.

²⁹Вот больший по объему отрывок текста С.М. Соловьева, откуда взята приведенная выше выдержка: «... Уже в мае 1730 года иностранные министры замечают, что Бирон и Левенвольд управляют императрицу как хотят и русские ненавидят этих немцев, но сзади их стоит Остерман и управляет империей. Против неудовольствия надобно принять меры. Надобно увеличить число гвардейских полков. Князь Михаил Михайлович Голицын, будучи главнокомандующим Украинскою армиею, составил из мелкой шляхты шеститысячный корпус милиции; из этого корпуса выбрано было

ландратом (это подтверждается первичными источниками; см. [120]). И именно младший из двух братьев посылал курьера к старшему с информацией о решении Верховного тайного совета, а этот последний встречался с Анной Иоанновной в Митаве, до Сумарокова, и намечал с ней план дальнейших действий, который потом и был реализован с его непосредственным участием. В этот план³⁰ входило формирование Измайловского полка, о чем мы скажем в разд. 3.6.

3.5 Б.Х. Миних и К.Г. Левенвольде

В «Записках и замечаниях гр. Эрнста Миниха» [63], сына фельдмаршала Б.Х. Миниха, говорится:

«... В сем самом году³¹ императрица Анна Иоанновна умножила лейб-гвардию двумя новыми полками, из которых один [Конная гвардия. — *В.М.*] состоял из 1200 человек рейтар, а другой [Измайловский. — *В.М.*] из трех батальонов или 2800 человек пехотных солдат. Учреждение последнего препоручено графу Левенвольде [Карлу Густаву. — *В.М.*], тогдашнему генерал-адъютанту императрицы, который и пожалован подполковником [Полковником. — *В.М.*] того полка. При сем примечательно, что по сделанному проекту упомянутый пехотный

2000 человек для составления нового гвардейского полка, который назван Измайловским по имени села Измайлова, любимого подмосковного пребывания императрицы. Князь Голицын надеялся, что ему в благодарность будет поручен выбор офицеров, но императрица сама назначила графа Карла Густава Левенвольда полковником нового полка и поручила ему набрать остальных офицеров «из лифляндцев, эстляндцев, и курляндцев, и прочих наций иноземцев и из русских». Этот Левенвольд был брат обер-гофмаршала графа Рейнгольда Левенвольда; в звании лифляндского ландрата явился он в Москву в числе других депутатов, приехавших просить новую императрицу о подтверждении лифляндских привилегий, остался в Москве, был пожалован генерал-лейтенантом, а потом обер-шталмейстером. Шотландец Кейт, перешедший из испанской службы в русскую, назначен был подполковником Измайловского полка». Заметим, что шотландская фамилия «Keith» (см. разд. 4.2 и А.11) звучит как «Кит», а не как «Кейт». Нам представляется, что историк С.М. Соловьев делает большую ошибку, доверяясь иностранным министрам (т.е. иностранным послам) и говоря вслед за ними, что «Бирон и Левенвольд управляют императрицею как хотят и русские ненавидят этих немцев, но сзади их стоит Остерман и управляет империею». Историк, некритически повторяющий утверждения иностранных послов, таких как дюк Лирийский, вводит своего читателя в заблуждение. Подробнее об этом см. в гл. 4.

³⁰Как пишут в полковой истории (см. разд. А.6, где приводятся выдержки из «Истории лейб-гвардии Измайловского полка» [38] Н. Зноско-Боровского), мая 28 [Юлианского календаря] 1731 Измайловцы «в первый раз заступили в дворцовый караул на смену л.-гв. Семеновского полка»; по словам В.И. Ульянова (Ленина) «... всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться» — Полн. собр. соч., т. 37, с. 122.

³¹То есть, в 1730 г. — Прим. *В.М.*

полк не из настоящих российских рекрутов, но из так называемых одноподворцев или украинцев набран, а офицеров определяли в оный не иных, кроме лифляндцев или других чужестранных. Намерение при сем было такое, чтобы древнюю толпу избалованных и необузданных людей содержать в руках, что кажется для тогдашних времен и не безнужно было; но как начали помалу от предположенных правил в отношении как рядовых, так и офицеров отступать, то в последующее время оказалось, что успеха другого при сем не было, кроме того, что само по себе опасное уже воинство сделано многочисленнее.

Отец мой с 1728 г. отправлял должность главнокомандующего в Санкт-Петербурге, а летом жил большей частью при Ладожском канале и продолжал сию работу с крайним рачением. Императрица не только предоставила ему упомянутые упражнения, но также во изъявление своего удовольствия пожаловала ему орден св. Андрея.

В 1731 г. отправился он в Москву и снискал в короткое время благоволение монархини и дружбу тогдашнего обер-камергера Бирона. Сей любимец счастья был человеком благоприятного по наружности вида, с здравым рассудком и с острым прониканием. Хотя он ни одного языка по правилам говорить не умел, однако по природному красноречию своему в состоянии был мысли свои ясно изображать и какое бы ни случилось положение — защищать. Он был щедр и любил великолепие, но при всем том разумный домоводец и враг расточения. В обхождении своем мог он, когда желал, принимать весьма ласковый и учтивый вид, но большей частью казался по внешности величав и горд. Честолюбие его не имело никаких пределов; то недоверчивость, то легковерие причиняли ему нередко многое опасное беспокойство. Он был чрезмерно вспыльчив и часто обижал из предускорения; если случалось иногда, что он погрешность свою усматривал, то хотя и старался опять примириться, однако же никогда не доводил до изустного объяснения, но довольствовался тем, что обиженному доставлял стороною какую-нибудь приязнь или выгоду. Если же кто, напротив того, сделал пред ним однажды проступок, тот не мог уже надеяться на его великодушие даже при искреннейшем принесенном своем раскаянии. Малейшее покушение вредить ему в глазах императрицы было непростительное преступление, и его мщение простиралось даже до жестокости. Основание к счастью своему положил он еще в Курляндии, и влияние его на сердце тогдашней вдовствующей герцогини было при избрании ее столь известно, что отправленные в Митаву депутаты имели секретное приказание от сей государыни исходатайствовать обещание, чтобы Бирону не ехать в Москву, а остаться в Курляндии. Но сие продолжалось не долго, ибо когда самодержавие опять было восстановлено и Долгорукие в ссылку сосланы, то упомянутый любимец явился паки в полном сиянии своем. Потом власть его возросла до такой степени высоты, что я, будучи девять лет очевид-

ным тому свидетелем, нахожу мало примеров в истории, с которыми сравнить оную можно.

Кроме сего, так сказать, всемогущего любимца, состоял также Карл Густав, старший граф Левенвольде, в столь великой силе, что хотя и не занимал он никакой должности в министерстве, однако никакие дела не проходили без его ведома и соглашения; даже сам Бирон, который ни с кем другим не хотел делить власти своей у императрицы, не только сего мужа, доколе он жив был, при себе терпел, но даже, чему дивиться должно, некоторым образом его боялся.

Личные свойства и качества графа Левенвольде действительно заслуживали почитания. Сверх острого и проницательного разума, имел он совершенно честное сердце, был великодушен, бескорыстен и охотно вспомоществовал всем, кои с правым делом или просьбою к нему прибегали. Он жил весьма умеренно и без великолепия. Вид его был важен, но не неприятен, и в домашнем обхождении находили его веселым и шутливым. Дружбам своим делал он добро, и кто однажды вошел к нему в любовь, тот чрез наговорки и клеветы не скоро лишался оной. Но если он однажды кого возненавидел, то уже бывал вовсе непримирим.

Доброе согласие между двумя вышеименованными мужами и вице-канцлером графом Остерманом было в тогдашнее время наисовершеннейшее. Последний сделался необходимым своим искусством в политических делах, обширными познаниями внутреннего состояния империи и преизящным слогом в сочинениях. Отец мой с давнего времени пользовался его дружбою и рекомендован от него новому обер-камергеру³² с весьма хорошей стороны, поэтому не прошло еще и двух недель по приезде его в Москву, как он со всеми наивозможными знаками благоволения введен в общество сих триумвиров и вскоре потом за долговременные и обременительные труды свои знатный получил подарок. Ибо когда незадолго пред сим судоходство по Ладожскому каналу открылось и тем самым выполнилось столь полезное для Петербурга намерение великого основателя сего града, то в награждение пожаловано ему 40 000 рублей и почти в то же время упалое место фельдцейхмейстера.

Императрица для решения важнейших государственных дел учредила Тайный совет, или так называемый Кабинет, назначив членами оного канцлера графа Головкина, графа Остермана и князя Черкасского; отец мой был к ним приобщен».

Эрнст Миних был лично знаком с Карлом Густавом Левенвольде. В «Записках и замечаниях гр. Эрнста Миниха» [63] далее говорится:

«... В исходе февраля 1733 г. выехал я из Парижа и чрез Страсбург

³²Бирону. — Прим. В.М.

продолжал свой путь в Россию. В Берлине проведаль я от тогдашнего при прусском дворе российского министра графа Ягужинского, что отец мой недавно пожалован генерал-фельдмаршалом. Проездом чрез Пруссию посетил я старшую сестру мою в Ризенбурге, где ее муж, подполковник барон Мальцан, с несколькими эскадронами Буденброкского кирасирского полка стоял в гарнизоне. Сей приказал, дабы воздать мне почесть, выступить одному эскадрону и в моем присутствии произвести все обыкновенные их экзерции.

В пограничном городе Риге застал я сестру мою Менгден вместе с ее мужем, который тогда был лифляндским ландратом. Туда же незадолго предо мною прибыл старший граф Левенвольде, который ездил к венскому и берлинскому дворам за некоторыми препорученными ему важными делами. Едва лишь успел я посетить его, как он продолжал путь свой далее. Чрез два дня отправился и я оттуда, и как я догнал упомянутого графа в Дерпте, то он принудил меня перейти в свою коляску, дабы с ним вместе ехать до назначенного места».

Весьма замечательным местом «Записок и замечаний гр. Эрнста Миниха» [63], на которое мало обращают внимание историки и которое либо вовсе не знал, либо не понял писатель В. Пикуль, следующее:

«... В гвардейских полках за благо рассуждено касательно состоящих в каждой роте капитан-поручиков сделать перемену и их всех отставить, поскольку в напольных полках сих чинов не находилось, и следовательно, почли их также ненужными в гвардии, поэтому и положено было всех их выпустить в армию и там определить каждого по чину, а именно: старших премьер-майорами и младших секунд-майорами. Сия столь неожиданная перемена была совсем не по вкусу означенным господам, которые большей частью были молодые люди из знатнейших домов и желали у мест своих оставаться до того, пока не поступят в капитаны, дабы после при выпуске в армию вступить полковниками или бригадирами. Отцу моему препоручено означенное перемещение произвести, и потому нельзя было миновать, чтобы по образу других не сделать показанной реформы и в Измайловском полку, в котором граф Левенвольде был полковником. Сей находился в оное время в чужих краях и не прежде об оном узнал, как когда пособить нельзя было. Чувствительность его по сей причине была столько тронута, что он с того же часа непримиримую к отцу моему возымел ненависть, поэтому как только он возвратился из своего путешествия, то и начал потрясать кредит и власть отца моего.

Граф Остерман, будучи недоволен, что отец мой часто не хотел в Кабинете соглашаться с ним в мнении, а притом умел своего брата, тогдашнего действительного тайного советника Миниха, как бы для надзирания над ним ввести в департамент иностранных дел, не упустил в сем случае вспомоществовать графу Левенвольде.

К сему присовокупилося еще, что он, не ведая тайного соглашения, состоявшего уже между венским двором и обер-камергером, ввязался в одно такое дело, которое намерениям последнего совершенно было противно и уже отвергнуто как неудобоприемлемое. Расстроенное здоровье короля Августа Второго и вскоре ожидаемая его кончина навели кардинала де Флери на мысль опять посадить Станислава Лещинского на польский престол, поэтому находящийся в Санкт-Петербурге поверенный в делах по прозванию Магнан (Маньян) получил повеление сообщить об оном российскому двору и знатные предложить обещания, если выбору означенного государя не будет препятствовано. Сии предлагаемые обещания состояли в нижеследующем: императорский титул признавать, известные ежегодные платить вспомогательные деньги и турок склонить, дабы они вновь уступили Азовскую крепость или, если она вооруженною рукою взята будет, то уговорить турок заключить мир неукоснительно.

С сими предложениями упомянутый поверенный в делах был у Остермана, но сей короткими словами ему отказал. После сего обратился он к отцу моему, которому выше изображенные условия показались столь выгодны, что он, хотя дело сие и не принадлежало к его части, взялся представить об оных обер-камергеру. Сие он исполнил, но не с другим каким успехом, кроме что приобрел столь ненавистное тогда прозвание французского сообщника.

Вскоре после сего возвратившийся из Вены обер-шталмейстер граф Левенвольде лишь только о вышеозначенном известился чрез обер-камергера, как употребил сей случай в свою пользу, начал на отца моего наговаривать, поступки его осуждать и изображать опаснейшим человеком».

Предложения, поступившие *от французских агентов через* Б.Х. Миниха были абсолютно противны русской внешней политике того времени. Этот факт показывает некоторые стороны личности Б.Х. Миниха, о которых говорят многие его современники. Поясним это замечание.

К.Г. Левенвольде «курировал» гвардию в целом, а не только Измайловский полк, а Б.Х. Миних — армию. Имея в виду различие функций гвардии и армии, а также темперамент Миниха³³, имелись веские основания воспринимать такое вторжение в чужую сферу «чувствительно». Беспечность говорила бы в минус прозорливости и ответственности К.Г. Левенвольде. Удивительно скорее то, что факт передачи *от французских агентов* Б.Х. Минихом предложений описанного выше свойства осталось для него без последствий.

³³Так, «он простирает тогда (В 1740 г. — Прим. В.М.) виды на достоинство герцога Украинского, но Государыня сказала Бирону: «Фельдмаршал слишком скромн, для чего не желает он лучше Московского Великого княжества?». Блестящий дворцовый переворот против Бирона был организован Минихом лишь немногим позднее, в ночь на 8 ноября 1740 г., так что Анна Иоанновна оценивала Миниха правильно.

3.6 К.Г. Левенвольде, первый полковник лейб-гвардии Измайловского полка

Формирование лейб-гвардии Измайловского полка с военной точки зрения полностью описано в первой главе «Истории лейб-гвардии Измайловского полка» [38] Н. Зноско-Боровским. Для удобства читателя эта глава приведена в разд. А.6. Мы же обратимся к «Запискам» [64] Василия Александровича Нащокина.

В.А. Нащокин (1707–1759) — генерал-лейтенант и майор л.-гв. Измайловского полка, дед друга Пушкина. Его дневник³⁴ представляет собой хронику государственной, военной и придворной жизни России с начала 20-х до конца 50-х гг. XVIII в. Ценным дополнением к «Запискам» служат приложенные автором выдержки из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» о необычных происшествиях в России и за рубежом.

Вот что пишет о событиях 1730–1731 гг. В.А. Нащокин.

Записки Василия Александровича Нащокина [64]. ► 1730 г.

«... В Верховном тайном совете духовные, весь генералитет и знатное шляхетство собрано и, по общему согласию, при собрании полков объявлена на российский престол государыней герцогиня Анна Иоанновна и титулована ее императорским величеством.

И с известием из Верховного тайного совета отправлены в Курляндию: князь Василий Лукич Долгоруков, князь Михаил Михайлович меньшей Голицын, Михаил Иванович Леонтьев и прочие с прошением для прибытия ее императорского величества в Москву.

А когда всеилостивейшая соизволила прибыть в Москву с публичным восшествием, тогда подана была князем Алексеем Михайловичем Черкасским челобитная от всего шляхетства, чтобы ее императорское величество изволила принять самодержавство так, как предки ее величества, что от того времени и воспринято, и все подданные поздравили.

И тогда же ее императорское величество изволила указать генерал-прокурора Павла Ивановича Ягужинского из-под ареста освободить, который арестован был от Верховного тайного совета и посажен под крепкий караул за тайное отправление от себя писем после отбытия князя Василия Лукича Долгорукова в Курляндию, с Петром Спиридоновым сыном Сумароковым, чтоб он, Сумароков, те письма тайно в Курляндии подал ее императорскому величеству, что

³⁴По форме изложения это летопись семьи Нащокиных. См. анализ «Записок» [64] как исторического источника в [21].

он и учинил, а после известно стало, что в оных писано было, дабы ее императорское величество не изволила подписывать доношения от помянутого князя Долгорукова, ибо российское шляхетство желает ее императорское величество самодержавнейшею быть на российском престоле; однако оный Сумароков от Долгорукова взят был под караул и бит жестоко и содержался, пока освобожден [был] Павел Иванович.

И того же года, апреля 28 числа, ее императорское величество, по древнему обыкновению предков своих, изволила короноваться в Москве, а в мае месяце великим церемониалом изволила идти в Измайлово и одного года лето тако изволила продолжаться.

И под селом Измайловым поставлен был лагерь кавалергардский и убран по воинскому порядку. Гвардии полки Преображенский и Семеновский³⁵ по другую сторону дворца в лагере стояли и непрестанно в экзерции были. Армейские полки Бутырский, первый и второй Московские по полку привожены были перед дворец и чинили экзерцицию.

Того же лета Семеновского полка майор Хрущев послан был на Украину на линию, которому велено набрать из ландмилицких полков лучших людей, трехбатальонный полк и одну гранодерскую роту, которые в сентябре месяце и приведены в Москву, и по именному ее императорского величества указу именован оный полк лейб-гвардии Измайловским, которому в ранге и в жаловании быть против лейб-гвардии полков, а в содержании комплекта людей — против Семеновского трехбатальонного полка и одной гранодерской роты.

А в оный полк объявлен полковником генерал-майор, его императорского величества, блаженной памяти государя Петра Великого генерал-адъютант граф фон Левенвольд, подполковником — генерал-майор Ямес (Джемс) Кейт³⁶; майоры: из премьер-майоров Азовского драгунского полка Иосиф Гампф, из флигель-адъютантов от генерала Бона капитанского ранга Иван Шипов, из польской службы из капитанов Густав Бирон.

С начала учреждения полка и я, по именному ее императорского величества указу, пожалован из подпоручиков армейских в оный лейб-гвардии Измайловский полк в адъютанты, а обер-офицеры определяемы были по выбору и представлению полковника графа фон

³⁵ Лейб-гвардии Семеновского полка полковником до своей смерти 10 декабря 1730 г. был генерал-фельдмаршал князь Михайло Михайлович Голицын (большой), герой штурма Нотебурга. Но, цитируя Н.И. Костомарова, «по кончине Государя [Петра II — В.М.], он был вовлечен братом своим, князем Дмитрием Михайловичем, в дерзновенное предприятие ограничить власть самодержавную, ввести в Россию аристократическое правление, несогласное с благом государства». — *Прим. В.М.*

³⁶ На самом деле, эта шотландская фамилия произносится «Кит». Это замечательный персонаж; см. о нем и о его старшем брате в гл. 4. — *Прим. В.М.*

Левенвольда из разных команд и из служб других наций. Шляхетства курляндского и лифляндского немалое число определено было в унтер-офицеры и капралы, а российских унтер-офицеров из полков армейских определяли. И на оный полк мундир и амуниция построена того же времени.

... Февраля 17 дня 1731 года³⁷ весь полк лейб-гвардии Измайловский собран был за Москвой-рекой на лугу, что слывет Царицын, и все чины присягали перед знаменами о верной службе ее императорскому величеству, и служен был молебен, освящена вода и окроплены святою водой знамена, и отнесены были знамена в дом ее императорского величества при препровождении всего полка. И после того полк во всегдашней был экзерциции, и в службу вступил для отправления караулов ко двору ее императорского величества, и сменил стоявших лейб-гвардии Семеновского полка мая 28 дня 1731 года». ■

Итак, не просто увеличение числа гвардейских полков, а важнейшее предприятие *экстренной реорганизации* властью системы внутренней безопасности (по причине сомнений в надежности двух первых гвардейских полков) успешно завершено.

Указом от сентября 1730 г. за подписью Анны Иоанновны говорилось: новый полк из трех батальонов и одной гренадерской роты

«именовать «Измайловским» и содержать: против лейб-гвардии Семеновского полка третьим полком гвардии, а офицеров определять из лифляндцев, эстляндцев и прочих наций иноземцев и из русских, которые, на определенных против гвардии, рангами и жалованием, себя содержать в чистоте в полку могут без нужды и по обучению приложить свой труд».

Заметим: «... и из русских...». Так, сам В.А. Нащокин ни лифляндец, ни эстляндец, ни «прочих наций иноземцем» не был. Те, кто видят в системе формирования л.-гв. Измайловского полка лишь неестественное ущемление прав по национальному признаку, постоянно и громко возмущаются. Те, кто помнят о цели этого предприятия, расставляют акценты существенно иначе.

3.7 К.Г. Левенвольде и конезаводство

Обсуждение личности и судьбы Артемия Петровича Волынского (1689–1740) выходит за рамки этой книги, но упомянуть о нем нас вынуждают некоторые заблуждения на его счет. Например, В.О. Витт, автор

³⁷В этот году учреждена также Конная гвардия, корпус кавалергардский раскассован и учреждены кирасирские полки. — *Прим. В.М.*

книги «Из истории русского коннозаводства» [19], выпущенной в 1952 г., в разделе «А.П. Волынский как представитель самостоятельной отечественной коннозаводской мысли» ([19], с. 17–19), пишет:

«... у каждого, кто внимательно прочтет предшествующие страницы, должен возникнуть законный вопрос: ведь не могло все русское коннозаводство быть отдано в безраздельное хозяйствование чужеземных берейторов, а вся зоотехническая мысль быть в плену у иностранных авторов и их переводчиков?

... Не могли сразу в Царствование Петра I перевестись на Руси все любители и ценители лошади и среди дворян-помещиков и даже среди приближенных царя. Одним из таких коннозаводчиков, принесших в XVIII век страсть к лошади и опыт бояр Московской Руси XVII века, был Артемий Петрович Волынский, известный своей злополучной судьбой.

... Волынский стоял во главе «Комиссии о сочинении вновь государственных конских заводов». Им были разосланы доверенные лица в разные губернии для осмотра и описи мест, «удобных для учреждения конских заводов». Составленная программа обследования была написана с большим практическим знанием нужд и требований коннозаводского хозяйства».

Этот страстный текст В.О. Витта в защиту «любителей и ценителей лошади среди дворян-помещиков и даже среди приближенных царя» не оставляет у читателей ни малейших сомнений в том, что именно А.П. Волынский был главным поборником русского конезаводства первой половины XVIII в. и что именно А.П. Волынский отчаянно сопротивлялся «безраздельному хозяйствованию чужеземных берейторов»³⁸, поработивших отечественную зоотехническую мысль. Мы покажем, что это было, мягко говоря, не совсем так.

Инструкция А.П. Волынскому. А.П. Волынский имел впечатляющие родственные связи. С одной стороны, он был женат на дочери Л.К. Нарышкина, кузине Петра I. С другой стороны, он родственник Анны Иоанновны: Семен Андреевич Салтыков, родственник Анны Иоанновны и близкое к ней лицо, был женат на родной тетке А.П. Волынского. Однако А.П. Волынский умудрился пострадать как от Петра I, так и от Анны Иоанновны.

Начав военную службу в 1704 г., А.П. Волынский в чине подполковника был в 1715–1719 гг. послом в Персии. По возвращении оттуда он получил чин полковника и был назначен Астраханским губернатором, но вскоре был обвинен в злоупотреблениях властью; в результате разбирательств,

³⁸Странно: «берейтором» (от нем.: Bereiter) называется специалист по выездке, «объездчик» верховых лошадей, а также помощник дрессировщика лошадей в школах верховой езды и в цирке. Вероятно, В.О. Витт имел в виду что-то другое.

выявивших его неблагоприятные поступки, он попал в опалу при Петре I. В 1725–1730 гг., после смерти Петра I, он становится Казанским губернатором и вступает в конфликт с Казанским архиереем Сильвестром, который жаловался на А.П. Волынского в Синод, Сенат и Юстиц-коллегию. Суть конфликта была в неумеренном злоупотреблении властью, в грубости и жестокости. Через десять лет скверный характер привел А.П. Волынского на плаху: в 1740 г. он был четвертован после урезания языка³⁹. Нас же будет интересовать лишь то, кто есть кто в русском конезаводстве времен Анны Иоанновны. Для этого мы обратимся к Полному Собранию Законов Российской Империи⁴⁰, к закону № 6071 от 26 мая 1732 г.

Полный текст закона № 6071 «Инструкция Генерал-Адъютанту и Генерал-Майору Волынскому. О приведении конских заводов в лучшее состояние и о размножении оных» помещен нами в разд. А.5. Уже само название говорит о том, что это инструкция лицу, выполняющему распоряжения вышестоящего лица. Знакомство с текстом подсказывает, что — говоря современным языком — это подробнейшее задание на проведение вполне определенных работ, причем некоторые пункты задания повторяются многократно и с подробным разъяснением целей, способов их достижения и возможных опасностей.

«О всем рапортовать вам... графу фон Левенвольду». Кто является лицом, составившем инструкцию А.П. Волынскому? Формально, сама императрица Анна (см. текст закона № 6071, помещенный нами в разд. А.5):

«Указали Мы, Нашему Обер-Шталмейстеру и Лейб-Гвардии Нашей Измайловскаго полка Полковнику и Генералу Нашему Адъютанту Графу фон Левенвольду собственные Наши, которые ныне есть Дворцовые конские заводы учредить, и оные размножить и привести в добрый порядок, сколько возможно, также и вновь в Государстве Нашем, усмотря к тому удобныя места, заводить и размножать по возможности особливые Государственные конские заводы, дабы впредь со временем могли Мы довольствоваться, как конную Нашу Гвардию, так и всю Нашу кавалерию, Своими природными Государства Нашего лошадьми рослыми, вместо того, что ныне в драгунских полках мелких лошадей и весьма негодных к регулярному войску имеет, а для вспоможения ему Обер-Шталмейстеру в том и размножения оных наших обоих конских заводов, повелели Мы быть в команде его Обер-Шталмейстера вам Генералу-Майору Волынскому, и для того ехать вам в Москву, и прибыв, чинить по нижеписанным пунктам».

³⁹Некоторое время А.П. Волынского изображали «дворянским революционером» и «борцом с немецким засилием». Читатель, желающий фактических подробностей, может обратиться, например, к статье «Артемий Волынский и его „злодейския разсуждения и проект“» [79].

⁴⁰Полное собрание законов, т. VIII, № 6071.

Далее следуют пункты. Сказано однозначно: «повелели Мы быть в команде его Обер-Шталмейстера вам Генералу-Майору Волынскому». Вопросы финансирования также оговорены:

«... тем давать вам жалованье из ассигнованной на конюшенные расходы суммы, сколько числом вам от Обер-Шталмейстера Графа фон Левенвольда особливо на оные расходы определено будет».

Вопросы субординации и отчетности жестко фиксированы:

«... что по тому учинено будет, о том о всем обстоятельно рапортовать вам, (а в отсутствие ваше рапортовать из Коммисии определенным при вас Членам) Нашему Обер-Шталмейстеру и Гвардии Нашей Полковнику и Генералу Нашему Адъютанту Графу фон Левенвольду для представления о том от него Самим Нам.

...о том о всем рапортовать вам обстоятельно Нашего Обер-Шталмейстера Графа фон Левенвольда и требовать о том от него резолюции и по тому впредь исполнять.

...и оныя ведомости прислать к Нашему Обер-Шталмейстеру Графу фон Левенвольду.

...Впрочем, хотя чего ныне вам, Нашему Генерал-Майору и Генерал-Адъютанту в сей инструкции и не написано, то однакож впредь со временем, что в дополнение к сему еще надлежит, приобщено будет. А между тем, что от вас к пользе Нашей и доброму впредь порядку усмотрено и изобретено будет, в том вам трудиться по совести, сколько возможность допустит, так как верному и честному человеку надлежит, и о том о всем рапортовать вам Нашему Обер-Шталмейстеру и Лейб-Гвардии Нашей Полковнику и Генерал-Адъютанту Графу фон Левенвольду и присылать от себя к нему письменные предложения и во всем поступать и исполнять впредь по присылаемым от него указам и резолюциям. А ежели он Обер-Шталмейстер от двора Нашего за какими делами в отлучении будет, тогда вам в небытность его писать о всем и доносить в Кабинет Наш».

Читателю, желающему ознакомиться с фактической стороной дела, настоятельно рекомендуется прочитать текст закона № 6071, помещенный нами в разд. А.5. Мы же утверждаем, что

- он составлен (см. особенно п. 7 и п. 12) с заботой о привлечении «из отставных офицеров, также и из дворян искусных людей», а также о воспитании молодежи, чтобы они могли «исправными конюхами быть»,
- вряд ли такую инструкцию составила сама Анна Иоанновна; скорее всего, это задание на проведение работ было составлено «Обер-Шталмейстером и Гвардии Нашей Полковником и Генералом Нашим Адъютантом Графом фон Левенвольдом», хорошо разбиравшемся (см. разд. 3.9) в хозяйственной деятельности того времени.

3.8 К.Г. Левенвольде, дипломат

Этот раздел тесно связан с гл. 4, в которой продемонстрированы приемы тайной дипломатии того времени. Здесь же мы обсудим некоторые вопросам дипломатии открытой.

Сразу после прихода к власти перед Анной Иоанновной встали две задачи — обеспечить передачу власти, престолонаследование⁴¹, и преемственность внешней политики. В смысле преемственность внешней политики ее царствование в значительной степени и по необходимости явилось продолжением царствования Петра I.

Вопросы престолонаследования. Мать императора Иоанна VI, Анна Леопольдовна, ставшая (с 9 ноября 1740 г. по 25 ноября 1741 г.) регентшей русского престола, родилась в Ростке 18 декабря 1718 г. Она была (см. схему на рис. 3.5) дочерью герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского и Екатерины Иоанновны, старшей сестры Анны Иоанновны; там же ее крестили в протестантской церкви и нарекли Елизаветой Кристиной.

Отец Анны Леопольдовны (она же Елизавета Кристина) был деспотом. По этой причине ее мать, Екатерина Иоанновна, уехала в 1722 г. в Россию, взяв с собой дочь. Петру I пришлось приютить беглецов как бедных родственников. Воспитанию и образованию Елизаветы Кристины не уделялось должного внимания, но по вступлении в 1730 г. на трон императрицы Анны Иоанновны ситуация изменилась. Новая императрица не имела⁴² детей. Желая сохранить власть за своим родом, Анна Иоанновна приблизила племянницу, окружила ее множеством слуг и наставников.

Для поиска ей достойного жениха в Европу отправился генерал-адъютант К.Г. Левенвольде, который доложил в С.-Петербург о двух подходящих кандидатах: маркграфе Бранденбургском Карле и принце Брауншвейг-Беверн-Люнебургском Антон Ульрихе. Выбор⁴³ пал на последнего. Говорят, что выбор был ошибочным. Антон Ульрих, родившийся 17 (28) августа 1714 г. в Беверне, что в герцогстве Брауншвейг-Вольфенбюттельском, скончался 4 (15) мая 1774 г. в Холмогорах Архангельского уезда. Другими словами, его сына, малолетнего Иоанна Антоновича, свергла Елизавета Петровна. Суть ошибки в выборе кандидата — как говорят — была в том, что хотя Антон Ульрих и стал генералиссиму-

⁴¹То, что Анна Иоанновна, не состоя в браке, юридически не имела потомства, составляло значительную проблему.

⁴²Законных.

⁴³Иногда говорят, что это был выбор К.Г. Левенвольде. Но это невозможно, поскольку такой выбор был бы грубейшим самоуправством. Вероятно, К.Г. Левенвольде можно поставить в вину недостаточное количество подобранных кандидатов, но и тут самоуправления быть не могло.

сом русских войск 11 ноября 1740 г., мужчина он был subtilный и жену свою Анну Леопольдовну не вдохновлял.

Но все-таки лицо, на котором лежит прямая ответственность за гибель «брауншвейгского семейства» — не Антон Ульрих, а сама Анна Леопольдовна, которая игнорировала настойчивые предупреждения о готовящемся заговоре. Такой беспечности (см. гл. 6) властная вертикаль не прощает.

Внешняя политика. Европейская политика России была унаследована со времен Петра I. С одной стороны, открыто враждебными по отношению к России часто оказывались Франция, Швеция и Польша, в той ее части, которая ориентировалась на Францию и Швецию. С другой стороны, хотя и с различной мотивацией, в известном смысле близкими к российским интересам были интересы Св. Римской Империи и Пруссии. Несколько в стороне находилась Великобритания⁴⁴; для нее неудобным последствием «Славной революции» 1688 г., когда был свергнут король Яков II (VII) Стюарт, были шотландские якобиты, создававшие целый ряд внутренних проблем⁴⁵.

В истории дипломатии известен «Договор трех черных орлов», или «Берлинский договор». Это подписанный в конце 1732 г. секретный договор между Св. Римской империей, Российской империей и Пруссией о совместной политике в отношении наследования польского престола — ожидалась смерть короля Польши Августа II и выборы короля Польши. Договор имел целью исключить на выборах кандидатуры как сына Августа, Фридриха Августа, так и Станислава Лещинского, тестя Людовика XV. С 1704 г. по 1709 г. Станислав был посажен Карлом XII на трон Польши, а затем — вследствие разгрома своего патрона в Великой Северной войне — с польского трона свергнут. Для России этот кандидат, теперь поддерживаемый Францией, был абсолютно неприемлем.

В 1733 г., когда шансы Станислава Лещинского на избрание были велики, Россия и Св. Римская империя подписали «договор Левенвольде» от 19 августа 1733 г. Он был направлен на поддержку Фридриха Августа. В итоге Станиславу Лещинскому пришлось покинуть Польшу, а Фридрих Август был избран королем Польши под именем Августа III.

Суть «договора Левенвольде» в следующем: Россия предоставляет войска для обеспечения избрания и коронации Фридриха Августа, а он, как польский король, признает Анну Иоанновну российской императрицей, отказывается от притязаний на Ливонию и не противодействует рос-

⁴⁴То есть, объединенные в 1707 г. королевства Англии и Шотландии. Отсюда двойная нумерация: Яков II (английский) и VII (шотландский).

⁴⁵Поскольку якобиты, будучи в своем большинстве католиками, поддерживали тесные связи с Францией, Испанией и Польшей, они не всегда сохраняли даже видимость нейтральности по отношению к российским интересам. Например, видным якобитом был испанский посол в России дюк Лирийский, который оставил не критически используемые «Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при Императорском российском дворе в звании посла короля испанского» [52].

сийским интересам в Курляндии. В отношении Австрии, Фридрих Август должен был признать прагматическую санкцию 1713 г.

Как видно, для России польский вопрос был весьма важным. В Варшаве ее интересы представляли: Фридрих Казимир Левенвольде, собственно русский посол в Польше, и Карл Густав Левенвольде, министр, т.е. представитель русской императрицы со специальными заданиями и полномочиями. Это — средний и старший сыновья Г.И. Левенвольде, соответственно. Разница в возрасте у них по нашим оценкам была не более 12 лет. Вероятно, она была именно 12 лет, но точно об этом сказать нельзя, поскольку про К.Г. Левенвольде известно лишь, что он родился не ранее 1680 г. Про год рождения Ф.К. Левенвольде известно точно: это 1692 г.

В нашу задачу не входит подробное изложение перипетий большой европейской политики того времени, а также трений (см. гл. 5) между двумя братьями, полномочия которых иногда пересекались. Читатель может обратиться к труду С.М. Соловьева, из которого мы приведем только интересующие нас выдержки. Особый интерес для нас имеют фразы, выделенные нами в этом тексте курсивом. Читатель волен пропустить или бегло посмотреть приведенный ниже текст, но фразы, выделенные курсивом, посмотреть настоятельно рекомендуется.

С.М. Соловьев. «История России с древнейших времен» [99].

► Из: т. 20, гл. 1: *Продолжение царствования Императрицы Анны Иоанновны.*

«... Партия Лещинского явно усиливалась; сам примас однажды после обеда проговорился Левенвольду [Карлу Густаву. — *В.М.*] о своей приверженности к Станиславу. Левенвольд советовал своему двору действовать решительно, расположить войска на польских границах и двинуть их в глубь страны, как только потребуют обстоятельства.

... В то время как в Варшаве шла эта живая, но тайная торговля, из Петербурга отправлена была к примасу грозная грамота, в которой императрица требовала исключения Станислава Лещинского из числа кандидатов на польский престол: «Понеже вам и всем чинам Речи Посполитой давно известно, что ни мы, ни другие соседние державы избрание оного Станислава или другого такого кандидата, который бы в той же депенденции и интересах быть имел, в которых оный Станислав находится, по верному нашему доброжелательству к Речи Посполитой и к содержанию оной покоя и благополучия и к собственному в том имеющемуся натуральному великому интересу никогда допустить не можем и было бы к чувствительному нашему прискорбию, ежели бы мы для препятствования такого намерения противу воли своей иногда принуждены были иные действительные способы и меры предвосприять».

Французское правительство, имея в виду преимущественно Австрию, сообщило через своих министров всем дворам декларацию, что

поведение венского двора ясно показывает намерение его нарушить свободу поляков при королевском избрании; достоинство и значение французского короля и желание сохранить всеобщий мир не позволяют ему смотреть равнодушно, чтобы какая-нибудь держава нарушала права государства, находящегося в дружбе и союзе с Францией; потому король объявляет, что будет всеми силами противиться намерениям стеснить свободу избрания нового польского короля. Венский кабинет отвечал декларациею, что император никогда не думал насильственно вмешиваться в избрание польского короля; по соседству с Польшею он должен желать, чтоб избран был человек ему невраждебный, но он будет стараться достигнуть этого мирным путем. Что касается отряда войск, собранного в Силезии и возбудившего подозрение французского двора, то это необходимая мера предосторожности на случай волнений, без которых не обходится королевское избрание в Польше: император имеет право располагать свои войска в своем государстве, где ему угодно, не отдавая никому отчета, тем более что сам никогда не спрашивал отчета в том же у других государей. Стороны высказались; противники стали друг против друга, готовые к бою.

27 апреля открылся конвокационный сейм, предшествовавший избирательному... Чтоб избавиться от присутствия на сейме опасных свидетелей, которые не имели обыкновения оставаться холодными зрителями явлений, примас хотел привести в действие давно забытый закон, запрещавший иностранным послам оставаться в Варшаве во время избирательного сейма. Но когда послам дано было знать, что они должны удалиться, то Левенвольд-старший [Карл Густав. — В.М.] отвечал, что не знает, будет ли он в Варшаве во время выборов, но если останется до этого времени, то очень сожалеет, что не может исполнить объявленного ему закона, потому что не может выехать из Варшавы без повеления императрицы; он прислан не для того, чтоб повиноваться польским уставам, особенно если они противны международному праву. Граф Вильчек отвечал, что пусть ему пришлют письменное объявление; он отправит его в Вену и будет ждать повелений императора, до получения которых не тронется. Вильчек прибавил и угрозу. «В Варшаве я безопасен, — сказал он, — хотя меня охраняет караул только в 30 человек, тогда как за городом мне трудно будет найти безопасное место, разве император увеличит мой караул на 30 000 солдат».

... Левенвольд [Карл Густав. — В.М.] писал даже в Петербург о своих подозрениях, что самый видный по личным средствам из поляков Понятовский готовил престол не для Лещинского, а для себя⁴⁶, но избрание Понятовского, по мнению Левенвольда, было еще опаснее, чем избрание Лещинского.

⁴⁶К.Г. Левенвольде, как показывает история, был прозорлив. — *Прим. В.М.*

... Партия Лещинского узнала о движениях доброжелательных и не могла оставаться равнодушною: депутация от Сената явилась к Левенвольду [Карлу Густаву. — В.М.] с требованием объявить имена тех, которые жалуются на притеснение во время конвокационного сейма и просят помощи императрицы. Левенвольд отказался назвать тех, кто у него бывает в доме, и прибавил, что людей, потерпевших насилие, нельзя порицать за то, что они ищут защиты, да и не в первый раз поляки обращаются к России с просьбой о помощи. Депутация спрашивала также, вступят ли русские войска в Польшу или нет? Левенвольд отказался отвечать на это сам, без спроса у своего двора, но заметил, что поляки ищут помощи у турок и татар. Депутация жаловалась, что полякам мешают в вольном избрании того или другого кандидата. Левенвольд отвечал, что нельзя требовать от соседних держав, чтобы они хладнокровно смотрели на избрание короля, который не будет соблюдать с ними мира. Вскоре после этого объяснения обер-шталмейстер Левенвольд отправился в Петербург.

... При вторичном отправлении обер-шталмейстера Левенвольда [Карла Густава. — В.М.] в Варшаву он получил инструкцию в случае медленности курфюрста удовлетворить требованиям России хлопотать о возведении на польский престол князя Любомирского. Но дело уладилось между Россиею и Саксониєю, и 14 августа Левенвольд заключил в Варшаве с саксонскими комиссарами ... договор.

... Но Пруссия была теперь раздражена тем, что надобно было вести еще новые переговоры с неподатливою Саксониєю, а между тем старый договор, в котором была выговорена такая богатая добыча — Курляндия, договор Левенвольдов 1732 года, не был подтвержден в Петербурге.

... В Петербурге должны были отказаться от надежды действовать втроем. Обер-шталмейстер Левенвольд [Карл Густав. — В.М.] возвращался в Варшаву, из Варшавы ехал в Петербург посол от примаса брацлавский постельничий Рудомина с жалобами на Левенвольда, зачем он уехал из Варшавы, не давши о том знать правительству Речи Посполитой.

... Ему отвечали, что уже через обер-шталмейстера графа Левенвольда [Карла Густава. — В.М.] императрица объявила правительству Речи Посполитой, что она и союзники ее не только не хотят сами ничего приобрести от Польши, но ее величество не допустит никого другого отнять ...

... Для подлития масла в огонь Рудомина стал жаловаться на Левенвольда, зачем уехал из Варшавы, не давши никому знать об этом, и просил от имени примаса, чтоб в Варшаву был прислан посол русского происхождения. Ему отвечали, что Левенвольду не нужно было прощаться с примасом, потому что он уезжал на время, а русской императрице нельзя предписывать, каких послов держать

ей в Варшаве; притом какого бы происхождения ни был посол, он действует по указу ее величества. Но этой бестактности и незнания положения дел со стороны примаса с товарищи было мало: Рудомина привез письмо от князя Вишневецкого к одному из князей Трубецких; Вишневецкий жаловался Трубецкому, что давно не получал от него писем, напоминал о происхождении их фамилий от одного рода (Гедиминова) и просил его как знатного сенатора противодействовать людям, советующим императрице послать войска свои в Польшу до избрания короля; уверял, что новый король будет соблюдать договор со всеми соседями, особенно с Россиею, по славянскому братству обоих народов; выражал надежду, что князь Трубецкой примет на себя звание полномочного посла в Польше, чтоб мирными средствами поддерживать согласие между обоими государствами. Младший Левенвольд [Фридрих Казимир. — В.М.] достал копию с письма и переслал ее в Петербург с своими замечаниями, что Вишневецкие, Сангушки и Чарторыйские принадлежат к одному Гедиминову роду с Трубецкими, Голицыными и Куракиными и потому было бы очень опасно, если бы этот могущественный род достиг польского престола в особе князя Вишневецкого.

В конце июля опять приехал в Варшаву нежеланный обер-шталмейстер Левенвольд [Карл Густав. — В.М.]. Русское и саксонское посольства начали подвергаться оскорблениям⁴⁷, и на жалобы их примас отвечал, что не в состоянии никого защитить от народной ненависти. Левенвольд сказал на это: *«Если нас от народной ненависти защитить не могут, то и я против козацкой пикн защитит никого не могу»*.

... Удаление Станислава не облегчило участи русского и саксонского посольств. Еще прежде Левенвольды должны были переехать в дом цесарского посольства: их дом был разграблен; к ним никого не пускали; все курьеры были останавливаемы, у них отбирали бумаги и распечатывали. Дом саксонского посла был взят кровопролитным приступом, посол должен был выехать из Варшавы. Наконец 30 сентября на правом берегу Вислы показалось двадцать тысяч русского войска под начальством Леси.

... Леси получил от Левенвольда письмо, в котором тот просил его спешить к Варшаве. Леси писал в Петербург, что более спешить, как он до сих пор спешил, не может, ибо, несмотря на страшную грязь, шел по три и четыре мили в сутки и во весь поход отдыхали только шесть дней, люди и лошади устали. 27 августа Леси пришел в Грод-

⁴⁷См. разд. 5.1: «поляки стали грабить дворец графа Левенвольде младшего [Фридриха Казимира. — В.М.], второго русского посланника, а на саксонский дворец напали с 6 пушками; сделано было 20 или 30 выстрелов прежде нежели пробили ворота, после чего хотели штурмовать дом, но потеря 40 человек убитыми охладила их порывы, и они предложили капитуляцию оставшимся в доме».

Рис. 3.6. Лютеранская церковь св. Михаила в Ряпине. Построена в стиле позднего барокко. Время постройки: 1785 г. Башня 1885 г. Архитектор Рейнгольд Гулеке.

но. 13 сентября, не доходя местечка Нура, явились к Леси послы от конфедерации, поздравляли его с счастливым прибытием в Польшу, всенижайше благодарили императрицу за высокую милость и защиту и просили не оставить их при нынешних их крайних нуждах: они не могли сдержать сильного нападения Станиславовой партии при Варшаве, принуждены были отступить, причем потеряли несколько товарищей и часть обоза, и теперь находятся в восьми милях от Нура, в окопе под местечком Стременчином. Леси советовал им как можно скорее соединиться с русским войском.

... Леси был рад уйти подальше от Варшавы, потому что тяжело ему было находиться под командою у Левенвольда [Карла Густава. — В.М.]. Леси, знавший только свое военное дело, человек скромный и без связей при дворе, не жаловался на могущественного обершталмейстера, но мы видели, что одним из отрядов командовал Густав Бирон, брат фаворита. Бирон 25 октября написал брату следующее письмо: «Здесь как высшие, так и низшие страшно недовольны, потому что старший граф Левенвольд, министр наш, неслыханным образом сурово с нами поступает; решения его так слабы и непостоянны, что почти каждую минуту их отменяет и сам не знает, чего

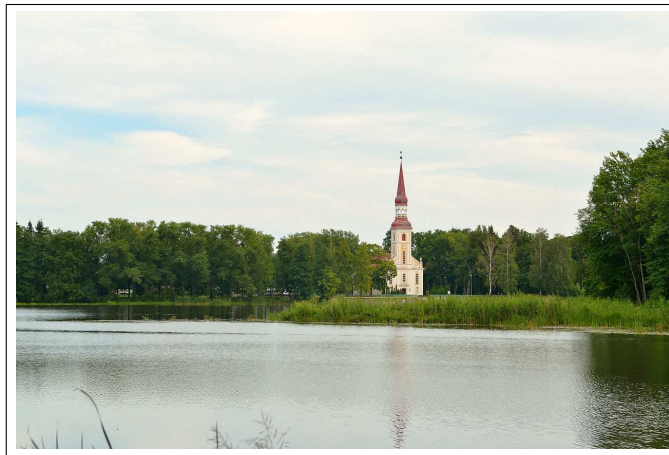

Рис. 3.7. Лютеранская церковь св. Михаила в Рыбине.

хочет⁴⁸; войско наше разбросано и подвержено неприятельским нападениям; людей наших перед нашими глазами перехватывают: вчера унтер-офицер с четырьмя солдатами в плен взят. Этого бы ничего не было, если бы мы лучше охраняли заслуженную славу нашего войска, шли за неприятелем и его разогнали, но мы благодаря нашему министру теряем время, занимаясь посторонними и неважными делами, без всякой причины стоим в Варшаве с несколькими пехотными и конными полками; принуждены на 6 или на 7 миль фуражировать и за недостатком потребного пропитания почти пропадаем. Сверх того, люди наши никогда покоя не знают, но принуждены день и ночь работать, укреплять Варшаву, все улицы рогатками⁴⁹ перегораживать, как будто неприятеля боимся, тогда как прежде к нам было писано, что если б только 100 человек здесь было, то б все дело можно было покончить⁵⁰. Но министр никаких представлений не выслушивает и всем добрым распоряжениям генерала Леси препятствует и так нас обременяет, что терпеть больше нельзя. Кроме того, при всех здешних господах он говорит странные речи, будто некоторые из нас подкуплены были и потому медлили походом, хотя не было никакой возможности пройти с армиею 120 миль скорее, чем мы прошли. Но суровый министр наш не принимает никаких резонов, надобно, чтоб все только по его воле делалось. О пропитании войска нашего старания нет; вместо того чтоб неприятеля выгнать и о зимних квартирах

⁴⁸Вероятно, знает, да всем не объяснишь. Да и ситуация, очевидно, часто меняется. — Прим. В.М.

⁴⁹В наше время сказали бы: блокпостами. — Прим. В.М.

⁵⁰К сожалению, некоторым военным из века в век кажется, что подобное дело можно быстро решить «одним парашотно-десантным полком»; это не всегда так — и они часто ошибаются. — Прим. В.М.

Рис. 3.8. Бумажная фабрика в Ряпине.

думать, мы бездельно стоим в Варшаве и допускаем неприятеля усиливаться, а все это оттого, что министр возымел ложную мысль, будто неприятеля можно приклонить мирными средствами⁵¹: здесь интриги саксонских министров, которые благодаря нам достигли своей цели и, может быть, теперь думают, что мы им больше не очень потребны. Между тем наше войско час от часу слабеет; генерал Леси не смеет слова выговорить, боясь нареканий от графа Левенвольда, который и с родным братом своим в ссоре».

⁵¹Современный читатель, вероятно, помнит министра обороны Павла Сергеевича Грачева (1948–2012), для которого «одним парашютно-десантным полком можно в течении двух часов было решить все вопросы», и что из этого получилось. Поиск мирных средств до последней крайности — вот прямое дело политика и дипломата. — *Прим. В.М.*

Рис. 3.9. Старое дерево в парке в Рязине.

... Из письма генерала Густава Бирона мы видели, что братья Левенвольды перессорились в Варшаве; младший, камергер [Фридрих Казимир. — *В.М.*], просил отозвать его; просьба была исполнена, и на его место был отправлен к польскому двору действит. стат. советник и президент Академии Наук Кейзерлинг, который, впрочем, должен был играть второстепенную роль; обер-шталмейстер Левенвольд⁵² [Карл Густав. — *В.М.*] по-прежнему заправлял польскими делами, сносясь с тремя дворами — венским, берлинским и дрезденским.

... Левенвольд [Карл Густав. — *В.М.*] из Варшавы отправился в Краков для присутствия на коронации Августа III, а отсюда в начале 1734 года поехал в Вену. Здесь нужно было толковать об окончании польских дел, а между тем Левенвольд должен был предложить и другой, турецкий вопрос, представив, что Порты относится враждебно к австро-русским интересам в Польше и татары нападают на рус-

⁵²Как видим, при любой оценке успешности действий этого человека, он исходил не из родственных чувств. — *Прим. В.М.*

ские границы, чего терпеть нельзя. Эти представления были очень неприятны венскому двору: польское дело еще не кончено, предстоит война с Францией, а тут Россия поднимает турецкую войну, в которой Австрия должна помогать ей. ■

Не будем больше утомлять читателя деталями, которые он сам легко найдет в цитируемом нами труде С.М. Соловьева. Перейдем к «телеграфному стилю» цитирования из [99]:

«... Цесарские министры отвечали Левенвольду [Здесь и далее: Карлу Густаву. — В.М.] ... Левенвольд отвечал ... Левенвольд писал императрице ... В конце апреля Левенвольд выехал из Вены и отправился в Саксонию для свидания с польским королем ... Из Лейпцига Левенвольд отправился в Берлин, где имел с королем длинный разговор, подробно изъяснял ему ход польских дел ... Левенвольд отвечал, что союз с Россиею служит для него лучшим обеспечением ... Вместо ответа король спросил, чего от него хотят. «Признания Августа III королем польским и удаления отсюда французского министра Шетарди», — отвечал Левенвольд. «Немедленно велю своим министрам вступить с вами в конференцию», — сказал король и отпустил русского посланника. ... Левенвольду объявлено было требование, чтоб курфюрст Август уступил Пруссии Курляндию и Померанию с городом Эльбингом, и требование предъявлялось на основании обещаний, полученных от русского двора. Взятие Данцига положило конец этим требованиям».

3.9 К.Г. Левенвольде, первый эстонский промышленник

Ряпинская бумажная фабрика (см. рис. 3.8) — самое старое промышленное предприятие Эстонии. В 1728 г. К.Г. Левенвольде приобрел мызу Ряпина (нем.: Rappin) на берегу реки Выханду. Первоначально он построил три мельницы: мукомольню, лесопилку и для производства бумаги. Первые шесть лет на фабрике делали кирпич, с 1734 г. началось производство бумаги. Практически с того момента фабрика не знает простоев. Качество бумаги в те времена было высоким, на ней печатались важные государственные документы, часть из которых хранится в государственном Рижском архиве. В XVIII в. вышел царский указ, согласно которому в Тарту, Риге, Новгороде, Великих Луках для государственных документов в обязательном порядке использовалась бумага, изготовленная в Ряпине.

В 1865 г. в Германии была приобретена первая машина для производства бумаги, позднее еще дополнительно три. Одна из машин тех лет находится в хорошем состоянии и работает в наши дни.

Рис. 3.10. Поместье Ряпина.

В середине XIX в. бумага производства Ряпинской фабрики активно используется для печатания книг и журналов. В 1918 г. на фабрике была изготовлена специальная партия бумаги для печатания денежных знаков. В военные времена фабрика практически не пострадала.

Поместье Ряпина, основанное в 1582 г., принадлежало Оксенстернам, Врангелям, Левенвольдам, Рихтерам и Сиверсам. Главное здание (см. рис. 3.10) в стиле классицизма, построенное в 1830-х гг., сохранилось до сих пор, но было перестроено в XX в. Сегодня на территории усадьбы находится музей.

3.10 Маркловские собаки

Согласно Адрес-календарю за 1765 г., комендантом Рогервика был (см. с. 44) генерал-майор Осип Иванович Маркловский. Несложно предположить, что в 1735 г. это был еще довольно молодой человек. Где-то чуть раньше конца апреля 1735 г., когда К.Г. Левенвольде умер, они могли встречаться, но вряд ли в Курляндии — скорее в Эстляндии. Именем Маркловского⁵³ названа одна известная порода собак.

Вот какую легенду включил в свою книгу «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые» [88] Л.П. Сабанеев (1844–1898):

«Неизвестный автор «Справочной егерской книги» (М., 1856) рассказывает следующую легенду о происхождении этих [Маркловских. — В.М.] собак: «Когда барон Маркловский был в Курляндии, то там славился в то время своими собаками граф Левенвольд; но как у него

⁵³Какого именно, приходится гадать, как и о многом другом из того, о чем говорится в этом разделе. Так, два сына О.И. Маркловского в 1798 г. дослужились до чина генерал-майора.

нельзя было ни купить, ни выпросить собак этой породы, то Маркловский посредством золотого тельца соблазнил графского егеря и достал кобеля и суку (щенков) этой знаменитой породы и отправил их в Россию, но, на беду, обоз, в котором находились щенки, был застигнут в дороге снежным ураганом, и люди, и лошади — все погибло, только уцелел каким-то чудом один кобель Анонс, которого барон Маркловский отыскал близ того места, где погиб обоз, в деревне у мужика; впоследствии времени бар. Маркловский повязал этого Анонса с французской сукой Армидой И.Т. Ари...ова, и от сих-то собак и произошла сия знаменитая порода».

Вот что пишет далее в [88] Л.П. Сабанеев:

«Маркловские собаки по свидетельству Основского, современника знаменитого московского охотника и стрелка Владимира Николаевича Вакселя [(1807–1855) — В.М.] (которого не следует смешивать с братом его, петербургским охотником Львом Вакселем, автором известной «Карманной охотничьей книги», выдержавшей 4 издания), появились в Москве в начале 20-х годов. А именно некто барон Маркловский, из отставных военных, замечательный стрелок, обладавший, по преданию, необычайно острым зрением, привез из Курляндии пару легавых собак — кобеля Анонса и суку Армиду⁵⁴. По одним сведениям, сука в скором времени околела, так что от нее не успели взять помета и Анонс был повязан с сукою орловской породы Армидою московского оружейника И.Т. Аристов; по другим, от нее был один помет, из которого два щенка достались В.Н. Вакселю; из них Анонс II молодой был повязан с упомянутой Армидой Аристов. Последняя была кофейная или кофейно-пегая легавая орловской породы. Во всяком случае, если не первое, то второе поколение маркловских собак было уже нечистокровным, и в следующих пометах часто выкидывались длинноухие щенки кофейно-пегой масти.

... Точно так же нет ничего невозможного в том, что курляндские пойнтера, родичи наших маркловок, были известны и в Финляндии, где назывались, в свою очередь, финляндскими. Отчего не допустить, что пойнтера попали одновременно в Остзейский край и в Финляндию, отделенную только заливом, особенно если принять в соображение, что легенда о маркловках говорит, что они были украдены в Курляндии, у графа Левенвольда, несомненно, шведа по происхождению. Но покойный И.И. Сарачев, видевший родоначальников маркловок в финляндских пойнтерах, на основании виденных им собак финляндского происхождения, грубо ошибается: финляндские пойнтера подполковника Грена, виденные им в 1864 году, с настоящею маркловкою, кроме масти, имели очень мало общего; это указывает

⁵⁴Здесь в сноске тот самый текст, который мы привели выше: «Неизвестный автор «Справочной егерской книги» (М., 1856) рассказывает...» — *Прим. В.М.*

их прилобистость, щипец с горбинкою и широкое ухо. Два последние признака характеризуют немецких легавых».

В этом рассказе множество нестыковок. Но если исходить из того, что «граф Левенвольде, несомненно, швед по происхождению» — хотя вовсе не швед на самом деле⁵⁵ — появился в нем не по ошибке, то из четырех бывших в истории графов Левенвольде (включая графа Кристиана Фридриха Левенвольде⁵⁶) либо Карл Густав, либо Кристиан Фридрих вероятнее двух прочих могут быть героями этой легенды. Если предположить, что это Кристиан Фридрих, что больше подходит по времени, то требуется убедиться в том, что у него было имение в Курляндии. Можно также предположить, что речь идет не о графе, а о бароне Левенвольде⁵⁷. Вообще, легенды и есть легенды.

3.11 Человек был великого разума...

В качестве заключения нам кажется уместным еще раз привести отрывок из «Записок» [64] Василия Александровича Нащокина. Этот отрывок уже цитировался нами в предисловии, но сейчас у читателя больше фактической информации, чтобы с открытыми глазами оценить то, что В.А. Нащокин говорит о своем прямом начальнике.

Записки Василия Александровича Нащокина [64]. ► 1735 г.

«В 1735 году обер-шталмейстер, лейб-гвардии Измайловского полка полковник, ордена Св. Апостола Андрея кавалер, ее императорского величества генерал-адъютант граф фон Левенвольд, который был в Польше полномочным послом и посылан был к цесарю; он же и полк Измайловский привел в изрядный регулярный порядок и в лучшую от других полков экзерцицию; по многих его к государству трудах из немецких краев в С.-Петербург возвратился в тяжелой болезни и просил все милостивейшую государыню, чтоб отпущен был в деревню его Дерптского уезда, в мызу Ряпину. А при отъезде призвал он всех штаб- и обер-офицеров, со всеми прощался и поехал в последнем состоянии своего здоровья, а по прибытии в свою деревню, как было известно, все домовое распорядя, добропорядочно того же года в апреле месяце умре.

⁵⁵Человеку свойственно ошибаться.

⁵⁶Нордхофена, незаконнорожденного сына Фридриха Казмира Левенвольде, за которым в 1768 г. были признаны наследственные права и титул графа Священной Римской империи.

⁵⁷Об этой ветви семьи мы будем говорить в гл. 7.

Человек был великого разума, имел склонность к правосудию; к подчиненным, казалось, был строг, только в полку ни единый человек не штрафован приказом его, а все в великом страхе находились, и такой человек, как онный граф Левенвольд, со справедливыми поступками и зело с великим постоянством, со смелостью, со столь высокими добродетелями редко рожден быть может. Он же при жизни его императорского величества, блаженной памяти государя Петра Великого, был его величества генерал-адъютантом и много употреблен бывал от его величества в посылки. В жизни своей онный граф фон Левенвольд имел охоту к ружью и охотник был до лошадей. И так я об оном описал, как подлинное мое есть примечание бесстрастно, ибо я у него в особливой милости не был и чрез его рекомендацию никакой милости в авантаж свой не получал, только писал в сей моей записке из почтения, видя в жизни моей такого достойного человека, который, паче своей славы, общее добро, то есть правдолюбие, наблюдал, что мне случилось видеть и сим засвидетельствовать.

И когда онный Левенвольд был шталмейстером, тогда общим проектом с обер-камергером фон Бироном да генералом Волынским представили государыне императрице Анне Иоанновне, чтоб в государстве конские заводы размножить, и потому немалое число жеребцов и кобыл куплено в немецких краях и определено по заводам и конские покои по проекту Артемия Петровича Волынского построены. Сим лучший порядок при заводах учрежден, и с 1734 года повелись в государстве лучшие лошади. Оные Левенвольд, Бирон и Волынский великие были конские охотники и знающие в оной охоте. И с того времени знатные господа граф Николай Федорович Головин, князь Куракин и другие немалым иждивением собственные конские заводы завели, а до сего великая была скудость в России в лучших лошадях верховых и каретных. ■

Глава 4

«*Veritas vincit*», или кто изготовил подложное родословие

В разд. 3.8 были затронуты некоторые вопросы дипломатии XVIII в., в которых К.Г. Левенвольде принимал участие в качестве представителя русской императрицы, со специальными заданиями и полномочиями. Настоящая глава посвящена приемам тайной дипломатии того времени.

4.1 Некоторые особенности дипломатии

К простейшим приемам тайной дипломатии относится прямой подкуп. Однако попытки подкупа не всегда сводятся к предложению денег. Иногда это — сообщение в корыстных целях ложных сведений; очень редко такие сведения относятся к семейным связям и происхождению лиц или лица, в отношении которого замышляется обман. Если бы этот прием применялся в частной жизни, то он однозначно квалифицировался бы как действие аморальное, постыдное, мошенническое. В политике же и в дипломатии люди, которые, вероятно, согласились бы с такой оценкой в частной жизни, подчас полагают, что критерии и оценки могут быть другими — и цель оправдывает средства.

О таком редком происшествии свидетельствует подложное родословие [86], изготовленное некими лицами (мы выясним, какими) для Карла Густава Левенвольде в первой половине¹ 1730 г. О событиях этого года, когда, разорвав «митавские кондиции», к власти пришла Анна Иоанновна, мы говорили в разд. 3.4.

Изготовитель подделок никогда не оставляет своей подписи, но по набору косвенных улик он может быть изобличен, а его цели вычислены. Последствия же для злоумышленника, особенно если предприятие его закончилось неудачей и предполагаемая жертва оказалась не глупее «под-

¹Дата «Anno reparaetae salutis millesimo septingentesimo trigesimo, XI calendas Junii», которую мы увидим ниже, однозначно говорит, когда это родословие было составлено или когда хотели, чтобы думали, когда оно было составлено. Во всяком случае, именно в этом виде эту дату показывали тому, кому предназначался подложный документ.

рывника» и «взорвала его его же миной»², многое говорят о личностях с обеих сторон. Эти последствия иногда не бросаются в глаза поверхностного наблюдателя, но отчетливо видны при внимательном ретроспективном анализе. В нашем случае особый интерес представляет не только эпизод тайной дипломатии XVIII в. и сам факт идентификации подложного родословия³, но и портреты лиц, вовлеченных в эту интригу.

Как на одной, так и на другой стороне оказались люди большого калибра и замечательной, и — в известном смысле — похожей судьбы. Увы, они оказались противниками, хотя могли бы быть друзьями; так распорядилась жизнь. Поучительно проследить их поступки во всей этой истории, растянувшейся по своим последствиям не на одно столетие.

4.2 Маршал Шотландии и лифляндский ландрат

В судьбах двух из длинного ряда героев этой главы много схожего. Допуская некоторые повторения того, что говорилось в гл. 1–3, сопоставим их биографии.

Джордж Кит, милорд маршал. Жан Лерон Д'Аламбер⁴, энциклопедист, которого и поныне помнят как выдающегося ученого⁵, удостоил похвальным словом⁶ около 50 своих современников. Среди них есть лица ныне почти забытые⁷ и лица, которых не забыли и не забудут никогда.

²В «Гамлете», в Акте III, Сцене 4, говорится: «...I will delve one yard below their mines and blow them at the moon. O, 'tis most sweet when in one line two crafts directly meet.» В переводе Б.Л. Пастернака это звучит так:

«Ну что ж, еще посмотрим, чья возьмет,
Забавно будет, если сам подрывник
Взлетит на воздух. Я под их подкоп —
Чтоб с места не сойти мне! — вроюсь ниже
И их взорву. Ну и переполох,
Когда подвох наткнется на подвох!»

³Судя по последствиям, обман не удался и был раскрыт в момент попытки его совершения.

⁴Jean Le Rond d'Alembert (1717–1783). Этот человек рано познал превратности судьбы: его имя восходит к ступеням капеллы Saint-Jean-le-Rond, примыкающей к северной башне парижского собора Нотр-Дам (Notre-Dame de Paris), на которых он был оставлен сразу же после рождения.

⁵Признак сходимости Д'Аламбера знает каждый — даже начинающий — математик.

⁶Такое похвальное слово по-французски называется «l'éloge», и именно так называл его сам автор. В русском языке оно известно как панегирик. С 19 века под «панегириком» иногда понимают неоправданное восхваление. Д'Аламбер, как умеет, мотивирует свои хвалебные оценки, а поэтому мы не будем использовать это слово.

⁷Например, Кардинал Дюбуа, Аббат де Шуази. Если их вклад впечатлял современников, но ныне о них знают — особенно за пределами Франции — совсем немногие.

Рис. 4.1. Австрийская карикатура на Джорджа Кита. В период австро-прусского противостояния в Священной Римской империи близкого друга короля Пруссии видели так.

Например, это Иоганн Бернулли (1667–1748), великий ученый, о котором Вольтер сказал:

«Son esprit vit la vérité,
Et son cœur connut la justice;
Il a fait l'honneur de la Suisse,
Et celui de l'humanité»⁸,

да и сам Вольтер (1694–1778), умерший с Джорджем Китом⁹ (около 1693–1778) в один год. О смерти их обоих сожалел король Пруссии Фридрих II Великий (1712–1786).

Джордж Кит стал последним из тех, кого Д'Аламбер удостоил похвальным словом. Он обладал титулом маршала Шотландии¹⁰ по праву рождения — как старший представитель видной в Шотландии семьи,

⁸Подстрочный перевод, не передающий и в малой степени прелести этого стиха, таков: «Его дух проникал в истину и сердцу его была известна справедливость; он составил гордость Швейцарии — и всего человечества».

⁹Англ.: George Keith. В русских переводах фамилия «Кит» часто дается как «Кейт»; мы будем писать «Кит».

¹⁰Англ.: Earl Marischal.

веками имевшей на этот титул наследственное право; девиз семьи был «Veritas vincit» (лат.), что значит «истина побеждает».

В заглавии похвального слова о Джордже Ките отсутствует его имя: Д'Аламбер всегда называл его «милорд маршал». Вряд ли он поступил бы так, если бы читателю в XVIII в. стоило больших трудов узнать, кто это лицо. Д'Аламбер говорит на французский манер «Milord Maréchal» и мы будем этому следовать, хотя писать «милорд маршал» будем с прописных, а не заглавных букв. Скажем лишь, что Джордж Кит — это десятый милорд маршал (10th Earl Marischal).

В Шотландии титул «Earl Marischal» (в отличие от Англии) не относится напрямую к вопросам герольдии, а скорее связан с охраной королевских регалий. Функцию департамента герольдии в Шотландии и по сей день выполняет офис Лорда Лайона¹¹. Не вдаваясь в дальнейшие детали относительно происхождения титула «Earl Marischal» и обязанностей, с ним связанных, напомним, что «ярл» («earl») в ряде северных стран — примерно «граф». Так, противником князя Александра в Невской битве был ярл Биргер.

Стоит обратить внимание на существенное различие между титулом маршала Шотландии и — например — рангом фельдмаршала, который суть военный чин и который выслужил младший брат Джорджа Кита, Джеймс (1696–1758), на русской и прусской военной службе.

Похвальное слово милорду маршалу — последнее из написанных Д'Аламбером. Но оно для него особенное. Он пишет¹²:

«автор этого похвального слова уже написал много прочих и опасается, что их набралось уж слишком много. Однако он осмеливается просить благосклонно принять еще и это — ввиду тех чувств, кои его продиктовали. Для автора это дань (и дань весьма приятная) той дружбе, которой удостоил его милорд маршал, и тому нежному почтению, которое внушил ему этот человек античных и чистых нравов. Известные в великих веках римской неподкупности, они внушают зависть сегодняшним дням. Он был настоящим Философом и жил мудро, не говоря об этом; сколь многие лишь говорят, а не живут так, и проч.».

Далее идут хвалебные характеристики в превосходных степенях (например, «la simplicité la plus aimable à l'ame la plus élevée», т.е. «самая любезная простота с душою самую возвышенною»), так характерные для

¹¹ Англ.: Lord Lyon King of Arms.

¹² Вот оригинальный текст: «L'auteur de cet Éloge en a déjà fait beaucoup d'autres, & ne craint que d'en avoir fait un trop grand nombre. Cependant il ose encore demander grace pour celui-ci, en faveur des sentiments qui l'ont dicté. C'est un tribut (à la vérité bien doux) qu'exige de lui l'amitié dont Milord Maréchal l'honorait, & la tendre vénération que lui avoit inspirée cet homme de mœurs antiques & pures, que les beaux siècles de la probité Romaine auroient envié au nôtre; véritable Philosophe, que pratiqua, sans l'afficher, cette sagesse que tant d'autres affichent sans la pratiquer; etc.».

произведений французов XVIII в. Мы их опускаем, процитировав в свое оправдание А.С. Пушкина:

«Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу: „Не восхваляйте мне Бюффона. Этот человек пишет: Благороднейшее из всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч. Зачем просто не сказать — лошадь”. Лагарп удивляется сухому рассуждению философа. Но д'Аламбер очень умный человек, и я, признаюсь, почти согласен с его мнением»¹³.

Чуть дальше Д'Аламбер пишет¹⁴:

«Джордж Кит, *Наследственный маршал Шотландии*¹⁵, более известный под именем *милорд маршал*, был древнего благородного происхождения; это вполне видно из титула, который он носил и который принадлежал его семье более пятисот лет. Но вместо того чтобы кичиться своим знаменитым происхождением, как это делают те, коим Природой не дано никаких других достоинств, он — как никто другой охотно — был склонен к издевке над этим случайно выпавшем ему выигрышем, которому людское тщеславие так часто придает столь высокую цену. *Люди не чувствуют* — говорил он — *насколько тяжел может быть этот подарок, если он получен впустую, и когда им не умеют пользоваться*. Из занятных примеров глупости, собранных им по этому поводу, он особенно любил рассказывать про одного знакомого ему земляка благородного происхождения, который считал это происхождение наиболее ценным свершением Провидения; потерю же его воспринимал как наибольшее из земных несчастий, *ужасное бедствие, когда благородному человеку не нужна жизнь*».

Сам Джордж Кит, который в царствование королевы Анны (1665–1714) был капитаном ее гвардии и в 1712 г. с успехом служил под началом герцога Мальборо, в 1715 г. — скажем так — потерял положение лица благородного происхождения: за деятельное участие в неудачном восстании якобитов против короля Георга I, пришедшего к власти в 1714 г., он был

¹³Цит. по: А.С. Пушкин. ПСС в 10 т. Л.: 1978. т. 7. с. 2.

¹⁴Вот оригинальный текст: «George Keith, *Maréchal héréditaire d'Ecosse*, plus connu sous le nom de *Milord Maréchal*, étoit de la naissance la plus distinguée; on le voit assez par le titre qu'il portoit, & que sa maison possédoit depuis plus de cinq cent ans. Mais loin de se prévaloir de son illustre origine, comme ceux à qui la Nature n'a point donné d'autre avantage, personne ne se moquoit plus volontiers que lui du prix que la vanité humaine attach si souvent à ce bienfait du hazard. *Elle ne sent pas*, disoit-il, *combien ce présent est fâcheux, quand on le reçoit en pure perte, & qu'on ne sait pasle mettre en valeur*. Parmi les traits curieux de sottise qu'il avoit recueillis sur ce sujet, il aimoit sur-tout à raconter celui d'un noble Campagnard qu'il avoit connu, & qui regardant un Gentilhomme comme le plus précieux ouvrage de la Divinité, & sa perte comme un des plus grands malheurs de ce monde, définissoit la peste, *une calamité abominable, pendant laquelle un Gentilhomme n'est pas sûr de sa vie*».

¹⁵Выделение текста италикком здесь и далее в этой цитате сделано самим Д'Аламбером. — Прим. В.М.

заочно приговорен к смерти, лишен всех прав и владений на родине и, спасаясь, бежал на континент.

Действия Джорджа Кита против новой власти не были меркантильными; среди прочего, Д'Аламбер пишет¹⁶:

«задолго до того, как он встал во главе шотландцев, в тот самый момент, когда король Георг I занял английский престол, милорд маршал уехал к себе на родину. Он отказался от поста капитана гвардии, поскольку, по его же словам, он *охотно охранял бы короля, но не узурпатора*, каковым в его глазах был новый монарх».

Наследственный титул милорда маршала оставался для изгнанника тем единственным, чего его — по его словам — не могли лишить. Д'Аламбер пишет¹⁷:

«из всего, чем он владел, он сохранил только титул маршала Шотландии. Для вящего удовольствия короля Георга — писал он одному из своих друзей с веселостью, не покидавшей его даже во время тяжелейших невзгод, — *я сохраню этот титул, который он не в силах у меня отнять, ибо я имею на него больше прав, чем он на корону Великобритании; этот титул достался мне от моих отцов и, хотя я и не могу помещать ему подписываться, как он это делает, ГЕОРГ КОРОЛЬ, я с его позволения буду всякий раз ставить подпись МАРШАЛ ШОТЛАНДИИ*. И он и в самом деле так подписывался, особенно после осуществленных в его отношении проскрипций. Это был род молчаливого и постоянного протеста против того, кого он не только отказывался называть *своим господином (поскольку у меня никогда не будет — говорил он — другого господина, чем закон)*, но и признавать его своим Сувереном».

Выбравшись — с приключениями — на материк, Джордж Кит долгое время жил в Испании, затем в Венеции, а с 1747 г. в Берлине, где подружился с Фридрихом II Великим, который в 1751 г. назначил Джорджа Кита послом в Париж, а в 1754 г. — невшательским губернатором. Лишь

¹⁶ «Long-temps avant de se mettre à la tête des Ecossois, & dans le moment même où le Roi George I-er étoit monté sur le trône d'Angleterre, Milord Maréchal s'étoit retiré dans sa Partie; & avoit abdiqué sa place de Capitaine des Gardes, *voulant bien, sisoit-il, garder un Roi, mais non pas un Usurpateur*; car tel étoit à ses yeux le nouveau Monarque».

¹⁷ Вот оригинальный текст: «De toutes ses possessions, il ne conserva que le titre de Maréchal d'Ecosse. *Pour cet effect-là, écrivoit-il à un de ses amis, avec une gaîté qui ne l'abandonna jamais dans la plus mauvaise fortune, je le garderai sous le bon plaisir du Roi George, qui n'est pas le maître de me l'ôter; car j'en jouis, ne lui en déplaît, à meilleur droit qu'il ne possède la couronne de la grande Bretagne, puisque ce titre étoit celui de mes pères; & si je ne puis l'empêcher de signer, comme il fait, GEORGE ROI, au moins je signerai toujours, avec sa permission, LE MARÉCHAL D'ECOSSE*. Il signa en effet toujours ainsi, sur-tout après sa proscription. C'étoit une espece de protestation tacite & continuelle contre celui qu'il refusoit non seulement d'appeler *son maître (car je n'aurai jamais, disoit-il, d'autre maître que la loi)*, mais de reconnoître & d'avouer pour son Souverain».

в 1759 г. Фридрих, как говорят, добился у английского правительства восстановления милорда маршала во всех его правах и владениях. Заметим, что Англия и Пруссия в то время были союзниками в Семилетней войне (1756–1763) и воевали с коалицией, в которую входила та самая Испания, в которой Джордж Кит служил в более молодые годы¹⁸. Но, за исключением кратких визитов в Шотландию в 1761 г. и 1763–1764 гг., Джордж Кит на родине больше не жил и умер в Потсдаме.

Карл Густав Левенвольде, лифляндский ландрат. К.Г. Левенвольде родился не ранее 1680 г. (год брака его родителей) и не позднее 1692 г. (год рождения его младшего брата). Точную дату его рождения мы не знаем, но дату его смерти знаем точно. Это 30 апреля 1735 г. В табл. 2.1 указаны его ближайшие родственники и даны некоторые важные даты. Самого К.Г. Левенвольде, в отличие от его отца и от Джорджа Кита, к смертной казни не приговаривали и изгнанником в точном смысле этого слова он не был, но его отец был приговорен в 1696 г. к смертной казни шведским королем Карлом XI (а затем и повторно Карлом XII) и с 1696 г. был в изгнании вплоть до 1710 г., когда Лифляндия была присоединена к России. Поэтому скитания и угроза казни для этой семьи были хорошо известны. Как говорилось в гл. 2, причиной смертного приговора Г.И. Левенвольде было его сопротивление редукциям, т.е. произвольной конфискации земельной собственности, из-за чего целые семьи потомков балтийских рыцарей, веками владевших относительно небольшой земельной собственностью, в одночасье оказывались за гранью нищеты.

Как мы видели в гл. 1, Левенвольде принадлежали к «древним лифляндским фамилиям». Это потомки первых рыцарей, семья, с древности пользовавшаяся баронским достоинством, одна из наиболее уважаемых семей, документально известная в Прибалтике с 1230-х гг. Ландратом же в Лифляндии — где сохранилась особенная для тогдашней Европы система самоуправления — назывался выборный глава органа, осуществлявшего самоуправление. Хотя Лифляндия после Ливонской войны попала под протекторат Польши, потом была присоединена к Швеции, а в 1710 г., после Великой Северной войны, стала частью Российской империи, местное самоуправление играло далеко не декоративную роль.

Как и Джордж Кит, похвальных слов после смерти удостоился и Карл Густав Левенвольде. Как мы видели в гл. 3, они принадлежат двум близко знавшим его современникам; первый из них, Василий Александрович Нащокин (1707–1760), был его прямым подчиненным, а второй, Иоганн Эрнст Миних (1707–1788), был сыном человека, с которым при жизни К.Г. Левенвольде имел весьма серьезные столкновения.

Напомним читателю (см. с. 85), что о К.Г. Левенвольде писал «для детей своих», находясь в ссылке в Вологде в 1758 г., И.Э. Миних:

¹⁸ Говорят, что Джордж Кит получил в 1759 г. прощение от Георга II за то, что информировал его о планах Испании. Вряд ли это предосудительно для посла союзной державы.

«Кроме сего, так сказать, всемогущего любимца¹⁹, состоял также Карл-Густав, старший граф Левенвольде, в столь великой силе, что хотя и не занимал он никакой должности в министерстве, однако никакие дела не проходили без его ведома и соглашения; даже сам Бирон, который ни с кем другим не хотел делить власти своей у императрицы, не только сего мужа, доколе он жив был, при себе терпел, но даже, чему дивиться должно, некоторым образом его боялся.

Личные свойства и качества графа Левенвольде действительно заслуживали почитания. Сверх острого и проницательного разума, имел он совершенно честное сердце, был великодушен, бескорыстен и охотно вспомоществовал всем, кои с правым делом или просьбою к нему прибегали. Он жил весьма умеренно и без великолепия. Вид его был важен, но не неприятен, и в домашнем обхождении находили его веселым и шутливым. Другьям своим делал он добро, и кто однажды вошел к нему в любовь, тот чрез наговорки и клеветы не скоро лишался оной. Но если он однажды кого возненавидел, то уже бывал вовсе непримирим».

Напомним также (см. с. 107), что о К.Г. Левенвольде писал в «Записках», хранившихся в семье и переданных для публикации лишь его внуком, В.А. Нащокин:

«В 1735 году обер-шталмейстер, лейб-гвардии Измайловского полка полковник, ордена Св. Апостола Андрея кавалер, ее императорского величества генерал-адъютант граф фон Левенвольд, который был в Польше полномочным послом и послан был к цесарю; он же и полк Измайловский привел в изрядный регулярный порядок и в лучшую от других полков экзерцицию; по многих его к государству трудах из немецких краев в С.-Петербург возвратился в тяжелой болезни и просил все милостивейшую государыню, чтоб отпущен был в деревню его Дерптского уезда, в мызу Ряпину. А при отъезде призвал он всех штаб- и обер-офицеров, со всеми прощался и поехал в последнем состоянии своего здоровья, а по прибытии в свою деревню, как было известно, все домовое распорядя, добропорядочно того же года в апреле месяце умре. Человек был великого разума, имел склонность к правосудию; к подчиненным, казалось, был строг, только в полку ни единый человек не штрафован приказом его, а все в великом страхе находились, и такой человек, как оный граф Левенвольд, со справедливыми поступками и зело с великим постоянством, со смелостью, со столь высокими добродетелями редко рожден быть может. Он же при жизни его императорского величества, блаженной памяти государя Петра Великого, был его величества генерал-адъютантом и много употреблен бывал от его величества в посылки. В жизни своей оный граф фон Левенвольд имел охоту к ружью и охотник был до лошадей.

¹⁹Э.И. Бирона. — *Прим. В.М.*

И так я об оном описал, как подлинное мое есть примечание бесстрастно, ибо я у него в особливой милости не был и чрез его рекомендацию никакой милости в авантаж свой не получал, только писал в сей моей записке из почтения, видя в жизни моей такого достойного человека, который, паче своей славы, общее добро, то есть правдолюбие, наблюдал, что мне случилось видеть и сим засвидетельствовать».

Нащокин перечисляет основные ипостаси К.Г. Левенвольде. Это:

- генерал-адъютант Петра I;
- лифляндский ландрат с 1721 г. по 1735 г.;
- первый лифляндский промышленник;
- один из главных организаторов контр-переворота, противодействовавшего так называемой «затейке верховников», в результате чего в 1730 г. состоялось восшествие на престол Анны Иоанновны и сохранилась монархия;
- организатор и полковник л.-гв. Измайловского полка;
- обершталмейстер;
- дипломат.

Такое разнообразие занятий и событий в жизни К.Г. Левенвольде определялось, как и для Джорджа Кита, обстоятельствами его рождения. Если Джордж Кит принадлежал к якобитам вследствие традиций его семьи и узурпации, как он считал, трона Георгом I, то и К.Г. Левенвольде оказался на русской службе и российским подданным вследствие сходных жизненных перипетий: его отец Герхард Иоганн Левенвольде противился тирании Карла XI и, защищая своих соотечественников от редукции, как и И.Р. Паткуль²⁰, рисковал своей жизнью. Неудивительно, что когда «шведск.<ая> редукция была уничтожена, — и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян», матрикулированные семьи выбрали своим ландратом сперва Г.И. Левенвольде, а после его смерти в 1721 г. — его старшего сына К.Г. Левенвольде.

4.3 Родословия двух родных братьев, К.Г. Левенвольде и Г.Р. Левенвольде

У двух родных братьев Левенвольде, старшего Карла Густава и младшего Густава Рейнгольда, все предки общие. Но родословия Г.Р. Левенвольде [85] и К.Г. Левенвольде [86] не совпадают; их детальное сопоставление и обсуждение различий приведены нами ниже, в Приложении А.9.

²⁰См. гл. 2. И.Р. Паткуль был казнен в 1707 г. по приказу шведского короля Карла XII.

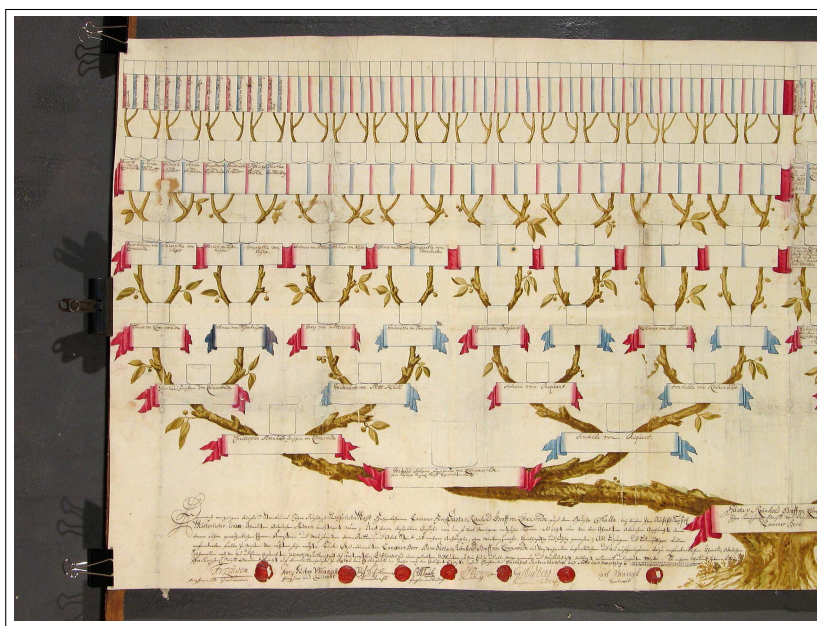

Рис. 4.2. Истинное родословие (левая половина) [85].

Родословие Г.Р. Левенвольде. Зачем Густаву Рейнгольду Левенвольде понадобилось родословие, датированное 19 августа 1726 г. и заверенное Юстусом Розенкампом и еще одиннадцатью лицами? Затем, что для оформления графского диплома²¹ ему нужно было (см. [103]) представить в соответствующие инстанции полную, по мужской и по женской линиям, родословную роспись. Это и сделал Г.Р. Левенвольде, младший из трех братьев.

Подчеркнем еще раз, что родословие Г.Р. Левенвольде [85] сохранилось в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в подлиннике (см. рис. 4.2 и 4.3). Этот документ носит явные следы делопроизводства: на нем стоят подписи и печати должностных лиц, удостоверявших его соответствие истине. Однако — в отличие от балтийских ветвей, которые выписаны с исчерпывающей полнотой — в описании шотландской ветви имеются значительные пробелы. Эта ветвь не только менее подробна, чем балтийские немецкие, но там есть и прямые, хотя и незначительные, неточности, о которых мы скажем ниже: семья, что не удивительно, плохо помнила скрытые в прошлом семейные связи своих шотландских предков.

²¹Екатерина I возвела трех братьев Левенвольде в графское Российской империи достоинство в 1726 г.

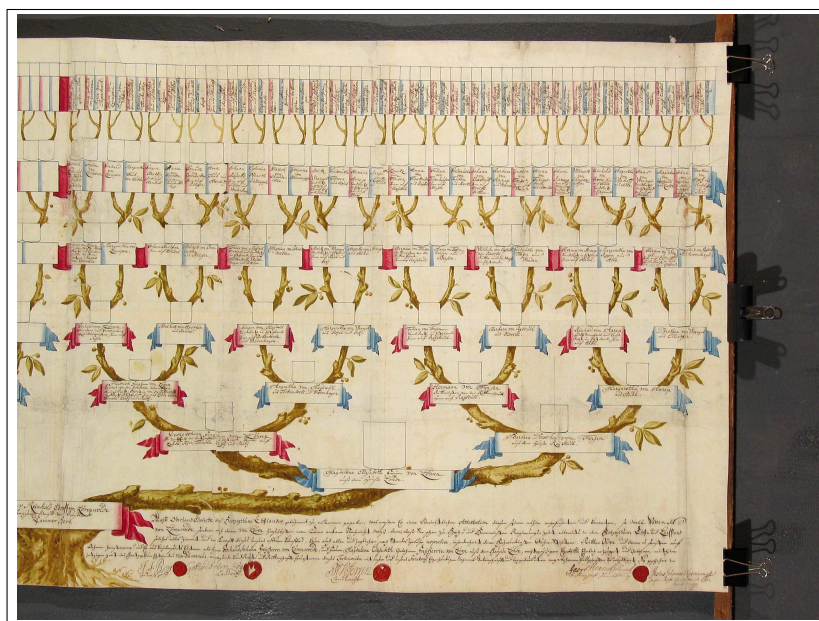

Рис. 4.3. Истинное родословие (правая половина) [85].

Откуда нам известно родословие К.Г. Левенвольде? Если подлинник родословия Г.Р. Левенвольде [85] хранится в РГАДА, то родословие К.Г. Левенвольде [86] известно нам лишь в копии. Оно включено в рукописную книгу И.К. Бротце (1742–1823), название которой «Сборник различных ливонских памятных документов»²².

И.К. Бротце²³ родился в Саксонии, в городе Герлице; изучал богословие и философию в университетах Лейпцига и Виттенберга, где освоил технику рисунка; в 1768 г. переехал в Ригу, работал в качестве репетитора, а с 1769 г. начал преподавать в Рижском Лицее и проработал там в течение 46 лет. И.К. Бротце считал своей основной задачей коллекционирование исторических источников. Он зарисовывал гербы балтийского рыцарства, печати епископов, надписи на надгробиях, виды балтийских усадеб, замков, городов и поселков, топографические карты отдельных мест. Исторические материалы, которые привлекали его внимание, И.К. Бротце фиксировал всегда с большой точностью. Иногда он добавлял письменные объяснения. Чаще всего они состояли всего из пары строк, но иногда могли занимать несколько страниц.

Коллекция И.К. Бротце содержит 10 томов в кожаных переплетах (3246 страниц, страницы формата 33 × 21 см.). Большинство рисунков сделаны им самим, но есть и рисунки других художников. Большинство

²²Нем.: «Sammlung verschiedner Liefländischer Monumente».

²³Нем.: Johann Christoph Brotze.

Рис. 4.4. Страница подложного родословия [86].

рисунков одноцветные и выполнены пером и тушью. Цветные рисунки — либо акварели, либо рисунки тушью, раскрашенные акварельными красками.

В настоящее время «Сборник различных ливонских памятных документов» И.К. Бротце хранится в Академической библиотеке Университета Латвии. Копия родословия К.Г. Левенвольде [86] была получена автором настоящей книги стандартным путем — подачей запроса на копирование и оплатой этой работы по преискуранту.

4.4 Был ли виконт Кенмюр–Гордон близким родственником ливонского ландрата?

Ответ на этот вопрос несомненно отрицательный. Повторим то, что говорилось в гл. 2 и 3: К.Г. Левенвольде — внук Изабеллы, урожденной Архарт, вышедшей замуж за Кристофа Бернгарда Левенвольде (см. [115],

Рис. 4.5. Страница подложного родословия [86].

с. 609). Отец ее — Джон Архарт, а мать — Изабелла Киннимонд (а вовсе не Изабелла Гордон из семьи виконтов Кенмюра).

Основания для этого утверждения дают несколько источников. Во-первых, это книга [114] Густава Эльгенштьерна²⁴ о лицах, возведенных в шведское дворянство. Во-вторых, это информация из книги [123] Уолтера Макфарлана²⁵ о родственных связях семьи Киннимонд²⁶ (см. [123], т. 2, с. 542–543). Однако наибольшего доверия заслуживает недавно созданная биографическая база [126] шотландцев на шведской службе в XVII в. Она составлена на основе скрупулезного изучения архивных документов. К ней имеется свободный доступ в Интернете.

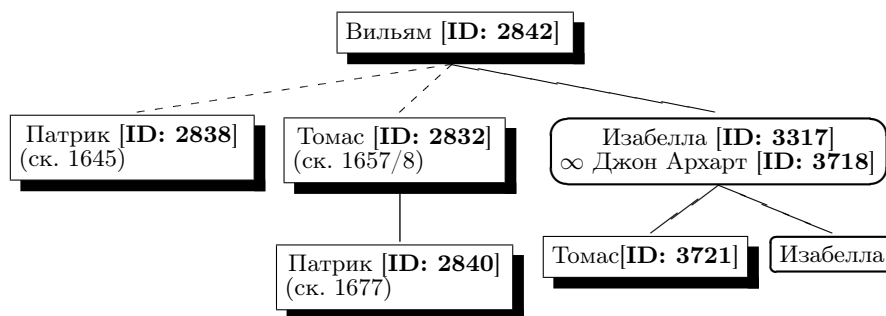
Киннимонды и Архарты. Потомство Вильяма Киннимонда²⁷ (Kin-nemond), эмигрировавшего в Швецию в начале XVII в., показано в следующей диаграмме. Номерами обозначены записи в базе данных [126].

²⁴Gustaf Magnus Elgenstierna (1871–1948).

²⁵Walter Macfarlane (1750–1751).

²⁶Kinninmond of that Ilk.

²⁷Согласно [123], он родился позже 1570 г., но раньше января 1579 г. Родителями его были Патрик Киннемонд и Элизабет Веймисс.

Наиболее важной для нас является следующая информация.

ID: 2842. Вильям Киннимонд (William Kinnemond). Служил майором в вербованном полку Эрика Ульфспарре (Erik Ulfsparre) в 1632 г. Стал подполковником в 1635 г., затем полковником и возглавил вербованный пехотный полк в 1638 г. Его дочь Изабелла (Isabella) [ID: 3317] вышла замуж за шведского офицера шотландского происхождения Джона Архарта (John Urquhart) [ID: 3718].

ID: 3317. Изабелла Киннимонд (Isabella Kinninmund). Дочь Вильяма Кинемонда [ID: 2842]. Родилась в Шотландии. Вышла замуж за Джона Архарта [ID: 3718]. После долголетней службы в Германии семья в 1655 г. переехала в Бирсен (Birsen, Bērzpils, Берзпилс²⁸), где Джон был комендантом. У них было двое детей.

ID 3718. Джон Архарт (John Urquhart). Происходил из древнего шотландского рода и прибыл в Швецию с несколькими вербованными полками в начале 1630-х гг. В 1635 г. капитан-лейтенант в полку Юхана Шютте²⁹ [ID: 6280], капитан в 1636 г. Служил помощником коменданта Дюнамюнде, Томаса Киннимонда [ID: 2832], в 1643 г. В 1645 г. стал майором лейб-гвардии королевы Кристины (под командованием Магнуса Делагарди), а в мае того же года получил от нее в дар три земельные аренды. Одна принадлежала провинциальному госпиталю Упсала в Уллеракере, а две других монастырю Скаггестада. Условия пользования были: на протяжении всей его жизни, жизни его жены и их законных потомков. В сентябре 1645 г. привел 4 роты лейб-гвардии в гарнизон Хальмстада, включая свою собственную и капитана Эрнста Форбса (общая численность 379 человек). Через два года получил звание подполковника. В июле 1648 г. привел восемь рот в Хальберштадт, а затем вернулся к Эльбе в ожидании дальнейших приказов. С окончанием Тридцатилетней войны в 1648 г. был возведен в шведское дворянство, став натурализованным шведом, и был введен в Дворянский дом (1650). Затем он полковник в гвардейском полку Магнуса Делагарди (в лейб-гвардии королевы Кристины). В 1655 г. назначен комендантом в Бирсен,

²⁸В настоящее время административный центр Берзпилсской волости Латвии.

²⁹Johan Skytte (1577–1645).

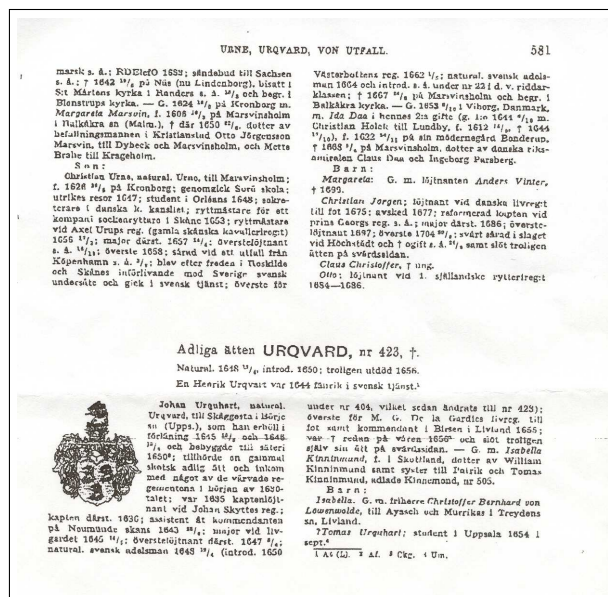

Рис. 4.6. Статья о шведском дворянском роде Urqvard (№ 423) из [114].

в Ливонии, где и умер в следующем году. Он женат на Изабелле Киннинмунд [ID: 3317], дочери Вильяма Киннинмунда. У них двое детей: Томас [ID: 3721] и Изабелла. Он в родстве с Томасом и Эндрю Архартами из Кромарти; первому из них он подарил в 1650 г. две медные пушки, которые были отправлены из Стокгольма.

ID: 3721. Томас Архарт (Thomas Urquhart). В 1646 г. он упоминается как прапорщик в лейб-гвардии, затем в лейб-гвардии королевы в 1647 г. в том же звании. В последний раз в документах он упоминается в 1655 г., как прапорщик пехотного полка Магнуса Делагарди. Вероятно, он оставил армию чтобы поступить в Упсальский университет, но это лишь предположение: среди студентов мог быть человек с таким же именем.

Существует мнение³⁰, что братья³¹ Патрик [ID: 2838] и Томас [ID: 2832] были также братьями Изабеллы [ID: 3317]. Фактическая информация о них, а также о Патрике [ID: 2840], сыне Томаса, следующая.

ID: 2838. Патрик Киннимонд (Patrick Kinnemond). Возведен в дворянство после своей смерти вместе со своим братом Томасом [ID: 2832] в 1650 г. С этим его братом, который был комендантом Дюнамюнде, его часто путают.

³⁰В статье, посвященной Джону Архарту, Г. Эльгенштьерна [123] утверждает, что Изабелла была сестрой Патрика и Томаса.

³¹То, что они братья, документально подтверждено.

ID: 2832. Томас Киннимонд (Thomas Kinnemond). Шведский полковник и дворянин, родился в Шотландии в месте, отмеченном в шведских списках пэров как Каленск или Каленш. Хотя неизвестно, кем были его родители, известно, что он и его брат Патрик [ID: 2838] эмигрировали в Швецию в 1620-х гг., до того, как на службе в Швеции появились целые шотландские полки. Братья служили в шведских войсках: Томас Киннемонд был прапорщиком в пехотном полку Йохана Банера в 1628 г., затем лейтенантом под командованием Эрика Хандркуота в 1629 г. В 1633 г. он стал мэром города Аугсбург. Потерял ногу во время битвы при Брейтенфельде (Лейпциге) в 1631 г. Мало что известно о его жизни до 1637 г., когда он был назначен главой суда в замке в Копорье, в Ингерманландии, а затем комендантом Динамюнде (вблизи Риги) в 1647 г. и подполковником Выборгского полка. С 1648 г. ему назначена ежегодная пенсия в размере 1500 риксдалеров. Он стал полковником в 1649 г. и командовал Выборгским полком к 1651 г. В это время он также был комендантом форта Дюнамюнде, который стал известен как Киннемюнде. В 1650 г. он был натурализован и возведен в дворянство, как и (посмертно) его брат, королевой Швеции Кристиной. Его социальное положение еще более повысилось благодаря земле в Ливонии, которую он унаследовал от своего дяди, Джона [ID: 2828], который также вступил в шведскую службу. В 1651 г. Киннемонд полковник и комендант Дюнамюнде, построенного им самим. В 1655 г. он полковник Выборгского полка. Неизвестно, когда он женился на Кристине Скотт [ID: 6248], дочери полковника Джеймса Скотта [ID: 1638] и его жены Маргарет Гибсон [ID: 2834], хотя его женитьба на шотландке указывает на то, что его связи с Шотландией все еще были сильными. У них было семеро детей, из которых выжили только двое. Его сын Патрик [ID: 2840] также поступил на шведскую службу, а его дочь Кристина [ID: 6247] вышла замуж за шотландского офицера Джеймса Беннета [ID: 1612]. Он умер в 1658 г.

ID: 2840. Патрик Киннимонд (Patrick Kinnemond). Сын Томаса Киннемонда [ID: 2832] и племянник Патрика Киннемонда [ID: 2838]. Сперва служил в полку Джона Киннемонда [ID: 2828] прапорщиком примерно в 1648 г. Умер в 1677 г. при осаде Штеттина в чине подполковника. Его сестра Кристина [ID: 6247] вышла замуж за шотландского офицера Джеймса Беннета (James Bennet) [ID: 1612].

Мы упомянули лишь нескольких лиц из семей Киннимонд и Архарт на шведской службе в XVII в. Читатель, желающий большей информации, может обратиться к базе персональных данных [126]. Он найдет там много интересного, включая коменданта Ниеншанца, крепости и поселения в черте нынешнего города С.-Петербурга.

Что знали Левенвольде в 1726 г. Знали ли об этом братья Левенвольде в 1726 г.? Частично знали. Немного забегаая вперед, скажем, что

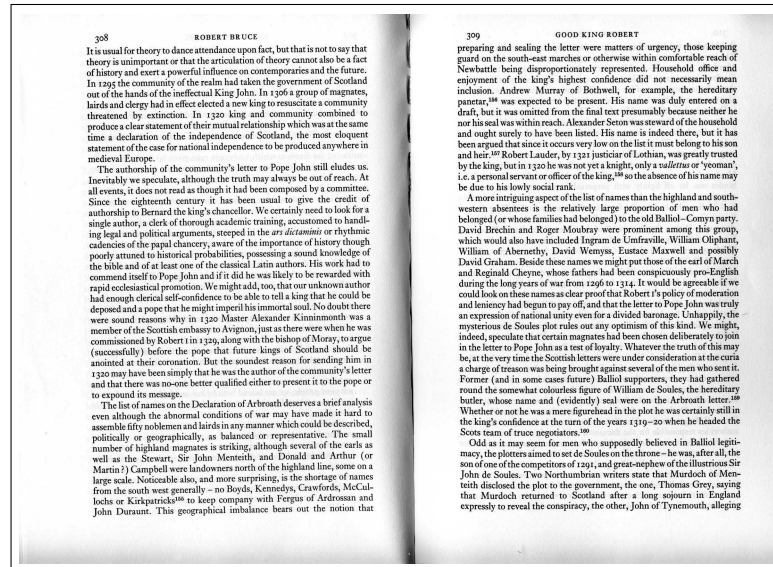

Рис. 4.7. Обсуждение авторства Арбротской декларации в книге [111].

в родословии Густава Рейнгольда Левенвольде [85], датированном 19-м августа 1726 г. и ныне хранящемся в РГАДА (см. рис. 4.2 и 4.3),

- сам Г.Р. Левенвольде показан сыном Г.И. Левенвольде и Магдалены Элизабеты Лёвен (что никаких сомнений не вызывало);
- отцом и матерью Г.И. Левенвольде показаны Кристофер Бернгард Левенвольде (Christopher Bernhard von Loewenwolde) и Изабелла Архарт (Isabella von Orcquart);
- далее — Изабелла Архарт показана дочерью Джона Архарта (Johann von Orcquart) и Изабеллы Киннимонд (Isabella von Kinnemundt);
- отцом Джона Архарта показан баснословный Канутус Архарт (Canutus von Orcquart), а отцом Изабеллы Киннимонд показан (что не соответствует истине) Томас Киннемонд (Thomas Kinnemundt).

Как мы видим, Г.Р. Левенвольде помнит о своей шотландской бабушке (Isabella von Orcquart), прадеде (Johann von Orcquart), прабабушке (Isabella von Kinnemundt) и лишь немного ошибается относительно более ранних предков³².

³²Различия в написании имен (например, в нашем случае: «Orcquart», хотя принятая форма написания — «Urquhart») были нормой того времени, поскольку в записях часто исходили не из правил правописания, а из фонетического звучания.

Как семейное предание, сквозь века до него могло прийти следующее: епископ Александр Киннимонд считается лицом, написавшим текст Арбротской декларации 1320 г.; научное исследование ее авторства см., например, в книге [111]. Доподлинно известно, что Арбротская декларация (см. разд. В.4) была доставлена в папский суд в Авиньоне епископом Киннимондом, сэром Адамом Гордоном и сэром Одардом де Мобюиссоном. Память об этих событиях 400-летней давности могла сохраниться как семейное предание; это не редкость в шотландских семействах с древней историей.

4.5 «Is fecit, qui prodest»: дюк Лирийский и милорд маршал, или зачем изготовили подложное родословие?

Был ли маршал Шотландии Джордж Кит близко знаком с лифляндским ландратом? Об их встречах нам не известно. Но вот то, что младший брат Джорджа Кита, Джеймс Кит, и его покровитель, дюк Лирийский, были лично и близко знакомы как с Карлом Густавом Левенвольде, так и с Густавом Рейнгольдом Левенвольде, мы знаем доподлинно. Это весьма важно для нашего анализа, поскольку — согласно подложному родословию — семья наследственных маршалов Шотландии *якобы* состояла в весьма близком родстве с семьей Левенвольде.

Дюк Лирийский: испанский посол, миссионер и якобит. В своем похвальном слове Джорджу Киту, с которого мы начали, Д'Аламбер особо отмечает, что Яков II (VII) Стюарт в 1715 г. не только обращается к Франции и Испании за военной поддержкой, но и подталкивается Джорджем Китом к личному участию в вооруженных действиях. Д'Аламбер пишет об этом так³³:

«Не удовлетворясь тем, что за него подняли оружие его давние подданные, он просил поддержки Франции и Испании. Обращение к Франции было бесполезным; она слишком нуждалась в отдыхе после четырнадцати лет неудачной войны. Испания, сильно измотанная той же самой войной, откликнулась более благосклонно; она отправи-

³³ «Non content d'avoir armé pour lui ses anciens Sujets, il demanda des secours à la France & à l'Espagne. La France fut inutilement sollicitée; elle avoit trop besoin de repos après quatorze ans d'une guerre malheureuse. L'Espagne, toute épuisée qu'elle étoit par la même guerre, se monta plus favorable; elle fit partir pour l'Ecosse plusieurs vaisseaux & quelques troupes; mais une tempête violente qu'on n'avoit pu prévoir, la défunion des Chefs, à laquelle il étoit plus naturel de s'attendre, & leurs fautes accumulées, suite nécessaire de cette défunion, obligèrent bientôt l'infortuné Prétendant à se rembarquer».

Рис. 4.8. Хабоко Франсиско Фитц-Джеймс Стюарт, 2-й герцог Бервик, 2-й герцог Лириа-и-Херика (James Francis Fitz-James Stuart) (1696–1738).

ла к берегам Шотландии несколько кораблей и некоторое количество войск, но сильная буря, которую не могли предвидеть, разлад вождей, которым более привычно было выжидать, и их ошибки в целом, как неизбежное следствие этого разлада, вскоре вынудили неудачливого претендента отбыть назад».

Вплоть до второй — и также неудачной — попытки вооруженного вторжения в Великобританию, которое якобиты осуществили в 1745 г., поиск ими прямой военной поддержки в разных странах был их постоянной задачей. Не исключением была и Россия.

Двор свергнутого в 1688 г. в результате «Славной революции» Якова II (VII) Стюарта находился в то время в Испании и многие якобиты, а не только Джордж Кит, состояли на испанской службе. К якобитам «по рождению» относился назначенный испанским послом в Россию дюк Лирийский. Так звали его при русском дворе, но официально он титуловался Хакобо Фитц-Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Он был сыном внебрачного сына самого Якова II (VII) Стюарта и Арабеллы Черчилль (сестры герцога Мальборо).

По датам этого посольства (с декабря 1726 г. по 1730 г.) видно, что большая часть времени его пребывания в России приходится³⁴ на правление Петра II. В это царствование дюк Лирийский

- как посол Испании, наладил связи при дворе Петра II, но внезапно, из-за его скоропостижной кончины, попал в сложное по-

³⁴После Екатерины I (28 января (8 февраля) 1725–6 (17) мая 1727) правил Петр II (6 (17) мая 1727–19 [30] января 1730).

ложение: в самом начале 1730 г., с восшествием на престол Анны Иоанновны, в силе оказалась партия, на которую де Лириа вовсе «не ставил»; братья Левенвольде были в числе наиболее влиятельных лиц этой партии,

- как ревностный католик, имевший задание если не привести Россию в лоно католической церкви, то всячески способствовать этому, пытался заниматься прозелитизмом и даже несколько в этом преуспел,
- как якобит, заручился благосклонностью в деле поддержки Претендента, как называли Якова II (VII) Стюарта.

Иногда интересы дюка Лирийского, как посла испанского короля и как якобита, входили в значительные противоречия. Так, в 1727–1730 гг. внезапно изменились интересы основных европейских держав и Россия, улучшив отношения с Великобританией, где с 1 августа 1714 г. и до своей кончины в июне 1727 г. правил король Георг I, а затем — король Георг II, не была заинтересована в материальной поддержке якобитского заговора.

Почему мы уверены в близком знакомстве дюка Лирийского и братьев Левенвольде? Потому, что дюк писал об этом сам; особо интересны его записи, относящиеся к ключевому для нас 1730 г.

Итак, дадим слово самому дюку Лирийскому (см. [52]):

«Августа 13-го граф Потоцкий раскланялся с царицею, которая пожаловала ему орден Св. Андрея. Он уехал 14-го того же месяца, дабы успеть еще присутствовать на сейме в Гродно. Сентября 10-го отправлялся по обыкновению праздник ордена Св. Александра, и все мы, кавалеры сего ордена, имели честь обедать и ужинать с Е. В., после чего был прекрасный фейерверк. В тот же день царица пожаловала сим орденом генерала Вейсбаха, получившего притом повеление отправиться на сейм в Гродно, в звании министра Ея Величества. В то же время Е. Ц. В. приказала составить третий гвардейский пехотный полк, который наименовала она Измайловским, определив полковником его генерала Левенвольда [К.Г. Левенвольде. — *В.М.*], а подполковником генерала Кита [Джеймса Кита. — *В.М.*]. Возвышение Кита причинило мне большое удовольствие, ибо, кроме того, что я весьма любил его лично, через меня вступил он в Русскую службу за два года перед сим».

И далее³⁵ (см. [52]):

«Решила она наградить и старшего графа Левенвольде [К.Г. Левенвольде. — *В.М.*], который стал полковником гвардейского полка, и его

³⁵ «... as she was resolved to reward the eldest Count Levenwolde for the zele which he had showed for her service, a new regiment of foot guards was order'd to be raised, of which he was made Collonel, being already her General Adjoutant, and his brother, who was one of the Chamberlains, was declared Great Maréchal of the Court».

брата [Г.Р. Левенвольде. — В.М.], который был одним из камергеров, а стал гофмаршалом двора».

Дюк Лирийский не сообщает, каким образом генерал Кит был «определен подполковником Измайловского полка». Уточнения требует и то, в каком смысле был «награжден» старший граф Левенвольде — известный нам Карл Густав.

То, что Анна Иоанновна «приказала составить третий гвардейский пехотный полк, который наименовала она Измайловским», следует понимать вполне определенно и не так празднично, как пишет об этом дюк Лирийский. В полковой истории л.-гв. Измайловского полка [38], среди разных технических деталей его формирования³⁶, ясно сказано:

«17-го февраля 1731 г. Измайловцы в первый раз представились на смотр Ея Императорскому Величеству на Царицыном лугу за Москвой рекою. Тут они получили знамена, принесли присягу на верность службы. 28-го мая в первый раз заступили в дворцовый караул на смену л.-гв. Семеновскаго полка и с тех пор начали нести службу наравне с двумя старыми полками».

И тут уместно вспомнить (см. Полн. собр. соч., т. 37, с. 122) слова В.И. Ульянова (Ленина):

«... всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться».

В самом деле, формирование Измайловского полка гвардии было важнейшей составной частью взошествия на престол Анны Иоанновны, событий, в результате которых «митавские кондиции» были разорваны и, по словам А.С. Пушкина, «Россию двинули вперед ветрила те ж, средь тех же вод». Так что, доверив Карлу Густаву Левенвольде формирование нового полка гвардии, Анна Иоанновна не столько его «наградила», сколько доверила в его руки свою судьбу. Она имела на это основания, поскольку и первую часть ее переворота она, как известно, спланировала с ним же.

Теперь вернемся к Джеймсу Киту (1696–1758), который пользовался активным покровительством дюка Лирийского. Занятно, что он может рассказать о своем «определении подполковником» сам. И так³⁷,

«... Я жил в империи без малого год, меня не интересовали любые повышения. Я видел всех этих фаворитов, с удовольствием полагал, что на службе буду до тех пор, пока время не даст мне повода разорвать с ней; я не был знаком с графом Левенвольде [Карлом Густавом. — В.М.], но однажды вечером был удивлен визитом посланца от Лефорта. Он объявил мне, чтобы я завтра явился ко двору (который тогда был в сельской местности), так как мне хотят что-то

³⁶См. разд. А.6, где приведены выдержки из полковой истории [38].

³⁷Оригинальный текст на английском языке приведен нами в разд. А.11.

сообщить. Всю ночь я думал, что могло означать такое предложение, советовался с собой, что я мог сделать некстати, за что могу получить выговор от адъютанта императрицы [К.Г. Левенвольде. — В.М.] и нашел себя невиновным, но сделал вывод, что при дворе у меня могут быть несколько врагов, которые могли оговорить меня. Полностью моя мысль подтвердилась, когда я пришел следующим утром к Лефорту и нашел его с его кузеном, польским посланником, и с герцогом де Лириа. Он уверил меня, что посланник ничего не знал, так как он сам хотел сообщить мне об этом. Увидев мое смущение, де Лириа сказал то, что ему известно: для графа Левенвольде [К.Г. Левенвольде. — В.М.] создан гвардейский полк, и что он намерен предложить мне звание подполковника³⁸; на что я ответил то, что знаю о создании полка, что он такой, как обычно, только на один батальон больше, и что я не могу принять звания, так как уверен, что эта служба может быть предложена другому, а не самому молодому в моем звании в армии. Все согласились со мной, что причина в чем-то ином и, терзаясь этими сомнениями, я прибыл в Измайлово, где тогда был двор и засвидетельствовал свое почтение графу Левенвольде [К.Г. Левенвольде. — В.М.] с очень взволнованным видом. Как только он увидел меня, то отвел в сторону и, после комплимента, предложил звание подполковника в его полку, а также дал двадцать четыре часа на раздумья. Я поблагодарил его за предложение и сказал, что не заслужил такого доверия и что двадцать четыре часа мне не нужны; через два дня он представил меня императрице, объявив подполковником своей гвардии. Вся Москва была удивлена, так как это звание считалось очень почетным в империи; к офицерам гвардии относились с уважением, и поэтому я принял сотни визитов от людей, которых раньше не видел и не слышал о них в своей жизни, и, кто-то предполагал, что я, конечно, должен быть в фаворе при дворе, в чем они были удивительно обмануты».

В том, что Джеймс Кит (1696–1758), в то время молодой человек 34 лет, был замечен ближайшим приближенным и конфидентом только что победившей «верховников» Анны Иоанновны, человеком, добавим, чрезвычайно занятым, не обошлось без дюка Лирийского. Не даром же «возвышение Кита причинило мне — пишет дюк — большое удовольствие, ибо, кроме того, что я весьма любил его лично, через меня вступил он в Русскую службу за два года перед сим».

Но дюк Лирийский здесь недоговаривает: это «возвышение» не обошлось без трудов по составлению подложного родословия [86], в котором, напомним, Левенвольде и Киты показаны близкими кровными родственниками.

³⁸Именно так! В переводах часто «Lieutenancy Collonel» и «Lt Collonel» неправильно переводят как «должность полковника» и «полковник». Это существенно нарушает весь смысл текста: полковником л.-гв. Измайловского полка был сам К.Г. Левенвольде, а после его смерти в 1735 г. — Монаршая Особа. — *Прим. В.М.*

4.6 Ложь и коварство — прибежище глупцов и трусов

Вынесенные в заголовок этого раздела слова сказал Филип Дормер Стэнхоуп, 4-й граф Честерфилд³⁹ (1694–1773), современник описываемых нами событий.

Итак, удалось ли дюку Лирийскому ввести в заблуждение Карла Густава Левенвольде? На первый взгляд, да, удалось: его протеже Джеймс Кит стал прямым и непосредственным подчиненным своего якобы кровного родственника и получил престижный пост при русском дворе.

Но посмотрим на это с другой стороны. Сейчас мы уже знаем, что Джеймс Кит (1696–1758) стал генерал-аншефом на русской военной службе и потом (в 1747) прусским генерал-фельдмаршалом. Он сделал весьма достойную карьеру военного. По словам знавшего его по службе В.А. Нащокина, слова которого о Карле Густаве Левенвольде мы неоднократно цитировали выше,

«Кит по справедливости был человеком наполнен чести и весьма из учтивости скромный. Несчастье с ним произошло, когда он непристойные выговоры получал от Военной коллегии, в которой тогда главным членом был генерал Апраксин, не великой ему приятель; особливо, имея довольно друзей, несколько его уничтожал: большая тому страсть была, что перед ним Кит был старший. Он был храбр без горячности; правосуден с разумным рассмотрением, учтив и любим подчиненными. Исправляя должность гетмана он, своим правосудием и различным распорядком, заслужил преданность к себе малороссийского народа. Он жизнь препровождал нескучно, но всегда с умеренностью, и весьма был несребролюбивым».

Так что, остро нуждаясь в дельных помощниках, Карл Густав Левенвольде не ошибся в своем выборе — будь Джеймс Кит действительно его кровным родственником, или нет.

Скорее же всего — и это наше мнение — Карл Густав Левенвольде подложное родословие [86] распознал *до встречи* с Джеймсом Китом. Почему мы так считаем со значительной долей уверенности?

Во-первых, потому, что это «родословие» никогда не было введено в оборот деловых бумаг. Это видно по копии И.К. Бротце. Делая ее, он наверняка отметил бы следы бытования этой бумаги, такие как печати и подписи удостоверяющих ее лиц, если бы они были. На родословии К.Г. Левенвольде [86], шотландская часть которого, в отличие от прочих ее частей, осталась на латыни, то есть так и не была переведена на немецкий язык прочих ее частей, таких следов не наблюдается. То, что И.К. Бротце обнаружил родословие К.Г. Левенвольде [86] среди прочих

³⁹Philip Dormer Stanhope, 4-th Earl of Chesterfield.

Рис. 4.9. Джеймс Фрэнсис Эдуард Кит (1696–1758). Портрет написан около 1750 г., спустя 20 лет после событий, описанных в этой главе.

малозначимых бумаг, а не в государственном хранении, где до сих пор находится родословие Г.Р. Левенвольде [85], много говорит об отношении владельца к этой курьезной бумаге.

Во-вторых, мы помним, что семья Левенвольде знала своих шотландских родственников настолько, чтобы увидеть отсутствие Изабеллы Киннимонд и присутствие «Изабеллы Кенмюр–Гордон». Легко объяснить, почему она появилась в подложном родословии [86]: виконту Кенмюр–Гордону отрубили голову за участие в якобитском восстании в 1715 г.

В-третьих, братья Левенвольде имели с кем обсудить это неожиданно свалившееся на их головы «откровение» о шотландских родственниках: их родная сестра (см. табл. 2.1) была замужем за Берендом Фридрихом Шлиппенбахом, а сестра последнего была женой графа Густава Отто Дугласа, который, после плена под Полтавой, был приглашен Петром I на русскую службу. Итак, вместе с графом Дугласом — а может быть и с потомством Александра Лесли оф Охинтул, который на русской службе звался Авраамом Лесли — они могли разобраться с якобитской затеей; как известно, Авраам Лесли был в свойстве с Киннимондами.

Обман подобен спичке, которая очень быстро сгорает, но пахнет еще очень долго. Итак, будем считать, что Карл Густав Левенвольде *быстро* разобрался, что дюк Лирийский изготовил, или заказал, что безразлично, подложное родословие [86] и расставляет перед своим новым «дорогим другом» вполне определенные капканы. Что он сделал, разобравшись?

Это можно предположить, зная, как К.Г. Левенвольде относился к похожим глупостям. Итак, в далеком марте 1723 года,

«несмотря на то, что река только что вскрылась и постоянно еще запруживалась множеством льда, император [Петр I. — *В.М.*] плавал уже по ней взад и вперед и, как говорили, несказанно радовался, что вода открылась в этот год так рано, как никто не запомнит, потому что обыкновенно лед проходит здесь целым месяцем позже. В этот день приехали в Петербург оба Гессен-Гомбургских принца с подполковником Левольдом [К.Г. Левенвольде. — *В.М.*], который сопровождал их. Младшему, говорят, шестнадцать, а старшему семнадцать лет. Они остановились очень далеко от нас, и неизвестно еще, как велика состоящая при них свита».

В апреле 1723 г.,

«выходя из дворца, мы встретили генерала Ягужинского, который вел за руки обоих Гессен-Гомбургских принцев, идя с ними к императору; но его высочество не заметил этого. Оба этих принца живут в доме покойного генерал-майора Голицына. Подполковник Левольд [К.Г. Левенвольде. — *В.М.*], приехавший с ними в Петербург, несколько дней тому назад читал некоторым хорошим приятелям смешное место из одной голландской газеты, присланной ему отцом молодых принцев, именно, будто император российский ссудил князя Гессен-Гомбургского значительною суммой денег, в обеспечение которой последний отправил к его величеству в виде залога обоих своих сыновей. Между тем, говорят, эти принцы будут получать от императора ежегодно 6 000 рублей и провиант на 15 лошадей...».

Другими словами, дураков всегда хватает.

Но своему ближайшему окружению — двум своим братьям, сестре, своему зятю Б.Ф. Шлиппенбаху, Г.О. Дугласу, Э.И. Бирону, «который ни с кем другим не хотел делить власти своей у императрицы», но «не только сего мужа, доколе он жив был, при себе терпел, но даже, чему дивиться должно, некоторым образом его боялся», а, возможно, и самой Анне Иоанновне — Карл Густав Левенвольде о сем поступке дюка Лирийского, вероятно, поведал.

Если это так, то забавно было всем этим людям наблюдать за поведением оправдывающегося и доказывающего свои всегдашние благие намерения дюка Лирийского. Послушаем его самого (см. [52]):

«... Октября 12-го царица наименовала Генерал-Прокурором в Сенат генерала Ягужинского. Чин сей означает генерал-фискала, ибо все дела Сената должны быть под ревизиею сего чиновника. В то же время Е.В. приказала Ягужинскому присутствовать при всех конференциях об иностранных делах, чем много уменьшилась сила графа Остермана; он после того не был уже, как до сих пор, полномочным властителем всех конференций. Ягужинский находился в звании

Генерал-Прокурора еще при Петре Великом, и все были им тогда очень довольны. Едва только принял он теперь снова свою должность, дела Сенатския стали отправляться с большею поспешностью и к общему удовольствию всех. Никто не радовался более меня, ибо Ягужинский всегда был мне искренним другом и остался им до конца.

В тот же день Е. В. пожаловала орден Св. Андрея графу Бирону [Э.И. Бирон. — В.М.] и мне показалось приличным употребить сей случай для моего оправдания.

Действительно, отправясь к нему 13-го, нашел я его одного, и поздравив с Царскою милостью, им полученною, услышал и от него те же изъявления чувств, какия делал он мне в последний раз.

Я сказал ему, что вверяюсь его дружбе, хочу открыть ему мое сердце; что он должен знать лживыя обвинения, которыя взвели на меня некоторые люди, дабы причинить мне вред в мнении Е. Ц. В., и что не сомневаюсь я в возможности доказать мою невинность в немногих словах:

1) на то, что говорят, будто я был искренний друг князя Василья Долгорукаго и его главный советник, могу отвечать, что никогда не имел с ним связей, и напротив, во всё время, пока я был в доверенности у князя Ивана, любимца Петра II-го, князь Василий постоянно старался нас поссорить, в чем действительно и успел за четыре месяца до смерти Царя, как может то засвидетельствовать гоф-маршал граф Левенвольд [Г.Р. Левенвольде. — В.М.], тщетно старавшийся нас помирить.

2) на то, что говорили царице, будто я сильно противился ей самодержавию, подавая свои советы желавшим учредить республику, могу отвечать, что во все время, пока продолжались споры о самодержавии, я тщательно избегал всяких сношений с Русскими, дабы ничего не говорить о сем предмете, а в беседах с моими друзьями всегда смеялся я над глупою горячкою республиканцев, почитая ее шалостью, и уверяя всегда, что все споры кончатся объявлением царицы самодержавною государынею, и всегда предварял я о том мой Двор, что могут доказать списки с депешей, которыя готов я показать Его Превосходительству, прося его сделать мне милость, верить, что я не потерял еще разсудка. И как вовсе нет особеннаго интереса королю, моему Государю, будет ли царица самовластною государынею, или нет, то и не почитаю еще я себя таким дураком, который вмешивался бы в дела, которыя вовсе до него не касаются.

3) касательно того, что говорят враги мои, будто я приверженец графа Морица Саксонскаго, и весьма увлекаюсь оборотом дел в его пользу, ведя с ним постоянную переписку, то я не могу оспорить, что я друг его уже более 15-ти лет, но не до такой степени, чтобы захотел я быть его агентом, ибо то не приличествует, ни моему ха-

рактеру, ни моему рождению. Дела упомянутого графа не касаются короля моего Государя, который в них не вмешивается, а сам я не такой человек, чтобы стал действовать без повелений Его Величества. Когда проезжал я через Данциг, то видел там графа Морица, и он просил меня достать ему любовные письма, находившиеся в ящичке, взятом у него Русскими в Курляндии, и ныне находящемся в руках Русских Министров. Несколько раз начинал я говорить о том графу Остерману, прибавляя, что ни намерения, ни обязанности у меня нет вмешиваться в дела графа Морица, но я просто прошу отдать только ему любовные письма его, в которых никакой важности для России не заключается. Граф Остерман несколько раз обещал мне письма отдать, но слова своего не исполнял, а граф Мориц писал мне о том три, или четыре раза, не упоминая в письмах ни о чем другом. Я показал и самые письма, клянясь притом графу Бирону, что никогда, ни прямо, ни косвенно, ничего не говаривал я о делах графа Морица. Я дал притом знать любимцу, кто были люди, распространившие ложные обо мне слухи, в которых видны яд и злость графа Остермана, и других, кого не хочу я именовать (то есть, графа Вратислава, Барона Мардефельда и Барона Чама), и все из опасения, какое они имеют, что если я приобрету доброе расположение царицы и Его Превосходительства, то они не в состоянии будут успевать в своих предприятиях. Но, благодаря Бога, я презираю подобных неприятелей, следуя всегда путем чести и истины, которого не переменю для их удовольствия, ибо сей путь есть обязанность, неразлучная с моим званием и моим рождением. Я кончил мое объяснение, прося соизволить удостоить меня сообщением слов моих царице, уверив в то же время Е. В., что нет у нея ни одного подданного, который более меня уважал бы ее, и был более предан ей особе.

Граф Бирон слушал меня с величайшим вниманием, и когда я перестал говорить, сказал мне, что он не преминет отдать царице отчет во всем, что я говорил ему, присовокупляя уверение, что, действительно, старались делать Е. В. все внушения, о которых я объяснялся, но он может уверить меня, как честный человек, что Ея Величество уже разуверилась в том, и так меня уважает, что при всяком случае говорить обо мне с отличием. Что касается до него лично, то он всегда был и хотел быть другом моим, сделает все возможное при сем случае, дабы дать мне в том доказательства, присовокупляя еще почти со слезами на глазах, другия выражения своей преданности и почтения ко мне.

От графа Бирона отправился я к генерал-майору графу Левенвольду [К.Г. Левенвольде, генерал-майор (в 1730 г.), генерал-лейтенант с 01.01.1731, генерал-аншеф (в 1735 г.). — В.М.], моему старому другу, имевшему полную доверенность царицы и графа Бирона, и когда я рассказал ему обо всем, что говорил Бирону, он обещал

мне с своей стороны постараться решительно разуверить на счет мой царицу.

...Оправданием моим одолжен я был графу Бирону и генералу Левенвольду [К.Г. Левенвольде. — В.М.], показавшим мне при сем случае безконечную дружбу, ибо они не переставали принимать участие в пользу мою, пока не открыли царице всех лжей, изобретенных на счет мой со стороны Австрийской».

Нам не известно, показали ли в конце концов испанскому послу, дюку Лирийскому, потерявшему лицо, на дверь сами хозяева, или он отбыл по причине окончания своей миссии, только известно, что в 1730 г. он из России уехал. Однако на этом дюк Лирийский не успокоился. Он написал пасквильные «Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при Императорском российском дворе в звании посла короля испанского, 1727–1730-х годов» [52], переведенные Д.И. Языковым с французского языка на русский язык и изданные в С.-Петербурге в 1845 г. Частью записок является «Отдельное разсуждение о характерах различных особ при дворе Российском», на которые историки, например, В.О. Ключевский, с тех пор ссылаются как на свидетельство беспристрастного современника.

Посмотрим, что дюк Лирийский сказал о братьях Левенвольде, к которым испытывал «безконечную дружбу»:

«Граф ЛЕВЕНВОЛЬД, СТАРШИЙ. Полковник третьего гвардейского полка и генерал-лейтенант, хоть и не Русский, но Лифляндец и Русский подданный. Имел дарования и был ловкий, смелый, отважный и лживый человек. Любил славу своей царицы и имел у нея большую доверенность. Но его ненавидели Русские, потому, что система его состояла в том, чтобы употреблять в делах только иностранцов. Был великий игрок, и притом очень скуп, способен на подкуп, но благодарен в советах.

Граф ЛЕВЕНВОЛЬД, МЛАДШИЙ. Гоф-маршал царицы Анны, человек самого дурного характера, какого только видал я в жизни моей. Счастьем своим обязан был он женщинам, но способен на всякое дело для достижения своей цели. Ничто его не останавливало, и он пожертвовал бы лучшим другом, и человеком, которому всем был обязан, если бы только видел в том свою пользу. Честолюбие было у него чрезмерное и тщеславие большое. Религии у него не было никакой и едва ли даже верил он бытию Бога. Корысть всегда его руководствовала и он был лжив, хитр, ненавидим народом, но в тоже время благороден в обхождении, снисходителен, внимателен, хорошо служил своей царице и умел придавать блеск ея праздникам; умен и довольно красив собою».

По стилю и по лживости эти характеристики удивительно похожи на

[illegible]

характеристику Герхарда Иоганна Левенвольде из «Записок политических, забавных и сатирических господина Жана Никола де Бразе, графа Лионского, полковника Казанского драгунского полка и бригадира войск его царского величества» [112] и [113], рассмотренных нами в гл. 2: это «черная легенда»⁴⁰.

Как говорится, «если тебя хвалит враг — подумай, какую глупость ты совершил», и наоборот. Ознакомившийся с нашим анализом читатель согласится, что многие поносные места в этой «характеристике» дюка Лирийского следует считать похвалой. Жаль, что этого не понимают добросовестные (о недобросовестных речи нет) российские историки.

4.7 «Veritas vincit»: зачем нужен наш анализ

Мы никогда с полной точностью не узнаем, кто изготовил подложное родословие [86]. Но нам и не интересен непосредственный технический

⁴⁰Напомним, что «черной легендой» называется историографический феномен, при котором тенденциозно и предвзято сообщаются сфабрикованные, преувеличенные и вырванные из контекста факты; это направлено против определенных лиц, наций или учреждений с намерением создать искаженное представление о них.

исполнитель. Нам интересен заказчик, тот, в чьих интересах оно было изготовлено.

Мы никогда не найдем ни письменных следов этого заказа, ни счета на его оплату, но мы определенно знаем, в чьих интересах была изготовлена эта бумага. Круг этих лиц невелик: это дюк Лирийский, Джордж Кит и — возможно — кто-либо еще их ближайшего окружения⁴¹. Даже если Джордж Кит не принимал в этом непосредственного участия, то, доверив судьбу своего младшего брата Джеймса дюку Лирийскому, он не может считаться непричастным⁴². Во всяком случае, все его попытки в дальнейшем поступить на русскую службу, включая последующие царствования, неизменно оставались безуспешными.

Принц Гамлет (см. В. Шекспир, «Гамлет», акт 5, сцена 2) просит своего старого друга Горацио⁴³ позаботиться о своей посмертной славе. В переводе А.И. Кронеберга его слова звучат так:

«Какое я оставлю по себе
Запятнанное имя, друг Горацио,
Когда все так останется безвестным!
О, если ты меня любил — постой!
Не отворяй себе врата блаженства
И пострадай еще в ничтожном мире,
Чтоб повесть рассказать мою».

Значит, посмертная слава и незапятнанное имя — не пустой звук.

Восьмая из десяти святых заповедей Божиих гласит: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего»⁴⁴. Что это значит? Мы должны бояться и любить Бога так, чтобы не говорить неправды о ближнем своем, не предавать его, не клеветать на него и не распространять о нем худой молвы, но защищать его, стараться правильно понять его намерения и оценить его действия. Поняв же их, мы должны стараться все обратить к лучшему.

В нашем же случае мы имеем дело с изощренным лжесвидетельством, берущим начало в 1730 г. в виде попытки обмануть «генерал-майора Графа Левенвольда, моего старого друга», и длящимся поныне; оно приводит

⁴¹ Например, якобит и адмирал Александр Гордон.

⁴² Ироничное отношение к благородному происхождению, которое Д'Аламбер заметил у Джорджа Кита, вполне согласуется с предположением, что наследственный маршал Шотландии в изгнании приложил свою руку мастера к фабрикации мастерски изготовленной подделки.

⁴³ В подлиннике это звучит так:

«O good Horatio, what a wounded name,
Things standing thus unknown, shall live behind me!
If thou didst ever hold me in thy heart
Absent thee from felicity awhile,
And in this harsh world draw thy breath in pain,
To tell my story...»

⁴⁴ В Большом Катехизисе [53] Мартина Лютера, составленном в 1529 г., это — восьмая заповедь.

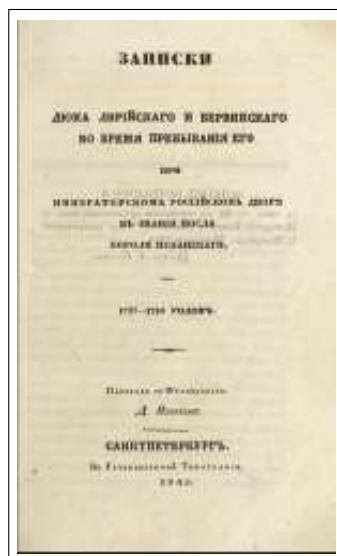

Рис. 4.11. Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского. 1727–1730-х гг. Перевод с французского Д.И. Языкова. С.–Петербург, Гутенбергова тип., 1845 г.

ло к обману многих и многих добросовестных (о недобросовестных, как сказано выше, речи нет) историков, составителей генеалогических атласов, да и просто частных лиц, среди которых относительно недавно был и сам автор этой книги.

Кого ввело в заблуждение подложное родословие? Первым, кого ввело в заблуждение подложное родословие К.Г. Левенвольде, был, вероятно, И.К. Бротце, который воспроизвел его в своем «Сборнике различных лифляндских памятных документов». Однако у И.К. Бротце к этому документу был совсем иной интерес, нежели выяснение его подлинности.

История массовых заблуждений началась позднее. Так, в Справочной книге по генеалогии эстляндского рыцарства [115], в фундаментальном труде, пользующемся заслуженной высокой репутацией, матерью Изабеллы Архарт, жены Кристофа Бернгарда Левенвольде, деда К.Г. Левенвольде, показана Изабелла Кенмюр–Гордон (см. рис. 4.10). Читатель легко догадается, почему ошиблись авторы книги [115].

Поскольку книга [115] считается, и действительно является, фундаментальным источником информации о генеалогии балтийского рыцарства, ошибочные сведения, помещенные там, мультиплицируются всеми теми, кто использует ее как надежный источник. Одним из них, уже в

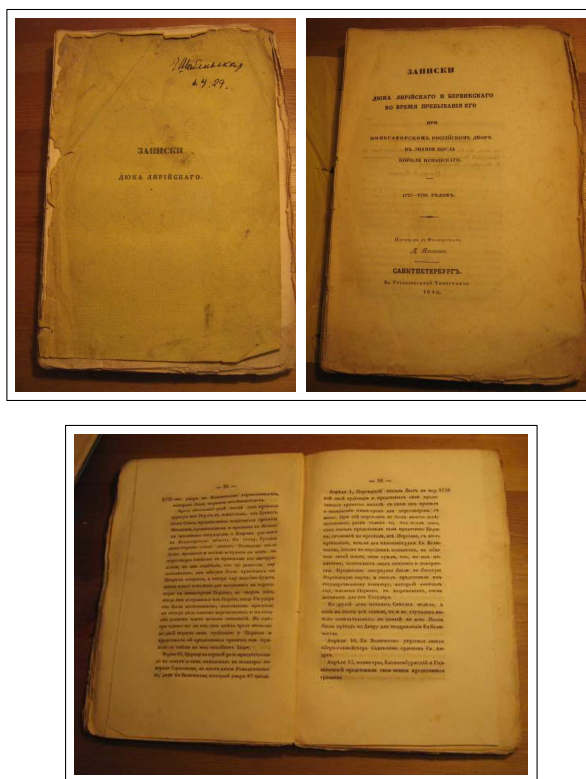

Рис. 4.12. Записки Дюка Лирийского.

XX в., стал Герберт Мозер фон Фильзек⁴⁵ (1927–1989), генеалог эстляндского рыцарства, составивший родословие [125].

Кого еще могло бы ввести в заблуждение подложное родословие? Информация о двух родословиях была в 2007 г. опубликована (см. [124]) автором этой книги. Сомнения, основанные на несовпадении в них шотландских ветвей, привели к более пристальному анализу родословия К.Г. Левенвольде, в котором участвовал Дж. Гордон, профессиональный генеалог, специализирующийся на изучении Дома Гордонов. Взгляд специалиста, направленный на ту его часть, которая касалась именно Гордонов, отметил (см. разд. В.3) ряд существенных несуразностей. Вердикт был таков: «это родословие подложное».

Информация об истинных родственных связях Левенвольде и Архартов с Киннемондами, а не с Кенмюр–Гордонами, была опубликована Дж. Гордоном и автором в 2010 г. (см. [116]). Однако кто, почему и

⁴⁵Herbert Moser v. Filseck.

с какой целью изготовил подделку, воспроизведенную в конце 18-го века И.К. Бротце в его «Сборнике различных ливонских памятных документов», осталось незатронутым.

В попытках ответить на этот вопрос люди обычно прибегают к самому простому объяснению. А оно таково: подложное родословие [86] изготовил сам К.Г. Левенвольде, желая «породниться» со старой шотландской аристократией. Это объяснение — хотя и нелепое при ближайшем рассмотрении⁴⁶ — не только приводит к ложному выводу, но и является посмертной клеветой.

Останавливаться на самом простом объяснении не всегда грех. Это согласуется с методологическим принципом, известным как «бритва Оккама»⁴⁷. Но применение этого принципа в нашем конкретном случае оказывается неправомерным. Это привело бы к существенному заблуждению и наш долг — заменить самое простое объяснение на правильное.

⁴⁶Во-первых, шотландцы того времени находились в весьма сложном положении, только что пережив ряд потрясений. Во-вторых, *граф*, выдающий себя за потомка или родственника *виконта* столь же нелогичен, как полковник, который хочет, чтобы его считали ефрейтором.

⁴⁷В кратком виде он гласит: «Не следует множить сущее без необходимости».

Глава 5

Фридрих Казимир Левенвольде

Фридрих Казимир Левенвольде, родившийся в 1692 г. и скончавшийся около 8 апреля 1769 г., был средним из трех сыновей Герхарда Иоганна Левенвольде. В 1734 г. он был отпущен в австрийскую службу.

5.1 Посол в Варшаве и генерал от кавалерии

Фридрих Казимир Левенвольде¹ (см. табл. 2.1) родился в 1697 г. и скончался в Вене не ранее 8 апреля 1769 г. В 1731–1733 гг. он был русским послом в Варшаве. В 1734 г. согласно просьбе был отпущен из российской службы в австрийскую, где вскоре получил чин «Generalfeldwachmeister»². После кампаний в Венгрии и на Рейне получил в 1741 г. чин «Feldmarschalleutnant»³, а 12 июня 1754 г. получил чин генерала от кавалерии, но его старшинство в этом чине исчислялось с 11 ноября 1748 г., что означало, что он имел такой же статус, как если бы он стал генералом от кавалерии 11 ноября 1748 г.

Вместе с двумя своими братьями, старшим и младшим, Ф.К. Левенвольде был возведен в графское Российской империи достоинство 24 октября 1726 г. В графы Св. Римской империи Ф.К. Левенвольде был возведен 25 ноября 1730 г. (диплом 18 июня 1740 г.). Имел внебрачного сына Кристиана Фридриха Нордхофена, для которого получил императорское разрешение на усыновление 8 апреля 1769 г., вскоре после чего умер.

Переход Ф.К. Левенвольде на австрийскую службу был, как представляется, вызван тем, что он (см. разд. 3.8) вступил в конфликт со своим собственным старшим братом К.Г. Левенвольде на той почве, что они по-разному смотрели на развитие событий в Польше и оба выполняли там посольские функции. О деятельности Ф.К. Левенвольде в качестве русского посла в Варшаве говорится в ряде документов, не вызывающих сомнений

¹См. [110], [125], [115]; подробные разъяснения о военной карьере Ф.К. Левенвольде в австрийской службе были получены автором из Музея военной истории [Heeresgeschichtliches Museum] в Вене.

²Чин, равный чину генерал-майора в Российской империи.

³Чин, равный чину генерал-лейтенанта в Российской империи.

в их достоверности. Один из них, где упоминается «граф Левенвольде младший, второй русский посланник», следующий.

«Записки Манштейна о России. 1727–1744» [57]. ► Глава VI. *Ссора графа Миниха с Бироном. Дело, бывшее у принца Гессенского с крымскими татарами. Смуты в Польше. Станислав приезжает в Польшу и избран в короли. Попытки петербургского двора. Русские войска вступают в Польшу. Курфюрст Саксонский избран королем под именем Августа III. Блокада и осада Данцига. Фельдмаршал Миних приходит к Данцигу. Другие экспедиции русских войск в Польше. 10 тыс. русских отправлены на Рейн. Проект паши Бонневаля относительно турецкой милиции. 1732–1734 гг.*

«Покуда граф Ласи, с своими русскими войсками, занимался дарованием короля полякам, последние намекали посланникам дворов петербургского и дрезденского, чтобы они в определенный срок выезжали из Варшавы. Когда же срок этот, 29-го сентября, миновал, а посланники не выезжали, то поляки стали грабить дворец графа Левенвольде младшего [Фридриха Казимира. — В.М.], второго русского посланника, а на саксонский дворец напали с 6 пушками; сделано было 20 или 30 выстрелов прежде нежели пробили ворота, после чего хотели штурмовать дом, но потеря 40 человек убитыми охладила их порывы, и они предложили капитуляцию остававшимся в доме. Министры же за несколько дней перед тем удалились к графу Вильчек, имперскому посланнику».

С этим отрывком связано следующее замечание неизвестного автора. Напомним, что осада Гданьска русско-саксонскими войсками длилась с конца февраля по конец июня 1734 г.

«Замечания на „Записки Манштейна о России” неизвестного автора». ► *Об осаде Гданьска.*

«Главные силы, предназначенные к осаде Гданьска, находились еще в окрестностях Варшавы. Фельдмаршал, ослабленный потерей при неудачном нападении на гагельбергское укрепление, предписал г. Люберасу, начальствовавшему над упомянутыми войсками, немедленно приступить к Гданьску. Генерал сей послушался, угождая воле графа Левенвольде-младшего [Фридриха Казимира. — В.М.], бывшего тогда в Варшаве российским послом и помышлявшего более о личной своей безопасности в таком городе, который окружен был войсками, сторону Лещинского державшими. Фельдмаршал дал вторичное повеление старшему после Любераса генералу тотчас выступить к Гданьску, а Любераса, уповавшего на покровительство могущественного Левенвольде [Карла Густава. — В.М.], приказал за оказанное

ослушание арестовать. Похвальная строгость, которую надлежит всегда употреблять против тех, кто, в бессмыслии своем, возлагают надежду на побочные опоры, не дорожат пользой отечества и не повинуются повелениям начальства». ■

Несколько по-другому эту ситуацию видел Густав Бирон, брат Эрнста Иоганна Бирона, который командовал одним из отрядов русских войск (см. разд. 3.8): «Здесь как высшие, так и низшие страшно недовольны, потому что старший граф Левенвольд, министр наш, неслыханным образом сурово с нами поступает...». Суть была в том, что «могущественный Левенвольде» пытался разрешить ситуацию, не применяя войска без крайней нужды, а более молодые люди рвались в бой.

Представляется, что аргументы «могущественного Левенвольде, т.е. Карла Густава, разделяла и Анна Иоанновна. Поэтому просьба Фридриха Казимира Левенвольде о переходе в австрийскую службу была удовлетворена: двум братьям было мало места в одной империи. Судя по тому, как развивалась карьера Ф.К. Левенвольде на австрийской службе, это решение было правильным и его талантам удалось проявиться, хотя и не на русской почве.

Следующий документ, где упоминается Ф.К. Левенвольде, относится уже к тому времени, когда он — граф Св. Римской империи, а в России в результате переворота 1741 г. к власти пришла Елизавета Петровна.

► В 13 день декабря 1745-го, о полудни, при докладе у Ея Императорскаго Величества чрез канцлера о делах происходило.

«... 34. Поднесено было к Ее Императорскому Величеству из Вены, от Левенволда⁴ писанное, и сюда при письме от тайного советника Ланчинскаго х канцлеру присланное, письмо, которым он, как по полученной при том же от вице-канцлера рекомендации видно, о свободе брата ево, бывшего обер-гофмаршала, или об отдаче ему деревень его, братних, в Лифляндии просит.

Но Ее Императорское Величество, не соизволяя на то и не разпечатывая, оное Левенвольдово письмо обратно отдать изволила.

граф Алексей Бестужев-Рюмин». ■

Это письмо, написано Ф.К. Левенвольде в один год с обращением его младшей сестры (см. табл. 2.1), которая в 1745 г. именуется «вдова капитанша баронесса Шлиппенбах» или «капитанша Шлиппенбахова». По всей видимости, оно касается конфискованной у Густава Рейнгольда Шлиппенбаха в 1742 г. мызы Малла. Это — наследственная собственность,

⁴Письмо от 15/26 ноября 1745 г., получено в С.-Петербурге 11/22 декабря.

по закону принадлежавшая не только попавшему в опалу младшему брату, но и среднему брату и сестре. Об этом деле, продолжавшемся долгое время, включая царствование Александра I, см. в разд. 8.2.

Наконец, заметим, что Отто Иоганн Шлиппенбах⁵, муж племянницы Ф.К. Левенвольде (он же зять «капитанши Шлиппенбаховой»), возведен в баронское достоинство Св. Римской империи 25 октября 1768 г., а имперское разрешение на усыновление Кристиана Фридриха Нордхофена было получено 8 апреля 1769 г. Несложно предположить, что оба эти события произошли благодаря стараниям Ф.К. Левенвольде, которому в это время было 77 лет и которому в октябре 1768 г. оставалось жить всего несколько месяцев.

5.2 «...ссылки на членов этой фамилии в исторических монографиях почти всегда исполнены ошибок»

Вынесенную в заглавие этого раздела фразу из предисловия к «Российской Родословной книге», написанного М.И. Семевским (1837–1892), можно иллюстрировать множеством примеров. Приведем два из них.

**«Военная история походов россиян в XVIII столетии» [14]
Д.П. Бутурлина ► с. 21–22.**

«...Тщетно Поляки старались поселить в неприятелях своих уважение к себе, с достоинством внушив Посланникам Дворов Санктпетербургского и Дрезденского, чтоб они выехали из Варшавы прежде 18-го сентября. Сии посланники не почли за нужное покориться желанию партии, которая, не быв подкреплена значительными силами, не могла иметь никакой твердости. Когда прошел назначенный срок, и они не помышляли выезжать из города, Варшавская чернь, возбужденная приверженцами Станислава, разграбила дом второго Российского Посла Графа Левендаля и атаковала дворец Саксонский шестью орудиями». ■

В этой книге (см. рис. 5.1), выпущенной в 1823 г., сказано: «разграбила дом второго Российского Посла Графа Левендаля». Таким образом, «граф Левенвольде младший, второй русский посланник», т.е. Фридрих

⁵См. диаграмму в разд. 2.2. Мужем Сири Шарлотты (род. 20.4.1726 в Бокенхофе, ск. 27.2.1775 в Альт-Борнхузене) Шлиппенбах был Отто Иоганн Шлиппенбах (1719–1808). Это представители одного и того же рода, но из очень удаленных друг от друга ветвей.

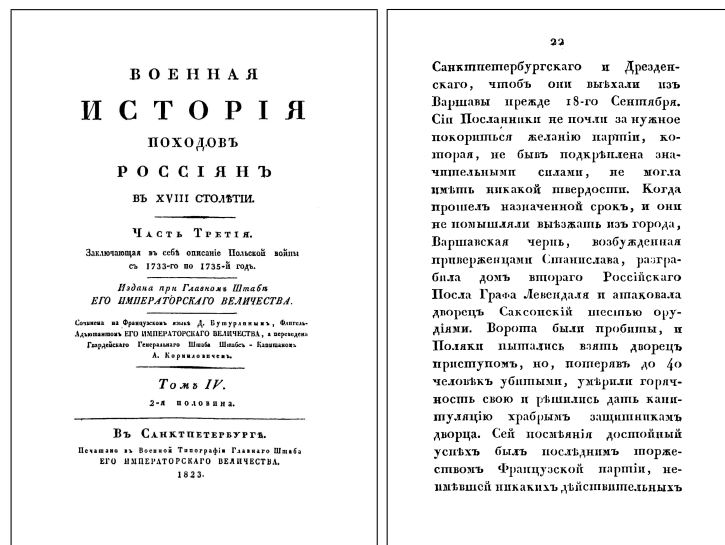

Рис. 5.1. Страница 22 из книги Д.П. Бутурлина «Военная история походов россиян в XVIII столетии», ч. III [14].

Казимир Левенвольде, чудесным образом превратился в совершенно другое историческое лицо — в графа Левендаля⁶ (1700–1755).

«Союз двуглавых орлов: русско–австрийский военный альянс второй четверти XVIII в.» [65] С.Г. Нелиповича ► с. 182.

«... Однако отношения России с Турцией по поводу «персидского наследства» продолжали оставаться напряженными. Более того, Порта усилила давление на Кабарду, требуя перехода горских князей в ее подданство. В 1731–1732 гг. кабардинцы испытали сильные набеги крымских и ногайских татар. Совместные действия союзников по предотвращению войны с турками должен был обсудить прибывший в Вену 8 ноября 1731 г. генерал–лейтенант и подполковник Лейб-Гвардии Измайловского полка граф Ф.К. фон Левенвольде. 5 декабря, после посещения конференц–министров и императорской четы, он получил от канцлера Зинцендорфа ответ на поданную ноту. О персидском деле сообщалось уклончиво что позиция Карла VI будет «всемилоостивейше угодна» царице⁷. 2 января 1732 г. Левенвольде отбыл в Москву».

⁶Левендаля (Lowendahl) Ульрих Фридрих Вольдемар, граф с 1742. Уроженец Дании. С 1716 на австрийской военной службе. В 1721 перешел на службу к Августу II. С 1735 г. на российской службе. С 1739 г. военный губернатор Эстляндии. С 1740 г. генерал–аншеф. В 1743 г. перешел на французскую службу. С 1747 г. маршал Франции.

⁷Архив внешней политики России (АВПР), Ф. 32, Оп. 1. 1731 г. Д. 10, Л. 21.

В этой книге, выпущенной в 2010 г., в фразе «генерал–лейтенант и подполковник Лейб-Гвардии Измайловского полка граф Ф.К. фон Левенвольде» смешаны два человека — Ф.К. Левенвольде (средний из трех братьев) и К.Г. Левенвольде (старший из трех братьев), который, как мы видели в гл. 3, не *подполковник*, а *полковник* л.-гв. Измайловского полка. Подполковником л.-гв. Измайловского полка с момента его формирования (см. разд. А.6) был Джеймс Кит (1696–1758). Полковником л.-гв. Измайловского полка после смерти К.Г. Левенвольде в 1735 г. стала Анна Иоанновна.

5.3 Как различить братьев Левенвольде?

Это не всегда просто. Чтобы пояснить эту мысль, приведем еще одну выдержку из [65].

«Союз двуглавых орлов: русско–австрийский военный альянс второй четверти XVIII в.» [65] С.Г. Нелиповича ► с. 94.

«...12 августа 1731 года Г.И. Головкин и А.И. Остерман направили рескрипт Л. Ланчинскому: ему было приказано помогать в делах генерал–лейтенанту, подполковнику Лейб-гвардии Измайловского полка К.Г. фон Левенвольде, прибывающему в Вену в качестве чрезвычайного посла⁸». ■

Но в Варшаве уже был посол — Ф.К. Левенвольде. Послов было два.

С.М. Соловьев в [99] пишет: «... Вейсбах долго не остался в Польше. Полномочным министром туда был отправлен граф Левенвольд–третий (Фридрих Казимир, действительный камергер)». И далее: «... Первый акт борьбы за польский престол кончился взятием Данцига; местом второго действия должна была быть более широкая сцена. Из письма генерала Густава Бирона мы видели, что братья Левенвольды перессорились в Варшаве; младший, камергер, просил отозвать его; просьба была исполнена, и на его место был отправлен к польскому двору действит. стат. советник и президент Академии Наук Кейзерлинг, который, впрочем, должен был играть второстепенную роль; обер–шталмейстер Левенвольд по–прежнему заправлял польскими делами, сносясь с тремя дворами — венским, берлинским и дрезденским».

Заметим, что «граф Левенвольд–третий» по порядку старшинства среди трех братьев — второй.

⁸ Архив внешней политики России (АВПР), Ф. 32, Оп. 1. 1731 г. Д. 3, Л. 21–21об.

Таблица 5.1. К.Г. Левенвольде и Ф.К. Левенвольде

Карл Густав Левенвольде (не ранее 1680–30.4.1735)	Фридрих Казимир Левенвольде (1692–8.4.1769)
граф Российской империи (24 октября 1726 г.)	граф Российской империи (24 октября 1726 г.) граф Св. Римской империи (25 ноября 1738 г.; диплом 18 июня 1740 г.)
21 декабря 1733 г.: орден Св. Апостола Андрея Первозванного	
обер-шталмейстер (Росс. имп.)	камергер (Росс. имп.)
полковник л.-гв. Измайловского полка	
генерал-майор (в 1730 г.), генерал-лейтенант с 01.01.1731, генерал-аншеф (в 1735 г.) русской службы	
	Согласно просьбе был отпущен из российской службы в австрийскую 21 ноября 1733 г.; 7 апреля 1735 г. — Generalfeldwachtmeister ($\approx$ генерал-майор); 31 марта 1741 г. — Feldmarschalleutnant ($\approx$ генерал-лейтенант); 11 ноября 1748 г. — General der Kavallerie (произведен 12 июня 1754 г., но старшинство считается с 11 ноября 1748 г.).
в 1731 г. ($\approx$ 50 лет): чрезвычайный посол	в 1731 г. (39 лет): посол

В этой книге мы не стремимся к выяснению деталей европейской политики начала 1730-х гг. в большей мере, чем это сделано в разд. 3.8. Интересующийся читатель может обратиться к фундаментальным монографиям В.И. Герье «Борьба за польский престол в 1733 году» [25], в которой в качестве приложения содержатся реляции графа Ф.К. Левенвольде и реляции обер-шталмейстера К.Г. Левенвольде, С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» [99], или С.Г. Нелиповича «Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в.» [65]. Мы хотим помочь читателю различить братьев Левенвольде.

Первой подсказкой является следующее разбиение временной шкалы:

- до 1723 г. в России имелось 4 барона Левенвольде, причем в упоминании «младший барон Левенвольде» мог быть (и был) Карл Густав, старший из трех братьев; он младший по отношению к собственному отцу,

- с 1723 г. по 1726 г. в России 3 барона Левенвольде: Герхард Иоганн Левенвольде умер,
- с 1723 г. по 1730 г. в России 3 графа Левенвольде,
- с 1730 г. по 1733 г. в России 3 графа Левенвольде, но положение старшего и младшего значительно изменилось; обычно в упоминаниях старший — обер-шталмейстер, младший — обер-гофмаршал, средний — камергер,
- с 1733 г. по 1735 г. в России 2 графа Левенвольде; Фридрих Казимир Левенвольде перешел в австрийскую службу,
- с 1735 г. в России 1 граф Левенвольде; Карл Густав Левенвольде умер.

Второй подсказкой является Таблица 5.1. Она поможет сравнивать двух послов Левенвольде — К.Г. Левенвольде и Ф.К. Левенвольде. Об их младшем брате, Г.Р. Левенвольде, говорится в следующей гл. 6.

После смерти Ф.К. Левенвольде остался один граф Левенвольде — это Кристиан Фридрих (С.F. Nordhofen), который 8 апреля 1769 г. получил от императора Иосифа II права законного сына и наследника Фридриха Казимира Левенвольде. Но жил ли К.Ф. Левенвольде в Российской империи, мы не знаем. Если он жил в Курляндии, то история с маркловскими собаками (см. разд. 3.10) скорее всего относится к нему.

5.4 Два примера: неясность в отличие от недостоверности

Начнем с примера неясности. В «Дипломатических документах, относящиеся к истории России в XVIII столетии (сообщено из дел саксонского государственного архива в Дрездене профессором Эрнстом Германом)» [94] имеются следующие записи.

Первая запись (см. [94], с. 102) в русском переводе с немецкого оригинала следующая:

«№ 399. Граф Линар Королю. С.-Петербург, 25 декабря 1734 г. Несколько дней тому назад, прислано графу Остерману Ея Императорским Величеством собственноручно подписанное повеление, чтобы впредь без ведома и приглашения графа Левенвольда ни одно распоряжение кабинета впредь не могло быть ни вскрываемо, ни отправляемо».

Вторая запись (см. [94], с. 104) в русском переводе с немецкого оригинала следующая:

«№ 402. С.–Петербург, 14 мая 1735 г. Обершталмейстер граф Левенвольд скончался 11-го числа сего месяца в своем поместье в Лифляндии».

Неподготовленному читателю сложно понять, к кому относится распоряжение «впредь без ведома и приглашения графа Левенвольда ни одно распоряжение кабинета впредь не могло быть ни вскрываемо, ни отправляемо». По нашему мнению, это решительная реакция Анны Иоанновны на доклад К.Г. Левенвольде о разногласиях и несогласованных действиях, которые очень подробно описывает в своих донесениях своему королю граф Линар. Хотя между 25 декабря 1734 г. и 14 мая 1735 г. всего несколько месяцев⁹, тут, по всей видимости, говорится именно о Карле Густаве Левенвольде, обершталмейстере и чрезвычайном после, а не о его младших братьях.

Перейдем к примеру явной недостоверности. В «Дипломатических документах, относящихся к истории России в XVIII столетии. От второго года царствования императрицы Анны Иоанновны до восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны. Январь 1731 г. по 25-е ноября 1741 г.» имеется примечание редакции (см. [93], с. 388):

«Помещая здесь заметку достопочтенного деятеля на поприще русской истории профессора Германа, редакция сборника считает обязанностью обратить внимание читателей на то, что в наших отечественных архивах хранятся сведения, изменяющие некоторые взгляды, высказываемые здесь на основании одних только иностранных источников».

Вот (см. [93], с. 393–394) что в русском переводе¹⁰ с немецкого оригинала сообщает «достопочтенный деятель на поприще русской истории»:

«При обер-гофмаршале Левенвольде приобрел высокое значение и его младший брат, лифляндский заседатель земского суда. Государыня произвела его в генерал-адъютанты, а потом и в обершталмейстеры».

Подготовленный читатель, вместе с редакцией Сборника Русского исторического общества [93] может весело посмеяться над этой многоэтажной несуразицей.

⁹Граф Линар сообщает своему королю, что К.Г. Левенвольде скончался 14 мая 1735 г. (что не совсем точно), а не 30 апреля 1735 г. Но между этими датами вполне допустимая погрешность и сути дела это не искажает.

¹⁰В плохом русском переводе, поскольку русский термин «заседатель земского суда» в этом контексте неудачен и как минимум требует комментариев.

Глава 6

Густав Рейнгольд Левенвольде

Густав Рейнгольд Левенвольде, родившийся в 1693 г., был младшим из трех сыновей Герхарда Иоганна Левенвольде. Он граф с 1726 г., камергер с 1725 г., обер-гофмаршал с 1730 г. В ходе переворота 1741 г. арестован и в 1742 г. сослан в ссылку в Соликамск, где 22.07.1758 умер и похоронен.

6.1 Г.Р. Левенвольде при жизни Петра I

Густав Рейнгольд Левенвольде¹ начал придворную карьеру еще при жизни Петра I, как камер-юнкер при дворе Шарлотты Софии², жены царевича Алексея Петровича, двор которой возглавлял его отец, Герхард Иоганн Левенвольде. Мы говорили об этом в разд. 2.6, обсуждая записки Моро де Бразе. Этот мемуарист называет Г.Р. Левенвольде «jeune étourdi» («молодым вертопрахом»), «sans esprit» («слабоумным»), «mal-fait» («недоделком»), «laid» («уродом»), «Calmouque en un mot» («одним словом, калмыком»), etc. Причина была в том, что мемуаристу и его жене³ выполнять шпионскую миссию в пользу Франции, недружественной в то время к России, помешал Г.И. Левенвольде, отец «недоделки».

Портрет этого «молодого вертопраха» и «одним словом, калмыка» читатель видит на рис. 6.1 (слева — моложе, справа — старше). Заметим, что с Шарлоттой Софией они были почти ровесники: она младше его примерно на год. На портрете, написанном не ранее 1731 г., Г.Р. Левенвольде изображен в возрасте не менее 38 лет. На 1715 г., когда Шарлотта София умерла вскоре после рождения сына, Г.Р. Левенвольде было 22 года.

Представление о жизни Г.Р. Левенвольде в 1721 г. и 1722 г. можно получить из «Дневника камер-юнкера Берхгольца, веденного им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год» [8], где Г.Р. Левенвольде называют «барон Левольд». Приведем несколько цитат оттуда.

► 24-го июня 1721 г.

¹Хотя часто его называют Рейнгольд или Рейнгольд Густав, мы будем придерживаться того, как его имя дается в [115] и в [125] — Густав Рейнгольд.

²Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1694–1715).

³Она «как кажется, была то, что французы называют „une aventurière“» — пишет А.С. Пушкин.

Рис. 6.1. Г.Р. Левенвольде (после апреля 1731 г. и до декабря 1741 г.).

«...у посланника обедал прусский министр при здешнем дворе, барон Мардефельд, которого я имел честь видеть в первый раз. Я уж прежде слышал о нем много хорошего и потому очень желал с ним познакомиться, чтоб иногда проводить у него по несколько приятных часов. Говорят, он часто имеет у себя музыку и сам превосходно играет на лютне. Он был так предупредителен, что тотчас просил меня посетить его. К этому обеду собралось у посланника большое общество: кроме наших кавалеров, которые заняли за столом довольно места, там были еще гвардии унтер-офицер барон Ренне и младший барон Левенвольде [Г.Р. Левенвольде. — В.М.], с которым я уже за 7 лет познакомился в Петербурге. Пили довольно много, потому что нашлось несколько любителей, хорошо умевших подстрекать других. После обеда я всячески старался найти себе квартиру, однако ж принужден был ночевать у посланника: все квартиры, на которые мне было указано, решительно никуда не годились.

► 13-го сентября 1721 г.

«...был роздых, и маски не собирались. Его высочество с тремя тайными советниками, также Штенфлихтом, Альфельдом, Ранцау и графом Бонде обедал у полковника Кампенгаузена, жена которого статс-дамою при царице. Оттуда они ездили к Нарышкину, у которого нашли Ягужинского, только что возвратившегося накануне из Або, а потом к г-же Вильбоа, также статс-даме, и княгине Черкасской (муж которой был прежде сибирским вице-губернатором), живущей по ту сторону реки, и наконец ужинали у Левольда [Г.Р. Левенвольде. — В.М.]».

► 9-го января 1722 г.

«... Когда его высочество уехал, я отправился к молодому барону Левольду [Г.Р. Левенвольде. — В.М.], у которого должно было собраться большое общество. Я застал там не только всех иностранных министров и наших кавалеров, но еще трех английских купцов и молодого Головина (сына бывшего канцлера), который очень хорошо говорит по-французски, по-английски и на других языках и вообще принадлежит к числу образованнейших и воспитаннейших русских».

► 24-го января 1722 г.

«... Я пошел к тайному советнику Бассевичу, который был не совсем здоров и несколько дней не выходил со двора; но так как ему уж наскучило сидеть дома, то мы отправились к барону Левольду [Г.Р. Левенвольде. — В.М.], его ближайшему соседу, больному, как и он, горлом. Мы застали у его милой и любезной хозяйки и ее дочерей его самого, барона Ренна и ассессора Сурланда. Напившись там чаю, все опять разошлись, а я с ассессором Сурландом завернул к моей хозяйке».

► 25-го января 1722 г.

«... Приехали все иностранные министры — Кинский, Мардефельд, Кампредон, Лефорт, голландский резидент с женой, полковник Ягужинский с женою, брат его — генерал-майор Ягужинский, Сикье, барон Левольд, Ренн и многие другие, которые случайно узнали о нашем бале и также желали видеть здешних дам.

... Эта мамзель Гопман, которую я в первый раз видел на вечере у барона Левольда [Г.Р. Левенвольде. — В.М.], очень милая девушка, недурна собою, хорошо образована, прекрасно играет на лютне и искусная рукодельница».

► 20-го февраля 1722 г.

«... Эта г-жа Клерк родная сестра г-жи Ланген, у которой в доме живет барон Левольд [Г.Р. Левенвольде. — В.М.], устроивший наш первый маленький бал. Так как из нашего сада можно прямо пройти в сад г-жи Ланген, имеющей двух веселеньких дочерей (да вероятно и наша девушка со временем делается посмелее), то я надеюсь в новом моем жилище очень приятно проводить свободное время, что здесь (где почти нет случаев бывать с женщинами, чтоб иногда рассеяться от скуки) большое счастье».

► 12-го марта 1722 г.

«... Отправляясь потом к тайному советнику Бассевичу, я встретил ассессора Сурланда, который сказал мне, что он еще не выходил, и убедил меня пойти с ним на минуту к барону Левольду [Г.Р. Левенвольде.

— В.М.], потому что вчера, кажется, кушанье было г-жи Ланген, а вино его. Когда мы пришли туда, барон еще лежал в постели; но он скоро встал и повел нас к своей хозяйке, которую мы поблагодарили за вчерашнее, и потом сели пить чай с ее дочерьми».

► 17-го ноября 1722 г.

«...Левольд [Г.Р. Левенвольде. — В.М.] в этот день давал обед и ужин, и гости его не могли нахвалиться их вкусом и роскошью. Они уверяли меня, что в этом отношении здесь никто не в состоянии равняться с ним, что это было что-то необыкновенное и невероятное в России⁴».

► 3-го декабря 1722 г.

«...Как скоро собрались дамы, начались танцы. В 11 часов в первый раз сели ужинать: стол в другой комнате не мог быть накрыт более, как на 12 приборов, почему ужинали два раза, именно сначала шесть дам и столько же мужчин, а потом остальные. В то время как нумера были уже вынуты и гости собрались садиться за стол, вошли в залу четыре маски в китайских костюмах; то были: тайный советник Мардефельд, г. Кампредон, барон Левольд [Г.Р. Левенвольде. — В.М.] и молодой граф Головин. Их тотчас узнали и усадили за стол, где тайный советник Бассевич и еще трое других уступили им свои места. Когда они отужинали и кушанье было опять немного разогрето, к столу сели остальные; однако ж так как набралось довольно много незваных гостей, приехавших проститься с тайным советником, то все окончательно отужинали не прежде 3 часов. Между тем танцы продолжались беспрерывно, и когда одна половина музыкантов ужинала, другая все-таки постоянно играла. Двое из замаскированных, именно оба посланника, уехали тотчас после ужина; но от остальных двух мы избавились только тогда, когда они окончательно напились, тем более что они приехали к нам уже порядочно навеселе».

6.2 Г.Р. Левенвольде в царствование Екатерины I

Говорят, что «звезда Левенвольде взошла с воцарением Екатерины I» и произносят слово «фаворит». Некоторые идут дальше и произносят слово «любовник». Некоторые выходят за пределы приличий и здравого смысла, рисуя «альфонса-карьериста», который «прикидывался влюбленным

⁴Хорошая аттестация и весьма полезное умение для будущего обер-гофмейстера. — Прим. В.М.

в стареющую императрицу» и «руководствовался расчетом и честолюбием». Ну и тому подобное, чего цитировать не хочется из уважения к читателю.

Основанием для этих умозаключений был быстрый карьерный взлет: в 1725 г. Г.Р. Левенвольде стал камергером. Затем в 1726 г., вместе с братьями Карлом Густавом и Фридрихом Казимиром, он был возведен в графское достоинство. Затем 24 ноября 1726 г. он был награжден орденом Св. Александра Невского⁵, а 5 апреля 1727 г. был пожалован портретом императрицы, и так далее.

Мы утверждаем (и попробуем это доказать), что

- возведение в графское достоинство, когда «объявляли графство», было для определенного круга лиц рутинным процессом,
- несмотря на то, что Г.Р. Левенвольде несомненно был близок к персоне Екатерины I, он был всего лишь одним из целого ряда приближенных,
- функции, которые он выполнял, были разнообразными (так, именно он считается основателем Екатерининского дворца в Царском Селе), но никаких определенных указаний на интимную близость⁶ с Екатериной I мы не обнаруживаем,
- даже если такая интимная близость и была, то все же решающее значение для карьерного роста Г.Р. Левенвольде было то, что он входил в число лиц, близких к А.Д. Меншикову, в руках которого в те годы сосредоточилась *реальная и неограниченная* власть.

Для погружения в отношения того времени напомним, что в 1726 г. Екатерине I от рождения было 42 года, ее старшей дочери Анне — 18 лет, младшей Елизавете — 17 лет, Г.Р. Левенвольде — 33 года.

О характере Екатерины Алексеевны как женщины и о ее отношениях с Петром I читатель может сделать собственные выводы, посмотрев их письма друг к другу (они опубликованы; см., например, [96]). Говоря кратко, Екатерина Алексеевна несомненно обладала юмором и жизненным оптимизмом⁷ и поддерживала в тоне мужчину на 12 лет старше ее, называвшего себя в письмах к ней «стариком»; Петр I умер в начале 1725 г. от тяжелой хронической болезни.

⁵В списках награжденных приводится дата 30 ноября 1726 г. Для нас неважно расхождение в несколько дней, но читатель ниже увидит откуда берется наша дата.

⁶Заметим, что в XVIII–XIX вв. такая близость не только не скрывалась, но часто подчеркивалась, поскольку это расценивалось как очень большое отличие. Вспомним фаворитов Екатерины II, фаворитку Павла I, интимные детали жизни Александра I, Николая I, и так далее, и тому подобное.

⁷Заметим, что в известном деле Монса (см. [96]) основными были вопросы коррупции, а не постели; можно подробнее остановиться на этом, но это отвлечет нас от основной темы.

Как возводили в графское достоинство. Книга «Труды и дни Александра Даниловича Меншикова» [60] описывает события 1716–1720 гг. и 1726–1727 гг. Записей о возведении Г.Р. Левенвольде с братьями в графское достоинство, которое датируется 24.10.1726 г., в [60] нет. Но, тем не менее, мы можем легко догадаться, читая [60], как это было.

Итак, в 4 день генваря 1727 г., «то есть в среду»,

«...его светлость изволил встать в 5-м часу и был в мыльне, и вышел, слушал дела. Потом у его светлости были генералы Лесий, Гинтер, генерал-лейтенант Волков, генералы кригс-камисары Головин, Чернышев, генералы-маэоры Лихарев, Волков, Ушаков, Волынской, Корчмин, Бибиков, генерал-маэор и кавалергардии корнет князь Шаховской, брегадиры обер-камендант Фаминцын, Геим, полковник от фортификации Витвер, полковник и кавалергардии вахмистр Бой, прокуроры Пашков, Сафонов, шталмейстер Кошелев, капитан-командор Мишуков, архиерей Новоградский Феофан, Дербенской наип. И в 1-м часу пополудни изволил сесть кушать, а при столе его светлости кушали генерал-кригс-камисар Чернышев, генерал-маэор Сенявин, генерал-маэор и кавалергардии корнет князь Шаховской; откушав в 3-м часу, изволил поехать к Ея императорскому величеству и в 5-м часу изволил при столе Ея величества кушать. И его светлость встав в 6-м часу, изволил поехать в дом Монсов, в котором ныне гофмаршала Шепелева, и в оном доме живущему господину объявил указом Ея императорского величества графство. И в 7-м часу изволил паки приехать к Ея величеству и побыв до 9 часа, изволил поехать в дом свой и прибыв, изволил з генералом маэором Волковым в Ореховой разговаривать до 10 часа. А в 10-м часу изволил поитить почивать».

Как видим, «объявление графства» вовсе не было столь романтично и торжественно, как может показаться. При Петре I эта процедура была чисто функциональной. Так, представлявшие Россию на переговорах по заключению Ништадского мира Я.В. Брюс и А.И. Остерман были сделаны Петром I графом и бароном соответственно, чтобы уравнивать их титулами с представителями Швеции — шведским графом Юханом Лилльенстедтом и шведским бароном Отто Рейнхольдом Стремфельтом.

Для А.Д. Меншикова объявление «указом Ея императорского величества графства» было выдвижением «своих», часто молодых, людей — в противовес многочисленным врагам.

Для самого Г.Р. Левенвольде возведение в графское достоинство несомненно было значимым событием. В противном случае он не стал бы выполнять сложную бюрократическую процедуру (см. [103]) по получению графского диплома. Частью этой процедуры было составление родословия по мужской и женской линиям [85], хранящегося ныне в РГАДА; об этом говорилось в гл. 4. Заметим, что оба старших брата Г.Р. Левенвольде,

К.Г. Левенвольде и Ф.К. Левенвольде⁸, в пучину бюрократии не бросились и о получении диплома не хлопотали.

О прочих наградах. 24 ноября 1726 г. Г.Р. Левенвольде был награжден орденом Св. Александра Невского, а 5 апреля 1727 г. пожалован портретом Императрицы. Кавалером ордена Св. Апостола Андрея Первозванного Г.Р. Левенвольде стал позднее — 28 апреля 1731 г.; это событие⁹ относится ко времени Анны Иоанновны. На более позднем портрете (см. рис. 6.1, справа) Г.Р. Левенвольде изображен с орденом Св. Апостола Андрея Первозванного и с орденом Белого орла. Следовательно, награждение орденом Белого орла было позже 28 апреля 1731 г.

Посмотрим, как награждали орденом Св. Александра Невского. Вернемся к книге «Труды и дни Александра Даниловича Меншикова» [60]. В 24 день ноября 1726 г., «то есть в четверг»,

«...его светлость изволил встать и крепил письма, и одевся. В 8-м часу изволил поитить к Ея императорскому величеству, где побыв до 9, изволил быть в сале. И потом побыв в своих покоях с полчаса, изволил паки поитить к Ея императорскому величеству. И в 10-м часу в ысходе изволил поехать верхом к Мытному двору на луг, где была учреждена в строю российская ковалергардия. И во время прибытия отдали честь его светлости; и изволил его светлость и со оною ковалергардиєю регулярно путешествовать к Зимнему дому и прибыв, оную поставя по лицу к Неве-реке, изволил быть у Ея величества и в своих покоях. В 12-м часу изволила Ея величество путешествовать к Исакиевской церкви к литоргии следующей церемониею. Наперед ехал в корете его светлость, потом следовал в корете же Ея высочество государыня цесаревна Елизавета Петровна и великий князь, а потом Ея величество в корете, а наперед ехали несколько число лейб-гвардии гранодеров. А потом пеши шли гайдуки, а по сторонам кареты шли пажи. А позади кареты ехали верхом генерал-адъютант Волынской, обер-гофшталмейстер Кошелев, а потом следовала ковалергардия. И по отшествии литоргии, в 3-м часу пополудни, во время выхода Ея величества из церкви была с Санктпитебургской и Адмиралтейской крепостей пушечная стрельба, а потом лейб-гвардии обоих полков, да Ингермоланского полку беглым огнем из ружья по три раза; которые были поставлены: гвардия на лугу против Исакиевской церкви, а Ингермоланской на Васильевском острове против дому его светлости.

⁸Фридрих Казимир Левенвольде, став 25 ноября 1738 г. графом Св. Римской империи (он был графом двух империй), соответствующий имперский диплом получил лишь 18 июня 1740 г.

⁹О том, за какие заслуги Г.Р. Левенвольде был награжден орденом Св. Апостола Андрея Первозванного, мы говорили в разд. 3.4. Это не имеет никакого отношения к «фаворитизму» в его куртуазном смысле. Заметим, что старший брат Г.Р. Левенвольде, Карл Густав, стал кавалером этого же ордена лишь 21 декабря 1733 г., то есть на два года позже. Такая разница во времени много говорит о распределении заслуг двух братьев, старшего (из трех) и младшего (из трех) в глазах Анны Иоанновны.

А по возвращении в дом свой изволила путешествовать с такою ж церемониею. И прибыв, его светлость, побыв у Ея величества с пол часа и пришед в свои покои, изволил сесть кушать. При столе его светлости кушал дербенской князь наип, генерал-маюр Дмитриев-Мамонов, обер-гофмейстер Алсуфьев. И откушав в 5-м часу, изволил поитить к Ея величеству; и был до 8 часа, а в 8 часу изволила Ея величество поитить в сал и пришед, изволила пожаловать камергера графа Левольда, дацкого посланника Вестфала кавалериями святого Александра».

И оттуда же: в 5 день апреля 1727 г., «то есть в среду»,

«...торжество рождения Ея императорского величества; его светлость встал в 7-м часу и слушал заутреню, и потом в Передспальне изволил одеваться; у его светлости были генералы-маюры князь Шаховской, Сенявин, воинской действительной советник Волков, бригадир и обер-камендант Фаминцын. А в Плитковой генерал Гинтер, швецкой посланник барон Цедеркрейц, генерал-лейтнант Миних, вице-адмирал Змаевич, шаутбенахт Сенявин, генерал-маюр Кампенаузен, статской действительной советник Степанов, сенатор Нелединской, президент Сухотин, вице-президент Вольф. В 9-м часу его светлость изволил выйти в Плитковую и по разговорах с вышепереченными господами поехал к Ея императорскому величеству. В 11-м часу в доме Ея величества началась литоргия, где его светлость при Ея величестве и высокой Ея фамилии и многие господа министры литоргию и потом молебствование слушали. По окончании молебствования с крепостей Санктпитебургской и Адмиралтейской была пушечная стрельба, токож от стоящих против дому Ея императорского величества в параде на реке трех полков, а имянно лейб-гвардии обоих и Ингермоландского была ж трикратная из мелкого ружья беглым огнем стрельба. Тогда Ея императорское величество, пришед во Аудиенц-камор, изволила пожаловать всех господ министров по чарке вотки и в ысходе 1-го часа пополудни изволила ж сесть кушать; при столе Ея величества Его королевское высочество и государыни царевны, и его светлость, и протчие министры кушали. Окончилось оное кушанье в 4-м часу, и тогда господа министры розъехались, а Его королевское высочество и цесаревна Анна Петровна изволили в дом свой отъехать. Его светлость ввечеру паки при столе Ея величества кушал и потом при Ея величестве был даже до 5-го часа пополуночи. А в 5-м часу, приехав в дом, пошел опочивать. Сей день было холодно, и слякотно, и сияние. Ея императорское величество изволила пожаловать свои портреты камергерам графу Левольду и графу Сапеге, и обеим светлейшим князьям. Деньги мастеру за оные портреты указала заплатить из Дворцовой канцелярии».

Из приведенного выше отрывка видно, что как процедура награждения орденом Св. Александра Невского, так и процедура пожалования

портретом императрицы близки к рутинной. Причем пожалования эти были *группе* лиц.

О фаворитах и о близости к реальной власти. Прочитируем еще раз «Труды и дни Александра Даниловича Меншикова» [60]: в 21 день февраля 1727 г., «то есть во вторник»,

«... в начале 3-го часа откушав, его светлость изволил поитить опочивать, в ысходе 5-го часа изволил встать и забавляться в Передспальне в шахматы. У его светлости были вице-канцлер тайной действительной советник барон Остерман, камергер граф Левольд, с которыми его светлость *изволил розговаривать тайно*, генерал-маэор Сенявин, сенатор князь Долгорукой. И в начале 11 часа его светлость изволил поитить опочивать. Сей день был мороз и ветер, льду замерзло на дюйм».

Можно с достаточной уверенностью предположить, что именно в том, что А.Д. Меншиков с вице-канцлером Остерманом и камергером Левольдом *изволил розговаривать тайно*, и заложен ключ ко всем загадкам карьерного взлета. Суть «фаворитизма» Г.Р. Левенвольде и, например, П.И. Сапеги, получившего в точности все те же отличия, что и Г.Р. Левенвольде, была вовсе не в том, что эта *группа* якобы «альфонсов-карьеристов» прикидывалась «влюбленными в стареющую императрицу», а в том, что они выполняли при ней функции доверенных лиц реального носителя власти, т.е., А.Д. Меншикова.

Во «Френсдорфских известиях» за июнь 1726 г., опубликованных с переводом под заглавием «Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Первое десятилетие со времени заключения Ништадского мира. 1721–1731», сказано (см. [92], с. 442–443):

«... говорят, что Царица унижает всех старых заслуженных русских вельмож, уважаемых и любимых покойным Царем, предпочитая им молодых людей, обвешивает их орденом Св. Александра Невского; людей, никогда не отличавшихся ни родовитостью, ни почетом, над чем надсмехаются старые вельможи. А.Д. Меншиков положительно неограниченный правитель всего государства, его самоуправство дошло до того, что голос Царицы умолк, примером чему может служить бракосочетание овдовевшей герцогини курляндской с принцем Морицом саксонским. Этому союзу благоволила Царица, но Меншиков, противясь ему, устроил дело таким образом, что она должна была оставить Курляндию и поспешно выехать в Петербург. Из общего хода дел и толков явствует, что Меншиков хочет внушить Царице и русскому кабинету необходимость присоединить современную Курляндию к Лифляндии и России ...».

И далее (см. [92], с. 445):

«...незаконно приобретенная власть Меншикова на весьма шатком основании. У него несметное число врагов. Основой этой власти служит уверенное самохвальство и слепое счастье. Нет у него ни природного ума, ни научного образования, не знает он даже того старого житейского правила — осторожно пользоваться своим счастьем».

Автор «Френсдорфских известий» оказался совершенно прав. Свержение А.Д. Меншикова Петром II последовало 7 сентября 1727 г. Но это никак не коснулось Г.Р. Левенвольде, который 14 октября 1727 г. был произведен в гофмаршалы великой княжны Натальи Алексеевны (1714–1728), старшей сестры¹⁰ Петра II. К слову заметим, что ссора Петра II с А.Д. Меншиковым формально произошла из-за 9000 червонцев, подаренных Петром II сестре Наталье Алексеевне.

Еще об окружении Екатерины I и о фаворитах. Читатель без особого труда может найти в мемуарной литературе сведения об интимных отношениях, например, Елизаветы Петровны и Алексея Григорьевича Разумовского (1709–1771), которые даже вступили в церковный брак, или Екатерины II и Григория Григорьевича Орлова (1734–1783), которые в церковный брак не вступили. Их окружение об этих отношениях не только догадывалось. Эти отношения вовсе не скрывались и были *очевидны*.

Подчеркнем, что наличие интимной связи не скрывалось. Никакого «общественного осуждения», за исключением пастырского наставления, быть не могло. В самом деле, злонамеренные сплетни о царице (или о царе), если бы на это осмелился кто-либо из их приближенных, могли расценить как оскорбление величества, а за это полагалась мучительная казнь: вспомним дело А.П. Волынского; казнь его, хотя он и не был посажен на кол (к чему его первоначально приговорили), а был всего лишь четвертован с вырезанием языка, в значительной степени была мстью оскорбленной женщины.

Посмотрим, какими были отношения Екатерины I и Г.Р. Левенвольде в глазах окружающих. Итак (см. [60]), в 27 день декабря 1726 г., «то есть во вторник»,

«...в 7-м часу в начале изволила прибыть к его светлости [К А.Д. Меншикову. — В.М.] Ея императорское величество. И в Передспальне изволила сидеть и веселиться до 11 часа пополудни. А при ее величестве были генерал-адъютант Нарышкин, гофмаршал Шепелев, камергеры граф Сапега, граф Левольд [Г.Р. Левенвольде. — В.М.], Шефкин, Маврин, шталмейстер Кошелев, обер-шенк Апраксин и шесть дамских персон. А в 11-м часу в ысходе изволила Ее величество от

¹⁰О ней писали: «царевна имела при дворе большое значение, но она взяла на себя слишком много, стараясь удержать брата от беспорядочной жизни». От ее опеки постарались избавиться и Левенвольде на некоторое время оказался в стороне: «молодой монарх предается своим удовольствиям... Левенвольд мало посещает двор, вероятно, чтобы можно было убраться подальше-поздорову».

его светлости отъехать, и его светлость, проводя Ее величество, изволил сесть кушать».

И все в таком же духе. Никакого видимого неприличия и прямых намеков на интимные отношения мы нигде в достойных доверия мемуарах современников не обнаружили.

6.3 Герцогиня Анна Иоанновна до восшествия ее на престол в ее письмах к графу Левенвольду

В «Русской старине» (см. [26], с. 375–380) опубликованы письма Анны Иоанновны к Г.Р. Левенвольде, написанные ею в 1726 г. Как сообщает автор «Френсдорфских известий», А.Д. Меншиков в июне 1726 г. не допустил бракосочетания вдовы герцогини курляндской с принцем Морицом Саксонским — несмотря на то, что «этому союзу благоволила Царица». Однако письма Анны Иоанновны, адресованные Г.Р. Левенвольде, лицу, приближенному к А.Д. Меншикову, выглядят вполне доброжелательными¹¹.

- ▶ [Собственноручно]. «Благородному графу Левенвольду и камергеру». «Благородный граф. Как я вашею склонностию всегда одолжена и впредь на вас надежна, ныне прошу доложить ее императорского величества государыни матушки тетушки, что обещала мне своего величества пожаловать прислать потрет и чтоб я имела щастие ее величества милость на тезоименитство ее императорского величества на себе иметь ее меня одолжите, а я есмь и пребуду вам всегда доброжелательная. Анна».

«Из Митавы.

18-й день октября 1726 году».

Надпись: «Господину графу Левенвольду».

- ▶ «Господин граф. Благодарствую за показанную вашу ко мне любовь впитербурхе, которая ваша любовь мне весма памятна есть и никогда забыть немогу и прошу впредь быть ко мне непременно, а я есмь и всегда пребуду вам. Доброжелательная Анна».

¹¹Как и всюду в этой книге, мы стараемся сохранить стиль документов, следуя принципам, которых придерживались, например, издатели «Трудов и дней Александра Даниловича Меншикова» [60]. Поэтому, вопреки нормам правописания современного русского языка, мы сохраняем в приводимом ниже тексте не употребляющиеся больше слова и выражения, такие как «щастие» или «я приехала к себе в митаву в добром здравье». Это не опечатки, а текст, взятый без изменений из [26].

«Из Митавы.

24-го дня сентября 1726».

Напомним, что Екатерина I умерла, а Петр II вступил на престол в мае 1727 г. А.Д. Меншиков потерпел крушение в сентябре 1727 г., а 14 октября 1727 г. Г.Р. Левенвольде был произведен в гофмаршалы великой княжны Наталии Алексеевны.

Вот что писала Анна Иоанновна Г.Р. Левенвольде в 1728 г.

- «Господин граф. Попремногу благодарствую за вашу ко мне склонность вбытность мою в москве чем меня изволили весьма одолжить и чрез сие прошу и впредь ко мне неотменно быть, а я всегда неотменно пребуду в моей склонности, а о себе доношу сего июня 4-го числа я приехала к себе в митаву в добром здоровье». «Впротчем пребываю всегда доброжелательная Анна».

«Из Митавы.

8 июня 1728».

«Прошу поднести ее высочеству государыне великой княжне мое письмо».

Надпись: «Господину графу Левенвольду».

- «Господин граф. Поздравляю вас днем высочашего тезоименитства его императорского величества и присем прошу вложенное сие письмо ее высочеству государыне великой княжне наталии алексеевне поднести, а я емь вам вседа пребуду» «неотменно доброжелательная Анна».

«Из Митавы.

18 июня 1728».

- [Собственноручно]. «Господин граф. Прошу вас приложенное мое письмо вручить ее высочеству государыне великой княжне и напомнить ее высочеству, чтоб милостиво приказала ко мне отписать чего сердешно желаю; при сем прошу вас неотненным быть ко мне вашей склонности. Брат ваш у меня был и ныне опять его к себе ожидаю, впротчем пребываю вам неотменно доброжелательная». «Анна».

«Из Митавы.

25 день июня 1728».

- «Господин граф. При сем прилагаю письмо, прошу вас ее высочеству государыне великой княжне наталии алексеевне поднести, впротчем емь вам всегда неотменно пребываю». «доброжелательная Анна».

«Из Митавы.

1 июля 1728».

- [Перевод]. «Благородный граф, ваше письмо я получила и вижу в нем удостоверение в вашей доброй ко мне дружбе, а как я ею очень связана (дорожу), то приложу старание сохранить ее в неизменности; при этом спешу прибегнуть к вам и сообщить, что несколько дней тому назад прибывший сюда тайный советник Ратский (о котором впрочем я досего ничего не знала) доставил мне, из верховного совета в Москве, приказ, в силу которого обязываюсь я виндавский лицеец уступить герцогу Фердинанду. Между тем еще в 1720 году, когда все следующие к передаче герцогу сборы, по бывших повелениям его величества покойного государя, нарочито были приводимы в известность, упомянутый лицеец, как принадлежность к виндавскому округу, отделен был на мою вдовью долю и отдан мне. В виду этих обстоятельств, нашлась я вынужденною отправить с своими возражениями по этому предмету камер-лакея; но как для более успешного ведения дела я лучшего заступничества ему указать не могла, как лишь на ваше содействие, то рассчитывая на верность дружбы вашей, обращаюсь к вам и прошу означенному камер-лакею, который имеет при себе письма к князю Долгорукову, барону Остерману и другим, доставить благоприятный случай к безопасной и верной доставке их и позаботиться о скорейшем осуществлении моего ходатайства. И так надеюсь, что вы во всяком случае употребите в мою пользу все необходимые доводы, чтобы мне предоставлена была возможность к спокойному владению моим вдовьим достоянием. Услуга эта останется всегда в памяти моей и при всяком случае буду помнить это одолжение, пребывая к вам всегда неизменной и вполне преданной». «Анна»

«Митава».

«14 день августа 1728 г».

P.S. Прилагается у сего копия переведенных писем к кн. Долгорукову и барону Остерману.

В немецком оригинале сказано: «hier angekommene geheimbte Rath Ratsky (von welchen ich sonst gar nichts gewust)». Действительно, «Rath Ratsky», что в приведенном выше переводе звучит как «тайный советник Ратский», в оригинале выглядит довольно подозрительно. В буквальном переводе «Rath Ratsky» — это «советник Советский».

6.4 Н.Б. Шереметева об императрице Анне: «престрашнава была взору, отвратное лице имела . . . »

О событиях 1730 г., приведших к воцарению Анны Иоанновны, мы говорили в разд. 3.4. Остановимся в этой связи на одном из наиболее извест-

ных словесных описаний этой царицы. Этот образ, закрепившийся за ней на века, принадлежит ее (на момент описываемых событий) 16-летней современнице Наталии Борисовне Шереметевой (1714–1771). В 1767 г., много лет спустя после взлета, каковым было обручение Н.Б. Шереметевой с И.А. Долгоруковым, приятелем¹² и фаворитом Петра II, и падения, связанного с внезапной кончиной Петра II и провалом «затейки верховников», она писала¹³:

«... По несколько дней после погребения [Петра II. — В.М.] приготавливали торжественное восшествие новой государыни [Анны Иоанновны. — В.М.] в столичный город [Москву. — В.М.], со звоном, с пушечною пальбою. В назначенный день поехала и я посмотреть ее встречи, для того полюбопытствовала, что я ее не знала от роду в лицо, кто она. Во дворце, в одной отхожей комнате, я сидела, где всю церемонию видела: она шла мимо тех окон, под которыми я была и тут последний раз видела, как мой жених [И.А. Долгоруков. — В.М.] командовал гвардию; он был майор, отдавал ей честь на лошади. Подумайте, каково мне глядеть на се позорище. И с того времени в жизни своей я ее не видала: престрашная была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше, и чрезвычайно толста. Как я поехала домой, надобно было ехать через все полки, которые в строю были собраны; я поспешила домой, еще не распушены были. Боже мой! Я тогда свету не видела и не знала от стыда, куда меня везут и где я; одни кричат: „Отца нашего невеста“, подбегают ко мне: „Матушка наша, лишились мы своего государя“; иные кричат: „Прошло ваше время теперь, не старая пора“. Принуждена была все это вытерпеть, рада была, что доехала до двора своего; вынес Бог из такова содому».

Это — отрывок из «Своеручных записок княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева» [34], которые мы очень рекомендуем читателю: Наталия Борисовна Долгорукова¹⁴, урожденная Шереметева, намного опередила «жен-декабристок», разделив со своим мужем долголетнюю ссылку. Она заслуживает всяческого восхищения силой натуры, верностью своему долгу и несомненным литературным талантом.

Но нам сейчас будет интересно другое:

¹²Скажем (см. об этом ниже), что это приятельство носило очень специальные формы. Петра II принуждали жениться на Екатерине Алексеевне Долгоруковой, сестре И.А. Долгорукова, что является косвенной формой захвата власти. Методы этого принуждения были облечены в форму приятельства: И.А. Долгоруков, старше по возрасту, молодого человека, оставшегося сиротой, как говорят, откровенно спаивал. Сразу после смерти Петра II под давлением своих родственников, главным образом отца, И.А. Долгоруков подделал императорскую подпись на подложном завещании, в котором якобы император назначает наследницей престола свою обрученную невесту Е.А. Долгорукову.

¹³Ниже приводится текст, приведенный к современной форме.

¹⁴Правильно: Долгорукова, а не Долгорукая.

- насколько точен словесный портрет Анны Иоанновны, нарисованный ее *родственницей*,
- насколько в этой связи можно доверять историку В.О. Ключевскому, написавшему: «не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иностранцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов».

Скажем еще раз, что в 1730 г. Наталии Борисовне Шереметевой (1714–1771), по мужу Долгоруковой, было от роду 16 лет. Это дочь петровского военачальника Бориса Петровича Шереметева (1652–1719), сестра Петра Борисовича Шереметева (1713–1788), женатого на Варваре Алексеевне Черкасской (1711–1767).

Известно, что П.Б. Шереметев — сын от *второго* брака Б.П. Шереметева с Т.П. Лопухиной, а Н.Б. Шереметева — дочь от *третьего* брака Б.П. Шереметева с А.П. Нарышкиной, урожденной Салтыковой (1677/1686–1728); она вдова Л.К. Нарышкина. Таким образом, по матери Наталия Борисовна Шереметева была в явном кровном родстве с самой Анной Иоанновной. Далее, жена П.Б. Шереметева, брата Н.Б. Шереметевой, — та самая Варвара Алексеевна Черкасская, которая по желанию Анны Иоанновны была обручена¹⁵ с Г.Р. Левенвольде. Но Г.Р. Левенвольде этот «сговор» разорвал, чем — как пишут — нанес сильное оскорбление всему клану Черкасских. На причине этого разрыва мы подробнее остановимся ниже, в разд. 6.7.

Таким образом, Н.Б. Шереметева (в замужестве Долгорукова) не только была связана с Анной Иоанновной кровным родством, но и через своего брата была связана кровным родством с А.М. Черкасским, ближайшим к Анне Иоанновне человеком, награжденным орденом Св. Андрея Первозванного сразу вслед за ней самой, в 1730 г.

В чем же заключалось несчастье Н.Б. Шереметевой, в замужестве Долгоруковой? Оно заключалось в ее муже, Иване Алексеевиче Долгорукове (1708–1739). Говоря кратко, сразу после смерти Петра II под давлением своих родственников он подделал императорскую подпись на подложном завещании, в котором якобы император назначил наследницей престола свою обрученную невесту Екатерину Алексеевну (1712–1747), сестру князя Ивана Алексеевича Долгорукова. За это указом Анны Иоанновны вместе с семейством отца и молодой женой Натальей Борисовной (урожденной Шереметевой) он был сослан в Березов¹⁶, с лишением чинов и орденов; поместья также были отобраны.

Мы же добавим, что — по многочисленным воспоминаниям современников — И.А. Долгоруков, будучи на 7 лет старше Петра II, что в молодые

¹⁵Ноябрь 1730 г.: «В прошлый четверг, обер-гофмаршал граф Левенвольде был обручен с богатой наследницей княжной Черкасской, единственной дочерью сенатора. Ея Величество обменяла им кольца».

¹⁶Где, тем не менее, говорит «важные злодейственные непристойные слова» об императрице и Э.И. Бироне».

годы очень существенная разница в возрасте, откровенно спаивал своего рано осиротевшего «младшего товарища», подталкивая его к безрассудным делам, среди которых — обручение с «государыней-невестой», своей сестрой. Помимо аморальности с общечеловеческих позиций, это был вариант захвата власти кланом Долгоруковых по схеме, впервые придуманной А.Д. Меншиковым. Затем клан Долгоруковых пытался захватить власть по-другому, навязывая «кондиции» Анне Иоанновне. Наказание за такие преступления в виде ссылки было очень мягким.

Но клан Долгоруковых был недоволен; вот¹⁷ причины недовольства:

«...когда ее [Анну Иоанновну. — В.М.] выбирали на престол, то между прочими пунктами написано было, чтоб одного фаворита [Э.И. Бирона. — В.М.], которой при ней был камергером, в наше государство не ввозить, потому, что она жила в своем владении, хотя она и наша принцесса, да была выдана замуж, овдовевши жила в своем владении, а оставить его в своем доме, чтоб он у нас ни в каких делах не был, к чему она и подписывалась; однако злодейство многих недоброжелателей своему отечеству все пункты переменяло, и дали ей во всем волю, и всенародное желание уничтожили, и его к ней по-прежнему допустили. Как он усилился, побрав себе знатные чины, первое возымел дело с нами и искал, какими бы мерами нас истребить из числа живущих. Так публично говорил: „Да, я той фамилии не оставляю“. Что он не напрасно говорил, но и в дело произвел. Как он уже взошел на великую степень, он не мог уже на нас спокойными глазами глядеть, он нас боялся и стыдился: он знал нашу фамилию, за сколько лет рождение князья имели, свое владение, скольким коронам заслужили все предки. Наш род любили за верную службу к отечеству, живота своего не щадили, сколько на войнах головы свои положили; за такие их знатные службы были от других отмены, награждены великими чинами, кавалериями; и в чужих государствах многие спокойствия делали, где имя их славно. А он был самой подлой человек, а дошел до такого Великого градуса, одним словом сказать, только одной короны недоставало, уже все в руку его целовала, и что хотел, то делал, уже титуловали его „ваше высочество“, а он ни что иное был, как башмачник, на дядю моего сапоги шил, сказывают, мастер превеликий был, да красота его до такой великой степени довела».

Мы же заметим следующее:

- Э.И. Бирон, долголетний фаворит (с явным наличием интимных отношений) Анны Иоанновны, был вовсе не единственным таким фаворитом в русской истории XVIII в.; напомним

¹⁷Мы снова цитируем [34]; очевидно, что Н.Б. Шереметева (в замужестве Долгорукова) пишет это со слов своих новых родственников.

лишь некоторые имена несомненных фаворитов, из которых первый и последний были венчанными мужьями: А.Г. Разумовский (1709–1771), И.И. Шувалов (1727–1797), Г.Г. Орлов (1734–1783), Г.А. Потемкин (1739–1791).

- Личная жизнь Анны Иоанновны, особенно до ее вступления на престол, была совсем не проста; судить о ней клан Долгоруковых вовсе не приглашали; при всей необычности личной жизни Анны Иоанновны в распущенности ее упрекнуть трудно: она была в очень постоянных отношениях с Э.И. Бироном, каков бы он ни был «самой подлой человек, ... башмачник, на дядю моего сапоги шил» в глазах Долгоруковых.
- Имея в виду богатую событиями и бурную деятельность Долгоруковых до 1730 г., им было бы лучше свои претензии вслух не высказывать.

Однако «язык мой — враг мой» и поэтому

«... как скоро [Анна Иоанновна. — *В.М.*] вступила в самодержавство, так и стала искоренять нашу фамилию [Долгоруковых. — *В.М.*]. Не так бы она злобна была на нас, да фаворит ее [Э.И. Бирон. — *В.М.*], которой был безотлучно при ней, он старался наш род истребить, чтоб его на свете не было, по той злобе ... Бывши в таких высоких мыслях, думал, что не удастся ему до конца привести свое намерение: он не истребит знатные роды. Так и заделал: не токмо нашу фамилию, но другую такую же знатную фамилию [Голицыных. — *В.М.*] сокрушил, разорил и в ссылки сослал. Уже все ему было покорено, однако о том я буду молчать, чтоб не претить пределов. Я намерена свою беду писать, а не чужие пороки обличать».

Очевидно, что злоба фаворита на «знатные роды» разжигалась самими Долгоруковыми и Голицыными: мало кому понравится аттестация «самой подлой человек, ... башмачник, на дядю моего сапоги шил».

Заметим, что по той же причине, ближе к концу царствования Анны Иоанновны, пострадал и другой ее родственник, кабинет-министр с 1738 г. по 1740 г., А.П. Волынский. На родной тетке А.П. Волынского был женат Семен Андреевич Салтыков¹⁸, близкий родственник Анны Иоанновны, награжденный орденом Св. Андрея Первозванного сразу вслед за самой Анной Иоанновной и кн. А.М. Черкасским, в 1730 г.

Заканчивая этот раздел, обратимся к историку В.О. Ключевскому и к его фразе «не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митава и из разных немецких углов». Из анализа лиц, приближенных к Анне Иоанновне и удаленных от Анны Иоанновны (или даже репрессированных и казненных), легко видеть, что линия раздела шла вовсе не по признаку русский — немец.

¹⁸Среди прочего — обер-гофмейстер; см. разд. А.1.

Поэтому противопоставление, заложенное в фразе «не доверяя русским ... поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев» есть если не прямая ложь, то очевидная неточность. Но для мало информированного (или намеренно дезинформированного) читателя она служит явным указанием на «немецкое засилье» при этой «последней русской» императрице. Такого «засилья» (как и массовых лютых казней) в известном смысле было никак не больше, чем, например, при Петре I.

Имея в виду сказанное нами и возвращаясь к фразе Н.Б. Шереметевой

«престрашнавa была взору, отвратное лице имела ...»,

написанной — как выясняется — одной родственницей о другой родственнице, следует посочувствовать им обеим¹⁹.

6.5 Г.Р. Левенвольде в царствование Анны Иоанновны: обер-гофмаршал

Остановимся теперь на некоторых вопросах государственного устройства в XVIII в., на некоторых персонах и датах. Итак, Анна Иоанновна родилась 28 января [7 февраля] 1693 г. Месяца рождения Г.Р. Левенвольде мы не знаем, но год его рождения тот же, что и у Анны Иоанновны.

Вероятно, К.Г. Левенвольде, более военный и «порученец» Петра I, чем дипломат и придворный, будучи старше их обоих примерно на 10 лет, выглядел для них человеком другой эпохи. Однако царствование Анны Иоанновны во многих отношениях стало продолжением царствования Петра I и в 1730-е годы действовали многие выдвинутые Петром I лица. Одним из них был Семен Андреевич Салтыков²⁰ (1672–1742). Он — родственник Анны Иоанновны и, естественно, в ходе событий 1730 г. был ее активным сторонником²¹. В длинной череде последовавших отличий он был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, после переезда двора в 1732 г. из Москвы в С.-Петербург был оставлен в Москве главнокомандующим с тайной инструкцией тщательно наблюдать за всеми административными учреждениями и начальствующими лицами, в 1733 г. был возведен в графское достоинство. Нам же интересно то, что в 1730 г.

- С.А. Салтыков был назначен обер-гофмейстером с поручением заведывать Московской дворцовой канцелярией (см. разд. А.1),

¹⁹По нашему мнению, если бы Анна Иоанновна была бы более терпелива к оскорблениям, а ее фаворит не обращал бы внимания на сплетни, то вряд ли возник бы термин «бироновщина». Но требовать этого вряд ли возможно и от ныне живущих людей.

²⁰Он отец генерал-фельдмаршала П.С. Салтыкова (1698–1772) и дед генерал-фельдмаршала И.П. Салтыкова (1730–1805).

²¹Так, она приказала гвардии повиноваться одному только С.А. Салтыкову, который командовал Преображенским полком.

- Г.Р. Левенвольде был назначен обер-гофмаршалом,
- К.Г. Левенвольде был назначен обер-шталмейстером.

Современный читатель может с юмором относиться к этим обветшалым титулам, как и к самому Императорскому двору²². Но именно то, что было связано с дворами императоров и королей в XVIII–XIX вв., в значительной степени является культурным наследием таких бывших монархий, как Франция, Австрия, Пруссия, Саксония и ныне существующих, таких, как Британия, Испания, Швеция, Бельгия, Нидерланды. Именно на это культурное наследие ездят любоваться туристы в Париж, Вену (а также Прагу и Будапешт), Берлин, Дрезден, Лондон, Эдинбург, Мадрид, Стокгольм, Брюссель, Амстердам. Дворы монархий прошлых веков были главными культурными центрами, олицетворявшими силу и могущество этих стран. Заметим также, что состояние Двора монарха было косвенным свидетельством законности его правления.

Задачи обер-гофмейстера и обер-гофмаршала видны из инструкций, приведенных в разд. А.1 и А.2; они опубликованы в издании «Общий архив Министерства императорского двора» [68]. Говоря кратко, обер-гофмейстер заведовал штатом и финансами Императорского двора, а в распоряжении обер-гофмаршала находилось все придворное хозяйство и придворные служители. Именно обер-гофмаршал Г.Р. Левенвольде был в 1730-х годах организатором Российского Императорского двора как института, сравнимого с Дворами основных монархий того времени. Мы увидим ниже, что именно он способствовал развитию в России музыки, балета, архитектуры и науки.

Мы уже говорили, что Г.Р. Левенвольде был награжден орденом Св. Апостола Андрея Первозванного 28 апреля 1731 г. Это одиннадцатое награждение в царствование Анны Иоанновны, вслед за ней самой, кн. А.М. Черкасским, С.А. Салтыковым, кн. И.Ю. Трубецким, гр. Ф.К. Вратиславом, бар. К.Х. Бракемелем, гр. А. Потоцким, гр. Э.И. Бироном, гр. Б.Х. Минихом, гр. М.Г. Головкиным. Все это — родственники царицы, затем послы, и наконец приближенные к ней лица из Курляндии.

Стоит обратить внимание читателя на то, что, хотя Карл Густав Левенвольде лично встречался по поручению Г.Р. Левенвольде с Анной Иоанновной перед приездом в Митаву делегации верховников, намечал с ней план действий и позже формировал л.-гв. Измайловский полк, он был награжден орденом Св. Апостола Андрея Первозванного лишь в конце 1733 г. — за заслуги в других делах.

Обер-гофмаршал: музыка. Академик Г.Ф. Миллер (1705–1783) в своем капитальном труде «История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге» [61] говорит о Г.Р. Левенвольде:

²²Комичные персоны главного церемониймейстера и наиглавнейшего церемониймейстера многие представляют себе по фильму «Королевство кривых зеркал». Этот фильм несколько отличается от книги В.Г. Губарева, по которой он был поставлен.

«... в то самое время, когда я находился в Берлине, там же проездом находился и некий ансамбль виртуозов, принятых на службу при Импер[аторском] дворе в Петербурге. После того, как императрица Анна взойшла на престол, а камергер граф фон Левенвольде был призван к должности обер-гофмаршала (никогда человек более достойный не занимал этой должности), — после этого одной из забот этого замечательного человека стало обеспечить двор хорошей камерной музыкой, которая до тех пор [при дворе] была весьма посредственной. Капельмейстер Хюбнер, тот самый, о котором я упоминал по случаю публичного академического собрания в 1726 г[од]у, был послан, чтобы разыскать необходимых для данной цели людей, заключить с ними контракты и сопроводить их в Петербург. Он нашел столько [музыкантов] и с такими данными, как ему это показалось необходимым, — в Праге, [которая служила] высшей школой музыки для всей Германии. Условия договора, для них прямо-таки непривычные, заставили всех [приглашенных сразу же] согласиться за ним последовать. Из них самыми значительными были: некий кастрированный [певец] по имени Тройер; клавирный мастер Давольо; его жена, превосходная певица; ее младшая сестра, м[адемуазель] Гронеманн; и талантливый фаготист по имени Фридрих. Эти сведения могут обогатить то, что господин ф[он] Штелин сообщает о [состоянии] музыки в России».

Заметим²³, что «клавирный мастер Давольо» — это либо Джузеппе Далольо [Джузеппе даль Ольо], либо его брат Доменико Далольо [Доменико даль Ольо] (1699–1764). Доменико — венецианский скрипач и композитор²⁴. За 29 лет, проведенных в России, он не только участвовал в придворных интригах, но и сочинил ряд сонат.

В разд. А.4 мы приводим опубликованный в [68] документ «Начало образования при Капелле музыкантов», где, среди прочего, сказано:

«... повелеваем от ныне впредь для Придворной капеллы содержать при Дворе Нашем из малолетних малороссийскаго народа людей обученных нотнаго пения до двенадцати человек, которых в удовольствие Придворной капеллы на разных приличных той капеллы инструментах обучать».

Чтобы понять вклад обер-гофмаршала Г.Р. Левенвольде в развитие русской музыкальной культуры в 1730-х годах, нам достаточно приведенных выше свидетельств современников. Но самое лучшее, что может сделать читатель — это послушать сонату соль минор для скрипки и баса, написанную Доменико Далольо и посвященную им графу Г.Р. Левенвольде. Эту сонату довольно часто исполняют на концертах барочной музыки.

²³Клавишный мастер — лицо, игравшее на клавесине или клавикорде, но не на получившем распространение лишь в 1750–1760-х гг. фортепиано.

²⁴О них в «Истории моей жизни» [43] пишет Джакомо Казанова.

Есть еще один момент, связанный с музыкой, но только музыкой не ограничивающийся. Мы начнем с книги «Русские избранники» [24] Г. Гельбига (1757–1813), который был секретарем саксонского посольства в С.-Петербурге с 1786 г. по 1796 г. Считается, что именно он — автор термина «потемкинские деревни». Он не был современником описываемых ниже событий, но в некоторых вопросах он явно проявлял осведомленность. Итак,

«... Алексей Разумовский был сын украинского крестьянина. Из-за своего прекрасного голоса он был принят певчим в церковь какого-то маленького городка. Полковник Вишневецкий взял его оттуда к себе в услужение. Он рекомендовал его потом обер-гофмаршалу графу Левенвольде²⁵, который дал ему место в хоре императорских певчих. Здесь увидела его царица Елизавета и была поражена его красивым лицом. Хотя в это время ее избранником был Шубин, которого она боялась, тем не менее Елизавета засматривалась уже на расцветавшего Разумовского. Под предлогом, что ее очень пленяет музыкальный талант Разумовского, она упростила графа Левенвольде уступить ей этого молодого человека».

Примечание «непонятно, каким образом Алексей не сделал ничего, чтобы спасти Левенвольде, которому он всем обязан. Если его руки не были связаны, то такое поведение показывает крайнюю бесчувственность» в приведенном выше отрывке отражает мнение Г. Гельбига.

Историки переписывают этот текст Г. Гельбига с разными вариациями. Например, в «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» [49] Н.И. Костомаров (1817–1885) об этом же пишет так:

«... Алексей Григорьевич Разумовский ... был сын простого казака в селе Лемешках, Киевского полка, близ города Козельца. Убежав мальчиком от пьяного и драчливого отца в село Чемеры, он проживал там у дьячка, учился грамоте и пел на клиросе. Проезжавший полковник Вишневецкий по дороге в Венгрию покупать для двора вина заехал в церковь, услышал прекрасный голос Алексея и взял его собою в Петербург для придворного хора певчих. Это было в 1730 году. В том же году цесаревна Елизавета, посетив церковь в Зимнем дворце, упростила обер-гофмейстера Левенвольда уступить Алексея для ее придворной церкви. Чрезвычайно красивый и статный, Алексей Разумовский понравился цесаревне. По восшествии своем на престол Елизавета Петровна, по убеждениям духовника своего Дубянского, сочеталась тайно браком с Разумовским в селе Петрове, близ Москвы, и вслед за тем немедленно осыпала его богатствами и почетом».

²⁵ Непонятно, каким образом Алексей не сделал ничего, чтобы спасти Левенвольде, которому он всем обязан. Если его руки не были связаны, то такое поведение показывает крайнюю бесчувственность.

В очерке «Граф К.Г. Разумовский» [24] С.Н. Шубинский (1834–1913) пишет об этом так:

«... в день рождения императрицы Анны Ивановны, 28 января 1737 года, цесаревна Елизавета Петровна присутствовала при торжественном богослужении в церкви Зимнего дворца. Когда запели херувимскую, цесаревна была поражена необыкновенно чистым и приятным голосом певчего, исполнявшего теноровую партию, и пожелала узнать его имя. Ей доложили, что певчего зовут Алексеем Розумом, что он сын реестрового казака и недавно привезен из Малороссии. По окончании литургии великая княжна приказала представить себе Розума. Наружность его поразила Елизавету Петровну еще более, нежели голос. Высокий, стройный, немного смуглый, с правильными чертами лица и чудными черными глазами, Розум был настоящий красавец. Цесаревна упростила обер-гофмаршала графа Левенвольде уступить ей молодого певчего и перевела его в свой штат бандуристом. Красивый малороссиянин начал появляться в небольшом кружке лиц, приближенных к цесаревне, и увлекал всех неподражаемым пением мелодических песен своей родины. Скоро перед певцом широко раскинулась пышная дорога. Переименованный из Розума в Разумовского, он сделался любимцем и камер-юнкером Елизаветы Петровны, а 25 ноября 1741 года, в день восшествия ее на престол, пожалован в действительные камергеры, поручики лейб-компаний, с чином генерал-аншефа, и вслед за тем получил звание обер-егермейстера, ордена св. Анны и св. Андрея Первозванного и несколько тысяч душ крестьян».

Неизвестно, откуда в этом рассказе каждый раз брались новые подробности, но ясно одно: А.Г. Разумовский «пел с придворными дьячками» и «в князя прыгал из хохлов» при явном участии обер-гофмаршала Г.Р. Левенвольде. Ясно также и то, что если сомнения в любовных связях обер-гофмаршала с матерью Елизаветы Петровны у нас имеются, то сомнений в связях малоросса-певчего с великой княжной, а затем императрицей Елизаветой, полностью отсутствуют²⁶.

Н.И. Костомаров в своей книге «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» [49] не ссылается на книгу [24] Г. Гельбига. Поэтому читателю остаются не известными источники, которыми пользуется Н.И. Костомаров. Анализ добросовестности Н.И. Костомарова (как он приведен В.А. Бильбасовым в отношении Г. Гельбига) не производится и читатель фактически принимает на веру сообщение Н.И. Костомарова. Если Н.И. Костомаров вполне добросовестен в передаче фактов, взятых из книги Г. Гельбига, то прочие историки, особенно те, кто строит теории социального развития (например, В.О. Ключевский), вовсе не столь добросовестны.

²⁶ Желаящие подробностей могут обратиться, например, к книге [24] Г. Гельбига или к очерку [24] С.Н. Шубинского.

Обер-гофмаршал: архитектура. Высочайшие повеления по Придворному ведомству опубликованы в [68]. Некоторые из них приведены в разд. А.3. Нам же особенно интересно следующее.

1730 г. Ноября 10-го, кн. 7. № 28. ► *О назначении Придворным Архитектором итальянца де-Растрелли.*

«Ея Императорское Величество указала Именным Своим Императорского Величества Указом: Итальянской нации Архитектору де-Растрелли, по учиненному с ним контракту быть при Дворе Своего Императорского Величества Придворным Архитектором, считая сего 730-го года июня с 1-го числа (с которого он Растрелли обретался у строения новаго Ея Императорского Величества Дворца) впредь три года, а именно будущего 1733 года июня по 1-е число и делать ему всякое строение каменное и деревянное, какое от Двора Ея Императорского Величества повелено будет, а Ея Императорского Величества жалованья давать ему по вышеписанному контракту по 800 рублей в год и сей Ея Императорского Величества Указ в Придворной Конторе записать в книгу (Указ подписан Обер-гофмаршалом Графом Левенвольдом)».

Здесь речь идет о Франческо Бартоломео Растрелли (1700–1771), сыне Бартоломео Карло Растрелли (1675–1744). Этот «италианской нации архитектор де-Растрелли» — Растрелли-сын, он же Варфоломей Варфоломеевич Растрелли.

Говоря телеграфным стилем (искусствоведческие детали можно найти, например, в книгах [32], [41]), скажем, что, в 1730 г., когда Анна Иоанновна жила еще в Москве, отец и сын Растрелли строят в Кремле деревянный дворец, зимний Анненгоф, за 58 дней. Недалеко от него в Лефортове возникает летний Анненгоф. В том же 1730 г. в С.-Петербурге возводится деревянный Летний дворец. После переезда императрицы в Петербург Ф.Б. Растрелли строит там аннинский (третий) Зимний дворец (1732–1736), который в документах того времени чаще называют Новым в отличие от Первого и Второго. В этом дворце императрица жила зимой, а лето проводила в Петергофе или в Летнем дворце. Первый торжественный прием во вновь построенном дворце состоялся 28 января 1736 г., в день рождения императрицы. На следующий день игрался первый спектакль — опера «Сила любви и ненависти».

В Курляндии Ф.Б. Растрелли строит два дворца: в 1736–1740 гг. — в Рунтале и в 1738–1740 гг. — в Митаве.

В правление Елизаветы Петровны стиль «русского барокко» («растреллиевский стиль» или «елизаветинское барокко») стал ведущим стилем в архитектуре. Помимо Рундальского и Митавского дворцов, сохранившимися постройками Ф.Б. Растрелли являются Большой Петергофский дворец и церковь Большого Петергофского дворца, Андреевская церковь в Киеве, Большой Екатерининский дворец в Царском Селе,

Смольный собор, Зимний дворец и Воронцовский дворец в С.-Петербурге. В стиле растреллиевского барокко построен дом Апраксина-Трубецких, так называемый «Дом-комод» в Москве, на Покровке.

На Мойке, там, где сейчас Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Ф.Б. Растрелли построил для Г.Р. Левенвольде деревянный дворец. Главный корпус этого университета находится во дворце К.Г. Разумовского; ранее там был Сиротский институт императора Николая I. Но еще раньше на этом месте был тот самый деревянный дворец, и принадлежал он Г.Р. Левенвольде.

В апреле 1743 г. Елизавета подарила этот дворец возвращенному ей из ссылки Алексею Яковлевичу Шубину, который в 1726 г. был с ней в связи (говорят: обучил ее искусству любви) и был за это сослан. В 1744 г. А.Я. Шубин удалился или был удален и «отписной у обер-маршала Левенвольда двор на Мойке» был отдан в вечное и наследственное владение графу К.Г. Разумовскому, брату фаворита. В 1760 г. этот деревянный дом на каменном фундаменте был разобран и перевезен на Крестовский остров, а через несколько лет был разобран окончательно. На Мойке же Ф.Б. Растрелли построил для К.Г. Разумовского ныне существующий дворец, где сейчас главный корпус педагогического университета.

Обер-гофмаршал: балет. Академия русского балета имени А.Я. Вагановой выросла из танцевальной школы, основанной весной 1738 г., как пишут, императрицей Анной Иоанновной. Читатель, знающий теперь, какова была процедура основания Придворной капеллы, не удивится, что роль приглашенного иностранного специалиста Ж.-Б. Ланде, который сейчас по недоразумению считается основателем этой школы, сопоставима с ролью композитора Доменико Далотто в основании капеллы.

В монографии «Императорский двор России, 1700–1796 годы» [2] эта фамилия появляется в следующем контексте (см. [2], с. 349):

«В XVIII в., когда для двора время окончания службы по возрасту определено не было, естественной причиной выбывания с придворной службы являлась смерть. В этом случае от двора следовали денежные выплаты на погребение (или деньги и припасы), размеры которых зависели от чина покойного. Например, при Анне Иоанновне от двора было выдано на погребение музыканта Г. Поморского 20 руб., камердинера принцессы Анны — 50 руб., на погребения лейб-шнейдера Шефлера, зилбердинера Мусса и валторниста М. Волковского по 100 руб. При Елизавете Петровне суммы в 100 руб. выплатила Придворная контора на погребение певчего иеромонаха Иоасафа, балетмейстера итальянской кампании *Жана-Батиста Ланде* и камердинера Штерна; кроме 100 руб. были выданы столовые припасы для трактования духовенства и на прочее при погребении гоф-штаб-квартирмейстера двора П. Гагина».

Сделанное замечание ни в коей мере не направлено на умаление роли

балетмейстеров, композиторов и музыкантов, но в вопросе организации капелл, училищ и прочих институтов культуры следует правильно расставлять акценты и не бояться произносить фамилии лиц, внесших в это дело свой, иногда решающий, вклад.

Обер-гофмаршал: науки. Приведем еще одну цитату из «Истории Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге» [61] Г.Ф. Миллера (1705–1783):

«...распорядительности господина обер-гофмаршала, графа ф[он] Левенвольде Академия обязана тем, что при прибытии императрицы Академия встретила ее в полном составе и смогла повергнуть к ее стопам свои верноподданнейшие пожелания счастья. Это произошло после того, как императрица направилась в свои покои. Хотя г[осподи]н Блюментрост при этом тоже присутствовал, он не решился возглавить своих подчиненных. Вперед выступил юстиции советник Гольдбах и со своим обычным достоинством произнес перед императрицей краткую речь. После него, от лица английского купечества, выступил его оратор — Фрэнсис Гарнер. Он начал говорить и вдруг прервался».

Если кто-то думает, что обер-гофмаршал и обер-шталмейстер не имели отношения к Академии Наук, то он глубоко ошибается. Поясним это лишь одним примером.

Леонард Эйлер (1707–1783) был приглашен работать в С.-Петербург в 1726 г. и переехал туда годом позже. С 1726 г. по 1741 г. он работал в России, в 1741–1766 гг. переехал в Берлин. С 1766 г. и до момента своей смерти в 1783 г. он снова жил и работал в России²⁷. Он был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге. Надпись на его памятнике на немецком языке гласила: «Здесь покоятся останки знаменитого во всем свете Леонарда Эйлера, мудреца и праведника. Родился в Базеле 4 апреля 1707 года, умер 7 сентября 1783 года». В 1957 г., когда отмечали 250-летие Эйлера, его прах был перенесен в «Некрополь XVIII века» на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Тем читателям, которые могут по существу оценить формулу суммирования Эйлера–Маклорена и связанные с ней функции Эйлера, ничего больше говорить об этом ученом не нужно. Но, может быть, и им будет интересно узнать, как Л. Эйлер потерял правый глаз.

Доподлинно известно, что в течение 1730-х годов Л. Эйлер возглавлял работу по картографированию Российской империи, которая в 1745 г. завершилась изданием обширного атласа. Напомним (см. инструкцию, помещенную в разд. А.5), что «сочинению ландкарт» в то время уделялось особое внимание. По рассказам Н.И. Фусса, женатого на внучке

²⁷Заметим, что даты отсутствия Л. Эйлера в России приходятся на царствование Елизаветы Петровны.

Л. Эйлера, в 1735 г. Академия Наук получила задание выполнить срочное математическое вычисление. Группа академиков просила на это три месяца, но Л. Эйлер выполнил эту работу один и за 3 дня. Перенапряжение привело его к потере зрения на правый глаз.

Версий потери Л. Эйлером глаза много. Например, сам он в одном из своих писем пишет, что потерял глаз во время работы по составлению карт в географическом департаменте при Академии, что не противоречит сказанному выше; проблемы с катарактой привели его в конце концов к полной слепоте. Однако А.С. Пушкин (см. [83], с. 69), со ссылкой «слышал от Н.К. Загряжской», пишет:

«когда родился Иван Антонович [Иван VI. — В.М.], то императрица Анна Иоанновна послала к Эйлеру приказание составить гороскоп новорожденному. Эйлер сначала отказывался, но принужден был повиноваться. Он занялся гороскопом вместе с другим академиком, и, как добросовестные немцы, они составили его по всем правилам астрологии, хоть и не верили ей. Заключение, выведенное ими, ужаснуло обоих математиков — и они послали императрице другой гороскоп, в котором предсказывали новорожденному всякие благополучия. Эйлер сохранил, однако ж, первый и показывал его графу К.Г. Разумовскому, когда судьба несчастного Ивана VI свершилась».

Занятно отметить, что эта легенда проверяема по существу, что и делают некоторые астрологи. Для этого достаточно составить гороскоп на момент рождения Иоанна Антоновича, хотя час его рождения не известен. Нам же важно отметить, что академик Л. Эйлер получал задачи именно императрицы Анны Иоанновны, но в области составления гороскопов они исходили от обер-гофмаршала, а в области составления ландкарт — от обер-шталмейстера.

Завершая этот раздел, скажем, что никто в здравом уме не станет обвинять дирижера оркестра за то, что он присваивает себе славу исполнителей управляемого им оркестра. Поэтому никто при минимальной добросовестности не станет обвинять нас в том, что мы указываем на роль обер-гофмаршала в достижениях музыкантов, архитекторов, тацоров и ученых. Но в реалиях первой половины XVIII в. все они были музыкантами оркестра, которым в известном смысле дирижировал обер-гофмаршал Г.Р. Левенвольде. В этом смысле особое значение приобретает следующий пункт инструкций обер-гофмаршалу (см. А.2, п. 16) :

«... Обер-гофмаршал... должен при Дворе и сколько до него и до его управления принадлежит, совершенно и постоянно порядок содержать, с каждым из высоких и нижних Придворных служителей ласково обходиться, всякого в нуждах своих охотно выслушать и как возможно удовлетворять и всякие являющиеся непорядки как возможно с самого начала пресекать и старание иметь якоже он и все то что иногда в сей инструкции не написано и при Императорском Дворе случится и до его чину касаться может, со всяким прилежанием

исполнять и остерегать имеет; а что ему одному не возможно, о том с Обер-Гофмейстером или по состоянию дела и с другими советовать, и следовательно все то, что к Всемиловейшему Ея Императорского Величества удовольствованию и к исполнению во всем Ея Высочайшаго соизволения служить может, подлежащим образом и радением в действо производить».

В свете изложенного выше, не вызывает удивления следующая характеристика личности Г.Р. Левенвольде:

«... за ним не знали никаких качеств, кроме хороших. Он был создан для занимаемого им места, имел кроткий нрав, был чрезвычайно вежлив и располагал к себе всех своим приветливым обращением. В царствование Анны он не вмешивался ни в какое дело, прямо не касавшееся его должности, и был бы счастлив, если бы так держал себя и во время правительницы».

Это отрывок из «Записок Манштейна о России: 1727–1744» [57]. Под «правительницей» в нем понимается Анна Леопольдовна.

6.6 Карточные долги, соляная контора и письмо из Фландрии

В гл. 24 «Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова есть сцена, в которой Маргарите сказали: «никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!».

В свете этого мудрого совета удивительно читать (см., например, [70], с. 259) о наполнении карманов «Биронов, Левенвольде, Шембергов» в царствование Анны Иоанновны, о благоприятных условиях для наживы и казнокрадства, а также о том, что императрица Анна «пожаловала имение стоимостью в 40 тыс. руб.» «одному из генералов — Левенвольде»²⁸.

Между кражей из казны и пожалованием, даже «имения стоимостью в 40 тыс. руб.», существует одна принципиальная разница — первое есть преступление против власти, а второе есть действие власти, которое, если предположить, что носитель власти в здравом уме и твердой памяти, служит укреплению самой власти. Про Анну Иоанновну никто не скажет, ознакомившись, например, с Законом 5827 от 10 августа 1731 г. «О продаже из казны соли и подчинении соляной Конторе в ведении Кабинета, о выборе для продажи соли голов и целовальников из купечества»²⁹,

²⁸ Читатель может заметить, что авторы [70] путают Карла Густава Левенвольде, который был генералом, с Густавом Рейнгольдом Левенвольде, которому было произведено это пожалование; Г.Р. Левенвольде генералом не был никогда.

²⁹ От вольной продажи соли вернулись к монополии в части оптовой продажи соли; розничная торговля солью разрешалась.

что ей не хватало ума и воли в отстаивании своих, т.е., государственных, интересов. Напротив, она была женщина предусмотрительная, строгая и хозяйственная.

Можно бесконечно говорить о том, что (см. [70], с. 259, строки 7, 8 снизу) «засилье иностранцев сопровождалось беззастенчивым хищничеством, разграблением народных средств, беспощадной эксплуатацией населения», но этими заклинаниями ничего не поделать с тем, что в XVII–XVIII вв. земельные пожалования повсеместно были обычной формой поощрения отличившихся лиц. Например, в Швеции (см. гл. 4) майор лейб-гвардии королевы Кристины Джон Архарт в мае 1645 г. получил от нее в дар три земельные аренды; сроки пользования распространялись на всю его жизнь, жизнь его жены и на жизнь их законных потомков.

Итак, есть очень большая разница между воровством 40 тыс. руб. и пожалованием имения стоимостью в 40 тыс. руб., сделанным с ведома и по приказу императрицы: в отличие от уворованной суммы, пожалованием можно было спокойно пользоваться, по крайней мере до наступления каких-либо критических потрясений. И совершалось это пожалование за вполне определенные дела, приносившие — по крайней мере в глазах императрицы — пользу государству.

Тут уместно напомнить пункт 3 из 10 пунктов, приложенных к учрежденной в 1722 г. Петром I «Табели о рангах»:

«Кто выше своего ранга будет себе почести требовать, или сам место возмет выше данного ему ранга, тому за каждый случай платить штрафу, 2 месяца жалованья; а ежели кто без жалованья служит, то платить ему такой штраф, как жалованья тех чинов, которые с ним равного ранга, и действительно жалованье получают; из штрафных денег имеет объявитель того, третью долю получать, а достальные имеют в гошпиталь употреблены быть. Но сие осмотрение каждого ранга не в таких оказиях требуется, когда некоторые яко добрые друзья и соседи съедутся, или в публичных асамблеях, но токмо в церквах при службе Божией при Дворовых церемониях, яко при аудиенции послов, торжественных столах, в чиновных съездах, при браках, при крещениях, и сим подобных публичных торжествах и погребениях; равной же штраф и тому следует, кто кому ниже своего ранга место уступит, чего надлежит фискалом прилежно смотреть, дабы тем охоту подать к службе, и оным честь, а не нахамам и тунеядцам получать; вышписанной штраф как мужескому, так и женскому полу необходимо за преступления надлежит».

Цель, которую преследовал Петр I, очень четко объяснена: «дабы тем охоту подать к службе, и оным честь, а не нахамам и тунеядцам получать».

В этой же связи, уже применительно непосредственно к рассматриваемому нами вопросу, напомним два обстоятельства:

- Г.Р. Левенвольде не только предупредил Анну Иоанновну о заговоре верховников в 1730 г., но и (см. ниже, разд. 6.8) в 1741 г.

«показал правительнице [Анне Леопольдовне. — В.М.] письмо, полученное им из Фландрии, от одного уволенного от российского двора метрдотеля; прежний усердный служитель подробно описал заговор, умышляемый Елизаветою». Несложно предположить, что усердие служителя должно было быть щедро оплачено. То, что правительница Анна Леопольдовна в 1741 г. повела себя совсем иначе, чем ее тетка Анна Иоанновна в 1730 г., находится на ее совести — за пренебрежение своим долгом правительницы при малолетнем императоре и нежелание защищаться Анна Леопольдовна заплатила гибелью своего сына и разрушением всей своей семьи (см. [47] и [51]).

- Если иметь в виду известную манеру Анны Иоанновны *проигрывать* крупные суммы выбранным ей специально лицам, а потом сразу же *выплачивать* им проигранную ею сумму, то можно предположить, что такие проигрыши, а также погашение карточных долгов, сделанных Г.Р. Левенвольде, были иногда формой внебюджетного финансирования по специальным проектам. Из этих сумм, вероятно, могли быть оплачены услуги «усердного служителя».
- Помимо инструкции Обер-гофмаршалу (см. разд. А.2), была еще и инструкция Обер-гофмейстеру (см. разд. А.1) и обе заслуживают внимательного прочтения. В царствование Анны Иоанновны обер-гофмейстером был Семен Андреевич Салтыков. В его обязанности входило, в частности, «смотрение по прошествии всякого года всех дворцовых счетов и о подаче к ревизии». Другими словами, между обер-гофмаршалом и обер-гофмейстером существовало явное разделение полномочий, предотвращающее «разгул наживы и казнокрадства».

Мы рискуем предположить, что Анна Иоанновна, имевшая большой и разнообразный жизненный опыт, могла оценить устойчивость к соблазну тех лиц, которых она ставила на ключевые должности, связанные с расходованием денежных средств и прочих ликвидных ресурсов. И искала она на должность обер-гофмейстера (см. разд. А.1) такую персону,

«... которая-б не только доброго жития и поступка была, довольное знание и искусство, но и знатность и респект имела: верен, секретен и истинен, и такого христианского жития и поступка был, что-б он паче своим собственным примером, нежели наказанием ему подчиненных и протчих придворных служителей, основание полагал».

На должность же обер-гофмаршала (см. разд. А.2)

«... не токмо доброго и честного поступка и безспорочной к Ея Императорскому Величеству верности, но и довольного знания и искусства персона требуется».

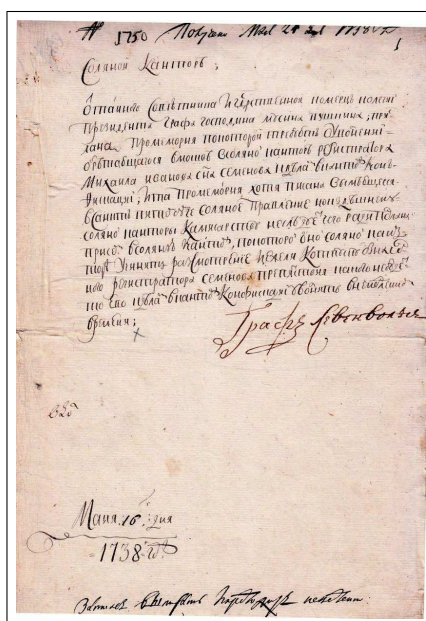

Рис. 6.2. Указание Соляной конторе в Бахмуте, 16 мая 1738 г., с подписью Г.Р. Левенвольде.

В конце заметим, что хотя в вину Г.Р. Левенвольде пришедшая к власти в 1741 г. Елизавета Петровна формально вменяла то, что «из соляных под своим ведением состоящих денег великие суммы и пенсией, ко истощению казны, себе и другим исходатайствовал» и «о сумме поступлений в Соляную контору никому не докладывал и счетов в ревизионную коллегию не подавал», ссылку Г.Р. Левенвольде отбывал в Соликамске и³⁰ «беспристрастие требует воздать похвалу гг. Строгановым, имеющим богатые заводы и соляные варницы в этом месте: сострадательные их сердца старались облегчать, сколько позволительно, несчастную участь Левенвольде, вспомоществовали и доставляли ему все потребное к пропитанию и содержанию. Да цветет и наслаждается всеми благами потомство добродетельных душ!».

Вряд ли казнокрад и притеснитель, попади он в ссылку на территорию, где властвуют ранее притеснявшиеся им лица, пользовался бы вспомоществованием и поддержкой тех, кого он ранее, находясь в силе, притеснял и обкрадывал. И вряд ли в ссылку с ним добровольно отправились бы люди из его окружения — слуги, два из которых повара, и лекарь.

³⁰Мы цитируем здесь «Замечания на „Записки Манштейна о России“ неизвестного автора» [37].

Рис. 6.3. Наталья Федоровна Лопухина (гравюра Л.А. Серякова) в сложный период своей жизни (см. разд. 6.9): окно забрано решеткой.

6.7 Наталья Федоровна Лопухина

Начнем с одного документа, включенного в сборник «Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии (Собрано из дел саксонского государственного архива в Дрездене профессором Марбургского университета Эрнстом Германом)» [93]. В русском переводе с немецкого оригинала он таков (см. [93], с. 387):

«№ 294. В прошлый четверг, обер-гофмаршал граф Левенвольд был обручен с богатой наследницею княжной Черкасскою, единственной дочерью сенатора. Ея Величество обменяла им кольца».

У этого документа подзаголовок³¹:

«(№ 76) Москва, 27-го ноября 1730 года».

Что означает этот документ, а особенно его дата? Он означает то, что императрица — сразу после взошествия на престол — хотела поставить Г.Р. Левенвольде в ряд своих *родственников*, таких, как кн. А.М. Черкасский и С.А. Салтыков. Напомним, что эти два человека были награждены орденом Св. Апостола Андрея Первозванного сразу вслед за Анной Иоанновной: А.М. Черкасский — 22 марта 1730 г, а

³¹Здесь «№ 76» — это порядковый номер в сборнике [93].

С.А. Салтыков — 30 марта 1730 г. Г.Р. Левенвольде был награжден этим орденом лишь 28 апреля 1731 г., одиннадцатым вслед за Анной Иоанновной, хотя все эти награждения очень близки друг к другу по времени и несомненно связаны с одним и тем же историческим событием.

Что получила бы Анна Иоанновна от этого брака? Она — следуя примеру Петра I — соединила бы известного ей, нужного ей и отличенного ей «немца» с коренной «русской» семьей. Такие действия по включению некоторых особо ценных «чужих» лиц в число «своих» постоянно случались. В их ряду — переход в 1652 г. в православие Александра Лесли оф Охинтул. Это случилось при царе Алексее Михайловиче; в результате в России появился первый русский генерал — Авраам Ильич Лесли.

Что получил бы Г.Р. Левенвольде от этого брака? Несколько больше, особенно в деньгах, чем получил в январе 1721 г. от брака с Марфой Ивановной Стрешневой А.И. Остерман. Брак А.И. Остермана и М.И. Стрешневой, среди многих ему подобных, был организован Петром I вовсе не из соображений горячей любви друг к другу жениха и невесты. Такие «браки по расчету» часто заключались по воле царя. Один из них — брак Степана Васильевича Лопухина (1685–1748) и Натальи Федоровны Балк (1699–1763), который состоялся по желанию царя в³² 1716 г. или 1717 г. Заметим, что Н.Ф. Лопухина — племянница Анны и Виллима Монсов; судьба обоих хорошо известна. С.В. Лопухин — двоюродный брат царицы Евдокии Федоровны, первой жены Петра I. Поэтому, будучи близким родственником царя, С.В. Лопухин находился в очень непростом положении. Говоря подробнее, С.В. Лопухин сполна испытал на себе удовольствие быть родственником первой жены Петра I. В 1719 г. он попал под суд за якобы выраженную им радость от смерти Петра Петровича, малолетнего сына Петра I и Екатерины I, и был осужден к телесному наказанию и ссылке. Заметим, что С.А. Лопухин, боевой офицер военноморского флота, вовсе не был слабосильным или флегматиком: находясь в ссылке, он «сержанта бил по голове дубиною и оную дубину о его сержантову голову изломал».

Брак А.И. Остермана и М.И. Стрешневой оказался крепким. Имеются и прямо противоположные примеры. Так, заключенный по той же схеме брак П.И. Ягужинского и А.Ф. Хитрово окончился (см. разд. В.1) громким разводом.

Потомство Н.Ф. Лопухиной. Брак С.В. Лопухина (ок. 1685 г.–6 июля 1748 г.) и Н.Ф. Балк (11 ноября 1699 г.–11 марта 1763 г.; пох. в Москве, в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре) был особенным. Несколько забегаая вперед, скажем, что этот брак был скорее «семейной фрондой» или «оборонительным союзом», чем банальным примером многолетней неверности супругов: не имея возможности

³²Ее «выдали замуж восемнадцатилетней». Разница в возрасте между супругами была в 14 лет.

Таблица 6.1. Потомство С.В. Лопухина и Н.Ф. Балк.

	дата рождения	дата смерти
Иван	1720 г.	ок. 1747 г.
Степан	1722 г.	16 мая 1784 г. [жизни его 62 года]
Настасья	16 октября 1725 г.	24 февраля 1799 г. [жизни его 73 года, 4 месяца и 8 дней]
Сергей	11 июля 1727 г.	
Анна	3 сентября 1730 г.	23 марта 1766 г.
Авраам	8 августа 1732 г.	6 июня 1799 г.
Прасковья	26 сентября 1734 г.	1810 г. [жизни его 76 лет]
Екатерина	29 октября 1737 г.	9 декабря 1780 г. [скончалась в 3 часу по-полуночи, 45 лет]
Василий	1738 г.	

ни противиться воле царя, ни затем получить развод, они решили проблему де-факто: по доброму согласию организовали свою жизнь так, как оба того хотели. Вдобавок, С.В. Лопухин получил некоторое содействие от родственников и свойственников своей супруги, когда они такое содействие смогли оказать.

Как обычно, начнем с сопоставления дат. С.В. Лопухин родился в 1685 г. и был по возрасту ближе к К.Г. Левенвольде. В петровскую эпоху он отличился как военный моряк³³. Брак с Н.Ф. Балк, при разнице в возрасте между мужем и женой в 14 лет, был у него вторым.

У С.В. Лопухина и Н.Ф. Балк были дочери³⁴:

- Настасья (1725–1799); похоронена в С.–Петербурге, в Александро–Невской лавре, на Лазаревском кладбище. Муж — граф Николай Александрович Головин;
- Анна (1730–1766); похоронена в Москве, в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо–Андрониковом монастыре;
- Прасковья (1734–1810). Муж (с 16.05.1763 г.) — кн. Иван Алексеевич Голицын (09.02.1729 г.–01.08.1767 г.); сыновья — Алексей (1765–1800) и Сергей (31 июля 1767–20 июня 1831) Ивановичи Голицыны;
- Екатерина (1737–1780); похоронена в С.–Петербурге, в Александро–

³³В 1708 г. С.В. Лопухин окончил Школу математических и навигацких наук, для продолжения образования служил на кораблях британского флота, возвратившись в Россию в 1717 г., стал капитаном шнявы «Наталия» и отличился в Эзельском сражении; награжден орденом Св. Александра Невского.

³⁴Даты рождения и смерти сверены с весьма надежными источниками: [73] и [90].

Невской лавре, на Лазаревском кладбище. Муж — граф Иван Никитич Зотов. У них сын Александр, род. 18.11.1759 г.,

и сыновья

- Иван (родился около 1720 г., скончался около 1747 г.);
- Степан (родился в 1722 г., скончался 16.05.1784 г.);
- Сергей (11.07.1727 г.), гардемарин;
- Авраам (родился 08.08.1732 г., скончался 06.06.1799 г.);
- Василий.

Про Ивана известно следующее. Он начал придворную службу пажом в 1740 г. при Анне Иоанновне, затем был камер-юнкером при правительнице Анне Леопольдовне и императрице Елизавете Петровне. Подполковник. Служил в лейб-гвардии Семеновском полку. Вместе с родителями был по так называемому Лопухинскому делу (см. ниже разд. 6.9) о «заговоре против императрицы Елизаветы Петровны, связанного с сомнительностью ее прав на престол» пытан и приговорен к колесованию. В последний момент эта казнь была заменена наказанием кнутом, урезанием языка и вечной ссылкой в Сибирь. Местом ссылки ему был назначен г. Охотск, где он и умер примерно через три года после прибытия. В 1763 г. Петром III был посмертно оправдан.

Про Степана известно следующее. Он — действительный камергер. Был с родителями в ссылке и возвращен вместе с матерью в 1763 г. Служил при дворе императрицы Екатерины II. Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре. Жена — Анна, дочь Василия Александровича Панина и его супруги Надежды Андреевны Ладыженской.

Про Авраама известно следующее. Он — генерал-поручик (1781). По молодости лет избежал суда и ссылки вместе с родителями. Находясь в военной службе, проходил все чины по порядку. Участвовал в войнах с Турцией. Во время Польской кампании вместе с генерал-майором А.В. Суворовым заслужил высокую оценку союзников за доблесть и профессионализм. В 1767 г. произведен в полковники. В 1772 г. за героизм и мужество в действиях против неприятеля был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса. В 1773 г. становится генерал-майором, в 1781 г. направляется правителем в Орловское наместничество. Погребен в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре. Жена — дочь (род. 06.01.1737 г., ск. 12.02.1794 г.) князя Алексея Борисовича Юсупова и его жены Клеопатры Михайловны Милославской. Погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре.

Василий Степанович Лопухин упоминается в 1779 г. Он секунд-майор, земский исправник Можайского уезда. Его жена — Агафья Игнатьевна Григорова, первым браком замужем за Макаром Кирилловичем, фамилия которого неизвестна.

Мы можем с большой уверенностью назвать год рождения Василия. Это 1738 г. Поясним нашу догадку отрывком из «Писем леди Рондо» [74].

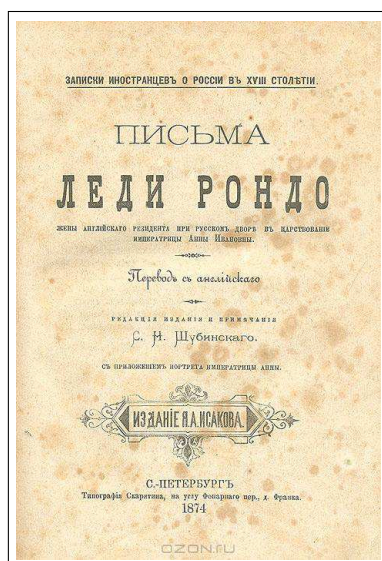

Рис. 6.4. Титульный лист «Писем леди Рондо» издания 1874 г.

Письма супруги английского посланника при русском дворе. Леди Рондо (1699–1783), Джейн Уорд Рондо Вигор, урожденная Гудвин, супруга английского посланника при русском дворе в царствование Анны Иоанновны, жила в России с 1731 г. по 1739 г. и свои письма адресовала подруге, оставшейся в Англии. Затем они были изданы. В оригинале это издание [127] вышло в 1775 г. под заглавием «Letters from a lady who resides some years in Russia to her friend in England».

В русском переводе, выполненном Михаилом Ивановичем Касторским (1809–1866), эти письма были опубликованы (см. рис. 6.4) в 1836 г. и много раз переиздавались. Говоря о письмах леди Рондо в связи с потомством Н.Ф. Лопухиной, мы посмотрим, какие подвохи готовит читателю перевод [74] — в отличие от оригинального издания [127]. Интересующее нас письмо следующее³⁵.

Letters from a lady who resided some years in Russia to her friend in England [127]. ► Letter XXXIV.

Petersburgh, 1738.

Dear Madam,

Do not fancy you could set one woman to talk of another, nay of many

³⁵ Читатель, не владеющий английским языком, может сразу перейти к русскому переводу М.И. Касторского и к нашему анализу этого перевода, который в интересующих нас местах оказывается — мягко говоря — неточным.

others, without having a dash of scandal; at least, before I have got through the talk you have set me, you will find that I am like most of my sex on that head. *I have just had a visit from a lady* who is one of our beauties, wife to a Russ[ian] gentleman you remember in England, Mr. Lapuchin. She is one of the ladies of the bed-chamber, and niece to the lady I told you the story of, who was mistress to Peter the First, but, the scandalous chronicle says, was not so hard to be persuaded out of her virtue. She and her gallant, if he really is one, are very constant, having had a passion for each other many years. *She has just now returned a lying-in visit. When she was brought to bed, I wished her husband joy of the birth of his son*, the first time I saw him, and *asked him how she did?* He answered me, in English, «Why do you ask me? Ask count Levenvalt; he knows better than I do». And when he saw me quite confounded at this speech, he added, «Why, all the world knows it is true, nor does it disturb me. We were obliged to marry by Peter the Great: at that time I knew she hated me, and she was quite indifferent to me, though she is handsome. I can neither love nor hate her, but continue in a state of indifference; so why should I be disturbed at her making herself easy with a man she likes, since, to do her justice, she behaves with as much decency as the affair will admit of?» Judge of my confusion, or think what you would have done on such an occasion. I will tell you what I did: *I left him abruptly, and talked to the first person that came in my way*. This lady speaks only Russ[ian] and German, so our conversation can be only of common things, as I speak but little of either; therefor I can say no more of her than of her person, which is really handsome. This, methinks, is all I need to have said, *but I could not suppress this story, as it appears to me a very singular one*; though I hate myself for the ill-nature I am guilty of, which you will hardly pardon in, &c.

Для удобства сравнения оригинала и перевода часть текста письма нами выделена курсивом. Вот перевод этого письма, сделанный М.И. Касторским, из издания [74] 1836 г.:

«... Не думайте, чтобы Вы, заставив одну женщину говорить о другой, особенно о многих, не услышали чего-нибудь соблазнительного; но крайней мере, исполняя Ваши поручения, я остаюсь в этом отношении верною своему полу. Мне сделала визит одна дама, из первых здешних красавиц, жена русского дворянина Л.³⁶, которого Вы знали в Англии. Она постоянно была верна, если верить рассказам, — своему любовнику, который с своей стороны любил ее страстно. *Во время ее беременности я пожелала, чтоб она своему мужу родила сына*. Спустя недолго, встретившись с мужем, я спросила, «каково здоровье вашей жены?» он отвечал мне по-английски: «что Вы меня спрашиваете? спросите графа Левенвольда — он об этом знает лучше

³⁶ Степана Васильевича Лопухина.

меня». Заметив, что я смешалась от его ответа, он прибавил: «это всем известно и суцая правда, только меня нисколько не беспокоит; меня принудили жениться на ней, тогда как я знал, что она меня ненавидит. Я также не любил ее, хотя она и красавица. Я не могу ни любить ее ни ненавидеть, для меня все равно; и от чего мне беспокоиться, если она забавляется с человеком, которого она любит, особенно, — надобно отдать ей справедливость — когда ведет себя с таким благоприличием, какого только можно желать». Судите о моем стыде, или подумайте, чтобы Вы сделали на моем месте? Я скажу вам, что я сделала, *я оставила его с негодованием и пересказала разговор с ним первому попавшемуся на встречу*. Его жена говорит только по-русски и по-немецки, и потому наш разговор всегда касается только самых обыкновенных вещей так, что я могу сказать Вам только об ее наружности, которая чрезвычайно красива. Вот все, о чем я хотела сказать, *но не могла совершенно умолчать об этой низости, которая кажется мне оригинальною*, я ненавижу сама себя за злословие, виновата и едва ли Вы простите ту, которая и проч.».

Не вдаваясь в прочие дела, обратим внимание на выделенный текст. В оригинале сказано:

«she has just now returned a lying-in visit. When she was brought to bed, I wished her husband joy of the birth of his son, the first time I saw him, and asked him how she did?».

То есть,

«она посетила меня с ответным визитом после того, как родила. Когда она уехала, чтобы вернуться в свою постель, я пожелала ее мужу... всяческих радостей от родившегося у него сына, спросив — как у нее все разрешилось».

Заметим, что С.В. Лопухин и супруга английского посланника при русском дворе разговаривали — скорее всего — по-английски: С.В. Лопухин служил в английском флоте и этот язык, можно предположить, знал. То, кто к кому приезжал и кто от кого уезжал, очевидно из фразы выше:

«I have just had a visit from a lady»,

то есть

«мне нанесла визит госпожа».

Не совсем ясно, кого именно леди Рондо видела в первый раз («the first time I saw him») — С.В. Лопухина или только что рожденного его женой сына. Но это и не столь важно.

Далее в оригинале сказано:

«I left him abruptly, and talked to the first person that came in my way».

Эта абсолютно нейтральная фраза переводится так:

«Отойдя от него сразу после этого, я заговорила с первым попавшемся мне навстречу человеком».

Может быть, леди Рондо и испытывала какие-то чувства, и даже отпрыгнула, а не отошла от своего собеседника, но про

«я оставила его с негодованием и пересказала разговор с ним первому попавшемуся на встречу»

в оригинальном тексте не сказано ничего.

Переводчик М. Касторский мог бы догадаться, что он грешит не только против традиционной английской сдержанности, но и против самой леди Рондо: «пересказывать разговор» . . . «первому попавшемуся навстречу» — не «comme il faut».

Наконец, в оригинале сказано:

«but I could not suppress this story, as it appears to me a very singular one»,

то есть,

«но я не могла обойти молчанием эту историю, показавшуюся мне очень необыкновенной».

Это довольно нейтральная фраза никаких упоминаний о «низости» не содержит. Переводчик М.И. Касторский, переводящий ее фразой «но не могла совершенно умолчать об этой низости, которая кажется мне оригинальной» сам совершает низость.

М.И. Касторский переводил «Письма леди Рондо», обучаясь, после Костромской семинарии, в Главном педагогическом институте. Он специализировался на славянских древностях. Статьи о нем в [13] и [80], как об историке, мягко говоря, вовсе не хвалебные. Но нам важно предупредить читателя о другом: он плохой переводчик.

Любовь выше денег. Вернемся к С.В. Лопухину, к его жене, к Г.Р. Левенвольде и к обручению Г.Р. Левенвольде с дочерью А.М. Черкасского, состоявшемся в конце ноября 1730 г. и не закончившемся свадьбой. По нашему убеждению, все здесь поясняет фраза леди Рондо

«she and her gallant, if he really is one, are very constant, having had a passion for each other many years»,

то есть

«она и ее возлюбленный, если это соответствует истине, очень постоянны в своих отношениях, будучи страстно влюбленными друг в друга на протяжении многих лет».

Рис. 6.5. Портрет Марии Ивановны Лопухиной (урожд. Толстой), жены Степана Авраамовича Лопухина.

То, что означает «на протяжении многих лет» в цифрах, нам не известно, а поэтому не известно, чьими были «биологически» дети С.В. Лопухина и его жены с начала 1730-х гг., но правдоподобные гипотезы построить можно. Заметим лишь, что Варвара Алексеевна Черкасская (1714–1767) вышла замуж за П.Б. Шереметева (1713–1788), принесла ему баснословное по тем временам приданое, и что любовь выше денег.

Авраам Степанович Лопухин. В связи со сказанным выше нам представляется уместным привести здесь некоторые подробности жизни одного из лиц из табл. 6.1. Это Авраам Степанович Лопухин. Даты его жизни точно известны: он родился 8 августа 1732 г. и умер 6 июня 1799 г., прожив 66 лет, 9 месяцев и 28 дней. Он похоронен в Москве, в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре (см. [90], т 2, с. 186). В военную службу он записан в 1741 г. в гвардейскую кавалерию. После того, как его родители были осуждены на смертную казнь, которую заменили ссылкой в Сибирь (см. разд. 6.9), он воспитывался у родственников и по достижении 17 лет явился к строевой службе.

В 1767 г. А.С. Лопухин произведен в полковники и назначен командиром Новгородского карабинерного полка, во главе которого в 1769–1770 гг. принял участие в русско-турецкой войне. Вслед за тем он сражался в Польше против конфедератов и 14 июля 1772 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса³⁷:

³⁷Это № 156 по кавалерскому списку Судравского и № 184 по списку Григоровича–Степанова.

«Во время сражения в Польше 770 года против возмутительских маршалок, делавших на него нападение с отчаянностью, коих он храбростью и расторопностью своею везде поражая, обращал в бегство и 3 июня 771 года, атаковав в д. Челове возмутительскую партию, всю оную мужественно разбил и разогнал».

23 апреля 1773 г. А.С. Лопухин произведен в генерал-майоры и назначен состоять при Украинской дивизии, в 1779 г. получил чин генерал-поручика. Перейдя на гражданскую службу, был назначен правителем Орловского наместничества. Среди прочих наград А.С. Лопухин имел орден Св. Александра Невского.

Скончался в Москве 6 июня 1799 г., похоронен в родовой усыпальнице при Спасо-Андрониковом монастыре.

А.С. Лопухин был женат на Анне Алексеевне, урожденной княжне Юсуповой, их единственный сын Степан был егермейстером. В 1797 г. Степан Авраамович Лопухин, егермейстер и действительный камергер при дворе Павла I, женился на Марии Ивановне Толстой. Известен ее портрет (см. рис. 6.5) работы В.Л. Боровиковского. Детей в этом браке не было.

Был ли А.С. Лопухин (1732–1799) «биологическим» сыном С.В. Лопухина и его жены, мы утверждать не можем и не будем. Но читателю настоятельно рекомендуется сравнить его биографию с биографией (см. гл. 8) Ивана Евстафьевича Ферзена (1743–1800) и Андрея Ивановича Шлиппенбаха (1745–1813), внучатых племянников Г.Р. Левенвольде.

6.8 Переворот 1741 г.: «... преступление всех арестованных лиц состояло в том, что они ... слишком хорошо служили императрице Анне»

Переворот 1741 г., в результате которого пришла к власти Елизавета Петровна, был подготовлен агентами Франции³⁸ и обосновывался борьбой «дщери Петоровой» с так называемым «немецким засилием», которое не только терпел, но и в известном смысле приветствовал ее отец, принимая «немцев» к себе на службу³⁹. В противном случае пришлось бы признать тривиальную истину: Елизавета Петровна жестоко обманула свою

³⁸То, что у организатора дворцового переворота 25 ноября 1741 г. И.И. Лестока (1692–1767) — как и у Моро де Бразе (см. разд. 2.6) — не было удостоверения агента, вовсе не делает его частным лицом.

³⁹Заметим, что «засилием» это явление сам Петр I никогда бы не назвал: он сам всегда имел достаточно сил, чтобы контролировать ситуацию, а само употребление термина «засилие» уже говорит о потере контроля со стороны власти.

родственницу Анну Леопольдовну и узурпировала трон, на который не имела законных прав по целому ряду причин.

Миф о «немецком засилии» с тех пор возникал в разные периоды русской истории и использовался каждый раз применительно к запросам времени. Так, в самом начале XX в. профессор истории В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» [45] сообщал своим читателям и ученикам (в том числе — М.Н. Покровскому), что «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении». Посмотрим, кто именно «облепил двор» и «обсел престол» в царствование Анны Иоанновны.

Рис. 6.6. Фельдмаршал граф Б.Х. Миних (1683–1767) и герцог Э.И. Бирон (1690–1772) (вверху), вице-канцлер граф А.И. Остерман (1687–1747) и обер-гофмаршал граф Г.Р. Левенвольде (1693–1758).

Основные персоны «немецкой партии». Современному читателю, привыкшему к существованию Федеративной Республики Германия часто кажется, что она существовала всегда. Он может забыть, что в Европе есть еще одно государство, Австрийская Республика, государственный язык которого также немецкий. Но так было вовсе не всегда. Поэтому голштинiec Б.Х. Миних, выходец из Ольденбурга, вестфалец А.И. Остерман, курляндец Э.И. Бирон, лифляндец Г.Р. Левенвольде, хотя и говорили на немецком языке, вовсе не были выходцами из единой Германии.

У них было очень разное происхождение, что по тем временам имело значение: Б.Х. Миних — сын инженера-гидротехника, происходившего из крестьян и возведенного в дворянство за заслуги в Дании, А.И. Остерман — сын пастора. О происхождении Э.И. Бирона много домыслов, но и он не был из потомственных аристократов; то, что «он ни что иное был, как башмачник, на дядю моего сапоги шил, сказывают, мастер превеликий был, да красота его до такой великой степени довела» — преувеличение, остающееся на совести Н.Б. Шереметевой (в замужестве Долгоруковой).

Общего у них у всех было то, что они все так или иначе были замечены Петром I или его преемниками и служили Российской империи, созданной Петром I в 1721 г. в результате тяжелых трудов и жестокой борьбы.

Самым старшим (диапазон составляет 10 лет) из перечисленных выше лиц был Б.Х. Миних⁴⁰ (1683), на 4 года младше А.И. Остерман (1687), еще на 3 года младше Э.И. Бирон (1690), и еще на 3 года младше Г.Р. Левенвольде (1693).

Умерли (с диапазоном в 25 лет) они: первым — А.И. Остерман (1747), через 11 лет (1758) — Г.Р. Левенвольде, еще через 9 лет — Б.Х. Миних, еще через 5 лет (1772) — Э.И. Бирон.

На момент опалы, казни и ссылки в 1741 г. Б.Х. Миниху было 58 лет, А.И. Остерману — 54 года, Г.Р. Левенвольде — 48 лет.

Обер-гофмаршал и два переворота. Выполняя свою должность при дворе, Г.Р. Левенвольде понимал динамику придворной жизни лучше многих и имел информацию о попытках государственных переворотов:

- в 1730 г., когда Верховный тайный совет попытался изменить порядок правления в России,
- в 1740 г., когда регент Российской империи Э.И. Бирон был арестован в собственной спальне,
- в 1741 г., когда были свергнуты малолетний император Иоанн Антонович и его родители, а на престол взошла Елизавета Петровна.

О том, как и почему это было, мы можем догадываться по «Замечаниям на „Записки Манштейна о России“ неизвестного автора» [37]. В статье «Об обер-гофмаршале графе Левенвольде» сказано:

«... несправедливо, что и обер-гофмаршал граф Левенвольде подавал правительнице совет объявить себя императрицей. Левенвольде был прозорливого ума, и не предстояло ни малейшей побудительной причины преклонять великую княгиню на такой легкомысленный поступок. Преступление Левенвольде состояло в том, что граф показывал правительнице письмо, полученное им из Фландрии, от одного

⁴⁰Миних был ровесник К.Г. Левенвольде

уволненного от российского двора метрдотеля; прежний усердный служитель подробно описал заговор, умышляемый Елизаветою. Достойный Левенвольде, сотворенный для того, чтобы блистать при великом дворе, к общему сожалению, умер в Соликамске, куда он сослан был в заточение. Беспристрастие требует воздать похвалу гг. Строгановым, имеющим богатые заводы и соляные варницы в этом месте: сострадательные их сердца старались облегчать, сколько позволительно, несчастную участь Левенвольде, вспомоществовали и доставляли ему все потребное к пропитанию и содержанию. Да цветет и наслаждается всеми благами потомство добродетельных душ!».

Из этого отрывка все ясно. Мы могли бы здесь и остановиться. Но мы, как и в разд. 6.5, посмотрим, откуда черпают свои познания историки. Начнем с книги «Русские избранники» [24] Г. Гельбига (1757–1813). Итак,

«...Ход этой революции получил уже отчасти общую известность. Кто не знает сцен, происходивших во время кризиса этого события: как граф Остерман, извещенный о больших денежных суммах, полученных Шетарди, обратил внимание регентши Анны, как на эти суммы, так и особенно на Лестока, который, как он узнал, ведет тайные сношения с французским посольством; как Финч⁴¹, английский посланник, предостерегал Анну; как граф Левенвольде, получив сведения о готовящемся перевороте, разбудил ночью регентшу, чтобы уведомить ее об опасности, угрожающей императору, ей и ее супругу; как в письме, полученном будто бы из Бреславля, регентшу извещали о поведении Елизаветы и советовали арестовать Лестока; как, вследствие всех этих обстоятельств, Анна имела горячий разговор с Елизаветой; как Елизавета, по слабости духа, залилась слезами; как Анна, столь же слабая, как и Елизавета, далась в обман этими слезами; как Елизавета, объятая страхом и ужасом, поспешила домой и умоляла Лестока бросить всю затею; как он старался успокоить ее и даже укрепить в намерении поторопиться привести план в исполнение; как он во время самого жаркого и важного объяснения с Елизаветой наскоро набросал на клочке бумаги монахиню и виселицу и тем намекнул принцессе, что при дальнейшем промедлении ей предстоит принять образ инокини, ему — быть повешенным, и как он наконец поборол все трудности, в ночь на 25 ноября 1741 года отправился с царевной и камер-юнкером Воронцовым в гвардейские казармы, начал и окончил революцию и возвел Елизавету на престол ее отца».

Пойдем дальше. В «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» [49], в гл. 22, Н.И. Костомаров (1817–1885) переписывает этот текст так:

⁴¹Если мы не ошибаемся, Финч был потом посланником в Дрездене и Берлине.

«...граф Левенвольд, собираясь ужинать, получил от кого-то сведения о замыслах цесаревны и ее приверженцев, записал полученные сведения на бумаге и, хотя было уже поздно, поспешил в Зимний дворец. Правительница уже легла спать. Левенвольд передал записку ее камер-юнгфере и поручил довести ее до сведения правительницы. Камер-юнгфера вошла в спальню со свечой и подала записку. Полусонная Анна Леопольдовна пробежала ее и произнесла: «Спросите графа Левенвольда, не сошел ли он с ума?». Левенвольд воротился домой в отчаянии, а наутро поехал к правительнице и стал уговаривать не пренебрегать грозящею опасностью. «Все это пустые сплетни, — сказала правительница, — мне самой лучше, чем кому-нибудь другому, известно, что цесаревны бояться нам нечего» (Вейдемейер: «Обзор», т. II, с. 50)».

Итоги переворота 1741 г. В практической политике последнее слово всегда остается не за советником, а за носителем власти. Воздадим должное Анне Иоанновне. Вот, как описывает С.М. Соловьев в [99] события перед тем, как кондиции в 1730 г. будут разорваны:

«...императрица притворилась удивленною. «Как, — сказала она, — разве пункты, которые мне поднесли в Митаве, были составлены не по «желанию целого народа?» «Нет!» — отвечали собравшиеся. «Так, значит, ты меня, князь Василий Лукич, обманул!» — сказала Анна».

Для семьи Анны Леопольдовны, не пожелавшей выполнять свой прямой долг правительницы Российской империи, регента при малолетнем императоре Иоанне VI, плачевные итоги переворота изложены в относящейся к 1865 г. работе М.А. Корфа [47] «Брауншвейгское семейство».

Истории написания этой работы, появившейся в редакции и за авторством М.А. Корфа, посвящена заслуживающая всяческого внимания статья [51], в которой анализируется черновик рукописи сотрудника Императорской публичной библиотеки В.В. Стасова с пометками его начальника, Главноуправляющего Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии М.А. Корфа.

Говоря кратко, М.А. Корф удалял целые страницы рукописи В.В. Стасова, где на основе фактов делались очень негативные для Елизаветы Петровны заключения. Вышестоящий начальник М.А. Корф, в отличие от В.В. Стасова, прекрасно понимал, кто будет первый читатель этого труда и поэтому последовательно стремился к тому, чтобы эта работа была лишь изложением документально подтвержденных фактов, а не их анализом.

В заключение этого раздела мы остановимся на том, что случилось с главными лицами анненского царствования после елизаветинского переворота. Заметим, что для И.Э. Бирона переворот декабря 1741 г., когда были свергнуты малолетний император Иоанн Антонович и его родители,

а на престол взошла «дщерь Петрова», был спасительным (см. [9]). Это заставляет еще раз изумиться прихотям Фортуны.

В «Записках Манштейна о России» [57], в гл. 5, провинности и дальнейшая судьба виднейших лиц анненского правления описана так:

«... в сущности, преступление всех арестованных лиц состояло в том, что они не понравились новой императрице и слишком хорошо служили императрице Анне. Сверх того, Елизавета обещала тем, которые помогли ей взойти на престол, что она освободит их от притеснения иностранцев, поэтому пришлось осудить тех, кто занимал высшие должности.

Согласно определению, граф Остерман был приговорен к колесованию заживо; фельдмаршал Миних — к четвертованию; графа Головкина, графа Левенвольде и барона Менгдена присудили к отсечению головы. Императрица даровала им всем жизнь; их сослали в разные места Сибири. Граф Остерман получил помилование лишь на эшафоте, когда его голову уже положили на плаху.

Двор издал по этому случаю манифест, где были перечислены все преступления, в которых они обвинялись.

Миних, Остерман и Левенвольде перенесли свое несчастье с твердостью; не то было с другими. Все поместья сосланных, за исключением тех, которые жены их принесли за собою в приданое, были конфискованы в пользу двора, который наградил ими других лиц. Жены осужденных получили позволение поселиться в своих поместьях и не следовать за мужьями в ссылку, но ни одна из них не захотела воспользоваться этою милостью».

6.9 Лопухинское дело

В известной фразе А.С. Пушкина о Э.И. Бироне «он имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа» акцент обычно ставят на первой ее части: «он имел несчастье быть немцем». Именно на это замечание впоследствии возражал А.С. Пушкину писатель И.И. Лажечников, видевший в деле А.П. Волынского чуть ли не национально-освободительную борьбу русского народа против последней русской по происхождению царицы и окруживших ее немцев. Именно с этих позиций И.И. Лажечников изобразил события в своем романе «Ледяной дом».

А.С. Пушкин в своих оценках реальных событий имел то преимущество перед писателем И.И. Лажечниковым, что он знал суть дела А.П. Волынского. Современный читатель может получить документированную информацию о «злодейских разсуждениях и проекте»

А.П. Волынского, например, из исследования [79] и видеть, что прав был именно А.С. Пушкин, а не И.И. Лажечников.

Другой знающий суть дела А.П. Волынского человек, императрица Екатерина II, писала, что «Волынский был горд и дерзостен в своих поступках, однако не изменник, но, напротив того, добрый и усердный патриот и ревнителен к полезным поправлениям своего отечества». Гордость и дерзость в поступках А.П. Волынского фактически состояла в явном намерении выступить судьей в личных отношениях Анны Иоанновны и Э.И. Бирона, недопустимость чего была доходчиво указана ему способом казни — урезанием дерзновенного языка. То, что на свете нет никого более яростного в своей мести, чем оскорбленная женщина, было давно и хорошо известно.

В XVIII в. казни были в духе времени и в нравах всех без исключения народов и правительств. Вряд ли «ужас царствования Анны», которая все-таки заменила А.П. Волынскому казнь через сажание его на кол на урезание языка и четвертование, был ужаснее, чем ужас правления Карла XI и Карла XII, которые казнили И.Р. Паткуля колесованием, или царствования Петра I, который ввел казнь колесованием в России⁴².

Применительно к Лопухинскому делу, мы не собираемся сравнивать «ужас царствования Елизаветы» с «ужасом царствования Анны», хотя между казнью А.П. Волынского и казнью Н.Ф. Лопухиной имеется удивительное внешнее сходство: эти две казни были в значительной мере реакцией двух коронованных женщин, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, на личные обиды. Если для Анны это — вмешательство в ее личные отношения с Э.И. Бироном, то для Елизаветы это — «сплетня, распространенная бабами и молодежью и принятая за оскорбление безмозглой головой слабой и тщеславной коронованной кокетки»⁴³.

⁴²Приведем описание Ф.В. Берхгольца [8] этой новой для России и неумело выполняемой казни. Итак, 2 октября 1722 г. «после обеда я ездил с обоими бригадирами, Негелейном и Тихом за город посмотреть на трех колесованных в этот день утром, но еще живых убийц и делателей фальшивой монеты. Зрелище было отвратительное. Они получили только по одному удару колесом по каждой ноге и руке и после того были привязаны к трем укрепленным на шестах колесам. Один из них, старый и очень болезненный, был уже мертв; но оба другие, еще молодые, вовсе не имели на лице смертной бледности, напротив были очень румяны. Меня уверяли, что люди в таком положении жили иногда от четырех до пяти дней. Эти двое были так веселы, как будто с ними ничего не случилось, преспокойно поглядывали на всех и даже не делали кислой физиономии. Но больше всего меня удивило то, что один из них с большим трудом поднял свою раздробленную руку, висевшую между зубцами колеса (они только туловищем были привязаны к колесам), отер себе рукавом нос и опять сунул ее на прежнее место; мало того, запачкав несколькими каплями крови колесо, на котором лежал лицом, он в другой раз, с таким же усилием, снова вытащил ту же изувеченную руку и рукавом обтер его. Я вспомнил при этом об одном истинном происшествии, случившемся здесь года четыре тому назад с одним повешенным за ребра; он в первую ночь после казни имел еще столько силы, что мог приподняться кверху и вытащить из себя крюк. Упав на землю, несчастный на четвереньках прополз несколько сот шагов и спрятался; но его нашли и опять повесили точно таким же образом».

⁴³Это фраза из [24]; существенно более объемная выдержка из [24], содержащая эту фразу, приведена нами ниже, на с. 202.

Сообщения Г. Гельбига и их перевод В.А. Бильбасова. Василий Алексеевич Бильбасов (1838—1904) — русский историк и публицист, специализировавшийся на времени Екатерины II. Он переводчик труда Густава Гельбига⁴⁴ (1757—1813) о 110 персонажах русской истории, название которого в оригинале — «Russische Günstlinge» [24]. Это название переведено как «Русские избранники» и может не соответствовать ожиданиям читателя, поскольку среди выбранных Гельбигом 110 примечательных персонажей есть лица, отношение автора к которым явно негативное. Один из них — Яков Федорович Бергер, генерал-майор, номер 51.

Заметим, что Я.Ф. Бергер, точнее, события, связанные с этим лицом, относятся к началу царствования Елизаветы Петровны, а сам Г. Гельбиг — современник Екатерины II. Поэтому книга [24], строго говоря, не может считаться мемуарной литературой.

В.А. Бильбасов — историк, специализировавшийся на времени Екатерины II, откуда и происходит его интерес к Г. Гельбигу. Во вступительной статье «От переводчика» В.А. Бильбасов пишет следующее:

«...относительно добросовестности Гельбига как саксонского чиновника⁴⁵ свидетельство графа Лосса, его начальника, является вполне достаточным. Сама Екатерина [Екатерина II. — В.М.] говорит, что она раз двадцать требовала удаления Гельбига⁴⁶, и граф Лосе имел же основание двадцать раз удерживать Гельбига на его посту. Предлагаемый читателям труд служит лучшим доказательством добросовестности Гельбига как писателя.

Проверяя сообщения Гельбига по тем источникам, которыми он пользовался, легко убедиться в точности и даже осторожности, с которыми он собирал свои сведения. Так, он почти дословно заимствует из «Записок» Манштейна и верно передает его рассказ не только тогда, когда называет его, как, например, в жизнеописании Бирона, но и когда умалчивает об источнике, как, например, в биографиях Шубина, Грюнштейна, Лестока и др. Он пользовался официальными донесениями саксонского посланника Пецольда, как, например, при описании казни Остермана; в рассказе же о доносе Бергера на Лопухину с точностью выписывает целые фразы из донесения. Так, сообщая речь Лопухиной как главный пункт, послуживший к ее обвинению, он осторожно перефразирует официальное донесение, не позволяя себе ни малейшего изменения.

... Самый же важный, наиболее драгоценный, источник Гельбига заключается в устных рассказах современников. Он застал еще в

⁴⁴Нем.: Gustav Adolf Wilhelm von Helbig.

⁴⁵Георг Гельбиг был секретарем саксонского посольства в С.-Петербурге с 1786 г. по 1796 г. — *Прим. В.М.*

⁴⁶Считается, что именно Георг Гельбиг — автор термина «потемкинские деревни». — *Прим. В.М.*

живых, познакомился и часто расспрашивал лиц, живших и действовавших при императрице Анне, даже при Екатерине I и Петре I. Без труда Гельбига эти драгоценные сведения современников, эти живые устные сообщения совершенно пропали бы для нас. Он относился к ним, впрочем, критически и весьма добросовестно проверял и очищал. Так, например, в жизнеописании Шкурина, изданном в 1809 году, не помещены уже слова императора, отправлявшегося на знаменитый пожар, приведенные в «Биографии Петра Третьего», изданной годом раньше. В тех же случаях, когда не было возможности проверить противоречия устных сообщений, Гельбиг добросовестно приводит оба противоречивых отзыва. В сообщениях этого рода Гельбиг блистательно выдержал довольно требовательное испытание: указы Петра III, впервые напечатанные в 1877 году в «Русской старине», вполне подтвердили сообщения Гельбига.

Эта оценка добросовестности Гельбига, который не был современником Лопухинского дела, а поэтому несомненно занимался пересказом с чужих слов, нам чрезвычайно важна по вполне понятным причинам.

Г. Гельбиг и «офицер Соликамский». Ниже мы приведем без изменений статью из книги [24], в которой Г. Гельбиг описывает Лопухинское дело. Заметим, что в этой статье видна очевидная несуразность:

« В 1743 году он [Бергер. — В.М.] был назначен ехать в Ярославль, в место ссылки графа Левенвольде, чтобы принять надзор над этим важным узником, исполнявшимся до того другим офицером, Соликамским»,

со сноскою к «офицеру Соликамскому»: «Из простого звания, без фамильного имени, родом из города Соликамска Казанской губернии».

Суть несуразности даже не в «офицере Соликамском», хотя это явный «поручик Киж»». Несуразность в географии: во-первых, город Соликамск никогда не находился в Казанской губернии; во-вторых, город Ярославль не имеет отношения к ссылке Г.Р. Левенвольде, поскольку документально известно, что местом его ссылки неизменно был Соликамск.

Г. Гельбигу простительны эти ошибки. В.А. Бильбасов мог полагать, что его дело — переводить оригинал так, как он написан. Но историку Н.И. Костомарову (см. по этому поводу разд. В.2) непростительно повторять очевидные ошибки, применяя в своих научных работах копираст чужого текста, как это делают сейчас некоторые студенты.

Бергер. Итак, мы перейдем к Лопухинскому делу, которое Г. Гельбиг подробно излагает в [24], в статье под номером 51, названной им «Бергер»; Бергер был «немцем», точнее, «курляндцем простого происхождения». Мы приведем текст Г. Гельбига в переводе В.А. Бильбасова без изменений и комментариев.

О портрете Н. Ф. Лопухиной.

Приложенный к этой книге портрет Натальи Федоровны Лопухиной снят с подлинной миниатюры, писанной масляными красками на дереве, (вышина $1\frac{3}{4}$ вершка, ширина $1\frac{1}{2}$ верш.), оправленной в старинную, тяжелую, бронзовую рамку; миниатюра эта принадлежит нини собранию портретов князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского. Она находилась на выставке портретов исторических лиц XVI—XVIII вѣковъ, устроенной, в 1870 году, в Петербургѣ, Обществомъ поощренія художниковъ (см. Каталогъ выставки, изд. второе, № 537, стр. 131).

На этой миниатюрѣ Н. Ф. Лопухина изображена в пѣтушечьихъ хѣтахъ, во всемъ блескѣ красоты, вѣ нарядѣ модницы 1740-хъ годовъ. Веселому выраженію лица и щегольскому одѣянію противорѣчить изображенная, в правой сторонѣ портрета, желѣзная рѣшетка. Желѣзѣ-ли художникъ, изобразивъ эту рѣшетку, намекнуть на несчастную участь Н. Ф. Лопухиной, на ея пребываніе в крѣпости, в застѣнкѣ и в сѣмѣ? Портретъ первоначально принадлежалъ фамиліи гр. Шуваловыхъ, изъ которыхъ графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, какъ изложено выше, принималъ довольно живое участіе в розыскѣ по Лопухинскому дѣлу и впоследствии, в теченіе всего царствованія Елисаветы Петровны управлялъ тайною канцеляріею.

Съ подлинной миниатюры портретъ, нѣсколько увеличивъ, нарисовалъ для нашего изданія художникъ Шпакъ, гравировалъ академикъ, граверъ Е. И. Величества Л. А. Сѣряковъ.

Рис. 6.7. Из «Русской старины», 1874, с. 43; на с. 1–42, 191–235 подробнейшим образом излагается Лопухинское дело 1743 г.

«Имя человека, о котором говорится в этой статье, составляет почти все, что мы знаем о его жизни. Но этот человек дает повод рассказать одну из ужаснейших сцен в царствование императрицы Елизаветы. Когда знаешь, что этот Бергер был виновником этого ужасного несчастья, то уж не нуждаешься знать другие обстоятельства его жизни. Злость была, вероятно, основой его характера и мотивом его поступков. Быть может, вместо этого гадкого качества можно было бы поставить необдуманность и слабоумие, но как печально извинять его поступки такими недостатками!

Бергер был курляндец простого происхождения. Он отправился в Россию, где владычествовал тогда Бирон при дворе Анны. Бергер вступил в военную службу и, благодаря рекомендации, стал офицером армейского полка. В 1743 году он был назначен ехать в Ярославль, в место ссылки графа Левенвольде, чтобы принять надзор над этим важным узником, исполнявшимся до того другим офицером, Соликамским⁴⁷. Этот караул, во всяком случае, был скучен, подвергал большой ответственности и был во всех отношениях неприятен. Бергер хотел отделаться от этого поручения, но у него не было к тому

⁴⁷Из простого звания, без фамильного имени, родом из города Соликамска Казанской губернии.

предлога. Наконец случай представил ему такой предлог, и он воспользовался им самым варварским образом.

Статс-дама Лопухина, жена генерал-поручика и камергера, услышав, что на поручика Бергера возложен караул при графе Левенвольде, поручила своему сыну, который был камер-юнкером при императоре Иване [Иване VI. — В.М.], а теперь был ничем, познакомиться с поручиком Бергером и просить его передать графу Левенвольду, что она постоянно вспоминает его и от своего имени просит не унывать и надеяться на лучшие времена. Этому невинному выражению утешения, которое подруга посылала своему страдающему другу и которое ни на чем не основывалось, было придано толкование, которое могло быть измышлено только злобой и которому могла поверить только глупость. Оно послужило предлогом к тому, чтобы наказать как за государственное преступление, за сплетню, распространенную бабами и молодежью и принятую за оскорбление безмозглой головой слабой и тщеславной коронованной кокетки⁴⁸. Дело вот в чем: графиня Лопухина и графиня Бестужева, жена обер-гофмаршала и некогда вдова графа Ягужинского, сказали будто бы однажды, что они еще и теперь, уже довольно пожилые дамы, красивее императрицы. Говорили ли они это или не говорили, но такой прошел слух, разнесенный бабьем и молодежью, и достиг Елизаветы. Елизавета приходила в неистовую ярость, как только ее красота подвергалась сомнению. Ее доверенные приближенные, так как сама она была для этого слишком ленива и ограничена, должны были теперь найти случай к мщению, и этот случай скоро представился. Бергер, понимавший негодность правительства, напал на дьявольскую мысль, что поручение г-жи Лопухиной может освободить его от караула при графе Левенвольде. Вопреки своему убеждению, он это поручение истолковал в смысле задуманного возмущения, доносом на которое думал выслужиться. Он донес генералу Ушакову, князю Никите Трубецкому и графу Лестоку.

Генерал Ушаков много лет уже был инквизитором России, или президентом Тайной канцелярии. В этом качестве круг его ведения при Елизавете был неограничен. Князь и мужик равно чувствовали всю свою ничтожность перед авторитетом генерала Ушакова. Он славился необыкновенной строгостью, и хотя ему нельзя было отказать и в большой справедливости, но при одном его имени трепетали все жители России. Князь Никита Трубецкой имел чрезвычайно деспотические принципы и не отличался ни человеколюбием, ни снисходительностью. Характер графа Лестока известен уже из этой книги. Тогда, в 1743 году, он, ради предосторожности, соблюдал большую строгость, чем та, которая была в его характере: он все еще опасал-

⁴⁸Эту фразу мы приводили на с. 198. — *Прим. В.М.*

ся, что новое здание правления Елизаветы так же легко может быть разрушено, как он воздвиг его.

К этим-то трем людям отправился Бергер, рассказал им поручение г-жи Лопухиной и дал при этом понять, что, как он полагает, заманчивая надежда, выраженная Лопухиной, должна же на чем-нибудь основываться. Ему посоветовали разговориться об этом с молодым Лопухиным при свидетелях. Бергер исполнил совет. Он отправился в тот трактир, где собирались обыкновенно молодые люди. Лопухин явился. Он, Бергер и известный Мальтиц⁴⁹, адъютант принца Гессен-Гомбургского, явившийся в качестве свидетеля, пили вместе. Бергер прикинулся недовольным, и простодушный Лопухин попался в ловушку: он стал говорить об императрице довольно свободно и вообще в выражениях неосторожных. Больше ничего и не нужно было его собутыльникам. Все это было передано Елизавете. Бывшие при ней приживалки тотчас закричали, что Лопухина и графиня Бестужева всегда дурно отзывались об императрице, что в этом кроется проект заговора и что зло надо пресечь в самом корне. Елизавета пришла в страшный гнев, вспомнила преступление против ее оскорбленной красоты и в полном пылу своего женского гнева тотчас же приказала арестовать даже самых отдаленных участников этого государственного преступления, судить и публично наказать, особенно же обеих дам. Императрица хотела даже уехать в Петергоф, но раздумала.

Начало следствия было ужасно. В ночь на 5 августа 1743 года по всем улицам Петербурга ходили патрули. В тот же вечер начались аресты. Генерал-лейтенант Лопухин [С.В. Лопухин. — *В.М.*], его жена [Н.Ф. Лопухина. — *В.М.*] и сын [И.С. Лопухин. — *В.М.*] были арестованы. Придворная дама, фрейлина Лопухина, дочь генерал-поручика⁵⁰ Лопухина, была в Петергофе при молодом великом князе, который очень ее любил за веселую беседу. На другое утро она приехала в город вместе с великим князем, и под предлогом, что ее мать смертельно больна, она была отвезена в родительский дом и там арестована. 6 августа графиня Бестужева, жившая в деревне, была арестована вместе со своей старшей дочерью и привезена в Петербург. Ее супругу дано было знать, чтобы он ничего не опасался и что он может оставаться в деревне. Все арестованные были сперва отвезены в Елизаветинский дворец, который можно еще видеть на нынешнем Марсовом поле. Вскоре Лопухин, Лопухина и графиня Бестужева были перевезены в петербургскую крепость. Дочери, найденные невиновными, были отосланы по домам.

⁴⁹Майор Фалькенберг, по Манштейну, Мальтиц — по Пецольду.

⁵⁰Заметим, что выше используется термин «генерал-лейтенант». Несомненно, речь идет о С.В. Лопухине. — *Прим. В.М.*

Была образована особая комиссия. Членами ее назначены: генерал Ушаков, князь Трубецкой и граф Лесток; протоколистом был статский советник Демидов. Ежедневно арестовывали многих: если кто-либо, хоть год назад, сказал какое-либо слово, которое поддавалось произвольному истолкованию, выразил недовольство настоящим, вспомнил о счастливом прошедшем и был теперь оговорен своим врагом, он считался уже соучастником этого мнимого государственного заговора и привлекался к суду. На этом основании были арестованы между прочими жены камергеров Лилиенфельд и княгиня Гагарина, урожденная Ягужинская, гвардейский поручик Машков, гвардейский капитан князь Путятин, статский советник Зыбин⁵¹ и другие. Молодой Лопухин был пытан под кнутом, и боль вынудила у него признание во всем, что ему диктовали.

Дело приняло еще более серьезный оборот, даже внешнеполитический. Маркиз Ботта⁵², посланник королевы венгерской и чешской, давно уже выехавший из России, находился в дружеских сношениях с домами Лопухиных и Бестужевых. Этим обстоятельством воспользовалось французское посольство, чтобы привлечь на свою сторону русский двор и нанести чувствительный удар австрийскому, который тогда постоянно враждовал с французским Двором. Дальйон сообщил экстракты из никому не известных писаний, в которых значилось, будто Ботта говорил, что правление Елизаветы не может продолжаться. Он прибавлял писаний, в которых значилось, будто Ботта говорил, что правление Елизаветы не может продолжаться. Он прибавлял к этому, будто Ботта перед своим отъездом переговаривал с г-жой Лопухиной и графиней Бестужевой о том, чтобы побудить прусского короля Фридриха II к восстановлению брауншвейгской фамилии.

В Вену отправились жалобы на Ботту. Мария Терезия, более человечная, умная и справедливая, чем Елизавета, написала своему резиденту Гогенгольцеру, что маркиза Ботту нельзя осудить, что для этого необходимо иметь точные доказательства. Тогда было приказано отправить в Вену целую кипу протоколов, в которых почти ничего не было, кроме бабьих сплетен, причем императрица уверяла, что сама присутствовала при допросах и требовала удовлетворения. Ее присутствие при допросах было ложью; тем не менее во втором, в требовании удовлетворения, венский двор до некоторой степени уступил: Ботта действительно был некоторое время в немилости, по крайней мере по виду. Фридрих II, о котором тоже шла речь в этих допросах, как только осведомился об этом, принес через своего посланника, барона Мардефельда, большие извинения в Петербурге и торжественно заверял, что ему никогда не были делаемы предложения о восста-

⁵¹ Александр Ефимович, советник адмиралтейств-коллегии. — *Прим. В.М.*

⁵² Маркиз Ботта был миланец родом; позже он удалился от дел и умер в Италии.

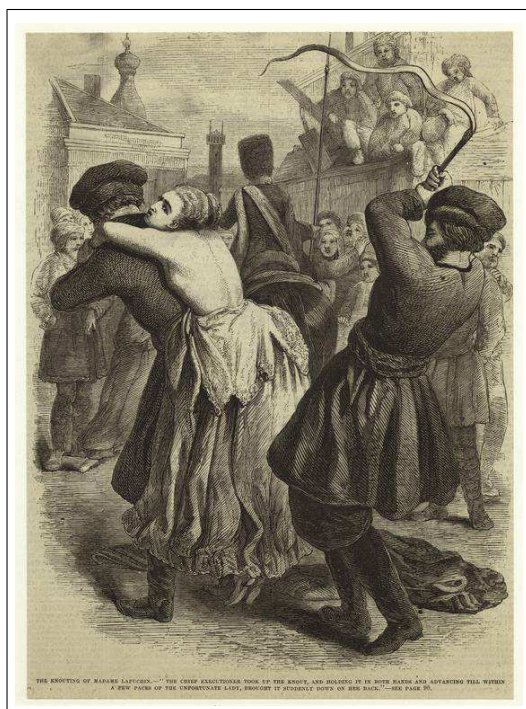

Рис. 6.8. Истязание кнутом Н.Ф. Лопухиной, из книги [35].

новлении брауншвейгской фамилии на русском престоле, но если бы таковые и были сделаны, то они, конечно, тотчас были бы отвергнуты.

Между тем как все это проделывалось за границей, в России продолжалось следствие, чтобы доставить глазам удовольствие видеть совершение казней палачом. Состоялось большое заседание. Сенат и Синод должны были поклясться, что будут молчать и судить. Синод хотел устраниваться от дела, но должен был присутствовать, чтобы самому не показаться подозрительным.

На другой день после праздника Александра Невского, т.е. 31 августа, происходила казнь на тогдашнем Лобном месте на Васильевском острове. За два дня пред тем об этом извещалось с барабанным боем. Генерал-поручик Лопухин, его жена, статс-дама императрицы, жена обер-гофмаршала графиня Бестужева, молодой Лопухин [И.С. Лопухин. — В.М.], поручик гвардии Машков, князь Путятин, майор гвардии, и статский советник Зыбин были биты кнутом. Первым четверым, сверх того, отрезаны языки. Палачи, наказывавшие кнутом, показывали присутствовавшим вырванные куски мяса и с дьявольской усмешкой предлагали купить их. Затем несчастные были отвезены на маленьких мужицких телегах за десять верст, где они

в деревушке могли проститься с родными. Потом, поодиночке, были они развезены в места их ссылки. Многие другие лица, привлеченные к следствию, были сосланы в Сибирь прямо из тюрьмы. Очень немногие избежали наказания. Таким образом, вследствие сплетни, основанной, вероятно, на одной лжи, погибло много семей. И так часто бывает. ничтожные причины ведут к страшным последствиям.

Чувствования Бергера, если он способен был чувствовать, должны были быть ужасны при виде этих казней.

Более подробное изложение обстоятельств его презренной жизни не имеет, конечно, никакой прелести для любопытства наших читателей. Бергер получил разрешение не ехать к графу Левенвольде, которое он купил несчастьем столь многих людей. Хотя он довольно быстро повышался в армии, но имел дурное счастье и умер наконец в царствование императрицы Екатерины II генерал-майором, но в самых стесненных обстоятельствах».

6.10 «... достойный Левенвольде ... умер в Соликамске»

Сотрудник Соликамского краеведческого музея Н.М. Савенкова (1965–2021), вероятно, была самым компетентным лицом в вопросе о том, как отбывал ссылку и окончил свои дни Р.Г. Левенвольде. Мы приведем сведения из ее работы [89], относящиеся к этому вопросу. Итак,

«В 1741 г., по вступлении на престол Елизаветы Петровны, Левенвольде был арестован, в числе других высших сановников — Остермана, Миниха, Головкина — и предан суду. В манифесте новой императрицы граф обвинялся в том, что, зная о духовной Екатерины I, где указывались права на престол Елизаветы, не заявил о них после кончины Анны Иоанновны, став фактически на сторону младенца-императора и его матери. Помимо того, в вину Левенвольде вменялось, что «из соляных под своим ведением состоящих денег великие суммы и пенсион, ко истощению казны, себе и другим исходатайствовал» (см. [78], с. 573); о сумме поступлений в Соляную контору никому не докладывал и счетов в ревизионную коллегия не подавал».

Г.Р. Левенвольде был отправлен в Соликамск в собственном экипаже и с четырьмя «людьми для услужения, два из которых повара» (см. [98], с. 528). В Соликамске он был помещен в «особливо построенных покоях», где проживал до июля 1743 г. В [89] далее говорится:

«В июле 1743 г. случился большой пожар, сгорело 700 домов, в их

Рис. 6.9. Г.Р. Левенвольде умер в Соликамске в 1758 г. Похоронен недалеко от Воскресенской церкви (фото конца XIX–начала XX в.). В начале 1930-х годов иконостас Воскресенской церкви, ее главы и колокольню уничтожили «дабы ничто более не напоминало религиозное сооружение». В здании разместились ватная фабрика, с 1940-х годов ее сменил пимокатный завод. Позднее — фабрика по пошиву обуви. С 1995 г., после ремонта и соответствующего приспособления помещения, в здании Воскресенской церкви разместился отдел фондов музея и городской выставочный зал.

числе и покои ссыльного. После этого Левенвольде отвели каменный дом, где, по сообщению приставленного к нему поручика, «у арестанта, под его апартаментом, имеется особый внизу покой, и в том лекарь живет» (см. [98], с. 528).

Личный лекарь графа, Бартоломеус Климт, прежде проживавший в его петербургском дворце, выразил желание последовать за ним, и был отправлен в Соликамск, по «изустному указу» Елизаветы. Желание свое отправиться в ссылку Климт объяснял просто: «уповая оттуда возвращения с Левенвольдом» (см. [97], с. 582)».

Мы пропустим часть статьи [89], где говорится о Лопухинском деле и его последствиях⁵³. В том, что касается пребывания Р.Г. Левенвольде в Соликамске, в [89] сообщается следующее.

«После пожара в Соликамске Р.Г. Левенвольде, согласно сообщения

⁵³Читатель может обратиться к статье [89], которая доступна в Интернете и где приведены интересные, но частные, подробности Лопухинского дела.

приставленного к нему поручика, проживал в каменном двухэтажном доме (см. [97], с. 302). Предположительно, это либо Дом воеводы, либо стоявший напротив него дом Кузнецова. Судя по плану города 1770 г., других каменных гражданских зданий в Соликамске тогда не было. В пользу Дома воеводы склоняет традиция подсчета этажности домов: нижний этаж назывался подклетом и в счет не входил. Таким образом, дом Кузнецова в то время считался одноэтажным на подклете; Дом воеводы — двухэтажным на подклете. Дом Кузнецова — частное строение, для его использования необходима была договоренность с хозяином, что, на мой взгляд, после пожара было проблематично — почти все соликамцы остались без крыши над головой. Его бы попросту не отдали ссыльному, когда самим жить негде. Тогда как Дом воеводы полностью состоял в ведении воеводской канцелярии и мог быть использован по ее усмотрению.

Сама воеводская канцелярия, располагавшаяся ранее в Доме воеводы, в это время занимала палаты Соборной колокольни — судя по летописи, находясь там, она сама пострадала в пожаре. И на плане 1770 г. однозначно указано, что канцелярия воеводства находится в колокольне. Согласно сообщения пристава, опубликованного в Сенатском архиве, «апартаменты» Левенвольде, занимали верхний этаж каменного здания. Под ним проживал лекарь Климт. О подклете пристав не сообщает, но там могли располагаться четыре служителя опального графа, два из которых повара (см. [98], с. 528). В эту версию — проживания Левенвольде в доме воеводы — укладывается и общеизвестный факт закладки в здании подземного хода, что могло быть сделано по приказу пристава, охранявшего ссыльного.

Но это лишь домыслы. Где именно проживал Левенвольде в Соликамске долгие 16 лет, не установлено. Особо это никого в Петербурге не интересовало. Сначала ежемесячно, позднее ежегодно сенат получал отчеты о его изолированном содержании — этого было достаточно.

Последний отчет был отправлен в июле 1758 г.: «Левенвольд минувшего июля на 24 волею Божиею умер и тело его в землю закопано» (см. [98], с. 528). После его смерти слуги и лекарь отправлены в Петербург, оставшееся имущество продано с публичного торга, деньги отосланы в канцелярию конфискации (см. [98], с. 528)».

Вот что сообщается в [89] о месте погребения Р.Г. Левенвольде.

«В 2008 г. под зданием кинотеатра им. Горького в Соликамске, при производстве земляных работ, было найдено старое кладбище — более 50 костяков, детских, женских и мужских, без нательных крестов. Экспертиза точных данных о времени захоронения не дала, но определила: «не менее 100–150 лет», «не исключая различные сроки захоронения, т.е. не одновременное».

Что это за кладбище? Жителей города до 1773 г. хоронили у приходских церквей, за исключением погибших при набегах, захоронения которых были отмечены часовнями. На месте, о котором идет речь, ни часовни, ни церкви никогда не существовало. Это была южная окраина Соликамска, выезд в сторону Усолья.

На планах города 1770 г. и 1782 г. строений на этом месте нет, хотя слева и справа показаны усадьбы. Возникает вопрос: почему этот участок оказался незастроенным? Объяснение, на мой взгляд, может быть только одно: здесь находилось лютеранское кладбище. Лютеран в Соликамске XVIII в. было немало. В 1710–1722 гг. здесь проживало несколько сотен пленных шведов, многие — с семьями. По единственной тогда дороге в Сибирь через Соликамск проезжали сотни путешественников, ссыльных, служивых, мастеровых, были и лютеране. В Соликамске им приходилось задерживаться на несколько дней, а то и недель, особенно в распутицу. Заболевали, умирали, и хоронить их могли в одном месте. Но это тема отдельного исследования.

Достоверно одно: в соликамской земле покоится прах некогда графа Рейнгольда Густава Левенвольде».

Относительно того, как переносил ссылку Г.Р. Левенвольде, Н.М. Савенкова заметила следующее: у И.Г. Гмелина в его «Путешествие в Сибирь» [27] сказано⁵⁴:

«здесь мы жили во время поста, который начался с 15 декабря и продолжится до Рождества Христова. До нас дошел слух о пребывании здесь известного нам немца, который находился в ссылке и так устроился, что даже в пост не нуждался в мясе. Он выслал нам прекрасный кусок мяса из своего собственного запаса».

Речь идет о Г.Р. Левенвольде. Других ссыльных в то время в Соликамске не было. И.Г. Гмелин не называет имени по вполне понятным причинам — из опасения обвинения в связи с ссыльным и в нелояльности к власти. Свой запас мяса во время поста о многом говорит, и запас значительный, если учесть, что группа И.Г. Гмелина и его спутников насчитывала более 20 человек, и жили они в Соликамске 2 недели. Следовательно, кусок был не только прекрасный, но и крупный, и не последний. И посылка его участникам императорской экспедиции — жест скорее вельможи, чем жалкого ссыльного.

Напомним приводившиеся выше слова из «Замечания на „Записки Манштейна о России“ неизвестного автора» [37]:

«Беспристрастие требует воздать похвалу гг. Строгановым, имеющим богатые заводы и соляные варницы в этом месте: сострадательные

⁵⁴И.Г. Гмелин побывал в Соликамске в декабре 1742 г., т.е. в первый год ссылки Левенвольде.

их сердца старались облегчать, сколько позволительно, несчастную участь Левенвольде, вспомоществовали и доставляли ему все потребное к пропитанию и содержанию. Да цветет и наслаждается всеми благами потомство добродетельных душ!».

В этой связи, относительно роли Строгановых в облегчении участи ссыльного Г.Р. Левенвольде, Н.М. Савенкова заметила следующее:

«Строгановы не были хозяевами в Соликамске. Ошибочно считается, что Соликамск относился к их землям. Вотчина Строгановых входила в Соликамский уезд, но почти всегда происходили земельные и промышленные споры между соликамцами и Строгановыми. И воеводы заявляли свои административные права и всячески старались показать, кто в доме хозяин. Думаю, тут большее значение имеет сам Левенвольде и его окружение — слуги, два из которых повара, и лекарь. Полагаю, у графа было, чем заплатить и за провиант, и за расположение к нему. После его смерти дом был продан купцу Суровцову, который обнаружил спрятанный сундучок с драгоценностями. Об этом сундучке нет документальных свидетельств, однако легенда довольно правдоподобна».

Глава 7

Карл и Казимир Левенвольде

Герхард Левенвольде (1575–1645) оставил в наследство Иоганну, сыну от первого брака с Гертрудой Паткуль, поместье Лугден, а Кристофу Бернгарду, сыну от второго брака с Анной Катариной Хундертмарк, поместье Малла. Таким образом, в 1645 г. семья Левенвольде разделилась на дом Лугден (старший) и дом Малла (младший). Кристоф Бернгард, владелец имения Малла, в браке с Изабеллой Архарт имел сына Герхарда Иоганна, которому была посвящена гл. 2. Иоганн, владелец имения Лугден, в браке с Софией Элизаветой Дерфельден имел сына Иоахима Фридриха. У Иоахима Фридриха был сын Адам Фридрих (1697–1756), у которого был сын Карл Магнус (1728–1799). В 1775 г. он женился на Августе Луизе Пален (1743–1801) и имел трех сыновей и трех дочерей.

7.1 «... родился в Раппине ...»

В.А.Нащокин в «Записках» [21] писал, что К.Г.Левенвольде «из немецких краев в С.-Петербург возвратился в тяжкой болезни и просил всемиловейшую государыню, чтоб отпущен был в деревню его Дерптского уезда, в мызу Ряпину», где он и умер в апреле 1735 г.

К.Г.Левенвольде принадлежал к одному поколению с Адамом Фридрихом Левенвольде (1697–1756), сын которого Карл Магнус (1728–1799) приходился К.Г.Левенвольде не прямым, но все же племянником. Ему К.Г.Левенвольде завещал мызу Ряпину (Раппин). Поскольку в 1735 г. она отошла к Левенвольде из дома Лугден и не принадлежала Г.Р.Левенвольде, она не была конфискована в 1741 г. В Раппине у Карла Магнуса Левенвольде и Августы Луизы Пален (1743–1801), старшей сестры графа Петра Алексеевича Палена (1745–1826), родились дети: братья Карл (1779–1812) и Казимир (1780–1805) и их старшая сестра Фридерика Каролина (1778–1835). Они будут героями этой главы.

Доблестные сыны Отечества. Мы начнем с двух статей в «Сборнике биографий кавалергардов» [71], приведа их без искажений.

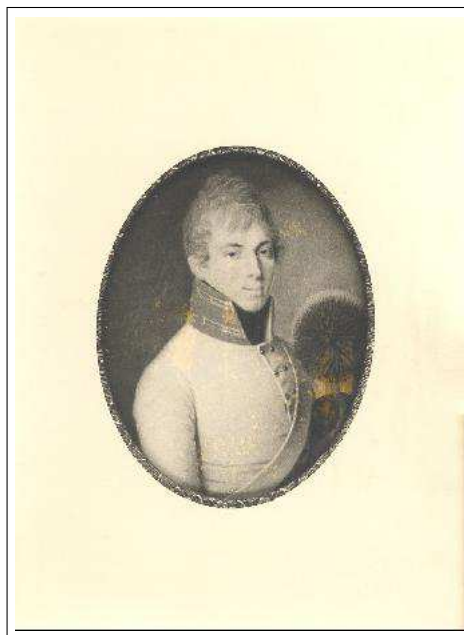

Рис. 7.1. Портрет Карла Карловича Левенвольде из коллекции Г. Крузенштерна.

Сборник биографий Кавалергардов [71]. ► т. III. с. 15–16.

«Барон Карл (Фридрих Карл Иоганн) Карлович Левенвольде (Левенвольд) 1-й, (1779–1812), из лифляндских дворян, сын отставного майора русской службы Карла Магнуса (ск. 1799 г.) и его жены Августы Луизы, рожд. баронессы Пален (1743–1801), родился в Раппине 15 июня 1799 г.; в службе с 1 февраля 1790 года квартирмейстером в лб.-гв. Конном полку; в 1795 г. произведен в вахмистры; 22 янв. 1797 г. переведен корнетом в Рижский кирасирский полк, 22 августа 1798 г. переведен в кирасирский Неплюева полк и 8 декабря того же года произведен в поручики; по расформированию полка Неплюева переведен в кирасирский Воинова (Стародубовский) полк; в марте 1801 года находился инспекторским адъютантом при графе фон дер Палене; 19 марта того же года переведен в Кавалергардский полк, но не мог тотчас же явиться, «ибо», рапортовал Левенвольде 22 марта, «я нахожусь три недели болен»; в 1802 г. произведен в штабс-ротмистры и в 1804 г. в ротмистры. Барон Левенвольде участвовал в знаменитой атаке кавалергардов под Аустерлицем и по окончании боя командовал кавалергардскими пикетами, отступившими последними с поля сражения. 13 сентября 1806 г. уволен от службы полковником, а 11 марта 1807 г. вновь поступил в полк ротмистром и 10 апреля прибыл

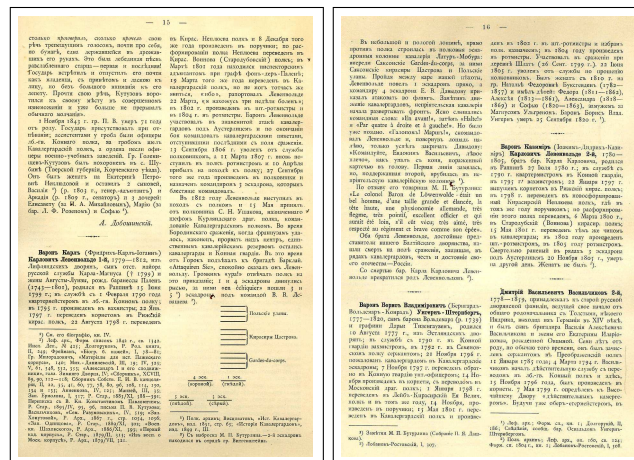

Рис. 7.2. Статьи о братьях Левенвольде из «Сборника биографий Кавалергардов» [71].

на поход к полку; 27 сентября того же года произведен в полковники и назначен командиром 3 эскадрона, которым блестяще командовал.

В 1812 г. Левенвольде выступил в поход с полком и 15 мая принял от полковника С.Н. Ушакова, назначенного шефом Курляндского драгунского полка, командование Кавалергардским полком. Во время Бородинского сражения, когда французам удалось, наконец, прорвать наш центр, единственным кавалерийским резервом остались кавалергарды и Конная гвардия. В это время от Горок подъехал к бригаде Барклай. «Attaquiren Sie», спокойно сказал он Левенвольде. Громким «ура!» отвечал полк на это приказание; 1-й и 4-й эскадроны двинулись рысью, за ними «en échiquier» пошли 3-й и 5-й эскадроны под командою В.В. Левашова.

В небольшой и пологой ложине, прямо против полка строилась в полковые эскадронные колонны кавалерия Латур-Мобура: впереди саксонские Gardes-du-corps, за ними Саксонские кирасиры Цастрова и Польские уланы. Пройдя между каре нашей пехоты, Левенвольде повел 1-й эскадрон прямо, а командиру 4-го эскадрона Е.В. Давыдову приказал атаковать во фланг. Заметив движение кавалергардов, неприятельская кавалерия начала разворачивать фронт. Ясно слышались командные слова: «En avant!», затем «Halte!» и «Par quatre à droite et à gauche!». Но было уже поздно. «Галопом! Марш!» — скомандовал Левенвольде и, повернув лошадь налево, только успел закричать Давыдову: «Командуйте, Евдоким Васильевич, левое плечо!», как упал с коня, пораженный картечью в голову. Первая линия замялась, но, поддержанная второй, врубилась в неприятельскую кавалерийскую колонну.

Рис. 7.3. Памятник братьям Левенвольде в Дерпте (Тарту), в церкви Св. Иоанна, воздвигнутый их сестрой.

По отзыву его товарища М.П. Бутурлина: «Le colonel Baron de Löwenwolde était un bel homme, d'une taille grace et élancée, la tête haute, une physionomie allemande, très flegme, très pointif, excellent officier et qui aurait été loin, s'il eût vécu; très aimé, très respecté au régiment et brave comme son épée»¹.

В этой биографии все ясно, но одно место все-таки требует пояснения. Текст «в марте 1801 года находился инспекторским адъютантом при графе фон дер Палене; 19 марта того же года переведен в Кавалергардский полк, но не мог тотчас же явиться, „ибо“, рапортовал Левенвольде 22 марта, „я нахожусь три недели болен“» говорит не столько о болезни племянника графа П.А. Палена, сколько о том, что этот племянник в событиях, произошедших в период с 0:45 по 1:45, в ночь с понедельника 11 (23) марта на вторник 12 (24) марта 1801 г., участия не принимал.

В предисловии к этой книге мы уже приводили цитату из мемуаров кавалергарда кн. Сергея Григорьевича Волконского (1788–1865), которой завершим этот раздел. Вот она:

¹ «Полковник барон Левенвольде был красивый мужчина, стройный и благородного вида, высоко держащий голову, с немецким типом лица, очень хладнокровный, очень пунктуальный, отличный офицер, который бы далеко пошел, если б остался жив; очень любимый, очень уважаемый в полку и очень храбрый в бою» (фр.) — *Прим. В.М.*

Рис. 7.4. Мемориал в память братьев Левенвольде в Лугде.

«замечательным человеком был между нами Карл Карлович Левенвольд, положивший свою жизнь в Бородинской битве. Он был замечательное лицо в полковом нашем кругу образованностью и рыцарскими понятиями и имел такой вес в обществе офицеров, что осуждение его во всяком возникшем деле между нами было для обеих сторон неоспоримый приговор».

Сборник биографий Кавалергардов [71]. ► т. III. с. 15.

«Барон Казимир (Иоаким Дидрих Казимир) Карлович Левенвольде 2-й (1780–1805); брат барона Карла Карловича, родился в Раппине 27 июля 1780 г.; в службе с 1790 г. квартирмейстером в Конной гвардии, в 1795 г. вахмистром; 22 января 1797 г. выпущен корнетом в Рижский кирасирский полк; в 1798 г. переведен в новосформированный Кирасирский Неплюева полк, где в том же году поручиком; по расформированию этого полка переведен, 6 марта 1800 г., в Стародубовский (Воинова) кирасирский полк; 15 мая 1801 г. переведен тем же чином в кавалергарды; в 1802 году произведен шт.-ротмистром, в 1805 году ротмистром. Смертельно раненый в рядах 3 эскадрона под Аустерлицем 20 ноября 1805 г., умер на другой день. Женат не был».

Верная любящая сестра. В Дерпте, в церкви Св. Иоанна, выстроенной в XIV в., находился памятный знак, который в 1813 г. был поставлен в память о кавалергардах братьях Казимире и Карле Левенвольде, погибших в 1805 г. и 1812 г., соответственно, их старшей сестрой Фредерикой

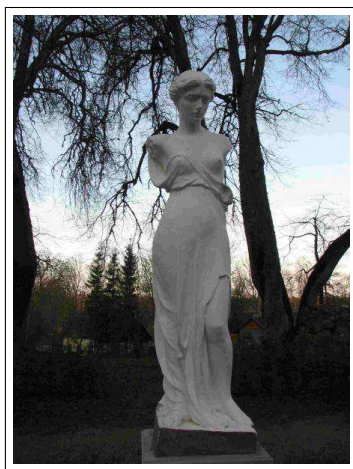

Рис. 7.5. Скульптура скорбящей женщины в Лугдене.

Каролиной. В войнах начала XIX в. она потеряла мужа, Отто Федоровича Кнорринга, и всех трех² своих братьев. В августе 1944 г. в церковь Св. Иоанна попала бомба и эта церковь сгорела. Памятник, поставленный в 1813 г., уничтожен. Но сохранилась его фотография (см. 7.3), на которой отчетливо видна надпись³:

DEN THEUERN BRÜDERN
DEN EDLEN MÄNNERN
DEN TAPFERN SÖNNEN
DES VATERLANDES
WEIHET TREUE SCHWESTERLIEBE
DIESE DENKMAHL
IN JAHR 1813

К этому необходимо прибавить, что 22 февраля 1813 г. Фридерика Каролина похоронила своего мужа Отто Федоровича Кнорринга⁴ (1759–1812) в Лугдене. Для этого в 1813 г., как только русские войска изгнали Наполеона за пределы России, она ездила в Дорогобуж. Там О.Ф. Кнорринга, умершего в августе 1812 г. при отступлении русской армии от Смоленска, похоронили первоначально.

²Третий брат (см. [125]) — Otto Gustav Ferdinand, род. 15.3.1783, ск. 1812.

³Вот ее перевод: «Верным братьям, благородным мужам, доблестным сынам Отечества посвящает верная любящая сестра этот памятник в 1813 году».

⁴О.Ф. Кнорринг — ген.-майор, участник многих сражений. В 1794 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса «за отличную храбрость, оказанную против польских мятежников 6 и 8 сентября при Крупчице и Бресте, где он атаковал неприятеля и отбил две пушки». В 1812 г. командовал 2-й кирасирской дивизией в армии П.И. Багратиона. Умер в Дорогобуже августе 1812 г. и был исключен из армейских списков умершим 19 октября 1812 г. Портрет О.Ф. Кнорринга мастерской Джорджа Доу можно видеть в Военной галерее Зимнего Дворца.

Один пример знатной подлости. На юго-восток от Дерпта находится мыза Раппин. На юго-запад от Дерпта находится мыза Лугден. Это тихие, спокойные места, с красивыми парками. Но только в Лугдене есть очень заметные скульптуры львов (см. рис. 7.4), лежащих друг напротив друга. А несколько вдали, в конце длинной аллеи — скульптура скорбящей женщины (см. рис. 7.5).

Лугден — родовое имение Левенвольде, затем Кноррингов. Несложно догадаться, почему здесь поставлены скульптуры двух львов, один напротив другого. А женщина эта — верная любящая сестра Фридерика Каролина, по мужу Кнорринг, в девичестве Левенвольде. Парк в Лугдене — это семейный мемориал в честь двух убитых воинов, статьи про которых (см. рис. 7.2) в «Сборнике биографий Кавалергардов» [71] завершаются так:

«Оба брата Левенвольде, достойные представители нашего Балтийского дворянства, нашли смерть на поле сражения, защищая, в рядах кавалергардов, честь и достояние своего отечества — России».

Традиция делать такие семейные мемориалы в имениях, где люди проводили значительную часть своей жизни, была распространена в XVIII–XIX вв.

В пользующемся популярностью у читателей историческом романе В. Пикуля «Слово и дело» есть такой пассаж:

«Недавно я посетил замок Раппин и долго стоял перед могилой Левенвольде, вглядываясь в уродливых львов на гербе знатной подлости. А надо мною, всхлипнув старыми мехами, вдруг проиграл орган — тот самый, который разбудил когда-то Левенвольде. Минувшее предстало предо мною: да, именно вот здесь, на этих серых плитах, молилась девочка, прошедшая свой путь по земле бесследно и невесомо — как тень... Как тень прошла она, унесенная ветром в забвение прошлого.

А на пригорке в забросе покоилось фамильное кладбище Розенов, обитателей этого замка. Я читал надписи на камнях и размышлял о времени: здесь лежали уже сородичи декабриста Розена. Время тихо и незаметно смыкалось над древними елями... В поисках дороги на Венден (нынешний Цесис) я долго блуждал по лесу — там же, где 250 лет назад заблудился ночью прокаженный Левенвольде».

Не понятно, откуда взялись «уродливые львы» на гербе Левенвольде; их там нет — см. рис. 1.2. Не понятно, почему писатель В. Пикуль взялся защищать род Розенов⁵ от рода Левенвольде; особенно удивляет игра его воображения относительно Шарлотты (урожд. Розен), жены К.Г. Левенвольде, портрет которой можно видеть на рис. 3.2 и которая

⁵Кстати, в «Очерке фамильной истории баронов фон Розен» [87], написанном А.Е. Розеном, ничего похожего на буйные выдумки В. Пикуля нет.

умерла в возрасте 84 лет. Совсем не понятно, откуда В. Пикуль заключил, что «250 лет назад заблудился ночью *прокаженный* Левенвольде»: за несколько месяцев до своей смерти К.Г. Левенвольде лично общался с императрицей Анной Иоанновной и многими прочими лицами, проказой никого не заразив. Все это можно отнести к «пьяных баб рассказам».

Но вот если автор романа «Слово и дело» имеет в виду «уродливых львов» не на гербе Левенвольде, а в поместье Лугден⁶ (повторим, именно там, а не в Раппине, есть весьма заметные скульптуры двух львов), то он оскорбляет память двух воинов, которые «нашли смерть на поле сражения, защищая, в рядах кавалергардов, честь и достоинство своего отечества — России»; такое вряд ли можно обойти молчанием, даже принимая во внимание дремучее невежество этого графомана, поскольку (Матф. 15:14) «когда слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

7.2 До и после Аустерлица

Обычный способ применения тяжелой кавалерии — атака сомкнутым строем (см. рис. 7.7). Она применялась для того, чтобы либо разгромить противника, прорвав и смешав его ряды, либо предотвратить разгром своих частей, попавших в трудное положение⁷.

Ротмистр Левенвольде 1-й «участвовал в знаменитой атаке кавалергардов под Аустерлицем и по окончании боя командовал кавалергардскими пикетами, отступившими последними с поля сражения». Ротмистр Левенвольде 2-й «смертельно раненый в рядах 3 эскадрона под Аустерлицем 20 ноября 1805 г., умер на другой день». Но в походной жизни бывали и вполне прозаические моменты, с описания одного из которых мы и начнем.

⁶То, что В. Пикуль пишет именно о Лугдене, а не о Раппине, становится почти очевидным, если посмотреть на карту: после того, как В. Пикуль «вглядывался в уродливых львов», он «долго блуждал» в «поисках дороги на Венден (нынешний Цесис)». Но именно Лугден (где львы) расположен между Дерптом (ныне Тарту) и Венденом (ныне Цесис), от Дерпта на юго-запад. Между ними 167 км. Лугден значительно ближе к Дерпту, чем к Вендену. А вот Раппин находится совсем в другой стороне, от Дерпта в направлении на юго-восток, к границе с Россией.

⁷Заметим попутно, что именно из-за этих особенностей своего боевого применения тяжелая кавалерия отличалась рослыми солдатами и крупными конями. Именно для того, чтобы создать тяжелую кавалерию, обер-штабмейстер К.Г. Левенвольде (см. разд. 3.7) в 1732 г. писал инструкцию (см. разд. А.5) «О приведении конских заводов в лучшее состояние и о размножении оных». Если бы конского состава, пригодного для использования в тяжелой кавалерии, не было бы создано, то Россия оказалась бы в очень сложном положении в начале XIX в. Лошадей в гвардейские полки тяжелой кавалерии поставляли Конногвардейские заводы, директором двух из которых вплоть до 1813 г. был (см. разд. 8.4) А.И. Шлиппенбах, прямой потомок Г.И. Левенвольде.

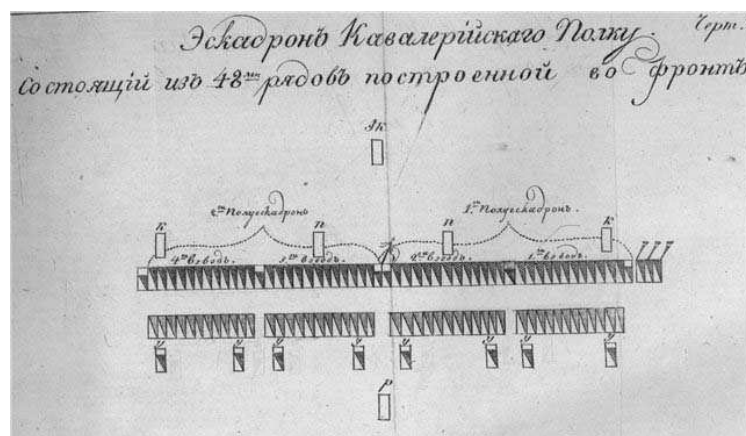

Рис. 7.6. Построение эскадрона кавалерийского полка. Схема из [69].

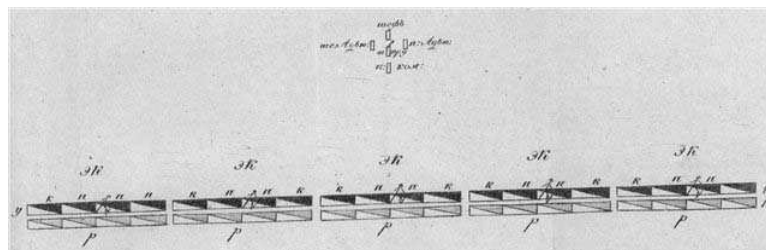

Рис. 7.7. Построение кавалерийского полка пятиэскадронного состава. Схема из [69].

Дело о бричке. В 1805 г., перед Аустерлицким сражением, было «дело о бричке». Суть его (см. [42]) в том, что 30 сентября 1805 г. цесаревич Константин Павлович отдал следующий приказ по гвардейскому отряду.

«Объезжая вчерашнего числа колонны, нашел я едущую бричку, и на вопрос мой, кому она принадлежит, сидящий на ней человек отвечал, что бричка принадлежит Кавалергардского полка ротмистру Левенвольде, а по отысканию моему оказалось, что сие был ротмистр барон Левенвольде 1-й, который обще с ротмистром Левашевым и поручиком Уваровым имели оную. Как сей поступок показывает явное непослушание начальнику, от коего по высочайшей воле сделаны были строгие подтверждения о неимении кавалерийским офицерам повозок, то на сие, сделав оным офицерам строжайший выговор, предписываю их арестовать и вести пешком за последним взводом Кавалергардского полка во время похода, содержа на полковой гауптвахте. А генерал-майору Де-Прерадовичу 2-му, который о сей повозке не был сведущ и на вопрос мой отвечал мне, что, может быть,

сие от него сделано скрытно, за каковое слабое смотрение и незнание, что происходит в командуемом им полку, в коем от него не должно быть ничего скрытного, отказывается на 24 часа от команды полком. Полковнику же Авдулину, у которого в эскадроне состоят помянутые офицеры, коим принадлежит бричка, также за незнание о сем и потому за слабое смотрение делается строжайший выговор с подтверждением, чтобы он впредь был исправнее в своем деле. О чем, к сожалению моему, принужденным нахожу себя отдать в приказе для сведения во всем корпусе».

Начальник кавалерии А.С. Кологривов (1774/5–1825) прислал в полк следующее приказание:

«Е.И. Выс-во, заметив, что одного полка ротмистр барон Левенвольде 1-й сверх неоднократных подтверждений имеет повозку, приказал мне к точному и неперемennomу исполнению предписать следующее. 1) Командиру полка г. ген.-майору Де-Прерадовичу за слабое смотрение отказать от командования и ехать назади одного. Старшему по нем полк. кн. Репнину принять командование. 2) Ротмистра барона Левенвольде 1-го и участвующих с ним в той повозке офицеров, как не повинующихся повелениям начальника, арестовать и вести в последнем взводе. Повозку же со всей имеющейся в ней поклажею, кроме вещей, принадлежащих к мундиру, сжечь, а лошадей отдать в полк».

Получив приказание А.С. Кологривова, генерал Н.И. Депрерадович (1767–1843) собственноручно написал в полк:

«Сего числа отдан в сей полк приказ от ген.-лейт. Кологривова, что по повелению его имп. высочества за слабое смотрение отказывается мне командование полком, а как я болен простудой, то благоволит Кавалергардский полк в подаваемых рапортах по команде таковым меня показывать.

На марше, Новая Свиржа, сентября 29 дня 1805 г.

Генерал-майор Депрерадович 2».

О случившемся было донесено шефу полка Ф.П. Уварову (1773–1824), находившемуся в это время в числе лиц, сопровождавших государя, и с большой вероятностью можно предположить, что Уваров довел о сем происшествии до сведения государя. Как бы ни было, но 10 октября цесаревич из Брест-Литовска прислал Депрерадовичу следующий рескрипт.

«Господин генерал-майор и кавалер Депрерадович 2-й.

Видя с самого выступления из Санкт-Петербурга в походе командуемый вами Кавалергардский полк, содержанный в порядке, и не получая от обывателей никаких жалоб о притеснениях, поставляю долгом изъяснить мою благодарность за усердие ваше к службе

Его Императорского Величества; свидетельствую оную всем господам офицерам и нижним чинам полка, вами командуемого».

По словам И.Ф. Паскевича (1782–1856), сказанным значительно позднее, «регулярство в армии необходимо, но о нем можно сказать то, что говорят про иных, которые лбы себе разбивают, Богу молясь. . . . Оно хорошо только в меру, а градус этой меры — знание войны, а то из регулярства выходит акробатство».

Мы же скажем, что Константин Павлович был похож на своего отца и «дело о бричке» дает понять глубинные причины антипавловского переворота 11 марта 1801 г., о котором сказано очень много, в том числе и досужих глупостей. Еще можно сказать, что о реальной войне, как она развернулась через несколько месяцев, в начале декабря 1805 г., цесаревич Константин Павлович особенно не помышлял.

Выручайте пехоту! Всего через несколько месяцев спустя цесаревич Константин Павлович обратился к полку со словами: «Выручайте пехоту!». Снова посмотрим, что написано об этом в полковой истории [42].

«Мы оставили наш полк на походе к Ольмюцу идущим в заднем эшелоне (Малютина) с лб.-гренадерами и лб.-казаками. 17-го, т. е. два дня после стычки у Вишау, эшелон Малютина прошел через Ольмюц; 19-го он ночевал в м. Бучовиц, в 2 милях не доходя Аустерлица, „столь мало помышляя о сражении, что Кавалергардскому полку приказано было готовиться к царскому смотру, а потому начали чиститься, одеваться, пудриться, приделывать чепраки, вновь привезенные из Петербурга”. Обозы приказано было оставить на месте.

С рассветом на биваке услышали пушечный гул, и едва эшелон выступил, как получено было приказание цесаревича поспешить на рысях. „Пройдя Аустерлиц, — говорит князь Репнин, — увидели мы весь горизонт, покрытый боем”. Едва успел полк переправиться через Раузницкий ручей по плотине у Вальк–Мюле, как прискакал цесаревич, обратившийся к полку со словами: „Выручайте пехоту!”

Поднявшись на берег, кавалергарды увидели перед собою семеновцев, окруженных кавалерией, отбивающих у нее свои знамена. Кругом — ни вправо, ни влево — не видно было русских частей войск, видны были лишь кучки бегущих, а общим фоном этой картине служила почти сплошная стена французской пехоты. Три первых эскадрона кавалергардов, пройдя валькмюльскую гать, развернулись вправо от нее и пошли в атаку на неприятельскую пехоту; командир 4-го эскадрона князь Репнин пошел прямо перед собою против кавалерии Раппа; за Репниным последовали 5-й эскадрон и 1-й взвод шефского эскадрона под командой корнета Альбрехта, отвозивший в Аустерлиц полковые штандарты и следовавший в хвосте полка.

Французская пехота была опрокинута первыми тремя эскадронами кавалергардов, что дало возможность преображенцам и пешей артиллерии свободно перейти ручей. Репнин смял первую линию Раппа; она несется назад под прикрытием огня своей артиллерии (трех батарей). На выручку ей маршал Бессьер ведет вторую линию; но к Репнину из-за ручья спешит Оленин с первыми двумя эскадронами конногвардейцев. Два эскадрона Бессьера обрушиваются на правый фланг Репнина и Оленина, четыре — на левый фланг. Началась общая свалка, продолжавшаяся несколько минут... Наконец Репнин и Оленин опрокинуты. Конная батарея Костенецкого окружена неприятелем. Все смешалось: прислуга дерется уже врукопашную, ее выручает 3-й эскадрон (С.Н. Ушакова) кавалергардов; наша пехота, опасаясь бить по своим, не могла открыть огня. Из конной батареи на этом берегу ручья осталось одно только орудие с полковником Костенецким; отстреливаясь, он отходил; под его прикрытием скакала наша кавалерия назад через плотину.

Полк был расстроен, почти наполовину уничтожен, большинство офицеров перебито и взято в плен, но он не был разбит: он еще слушался своего командира; по переходе через плотину остаток полка быстро собрался и построился на левом берегу Раузницкого ручья. Гвардия Наполеона не решилась преследовать... Подоспела пехота Бернадотта и тоже остановилась... Знамена нашей гвардии не были поруганы... Полк, впервые увидавший огонь, кровью своею запечатлел царское слово — быть ему первому в списках нашей кавалерии».

Бодрый тон, с которым составитель «Истории кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка с 1724 по 1-е июля 1851 года» [42] описывает ход сражения под Аустерлицем, очень напоминает современные футбольные репортажи. В то время, когда это писалось, залихватски-бодрый тон и рассказы о геройстве в стиле «Иллиады» были в чести.

Этот составитель вряд ли мог предположить, что через несколько десятков лет атаку Кавалергардов опишут многие писатели и экранизируют многие кинематографисты. Но он, как и сестра ротмистра Левенвольде 2-го, умершего на другой день после этой атаки, вряд ли мог предположить, что всего через 150 лет соотечественники погибшего, россияне, будут с энтузиазмом переодеваться в мундир врага и участвовать в спектакле, в котором они будут изображать из себя тех, кто смертельно ранил ротмистра Левенвольде 2-го и расстреливал из артиллерийских орудий русских солдат, отброшенных к Сачанским прудам и отступавших по замерзшему льду; этот неприятель методично разбивал лед ядрами, стремясь уничтожить русских солдат как можно больше.

7.3 «... и был под Бородиным, когда убит был полковой командир Левенвольде»

В «Воспоминаниях» [106] Сергея Дмитриевича Шереметева⁸ (1844–1918), который служил л.-гв. в Кавалергардском полку с 1863 г., содержатся воспоминания его отца, поступившего на службу корнетом в Кавалергардский полк в 1823 г. и старого кавалергарда Эмилия Ивановича Рейнгольда (1787–1867), полкового доктора, бывшего затем лейб-медиком Императора Николая I.

В «Воспоминаниях» [106] есть такие строки:

«... потом [Э.И. Рейнгольд. — *В.М.*] был переведен в Кавалергардский полк и участвовал в походах 1812, 1813 и 1814 годов и был под Бородиным, когда убит был полковой командир Левенвольде».

И еще:

«... его [Э.И. Рейнгольда. — *В.М.*] живые рассказы о 1812 годе, о Бородине, об атаке Левенвольда, о вступлении во Францию и о приятеле своем кавалергарде Лунине, к сожалению, не были им записаны и едва ли сохранились в его потомстве».

О самом Э.И. Рейнгольде С.Д. Шереметев говорит так: «старик Рейнгольд любил рассказывать про свои походы и похождения, то и дело повторял имена: „Depregadovitch, Löwenwolde, Lunine, Willie ...”».

Выручайте пехоту! Мало кто сомневается в тактическом, в рамках Аустерлицкого сражения, значении знаменитой атаки кавалергардов. Удивительно, что роль не менее знаменитой атаки кавалергардов в Бородинском сражении явно не понята. Так, в книге [39], при описании Бородинского сражения, этому событию посвящена по сути всего лишь одна фраза (см. [39], с. 401):

«Курганная высота осталась в руках французов... После взятия редута на местности, прилежащей к укреплению, происходили ожесточенные кавалерийские бои, продолжавшиеся более двух часов».

И это при том, что в книге [39] глава, названная «Бородино», начинается на 388 странице и заканчивается на 405 странице, а сам автор долгое время работал в Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике, а затем — главным хранителем музея-панорамы «Бородинская битва».

⁸14 ноября (26 ноября) 1844 г., Санкт-Петербург – 17 декабря 1918 г., Москва; русский государственный деятель, коллекционер, историк. Сын Дмитрия Николаевича Шереметева (1803–1871) и Анны Сергеевны Шереметевой.

Мы постараемся доказать, что как атака кавалергардов в Аустерлицком сражении, так и атака кавалергардов и конной гвардии в Бородинском сражении, была предпринята для того, чтобы «выручать пехоту». Но во втором случае ставки были намного выше: эта атака тяжелой кавалерии предотвратила разгром всей русской армии. Наше утверждение никак не умаляет заслуги других частей, выполнивших свой долг в другие моменты Бородинского сражения. Но в то время, когда состоялась атака, о которой мы говорим, реальная опасность поражения и последующего разгрома была именно в этом пункте и именно в это время.

Рапорты командования и мемуары участников. Первое, что нам необходимо сделать — это пояснить, почему в наших рассуждениях мы будем (и не только имеем на это право, но и должны) ограничиваться лишь немногими документами — рапортами нескольких командиров, находившихся друг у друга в прямом, а иногда и непосредственном подчинении⁹.

Во-первых, даже непосредственный участник событий, а особенно атаки сомкнутым строем, как это было в тяжелой кавалерии, видит очень мало. Он ограничен своим местом в построении, а кругом пороховой дым, что очень мешает стратегическому мышлению, даже если какой-нибудь обер-офицер и чувствует себя принцем Савойским. В момент атаки он должен думать совсем о другом, начиная со своих прямых обязанностей по управлению своими подчиненными и заканчивая прямым контактом с неприятелем. Поэтому максимум того, чему можно доверять, имеет примерно следующий вид:

«саксонские, польские и вестфальские кирасиры из дивизии Лоржа после взятия батареи Раевского французскими войсками вместе с частью кавалерии корпуса Монбрена прошли с боем за версту за батарею. Там сначала мы встретили русскую пехоту, а потом русских драгун. Наконец нас атаковали полки Кавалергардский и лейб-гвардии Конный. Оба полка в отличном виде. Смешались наши люди с неприятелем и все помчались обратно, отчасти через русскую пехоту, почти до самого того места, откуда нас отрядил генерал Латур-Мобур. Вообще, все нападения, которые в это время были затеяны Латур-Мобуром, разбивались о русские резервы, то есть о полки Кавалергардский и лейб-гвардии Конный. Многие русские кирасиры, преследуя нас, вернулись с нами, но мне кажется, что ни один из них не был взят в плен, так как лошади у них еще были очень сильны и свежи. Один русский кирасир скакал около меня и наносил мне жестокие удары своим длинным палашом, от которых я спасся только благодаря моей скатанной шинели, надетой через плечо».

⁹Иногда разобраться с этим вовсе не просто. Так, например, г.-м. Н.М. Бороздин был командующим 1-й кирасирской дивизией, командующим 2-й бригадой этой дивизии и шефом Астраханского кирасирского полка, г.-м. И.Е. Шевич был одновременно командующим 1-й бригадой, командиром л.-гв. Гусарского полка и командующим л.-гв. Конным полком.

Это описание боя сделано офицером немецкого кирасирского Цастрова полка бароном фон Шрекенштейном, непосредственным противником кавалергардов и лично К.К. Левенвольде в этом событии.

Во-вторых, мемуары «очевидцев», которые видели так же мало¹⁰, как и обер-офицер, находившейся в строю, несомненно написаны с чужих слов, а это очень ненадежный источник.

Некоторые мемуаристы из лучших соображений прибегали к языку «Иллиады». Для примера напомним лишь один отрывок из «Очерков Бородинского сражения» [31] Федора Николаевича Глинки (1786–1880).

«Большой люнет завоеван; но французы недалеко подвинулись с этим завоеванием: курган Горецкий и батарея Дохтурова еще были целы, и на пространстве, ими обстреливаемом, не стояла нога неприятеля. Корпус Остермана, имея перед собою глубокий овраг Горецкий и на правой руке дивизию Капцевича, представлял опору надежную и вместе отпор грозный. Генерал Груши, провожавший вице-короля, слева, пользуясь минутою расплоха при взятии люнета, кинулся было с кавалериею Шастеля на дивизию Капцевича. Но тут вдруг растворились вздвоенные взводы пехоты, и генерал Шевич выехал с полками конной гвардии и кавалергардским. Шевич и гвардейцы впились в неприятеля».

К сожалению, в деле, которое нас интересует, на это эпическое полотно полагаться нельзя — в отличие от, скажем, рапорта самого И.Г. Шевича от 17 июня 1813 г., адресованного М.Б. Барклаю де Толли. Хотя он и был подан почти через год после событий, но он все же был написан непосредственным участником событий и был адресован лицу, действительно принимавшему решения.

В-третьих, к сожалению, после победы победители стали делить славу и некоторые, говоря словами Петра I, «выше своего ранга себе почести требовали».

В-четвертых, даже имея в руках архивные материалы, многие из которых сейчас опубликованы (см., например, [4], [11]), их надо уметь правильно прочитать. Суть проблемы в том, что они написаны по правилам того времени. Так, рапорт Н.М. Бороздина от 7 сентября 1812 г., адресованный М.Б. Барклаю де Толли, начинается с описания действий полков Кавалергардского и л.-гв. Конного¹¹ потому, что они считались первыми полками. Другими словами, Н.М. Бороздин исходит не из развития событий во времени, а из соображений иерархии полков, которая в те времена

¹⁰Читатель может посетить Бородинское поле в будний день и пройти его из одного конца в другой конец, а потом вдоль и поперек. Он лично убедится, что полек настолько велико, что своими глазами можно видеть лишь очень малую его часть. В нашем же случае снова напомним про дым — бездымного пороха еще не изобрели.

¹¹Н.М. Бороздин говорит: «зачали сей день». Но это вовсе не означает, что он говорит о раннем утре.

Рис. 7.8. На переднем плане: гибель К.К. Левенвольде.

была всем известна¹². Наконец, не только мемуары, но и рапорты, особенно написанные по результатам прошедших боев, являются чрезвычайно запутанной смесью фактических сведений, таких как передвижение войск и их численный состав, и частных деталей, важных в основном для последующего награждения отдельных отличившихся лиц.

К сведениям первого типа, дающим представление о развитии событий, относятся, например, две фразы из рапорта А.В. Розена от 27 августа 1812 г. великому князю Константину Павловичу:

- «я, видев сие, атаковал сам с лейб-эскадроном и майора Кашембара неприятеля в тыл»,
- «прочие же два эскадрона, командирской и майора Салогуба, оставались на левом фланге, где двоекратно брали батареи неприятельские».

Это очень важные сведения. Отсюда с достоверностью следует, что четырехэскадронный Лейб-Кирасирский Ее Императорского Величества полк, которым командовал А.В. Розен, в Бородинском сражении был разделен пополам и эти половины сражались очень далеко друг от друга. Наконец, отсюда следует, что «кавалерийский бой во ржи», часть Бородинской панорамы, не является исторически достоверным изображением событий, хотя художественной ценности полотна Франца Рубо это не умаляет¹³.

¹² Многие детали, важные для правильного понимания, были тривиально известными людям того времени. Многие наши современники об этом даже не догадываются и исходят из неправильных, хотя и логичных на первый взгляд, посылок.

¹³ Со всей определенностью скажем, что мы не обвиняем Ф.А. Рубо в злонамеренном

Сведения второго типа, хотя и носят частный характер, также очень важны. Например, такие:

«...рядовые кавалергарды Кривошей, Шеншевук, Барковский, Денежкин, Веселовский — из всех оных первой находился при командующем полком и, когда оной был убит, то все вместе под сильным картечными выстрелами тащили тело, в которое время и получили первой и последней раны».

Кавалергарды Кривошей, Шеншевук, Барковский, Денежкин и Веселовский выносили с поля боя тело К.К. Левенвольде; «командующим полком» был именно он¹⁴. Но это все-таки частные детали.

О заслуге М.Б. Барклая де Толли. В личном письме жене от 11 (23) сентября, после оставления Москвы, М.Б. Барклай де Толли писал:

«...чем бы дело ни кончилось, я всегда буду убежден, что я делал все необходимое для сохранения государства, и если у Его Величества еще есть армия, способная угрожать врагу разгромом, то это моя заслуга. После многочисленных кровопролитных сражений, которыми я на каждом шагу задерживал врага и нанес ему ощутимые потери, я передал армию князю Кутузову, когда он принял командование в таком состоянии, что она могла помериться силами со сколь угодно мощным врагом. Я ее передал ему в ту минуту, когда я был исполнен самой твердой решимости ожидать на превосходной позиции атаку врага, и я был уверен, что отобью ее».

И далее:

«...если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита — это моя заслуга, и убеждение в этом будет служить мне утешением до последней минуты жизни».

Если в первой цитате очевидно говорится о сохранении армии при отступлении, то во второй определенно сказано о несомненном для М.Б. Барклая де Толли его личном вкладе в успех Бородинского сражения. Поэтому, когда речь идет о военачальниках уровня М.Б. Барклая де

искажении хода Бородинского сражения. Это абсолютно ясно из его писем военному историку Б.М. Колюбакину, опубликованных музеем-панорамой «Бородинская битва». Вот лишь одна цитата оттуда:

«...без Вашего содействия я приличную панораму 1812 года написать не могу и сильно надеюсь, что когда последует окончательное решение, ... Вы скажете мне что и как делать...».

¹⁴На рис. 7.8 приведена иллюстрация из [42]. На переднем плане изображен убитый картечью штаб-офицер Кавалергардского полка. В Бородинском сражении потери офицеров этого полка погибшими были: полковник барон К.К. Левенвольд 1-й, штабс-ротмистр П.А. Римский-Корсаков и поручик П.П. Валуев (состоявший при г.-л. Остермане-Толстом). Итого, из штаб-офицеров погиб только один.

Толли, на первый план выходят сведения, относящиеся к динамике событий, а не факты частного героизма.

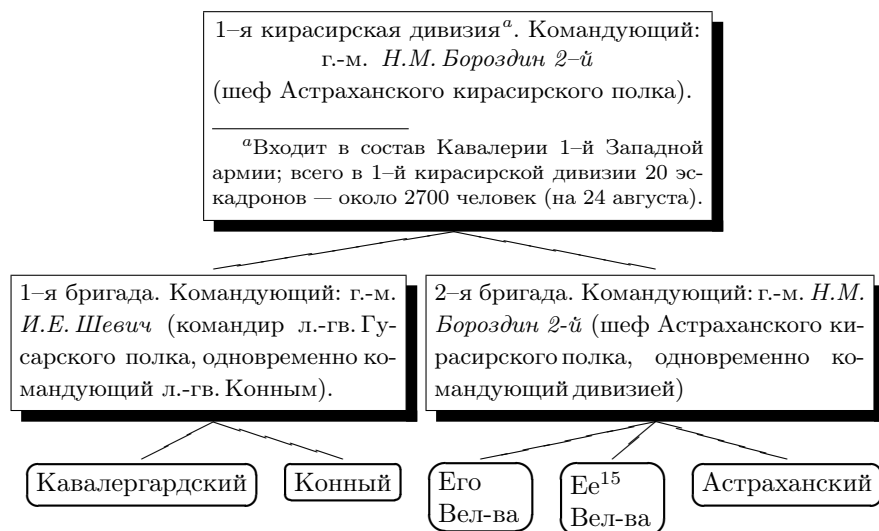
Что известно из рапортов непосредственных участников.

В этом подразделе мы приведем рапорты М.Б. Барклая де Толли, Н.М. Бороздина, И.Г. Шевича, А.В. Розена, из которых удалим все, кроме того, что для нас важно для ответа на вопрос, что имел в виду М.Б. Барклай де Толли, говоря

«...если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита — это моя заслуга».

Заметим, что мы ни слова *не прибавим* к текстам этих рапортов; все наши комментарии будут в подстрочных примечаниях. Окончательные выводы на основе цитированных источников мы сделаем отдельно.

Заметим также, что все важное для нас эти четыре человека, во время Бородинского сражения находившиеся в известном нам подчинении друг у друга, сообщают в деловой переписке, как участники и организаторы событий, а не с чужих слов.

Читатель может сразу же перейти к следующему подразделу «Выводы из цитированных рапортов» и возвращаться к тексту рапортов, приведенных нами, по мере необходимости.

¹⁵Лейб-кирасирский Ее Величества полк (см., например, [16]) состоял из 4 эскадронов. Командование полком осуществлял шеф, полк. барон А.В. Розен, полковым адъютантом был корн. Кирилов. Эскадроном шефа командовал майор барон Б.И. Вестергольте, после его контузии — шт.-ротм. барон А.А. Шлиппенбах, эскадроном майора Салогуба — майор И.М. Сологуб, эскадроном майора Кошембара 1-го — майор Л.И. Кошембар 1-й, вакантным эскадроном полкового командира — ротм. П.Н. Гагин.

М.Б. Барклай де Толли (26 сентября 1812 г.; адресовано М.И. Кутузову):

- к полудни¹⁶ ... все укрепления левого фланга взяты были неприятелем, который всеми силами угрожал левому нашему¹⁷ флангу...
- войска стояли под перекрестным огнем неприятельской артиллерии: с правой стороны от той части, которая действовала противу центра армии и вышепомянутого кургана и сия неприятельская артиллерия даже анфилировала¹⁸ нашу линию; а с левой стороны от той части, которая овладела всею позициею 2-й армии...¹⁹.
- вскоре сделал он атаку на центральную батарею... ему удалось оную взять... батарея <снова> во власти нашей; во время сего происшествия неприятельская конница, кирасиры и уланы повели атаку на пехоту 4-го корпуса но неприятель совершенно был опрокинут...²⁰.
- После сего с обеих сторон действовала одна только артиллерия...²¹.
- Можно было заметить, что неприятель приготовился сделать еще раз решительную атаку; он подвинул опять вперед свою конницу и сформировал разные колонны²². Я предвидел, что конница наших 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, потерпевши много в прежних атаках, не будет в состоянии противустоять новому столь сильному удару, и потому послал за 1-ю Кирасирскую дивизию, которая одна-

¹⁶ Далее в рапорте идут слова, которые мы выкинули: «2-я армия, весь 8-й корпус и сводная грен. дивизия, потеряв большую часть своих генералов и лишившись самого даже Главнокомандующего своего, были опрокинуты». Это, конечно, не злорадство и не ябеда, а констатация фактов. Рапорт, написанный по горячим следам сражения — это не мемуары, а деловая бумага, в которой М.Б. Барклай де Толли опускает те события, в которых он не участвовал, по вполне прагматическим соображениям. — *Прим. В.М.*

¹⁷ То есть, не левому флангу всей русской армии, а левому флангу тех войск, которые находились под командованием М.Б. Барклая де Толли. — *Прим. В.М.*

¹⁸ Анфилировать (франц. «enfiler», нанизывать): стрелять из пушек вдоль линии. Ядро при этом может уничтожить несколько человек сразу. — *Прим. В.М.*

¹⁹ Полезно нанести на карту положение неприятельской артиллерии, бьющей с двух противоположных разных направлений в одну точку; представляется, что атака на левом русском фланге была осуществлена Наполеоном именно для того, чтобы добиться этой расстановки; вообще, Наполеон был весьма последователен в осуществлении своих целей в день Бородина. — *Прим. В.М.*

²⁰ Наполеон раз за разом будет пытаться сделать одно и то же действие: не просто взять курганную высоту, но охватить русскую пехоту вокруг и за курганной высотой. Сделав это, можно прижать ее к оврагам, где сейчас находится здание музея и плац, и полностью уничтожить. В другую сторону отсюда, на расстоянии нескольких сот метров — практически незащищенный войсками командный пункт Кутузова у Горок. — *Прим. В.М.*

²¹ Читай: первая попытка Наполеона отбита. Начинается его вторая попытка. Как и раньше, она начинается с артиллерийской подготовки. Известная фраза Наполеона «Русские стоят? Им еще мало? Так дайте ж им еще огня!» вполне показывает мышление и стиль действия артиллериста. — *Прим. В.М.*

²² Вторая фаза, как и раньше, требует сосредоточения кавалерии, преимущественно тяжелой. — *Прим. В.М.*

ко же, по несчастью, не знаю кем²³ отослана была на левый фланг и адъютант мой не нашел оную на том месте, где я предполагал ей быть. Он достиг Л.-Гв. Кавалергардский и Конный полки, которые на рысях поспешили ко мне; но неприятель успел между тем совершить свое намерение; неприятельская конница врубилась в пехоту 24-й дивизии, которая поставлена была для прикрытия батареи па кургане, а с другой стороны сильные неприятельские колонны штурмовали сей курган и овладели оным. После сего уже вся неприятельская конница обратилась па пехоту 4-го корпуса и 7-й дивизии²⁴, но была на сем месте встречена Конногвардейским и Кавалергардскими полками²⁵ и остановлена в своих предприятиях,

- между тем присоединились к сим двум полкам: Псковский драг. полк и остальные полки 2-го и 3-го кавалерийских корпусов и тут продолжалась жестокая кавалерийская битва, которая кончилась тем, что неприятельская конница к 5 час.²⁶ совершенно была опрокинута и отступила вовсе из виду нашего, а войска наши удержали свои места, исключая кургана, который остался в руках неприятеля.
- В течении всех сих происшествий оставались на крайнем нашем правом фланге 4 егерских полка и несколько артиллерии под командою полк. Потемкина...²⁷.

И.Г. ШЕВИЧ (17 июня 1813 г.; адресовано М.Б. Барклаю де Толли):

Может быть по протекшему столь долгому времени всепокорнейшая просьба моя покажется Вашему Высокопревосходительству затруднительною, но зная Вашу справедливость, несомненно уверен, что Ваше Высокопревосходительство вникнет во оную, тем паче, что она касается до людей, имевших счастье находиться под предводительством Вашим.

- Прошлого 1812-го года августа 26-го дня в сражении при Бородине,

²³Полки 1-й Кирасирской див. «... с начала сражения были разделены по приказанию г. командующего Кирасирскими полками г.-л. кн. Голицына» и «мною приведены на левый фланг»... (из рапорта генерал-майора Н.М. Бороздина). Все вовлеченные лица прекрасно знали, что кирасиры (1-я и 2-я кирасирские дивизии) были переданы под единое командование Д.В. Голицына самим М.И. Кутузовым за считанные часы до Бородинского сражения — Прим. В.М.

²⁴Ранее в рапорте сказано о расположении этих частей: «В сем положении решился я поставить 4-й корпус, который по откомандировании резервных войск придвинут был с праваго фланга ближе к центру, с уступами на левый фланг 7-го корпуса, примыкая левым своим флангом к стоявшим там Л.-Гв. Преображенскому и Семеновскому полкам и за сею линиею находились 2-й и 3-й кавалерийские корпуса.» — Прим. В.М.

²⁵Вот, собственно, то, что кавалергарды впоследствии называли «атакой Левенвольда». — Прим. В.М.

²⁶А вот строгие временные интервалы события: «в 4-ре часа по полудни» (см. ниже рапорт И.Г. Шевича) было получено приказание Конной гвардии и кавалергардам атаковать и «освободить пехотные наши колонны, сильно атакованные и окруженные французскою кавалериею»; через час дело было в основном закончено. — Прим. В.М.

²⁷Вот и все войска, на то время прикрывавшие непосредственно ставку М.И. Кутузова. — Прим. В.М.

имев счастье со вверенною мне бригадою находиться в непосредственной команде Вашего Высокопревосходительства, в 4-ре часа по полудни получил я повеление Ваше чрез адъютанта Вашего, Лейб-Гвардии Гусарского полка штабс-ротмистра Бока, немедленно с полками Кавалергардским и Лейб-Гвардии Конным очистить в центре занятую уже неприятелем нашу батарею и освободить пехотные наши колонны, сильно атакованные и окруженные французскою кавалериею²⁸.

- В то самое время по распоряжению Вашего Высокопревосходительства Кавалергардской полк ударил на неприятеля с правой стороны, а я с Лейб-Гвардии Конным полком с левой²⁹; сим ударом повеление Вашего Высокопревосходительства совершенно было выполнено.

Присутствие же Ваше, ободривши воинов, много способствовало сему успеху. Г-да эскадронные командиры, о коих я имел щастие представить имянные списки, были виновниками, что сии полки заслужили Высочайшее благоволение, и что Всемиловитейше пожалованы им штандарты Св. Георгия за отличие³⁰.

Н.М. Бороздин (7 сентября 1812 г.; адресовано М.Б. Барклаю де Толли)

- получа³¹ повеление в. в-пр. атакою на неприятеля, завладевшего уже нашею батареею, с которой опрокинув его, содействовали к спасению батареи, истребив большую часть покусившихся на сей предмет. Сим остановлено стремление на центр наш, и часть пехоты нашей, которая уже была за неприятельскою кавалериею, спасена³²;

²⁸Цель, время и *срочность* приказания, включая детали, например, как и кем приказание было передано, дают нам исчерпывающую информацию из первых рук. — *Прим. В.М.*

²⁹Детали события переданы нам вполне исчерпывающие, особенно для тех, кому требуется представить себе расположение двух атаковавших полков на местности. — *Прим. В.М.*

³⁰Дальнейший текст не имеет отношения к нашему вопросу, но мы его приведем: «По всей справедливости осмеливаюсь доложить Вашему Высокопревосходительству, что г-да эскадронные командиры заслуживают также быть награждены Св. Георгия 4-го класса, а которые его имеют, орденом Св. Владимира 3-й степени. Несчастье их состояло в том, что отсудствие Вашего Высокопревосходительства лишило того награждения, которое им следовало, ибо оне награждены на равне с офицерами, находившимися в их эскадронах, то есть 4го Владимира с бантом. По сей притчине осмеливаюсь прибегнуть к справедливости Вашего Высокопревосходительства, и, предавая жребии сих достойных офицеров благорассмотрению Вашему, всепокорнейше прошу Вашего Высокопревосходительства о исходатайствовании по справедливости заслуженного ими награждения, что приму за особенной знак Вашей ко мне милости, которая мною пребудет на веки незабвенна...» — *Прим. В.М.*

³¹Здесь Н.М. Бороздин говорит о Кавалергардском и л.-гв. Конном полках. — *Прим. В.М.*

³²Это прямая оценка события одним из его главнейших участников; как будет видно, она почти дословно поворяет слова из рапорта А.В. Розена. Но Н.М. Бороздин был непосредственным участником события и просто так чужие оценки такой категоричности повторять бы не стал. — *Прим. В.М.*

- Лейб-Кирасирский Ея императорского Величества полк, под командою бар. Розена, прикрывая батареи и выдерживая сильный неприятельский огонь, не терял ни мало присутствия духа... Когда неприятель покусился атаковать нашу пехоту правее от нас, и когда он, г. Розен, по приказанию г.г.—л. кн. Голицына, послан мною с двумя эскадронами атаковать, что с большим стремлением было исполнено, отчего много неприятельская кавалерия потерпела, особенно тогда, как бар. Розен напал на него с тылу, одним словом, неприятельская колонна была опрокинута и потерпела большой урон³³.

А.В. РОЗЕН (27 августа 1812 г.; адресовано в.к. Константину Павловичу)

«Сего августа 26 числа, находясь в сражении под личным начальством господина генерал-майора Бороздина, со вверенным мне Лейб-Кирасирским Ее Императорского Величества полком

- с шести часов утра до четырех по полудни под непрестанными выстрелами неприятеля;
- в четыре же часа по повелению ево, господина генерал-майора Бороздина, последовал я на правой фланг, в то самое время, когда превосходная кавалерия неприятельская прорвалась в центр нашей армии. Я, видев сие, атаковал сам с лейб-эскадроном и майора Кошембара неприятеля в тыл, где неприятельские кирасиры и уланы были вовсе разбиты и по двоекратной атаке на его пехоту опрокинуты. Сими атаками была спасена наша пехота и весь центр нашей армии³⁴.

Протчие же два эскадрона, командирской и майора Салогуба, оставались на левом фланге, где двоекратно брали батареи неприятельские, но не в силах были, не имев подкрепления, оных свести³⁵».

Выводы из цитированных рапортов. Нам представляется, что к 4-м часам по полудни русскую армию подстерегала опасность полного раз-

³³ Дальнейший текст: «Рекомендуя бар. Розена, должен засвидетельствовать и об отличной храбрости эскадронного командира майора Кошембара, содействовавшего в успехе сей атаки, равно и расторопность и мужество майора Вистергольца, получившего контузию, шт.-ротм. Шлиппенбаха и Гедеонова раненого ядром в ногу; поруч.: полкового адъют. Кирилова, Рудковского 2-го и Кошембара 2-го, из коих два последние ранены контузию...» — *Прим. В.М.*

³⁴ Итак, «спасена наша пехота и весь центр нашей армии». Вот что М.Б. Барклай де Толли имел в виду, говоря, что «если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита — это моя заслуга». Преувеличения он не допускал. — *Прим. В.М.*

³⁵ Дальнейший текст: «От самого же начала до конца я со вверенным мне полком находился в действительном сражении. И сколько в сие время убито, ранено и без вести пропало, а равно и отличившимся гг. штаб- и обер-офицерам, при сем ведомости Вашему Императорскому Высочеству представляю...» — *Прим. В.М.*

Рис. 7.9. Памятник кавалергардам и конной гвардии на Бородинском поле.

грома. Эту опасность — по долгу своего положения — увидел командующий 1-й армией М.Б. Барклай де Толли.

Не увидеть ее ему было невозможно, поскольку Наполеон совсем не скрывал своих намерений: он повторял одно и то же действие неоднократно, причем проводил его не хитрым и скрытным маневром, а открытыми силовыми действиями. В этот момент силе можно было противопоставить только силу, и заслуга М.Б. Барклая де Толли состоит в том, что он эту силу нашел и действиям Наполеона помешал³⁶.

Трагизм положения заключался в том, что в нужный момент нужного инструмента под руками могло бы и не оказаться — и тогда «враг вступает в город, пленных не щадя, потому что в кузнице не было гвоздя». Заметим, что тяжелая кавалерия была М.И. Кутузовым незадолго до сражения выведена из подчинения командующих 1-й и 2-й армиями и подчинена Дмитрию Владимировичу Голицыну (1771–1844); отсюда весьма примечательное замечание в рапорте М.Б. Барклая де Толли «послал за 1-ю Кирасирскую дивизию, которая однако же, *по несчастию, не знаю кем* отослана была на левый фланг». К счастью, гвоздь в лице двух кирасирских полков, Конной гвардии и Кавалергардского, вовремя нашелся — и это понимали все участники этого эпизода Бородинской битвы. Затем с разных сторон гвоздь в надежды Наполеона вбивали многие подошедшие к месту действия русские кавалерийские части. Среди них — два эскадрона Лейб кирасирского Ея Величества полка, одним из которых

³⁶Стыдно говорить о таком командующем, как М.Б. Барклай де Толли, что в Бородинском сражении «он искал смерти» и что «под ним было убито столько-то лошадей». Для командующего это малозначащие эпизоды; его долг состоит в том чтобы — невзирая на обстоятельства — правильно понимать противника и вовремя пресекать его действия. И если хотят достойно почтить его память, то надо отдать ему дань уважения именно в этом.

Рис. 7.10. Сражение при Бородине 26 августа 1812 г. На переднем плане справа л.-гв. Конный полк, слева — польские уланы. На заднем плане справа — кавалергарды. Художники Ф.Рубо и К.Беккер. 1913 г. Холст, масло. 230×350. Картина находится в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, С.-Петербург.

командовал А.А. Шлиппенбах, атаковавшие неприятельский кирасирский полк с тыла.

7.4 О сражении при селе Бородино и о посмертной славе

О Бородинской битве написаны тома книг и статей. Однако то, что нам удалось понять из сопоставления рапортов четырех действительных участников сражения, намеренно или ненамеренно искажено. Попробуем показать это, начиная с наиболее авторитетных документов, таких как «Описании сражения при селе Бородино...» (см. [11]). Предположительно, это описание составлено К.Ф. Толем и фактически является донесением М.И. Кутузова Александру I.

События на правом фланге русской армии в «Описании сражения при селе Бородино...». В начале «Описания...» читаем:

«К вечеру <25-го числа> на правом крыле неприятельском замечены были разные движения, скрытые от нас лесами, из чего главнокомандующий заключил, что намерение Наполеона состояло в том, чтобы

напасть главными силами на левое крыло наше и потом, продолжая движение по старой Смоленской дороге, отрезать совершенно нас от города Можайска».

По свершившимся же фактам видно другое намерение Наполеона: дать бой на уничтожение всей русской армии, а не отрезать ее от города Можайска. Он почти с самого начала последовательно старался опрокинуть русский левый фланг, что удалось ему к 12 часам дня. Затем он разместил артиллерию так, что она не оставляла шансов на защиту курганной высоты; кавалерия при этом обходила этот пункт и могла либо прижать остатки пехоты к оврагам и уничтожить, либо угрожать командному пункту русской армии; могла бы, если бы ей не помешали, сделать и то, и другое.

Почти в самом конце «Описания. . . » читаем:

«Кавалерия неприятеля, по взятии сей батареи, бросилась на пехоту 4-го корпуса и 7-й дивизии, но тут была встречена полками лейб-гвардии кавалергардским и конным под командою генерал-майора Шевича, которые, прошед сквозь интервалы нашей пехоты³⁷, противу стали превосходной в числе неприятельской кавалерии, пооставили ее предприятие; потом, будучи подкреплены полками 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, неоднократно атаками опрокинули ее, наконец, совершенно и гнали до самой пехоты. При сем случае кавалергардского полка полковник Левенвольде был убит, а с неприятельской стороны ранен генерал Груши.

Такое большое соединение сил неприятельских противу центра нашего и значащие пожертвования его, наиболее кавалериею, не доставили ему ни малейшей выгоды, ибо, овладев центральной нашею батареею, не мог он подаваться вперед, будучи подвержен сильному огню наших батарей, устроенных генералом Милорадовичем по высотам, на расстоянии картечного выстрела от оставленной нами батареи³⁸».

Мы не считаем, что в «Описании. . . » было сделано сознательное умаление чьих-либо заслуг. Следует принять во внимание объем этого текста;

³⁷Встает вопрос: какой пехоты и сколько было этой пехоты? Согласно донесению Барклая де Толли, «в течении всех сих происшествий оставались на крайнем нашем правом фланге 4 егерских полка и несколько артиллерии под командою полк. Потемкина», расположенные на Масловских укреплениях; прочая же пехота, прикрывавшая артиллерию на курганной высоте, была «окружена» и «отрезана»; согласно Шевичу, он должен был «очистить в центре занятую уже неприятелем нашу батарею и освободить пехотные наши колонны, сильно атакованные и окруженные французскою кавалериею». — *Прим. В.М.*

³⁸Следует понимать, что эти слова относятся к положению после 5-го часа, когда кавалерия французская была отброшена кавалерией русской. Возможность устроить батареи по высотам была дана русской армии именно этими действиями. Не будь их, вряд ли было кому и что расставлять. — *Прим. В.М.*

к подобной реляции нельзя предъявлять требования, которые предъявляются к научному исследованию. Но почти дословные повторения текста из нее (например, Ф.Н. Глинкой, см. выше) в последующие времена способствовали непониманию, которое мы пытаемся устранить.

История истории: генерал Барклай де Толли и князь Голенищев-Кутузов. Л.И. Голенищев-Кутузов в брошюре «Критическая заметка на стихотворение А.С. Пушкина „Полководец”» писал:

«поэт полагает, что генерал Барклай де Толли уступил лавровый венок князю Голенищеву-Кутузову... сожаления достойно, что поэт позволил себе такой совершенно неприличный вымысел».

А.С. Пушкин отвечал на это в «Объяснении», напечатанном в «Современнике», 1836 г., кн. IV. «Объяснение» начинается так:

«одно стихотворение, напечатанное в моем журнале, навлекло на меня обвинение, в котором долгом полагаю оправдаться. Это стихотворение включает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные урны, предоставляя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества. Я не мог подумывать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унизить священную славу Кутузова; однако ж меня в том обвинили...».

Каждый может ознакомиться с этой статьей. Для нас же важно другое. Истоки и продолжение прискорбного выяснения, кто более велик, лежат от нас в отдалении на 200 лет. Именно желание встать на сторону князя Голенищева-Кутузова перед генералом³⁹ Барклаем де Толли («немцем», как всегда либо намекали, либо говорили для оправдания своей пристрастности) и было началом искажений.

Затем, в 1912 г., было празднование столетия Бородинской битвы, а через два года, в 1914 г., началась война, в которой бывшие противники французы стали союзниками; их старались не обижать; причины же и последствия антинемецких настроений в объяснениях не нуждаются — к горю многих и многих «русских немцев».

Затем была революция 1917 г., затем был снесен памятник на Бородинском поле, и не только он один... Затем было время, когда И.В. Сталин сравнил М.И. Кутузова и М.Б. Барклая де Толли в пользу первого и

³⁹Ни М.И. Кутузов, ни М.Б. Барклай де Толли не родились князьями. Они оба получили княжеское достоинство за свои военные подвиги и стали именоваться князьями, один — с 1812 г., второй — с 1815 г. Говорят, в словах видно не только то, что *хотят* сказать, но и то, *кто* говорит. Так что Л.И. Голенищев-Кутузов одной фразой, или даже двумя словами, многое рассказал сам о себе. — Прим. В.М.

художественные фильмы, в которых строгий «Кутузов» отчитывал истеричного посланника «Барклая», говоря, что «а вот Багратион подкреплений не просит»⁴⁰... Почва для возникновения искажений была во все времена.

⁴⁰Хотя, к слову сказать, реальный П.И. Багратион после полудня был ранен и подкреплений просить никак не мог. — *Прим. В.М.*

Глава 8

Родственные семьи и прямые потомки

К.Г. Левенвольде умер бездетным, оставив мызу Ряпшину Адаму Фридриху Левенвольде (1697–1756), а через него — его сыну Карлу Магнусу Левенвольде (1728–1799) из дома Лугден. Ф.К. Левенвольде имел одного внебрачного сына¹. Потомство Г.Р. Левенвольде носило не его фамилию. Но род Г.И. Левенвольде продолжился через его дочь Елену Кристину, бывшую замужем за Берендом (Бернхардом) Фридрихом Шлиппенбахом², сыном Вольмара Антона Шлиппенбаха (1653–1721). Беренд Фридрих, потомственный владелец имения Альт-Борнгузен и Оллуствер, в 1721 г. имевший звание капитана, умер около 1741 г. Поэтому в 1745 г. дочь Г.И. Левенвольде именуют «вдова капитанша баронесса Шлиппенбах» или «капитанша Шлиппенбахова».

8.1 Мантейфель, Ферзен, Шлиппенбах

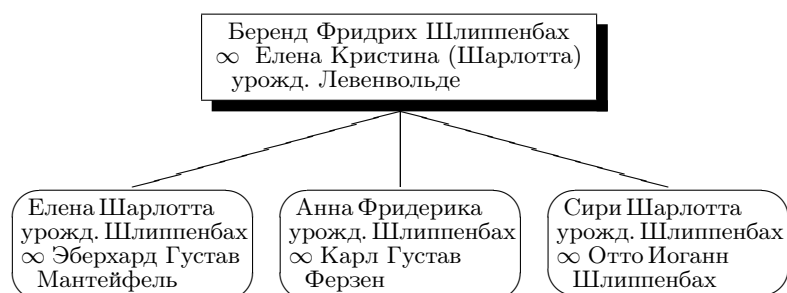
Три дочери Беренда Фридриха Шлиппенбаха и его жены, дочери Г.И. Левенвольде, связывают семью Левенвольде с семьями Мантейфель, Ферзен и Шлиппенбах:

- Елена Шарлотта (1723–1765), замужем (с 1741 г.) за Эберхардом Густавом Мантейфелем (1715–1778),
- Анна Фридерика (1725–1779), замужем (с 1742 г.) за Карлом Густавом Ферзеном (1717–1790),
- Сири Шарлотта (1726–1775), замужем (с 1742/3 г.) за Отто Иоганном Шлиппенбахом (1719–1808).

Для удобства читателя приведем следующую схему.

¹Имение и титул его отца было передано ему юридически законно; он стал именоваться Кристианом Фридрихом графом Левенвольде.

²Точные данные о годах его рождения и смерти отсутствуют, но мы можем с уверенностью сказать, что он родился между 1679 г. и 1698 г., а поскольку в Великой Северной войне он не участвовал и в 1721 г. был капитаном, и поскольку его первая дочь родилась в 1723 г., можно предположить, что он родился около 1690 г. Скончался он около 1741 г.

Заметим, что Отто Иоганн Шлиппенбах (1719–1808), муж Сири Шарлотты Шлиппенбах (1726–1775), возведенный в баронское Священной Римской империи достоинство 25. 10. 1768, принадлежал к ветви рода Шлиппенбах, весьма удаленной от ветви, к которой принадлежала его жена; никаких нарушений в смысле близкого родства супругов в этом браке не было.

8.2 Мыза Малла «есть старинная фамилии Левенвольдов»

Конфискованная у Г.Р. Левенвольде в 1742 г. мыза Малла была наследственным владением семьи и после смерти его отца, Г.И. Левенвольде, не принадлежала лишь ему одному на законных основаниях. Помимо того, что она не принадлежала одному лишь репрессированному Елизаветой Петровной лицу, она — по законам, действовавшим в Эстляндии — не могла быть отобрана у семьи, даже если один из членов этой семьи был объявлен преступником: «по эстляндским правам, ежели б кто из тамошних подданных в важном преступлении изобличен был, оный хотя живота и чести лишается, однако ж маенности оставаться имеют детям и ближним его родственникам и конфискованию не подлежат».

Итого (см. разд. А.12), в царствование Елизаветы Петровны

- в 1742 г. имения Г.Р. Левенвольде конфискованы: «в 1742-м Обер Горфмаршал Левенвольд был сослан в ссылку, а имения его движимые и недвижимые велено взять в казну»,
- в 1745 г. вдова капитанша баронесса Шлиппенбах вошла в Сенат с просьбой о возвращении ей части принадлежащих ей и конфискованных по делу Г.Р. Левенвольде имений,
- в 13 день декабря 1745 г., о полудни, при докладе у Ея Императорского Величества чрез канцлера «поднесено было к Ее Им-

Рис. 8.1. Усадебный дом в мызе Малла.

ператорскому Величеству из Вены, от Левенвольда³ писанное, и сюда при письме от тайного советника Ланчинского х канцлеру присланное, письмо, которым он, как по полученной при том же от вице-канцлера рекомендации видно, о свободе брата ево, бывшего обер-гофмаршала, или об отдаче ему деревень его, братних, в Лифляндии просит. Но Ее Императорское Величество, не соизволяя на то и не распечатывая, оное Левенвольдово письмо обратно отдать изволила».

В царствование Екатерины II

- в 1764 г. мыза Малла пожалована в вечное и потомственное владение сенатору (с 1764 г.) Н.Е. Муравьеву.

Но всего лишь через несколько лет дело о мызе Малла возобновилось. По разбирательству Сената, основания для возвращения мызы Маллы были сочтены основательными и (см. разд. А.12) «как уже вдова Шлиппенбахова умерла, ближним ея наследникам возратить следует к чему зятя ее подполковник граф Мантейфель, ландрат Карл Густав барон фон Ферзен, да барон Отто Иоганн фон Шлиппенбах и явились, почему им яко ближним наследникам ту мызу так как оныя умершей капитанши Шлиппенбаховой по мнению Коллегии возвращена была уступить надлежит».

³Письмо от 15/26 ноября 1745 г., получено в С.-Петербурге 11/22 декабря. Написано Ф.К. Левенвольде (1692–1769), в то время (см. гл. 5) имперским графом, генералом в австрийской службе.

Оказалось, что возвращению есть только одно, но существенное препятствие: мыза Малла уже «пожалована в вечное и потомственное владение Сенатору Муравьеву», так что восстановление законных прав одних лиц вело к ущемлению законных прав других лиц. Екатерина II указала на это препятствие Сенату, заметив, что в момент пожалования Н.Е. Муравьеву в 1764 г. обстоятельства этого дела были ей не известны, и поручила Сенату найти эквивалент мызы Маллы для разрешения возникшей коллизии. Итак,

- в 1772 г. Сенат, утверждая мнение по сему делу Юстиц Коллегии, подносил всеподданнейший доклад по просьбе графа Фридриха Мантейфеля,
- в 1777 г. был возвращен в Сенат от бывшего Генерал Прокурора с объявлением Высочайшей воли,
- в 1778 г. Государыне Императрице вновь поднесен от Сената всеподданнейший доклад.

Дело тянулось долгие годы и в царствование Александра I завершилось ничем. Из довольно обширной переписки, возникшей по этому делу, мы приведем только один документ (см. разд. А.12). Но, хотя Екатерина II не вернула просителям желаемое, она решила этот вопрос по существу. А существо заключалось в том, что «однако ж маестности оставаться имеют детям и ближним его родственникам и конфискации не подлежат» не из меркантильных соображений, а потому, что этим детям и ближним родственникам следовало дать материальную возможность продолжить род и службу.

Екатерина II прекрасно знала по именам, в лицо и по заслугам тех самых «детей и ближних родственников» просителей⁴; об одном из них, Иване Евстафьевиче Ферзене (см. разд. 8.3), она отзывалась так (см. «Дневник А.В. Храповицкого» [104]; А.В. Храповицкий — кабинет-секретарь императрицы Екатерины II):

- 1788, март 18 — «...великая разность с другим Ферзеном [И.Е. Ферзеном. — В.М.]: тот герой и со временем будет подпора государства».

Другие «дети и ближние родственники» просителей — три брата Андрей (в некоторых бумагах: Гендрих), Максим и Антон Шлиппенбахи, сыновья Отто Иогана Шлиппенбаха, одного из трех просителей. Именно кадровой политикой Екатерины II Великой мы объясняем то, что в 1781 г. управляющим Пахринской волостью и Пахринскими конюшнями заводами был назначен вполне героический (но один из многих⁵)

⁴Заметим, что Екатерина II возвращала на русскую сцену детей репрессированных Елизаветой Петровной государственных деятелей. Так, граф Иван Андреевич Остерман (1725–1811), сын А.И. Остермана, занимал с 1775 г. пост вице-канцлера, а с ноября 1796 г. по апрель 1797 г. — канцлера Российской империи.

⁵Вовсе не всякий секунд-майор может помыслить получить такое внезапное изменение в карьере!

Рис. 8.2. И.Е. Ферзен.

секунд-майор барон Шлиппенбах. Заметим, что Екатерина II не ошиблась в своем выборе: Андрей Иванович Шлиппенбах, директор Конногвардейских заводов (см. разд. 8.4), вплоть до 1813 г. поставлял гвардейским полкам конский состав и передал это непростое дело своему младшему сыну.

Сообщим читателю некоторые факты из биографий только лишь двух из «детей и ближних родственников» просителей — двоюродных братьев Ивана Евстафьевича Ферзена и Андрея Ивановича Шлиппенбаха.

8.3 И.Е. Ферзен: из стаи славной Екатерининских орлов

Один из трех просителей — ландрат Карл Густав барон фон Ферзен, зять «капитанши Шлиппенбаховой», имел одного сына и пять дочерей. Этот сын, Иван Евстафьевич Ферзен⁶ (1743–1800), по рождению барон и

⁶По-немецки его имя звучит так: Hans Heinrich Fersen.

за заслуги граф (с 1795 г.), был кавалером ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия четвертого, третьего и второго классов:

- четвертого класса — 27 июля 1770 г.⁷;
- третьего класса — 26 ноября 1775 г.⁸;
- второго класса — 9 ноября 1794 г.⁹.

Как известно, с момента основания в 1769 г. Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия второй его степенью было произведено всего лишь 125 награждений.

Об этом сыне Карла Густава Ферзена А.В. Суворов (1730–1800) говорил так:

«озаряясь свежей еще славою, разбитием главного бунтовщика Костюшки и взятием его в плен, совокупил новые лавры; он, при всей слабости здоровья, бодрствуя духом, преодолевал и труды и опасности, и как распоряжением по своей части, так и мужеством подтвердил известную о нем репутацию».

Как известно, Иван Иванович Дмитриев (1760–1837), министр юстиции с 1 января 1810 г. по 30 августа 1814 г., подписавший приведенный нами в разд. А.12 документ «О просимом Графом Мантейфелем вознаграждении за конфискованную у предка его графа Левенвольде мызу Маллу, находящуюся в Эстляндской губернии», был еще и литератором. В 1795 г. была опубликована (см. [33]) его сатира на современных ему поэтов торжественного стиля, которая называется «Чужой толк». Она написана всего через несколько месяцев после того, как в 1794 г. И.Е. Ферзен «29-го сентября... взял главного возмутителя Костюшку с чиновниками и пленил всю его артиллерию» в битве при Мациовице. В сатире сказано:

... Лишь пушек гром подаст приятну весть народу,
 Что Рымникский Алкид поляков разгромил
 Иль Ферзен их вождя Костюшку полонил,
 Он тотчас за перо и разом вывел: ода!
 Потом в один присест: такого дня и года!
 Тут как?... Пою!... Иль нет, уж это старина!
 Не лучше ль. Дажь мне Феб!... Иль так: Не ты одна
 Попала под пяду, о чалмоносна Порта!
 Но что же мне прибавить к ней в рифму, кроме черта?...

⁷Ферзен Иван Евстафьевич фон, бар., прем.-майор, за отл. ([105], с. 178).

⁸Ферзен Иван Евстафьевич фон, бар., подполк. Свияжского бат. «За отличную храбрость, оказанную в разных баталиях: 1770 года сентября 1-го при городе Аккерман, в 1771 году при экспедиции за Дунаем, июля 20-го при взятии неприятельской батареи; в 1773 году в крепости Гирсове и при завладении Гуробал, того же года против Силистрии и на марше к городу Шумле». ([105], с. 126).

⁹Ферзен Иван Евстафьевич, бар., ген.-пор. «Во уважение на усердную службу и отличной храбрости, оказанной им 29-го сентября противу мятежников польских, при Мациовице, где он взял главного возмутителя Костюшку с чиновниками и пленил всю его артиллерию». ([105], с. 118).

Упомянутый в этих стихах наравне с «Рымникским Алкидом» Ферзен — это сын ландрата Карла Густава барон фон Ферзена, зятя «капитанши Шлиппенбаховой».

Тут необходимо сделать следующие три замечания.

Во-первых, Анджей Тадеуш Бонавентура Костюшко (1746–1817) получил военное образование по специальности военного инженера и офицерский чин в Польше, а затем продолжил обучение во Франции, в военной академии. Возвратившись в Польшу в 1774 г. и совершив неудачную попытку побега с дочерью магната Юзефа Сосновского, он снова едет во Францию. В 1776 г., в звании полковника Континентальной армии, Костюшко принял участие в войне за независимость США. В качестве военного инженера он разрабатывал укрепления и руководил их строительством. В 1777 г. он участвовал в сражении под Саратогой. В 1783 г. Континентальный конгресс произвел его в бригадные генералы. Так что «вождь Костюшко» был не столько неопытный в военном деле повстанец, сколько опытный профессиональный военный.

Во-вторых, битва при Мациовице происходила при примерном равенстве сторон.

В-третьих, хотя Костюшко, раненый появившимся со стороны корпуса Ферзена кавалеристом, попал в плен к казакам, которые на носилках из пик и плащей доставили его в штаб Ф.П. Денисова, заслугу «разбития главного бунтовщика Костюшки и взятия его в плен»¹⁰ у И.Е. Ферзена это никак не отнимает.

И.Е. Ферзен дожил до павловского правления. Вот что пишет о нем Евграф Федотович Комаровский¹¹ (1769–1843) в «Записках» [46]:

«По возвращении из Казани в Петербург император [Павел I. — В.М.] назначил великого князя Константина Павловича главным начальником над 1-м кадетским корпусом, по тому примеру, вероятно, что отец его величества, император Петр III, был директором одного в царствование Елизаветы Петровны. Императрица Екатерина поручала сей корпус всегда начальству генерала, имевшего военную репутацию, каковы были: граф Ангальт, граф де Бальмен и т.п. Последний был в ее царствование М.Л. Кутузов, которого император Павел назначил командиром войск, в Финляндии расположенных, а на место его директором кадетского корпуса — славного генерала, графа Ферзена, который разбил и взял в плен Костюшко. Великий князь поручил мне письменные дела, как по кадетскому корпусу, так и по Измайловскому полку. Его высочество [Константин Павлович. — В.М.] всякий день поутру, в 5 часов, ездил в корпус со мною; ему приятно было видеть, как по барабану несколько сот детей вставали и одевались.

¹⁰См. выше слова А.В. Суворова.

¹¹Первый командующий (1811–1828) внутренней стражи России; в 2019 г. в войсках Росгвардии в связи с 250-летием графа Комаровского учреждена ведомственная награда «Генерал от инфантерии Е.Ф. Комаровский».

Между тем поступало ко мне множество бумаг от графа Ферзена по бывшим будто бы злоупотреблениям, допущенным генералом Кутузовым, распродажею пустопорожних мест, корпусу принадлежащих, и прочее. Я заметил, что между сими двумя генералами была взаимная личная вражда, от зависти, может быть, в военном ремесле происходившая. Мне хотелось, чтобы представления графа Ферзена не сделали вреда генералу Кутузову, ибо я знал строгость императора, и если бы сии бумаги доведены были до сведения его величества, то генерал Кутузов непременно бы пострадал. Я много раз ездил к графу Ферзену и старался его склонить к некоторому снисхождению, но успеть в том не был в состоянии. Наконец, выбрав веселую минуту великого князя, я объяснил все его высочеству. Он, меня поблагодарив, приказал мне поехать к графу Ферзену и сказать ему, что все, что было сделано в управление генерала Кутузова корпусом, происходило в царствование его августейшей бабки [Екатерины II. — *В.М.*], и что его высочеству [Константину Павловичу. — *В.М.*] не угодно, чтобы генерал, служивший ее величеству с честью, получил какую-либо неприятность; а потому приказывает его превосходительству, чтобы впредь никаких представлений на генерала Кутузова более не делать. Графу Ферзену это было очень неприятно. В первый раз, как я встретился во дворце с генералом Кутузовым, которому, вероятно, все было известно, он меня чрезвычайно благодарил».

По всей видимости, это происшествие было неприятно и самому Е.Ф. Комаровскому (1769–1843), бывшему в то время намного моложе как старшего по возрасту И.Е. Ферзена (1739–1800), так и младшего по возрасту М.Л. Кутузова (1745–1813); отсюда его попытки объяснения «взаимной личной враждой» и «завистью, может быть, в военном ремесле происходившей». Но никакой личной вражды и зависти не было между И.Е. Ферзеном и А.В. Суворовым. Действительная причина была самая простая: по словам Д.Н. Бантыш-Каменского (см. [6]), И.Е. Ферзен «был небольшого роста, худощав; с нравом горячим соединял доброе сердце, отличался храбростью и правотою, дорожил солдатами», а восьмая заповедь гласит: «не укради».

Мы завершим раздел об И.Е. Ферзене следующим эпизодом из книги К.Г. Гейкинга «Из дней Императора Павла. Император Павел и его время. Записки курляндского дворянина, 1796–1801» [23], который дополняет приведенный выше эпизод из мемуаров Е.Ф. Комаровского:

«Генерал граф Ферзен был прикомандирован к кадетскому корпусу и подчинен великому князю Константину Павловичу. Долго выносить остроумные выходки этого юноши стало ему невмоготу, и он попросил об увольнении в отставку. Павел пожелал узнать причину. Сначала храбрый солдат этот сказал, что чувствует себя нездоровым; но затем, когда стали у него допытываться о настоящей причине, он прибавил: „Ваше величество требует правды? Ну, так простите меня, государь,

но, право, грустно для человека, состарившегося на войне, иметь и над собой и под собой одних детей”. Если бы побольше людей подобного закала стояло вблизи престолов, то последние держались бы крепче, а государи могли бы менее опасаться измены».

8.4 А.И. Шлиппенбах: директор Конногвардейских заводов

Один из трех просителей — барон Отто Иоганн Шлиппенбах, зять «капитанши Шлиппенбаховой», имел трех сыновей. Из-за ограничений на объем книги мы остановимся только лишь на старшем из этих троих.

Список Каргопольского карабинерского полку. О старшинстве и достоинстве ротмистров; апреля 29 дня 1776 году. ► *Российский Государственный Военно-исторический Архив (РГВИА), Ф. 846. Оп. 16, Д. 153.*

«4. Гендрих барон Шлиппенбах. Из лифлянского шляхедства Ригской губернии лютарского закона, крестьян не имеет. В кадетской корпус кадетом 760 июля.

▷ Из оного корпуса выпущен карнетом 764 мая 3.

▷ Порутчиком 770 генваря 1

▷ В Полше в 767-м в подкреплении в местечке Рацунже конфедераци, а в местечке Закрачине сеймика, 769 в ыюле месяце в блакаде, при атаке города Хатина в Полше 771 октября 20, под местечком Радомом при разбитии конфедерацких партий, состоящих под предводительством маршалка Пуловскаго, при чем оказал себя отличным. В 774-м по переправе за Дунай июня 6 от деревни Канаржи по тракту к Селистри в прогнании выходящих из онаго неприятелских партий, 9-го от местечка Юнешли против идущаго встречу из Козлиц в 70000 неприятеля под предводительством их рейхс-ефенди Абдур Радак и Янишар-Ага в точном сражении, где отбито 25 медных пушек и их превеличайшей лагерь овладен, 16 в прогнании ис-под местечка Юрни-Базар неприятельской партии, с 17 июля по 6-е при блакаде города Шумлы, где ежедневно в сражении с неприятелем был, а 6-го в точном под городом Шумной под командою моею с вышедшими из неприятельскаго ретражемента яничарами, действия коих было более 1000 человек и обратно в прогнании оных в ретражемент, где себя отлично показал, за что к главной команде и рекомендован.

▷ Грамоте читать и писать по-русски, по-немецки и по-французски умеет, а при том геометрии, гистории, арифметика, танцевать и рисовать умеет.

▷ Не бывал.

▷ Не бывал.

▷ В комплекте от главной команды отпущен в дом сего году майя по 1-е число.

▷ Таких пороков, кои в указе государственной Военной коллегии 756 году генваря 29 дня изображены не имеет, а по данной челобитной, представленной от полку по команде просит от службы увольнения». ■

В 1781 г. последовало необъяснимое, если не знать предысторию с мызой Малла, назначение — управляющим Пахринской волостью и Пахринскими конюшенными заводами. Сейчас это — ближнее Подмосковье, рядом с городом Видное.

1781 г. октября 13. Указ о назначении барона Г. Шлиппенбаха управляющим Пахринской волостью и Пахринскими конюшенными заводами. ► РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, Д. 34695, Лл. 6–7 об.

«Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской из Дворцовой Конюшенной канцелярии господину секунд-майору барону Шлиппенбаху.

По указу ея императорского величества и по резолюции реченной канцелярии велено вам в силу высочайшаго ея императорского величества указа, прописанного в ордере его высокопревосходительства (полное)¹² быть в конюшенном ведомстве для управления Пахринской волостью и смотрения над конскими в той волости конюшнею и ермолинским заводом.

И жалованья вам производить денежного по 400 рублей, хлебного ржи или муки по девяносту четвертей в год.

По приезде вашем туда имеющеюся в Пахринском волостном правлении денежную казну на щет, хлеб молоченый на меру, а немолоченый по опытам, письменныя дела и прочее по реэстрам, приказных служителей по списку, казенное строение по описи и все, что в смотреии находящегося в Пахрине в управительской должности стремянного конюха Лукьяна Романова нанять от него, Романова. А по Пахринской конюшне и Ермолинскому заводу казенных лошадей конюшенные припасы и сторение, и прочее все, что по тем конюшне и заводу в смотреии провиант-мейстера Андрея Грота ни находилось по описям же и реэстратам, а конюшенных служителей по списку от него, Грота, принять вам в свое смотрение. И по приемке, учиняя всему при каждом правлени(и) по два росписных списка и подпись их, Романова, Грота и вашего руками, из них от каждого места по одному прислать в Дворцовую Конюшенную канцелярию при

¹²Так в тексте. Имелось полное имя статс-секретаря, которое было зафиксировано в подлиннике указа.

доношениях. А по другому таковых же списков оставить при Пахринских волостном и конюшенном и ермолинском же правлениях.

И поступать вам в смотрении за экономией и прочих толков и в содержании лошадей по силе имеющихся в означенных правлениях управительских и конюшенной инструкции и посланных из Дворцовой ее имп. вел.¹³ канцелярии указов во всем непременно по присяжной должности; и на записку по тем правлениям со вступления вашего в должность денежной казны и прочего дать из Дворцовой ее имп. канцелярии¹⁴. Приходные и расходные книги за шнуром и канцелярскою печатью и за скрепою экспедиторов, которые при сем и даны. И во оныя книги вам со вступления вашего в должность в нынешнем году с начала вписать надлежащую за расходами наличность, а потом вести приход и расход. Таков и в будущем, 1782-м году до окончания оного приход и расход записывать в те ж книги, токмо отлича год от года особ. И во оном поступать вам в силу прежде посланных из Дворцовой канцелярии к волостному и х конюшенным правлениям указов. Помянутым же стремянному конюху Романову и провиантмейстеру Гроту по задаче всего у них имеющегося быть в команде вашей при прежних их должностях — Гроту при Пахринской конюшне, а Романову при Пахринском волостном правлении¹⁵. И о том к провиантмейстеру Гроту и к стремянному конюху Романову указы посланы. И господину секунд-майору барону Шлиппенбаху о том ведать и чинить по сему ея императорскому величества указу октября 13 дня 1781 года». ■

По-видимому, А.И. Шлиппенбах оказался на своем месте. Ниже приводятся документы, позволяющие увидеть ход его службы.

27 ноября 1785 г. — Из доношения генерал-аншефа Л.А. Нарышкина в сенат. ► РГАДА, Ф. 286. Оп. 1. Кн. 735. Лл. 136 и об. Подлинник.

«(Л. 136) В Правительствующий Сенат

от генерал-аншефа Ея Императорского Величества обер-штаб-майстера и разных орденов кавалера Нарышкина

ДОНОШЕНИЕ

Находящиеся в команде моей в ведомстве дворцовой Конюшенной канцелярии в волостях управителями и конюшенными смотрителями в Бронницкой пример-майор Каспер фон Остгоф, в службе состоит с 1779, а

¹³Сокращение в тексте.

¹⁴Сокращение в тексте.

¹⁵Далее вставка: «Об оном их Грота и Романова приходные и расходные книги и с учиненными из них щетными выписками с экстрактами и со всими принадлежащими к щету документы, присланными в дворцовую ее имп. канцелярию». Сокращение в тексте.

в настоящем чину с 1775; в Александровской секунд-майор Федор фон Норденберг, в службе с 1746-го, а в настоящем чину с 1770-го; в Пахринской секунд-майор барон Андрей Шлиппенбах, в службе с 1760-го, а в настоящем чину с 1776-го... (Л. 136 об) Того ради Правительствующему Сенату сим представляю, дабы поведено было предписанных штаб- и обер-офицеров наградить следующими чинами... И на сие от Правительствующего Сената прошу Ея Императорского Величества указу.

Ноября 27-го дня 1785 года
В 1-й департамент по герольдии

Лев Нарышкин

На Л. 136 внизу: Сенатом слуш. 13 марта 1786». ■

13 марта 1786 г. — Приговор Сената. ► Там же. Лл. 138–139. Копия.

«(Л. 138) 1786-го года марта 13 дня по указу Ея Императорского Величества в общем всех департаментов собрании по доношению обер-шталмейстера и кавалера Льва Александровича Нарышкина, коим объясняет: Находящиеся в команде его (далее повторяется текст доношения) ... (Л. 139) ПРИКАЗАЛИ: По представлению обер-шталмейстера и кавалера Льва Александровича Нарышкина нижеписанным чинам ведомства дворцовой Конюшенной канцелярии за добропорядочную службу на основании Генерального регламента 50-й главы дать чины, а именно: Находящимся конюшенными смотрителями и волостей управителями в Бронницкой премьер-майору Касперу фон Остгофу надворного советника, секунд-майорам В Александровской Федору фон Норденбергу, в Пахринской барону Андрею Шлиппенбаху премьер-майорские ... патенты напечатать, штаб-офицерские знести к высочайшему Ея Императорского Величества подписанию ... Подлинной за подписанием Правительствующего Сената, с коим свидетельствовал надворной советник

[Яков Лармантов]». ■

29 сентября 1791 г. — Из доношения придворной конюшенной канторы в 1 департамент Сената по герольдии. ► РГАДА, Ф. 286. Оп. 1. Кн. 808. Лл. 630 и об. Подлинник.

«(Л. 630) Находящиеся в сей канторе коллежские ассессоры... (далее имена), также и в ведомстве оной канторы приставы: при Пахринской конюшне премьер-майор барон Андрей Шлиппенбах... (далее имена)... порученные им должности исправляют с отличным усердием и прилежностью, чрез что обязывают сию кантору о исходатайствовании им награждения чинами.

Того ради Правительствующему Сенату Придворная Конюшенная кантора о сем почтеннейше представя, испрашивает благовоительного Ея

Императорского Величества указа. О службах сказанных чинов прилагается при сем именной список.

29 сентября 1791 г.

Лев Нарышкин
Василий Ребиндер
Каспер фон Остгоф

Секретарь Федор Зернин».

29 сентября 1791 г. — Из доношения придворной конюшенной конторы в 1 департамент Сената по герольдии. ► Там же. Лл. 633 об–634.

См. табл. 8.1.

Таблица 8.1. Из формулярного списка удостоивающихся к награждению чинами

Приставы	Сколько кому от роду лет	В службе	Кто был в походах против неприятеля	Кто был в фергерах, криксертах, штрафах и подозрениях	К продолжению статской службы способен ли и достоин ли к повышению чина
При Пахринской конюшне премьер-майор Андрей Шлиппенбах из лифляндского шляхетства	43	кадетом 760 июля 4, корнетом 764 мая 3, поручиком 770 января 1, ротмистром 772, секунд-майором 776 июля 4, премьер-майором 786 марта 13	В 767-м, 769-м, 770-м, 771-м, 774-м, 778-м и 779-м в Польше и Турции	Не был	Способен и достоин

Алфавит состоящим в статской службе чинам первых восьми классов на 1796 год (С. 147). ► РГАДА, Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1 Кн. 889. Лл. 177, 257 об., 268. Печатный.

См. табл. 8.2.

Достоверно известно, что А.И. Шлиппенбах оставался на своем посту вплоть до своей смерти в 1813 г.

Таблица 8.2. Из формулярного списка удостоивающихся к награждению чинами

Вступление в службу	В настоящих чинах	Надворные советники	Где кто обретается
1760	1791 декабря 31	Барон Андрей Шлиппенбах	В ведомстве При- дворной Коню- шенной Конторы

Мая 15 дня 1813 года доложено. ► *Российский Государственный Исторический Архив (РГИА), Ф. 406. Оп. 1. Ед. Хр. № 559. Л. 1.*

«В Экспедицию государственных конских заводов

Скопинского заводского смотрителя,
губернского секретаря, барона Шлиппенбаха¹⁶

Рапорт

Сего апреля 12-го числа пополуночи в три часа, находившиеся при сем За-
воде директор Конногвардейских заводов господин Действительный стат-
ский советник и кавалер барон Андрей Иванович Шлиппенбах, будучи
одержим преежестокою болезнию, по воле Божьей умер, о чем Экспеди-
ции государственных конских заводов почтеннейше донеся, оставшиеся
после его Всемиловнейше пожалованные ему Государем Императором
знаки орденов Святыя Анны 2-го класса, и Святого Владимира 4 Степе-
ни, честь имею представить при сем.

Смотритель барон Шлиппенбах

Апреля 15 дня 1813-го года». ■

1813 года мая 15-го дня, в журнал Экспедиции Государственных конских заводов. ► *РГИА, Ф. 406, Оп. 1, Лл. 2-2об.*

«5. рапорт Скопинского заводского смотрителя коим доносит, что дирек-
тор конногвардейских заводов действительный статский советник барон
Шлиппенбах, минувшаго апреля 12 дня умре, причем доставляет и остав-
шиеся после его знаки орденов С. Анны 2-го класса и С. Владимира 4-ой
степени. Приказали: онаго умершего директора изо списка исключить до-
ставленные в Экспедицию оставшиеся после его знаки орденов С. Анны
2-го класса и С. Владимира 4-ой степени препроводить в капитул россий-
ских орденов при сообщении с требованием о получении их уведомлений.
Подлинный за подписанием господ присудствующих и за скрепою секре-
таря Кирилы Симановского.

¹⁶Младший (из трех) сын А.И. Шлиппенбаха, Николай. — *Прим. В.М.*

С подлинным считал канцелярист
и проч.».

Как видно из приведенных ниже документов, «долговременная и безпорочная служба» на достаточно высоких постах не приносила больших доходов. Поэтому вдове А.И. Шлиппенбаха пришлось просить о вспомоществовании.

Мая 15 дня 1813 года доложено. ► РГИА, Ф. 406. Оп. 1. Ед. Хр. № 559. Лл. 3–4.

«Всепресветлейший, державнейший, великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит умершего действительного статского советника и кавалера барона Андрея Иванова сына Шлиппенбаха жена вдова баронесса Марья Степанова дочь Шлиппенбах о нижеследующем.

Муж мой покойный действительный статский советник и кавалер барон Шлиппенбах вступил в службу Вашего Императорского Величества 1760-го года июля 4-го в Сухопутный кадетский корпус кадетом, и производим чинами: корнетом, 1767-го мая 3-го, поручиком 1770-го января 1-го, ротмистром 1772-го, секунд майором, 1776-го июля 4-го. В продолжение сей службы был в походах: в 767-м в Польше, в подкреплении в местечке Рацунже конфедерации и местечке Закрачине Сеймика, 769-го в июне месяце в блокаде при атаке города Хотина. 770-го января 1-го в Польше при разбил возмущившуюся партию, за что награжден чином поручика. 771-го октября 20-го под местечком Радомом при разбитии конфедератских партий, за что получил чин ротмистра. 774-го по переправе за Дунай июня 6 от деревни Канаржи по тракту к Селистри в прогнании выходящих из онаго неприятельских партий. 9-го от местечка Юнешли против идущаго встречу из Козличь неприятеля в точном сражении; 16-го в прогнании из под местечка Юрни-базар неприятельских партий, с 17-го июля по 16-е августа при блокаде города Шумны, где ежедневно в сражении с неприятелем, а 16-го под оным городом с вышедшими из неприятельского ретраншемента янычарами в точном действии; в 1778-м и 1779 годах в походах в Польше.

По именному высочайшему указу объявленному военной коллегии августа 20-го дня 1781-го года определен для управления Пахринскою волостью и смотрения над конскими заводами в той волости состоящими, при которой должности 1786-го марта 13-го произведен премьер майором, 1791-го декабря 31-го надворным советником, 1797-го октября 3-го коллежским советником и в Экспедицию государственных конских заводов членом, 1799-го октября 31-го статским советником и директором конногвардейских заводов. 1802-го сентября 22-го за тридцатипятилетнее

в классных чинах служение всемилостивейше награжден орденом Святого Владимира четвертой степени, 1804-го генваря 30-го в награждение отличного усердия к службе и пользы доставленной казне попечительностью и хозяйственным устройством экономических по тем заводам частей, всемилостивейше пожалован в действительные статские советники. Именным Вашего императорского величества высочайшим указом данным Экспедиции государственных конских заводов марта в 3 день 1806-го года по уважению сорокапятилетней ревностной и безпорочной его службы всемилостивейше повелено сверх получаемой им по настоящему месту жалованья производить по смерти его пенсию по семи сот пятидесяти рублей на год из Экономических сумм остающихся от содержания заводов, 1809-го апреля 17 в вознаграждение долговременной усердной службы и ревностных трудов Всемилоуивейше пожалован орденом Святыя Анны 2-го класса. Проходя сию службу, и не имея за собою никакого недвижимого имения, содержание себя заимствовал от одного получаемого по месту по тысячи пяти сот рублей в год жалования и пенсионя; напоследок сего апреля 12-го и кончив жизнь свою, оставил меня в крайней бедности без всякого состояния и само нужнейшаго для жительства моего места и пропитания.

В таком бедственном положении полагая единственную надежду на августейшую особу Вашего императорского величества, как на отца Отечества и покровителя страждущих, повергаюсь к освященным стопам вашим и всеподданнейше прошу.

Дабы Высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение в Экспедицию государственных конских заводов принять, и за пятидесятидвухлетнюю и безпорочную службу мужа моего на мое пропитание производить мне пенсион.

Всемилоуивейший государь прошу Вашего Императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Апреля 29-го дня 1813-го года, к поданию надлежит в Экспедицию государственных конских заводов. Сие прошение вчерне сочинил и набело переписывал Скопинского конногвардейского конского завода копиист Никита Андреев сын Коновалов.

Действительная статская советница

баронесса Мария Степановна дочь Шлиппенбах

руку приложила». ■

1813 года 19 мая в журнал Экспедиции государственных конских заводов записано. ► РГИА, Ф. 406. Он. 1. Ед. Хр. № 559. Л. 5.

«По прошению вдовы умершаго действительного статского советника баронессы Марьи Степановой дочери Шлиппенбах.

ПРИКАЗАЛИ: Во уважение долговременной и безпорочной службы помянутого умершего действительного статского советника барона Шлиппенбаха, о произвождении . . . вдове его баронессе Марьи Степановой дочери Шлиппенбах пансиона по бедности ее на содержание, поднести Его Императорскому Величеству доклад который учинить принял на себя г. Обер Шталмейстер и кавалер¹⁷.

Подлинный за подписанием присутствующих и за скрепою секретаря, и проч.».

► РГИА, Ф. 406. Оп. 1. Ед. Хр. № 559. Лл. 6–6об.

«Мая 15 дня 1813 года

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Государь!

Имевший щастие не малое время находиться под начальством вашего высокопревосходительства и пользоваться благодеяниями вашими муж мой барон Шлиппенбах был безпрестанно в службе 52 года и 9 месяцев, и не имея за собою никакого недвижимого имения, содержал себя одним только жалованием и высочайше положенном ему по 750 рублей в год пансионом; сегож апреля 12–го дня по воле всевышняго кончив жизнь свою, оставил меня без всякого состояния, в крайней бедности без самой нужнейшего содержания и места для жительства моего нужного.

Сверх потери мужа составлявшего все мое благосостояние, обременяющей меня горестию, угнетаема будучи примерною бедностию, осмеливаюсь повергнуть себя в покровительство вашего высокопревосходительства и всепокорнейше просить милостиваго вашего представительства пред высочайшим престолом государя императора о произвождении за пятидесяти двух летнюю службу мужа моего на пропитание мне пансиона, о чем честь имею препроводить у сего на имя Экспедиции прошение.

Надежды на милости вашего высокопревосходительства есть единственное для меня утешение, что сия моя просьба удостоится благосклонного внимания вашего, посредством коего могу я получить от высочайшего престола облегчение моей участи и при старости лет хотя нужное пропитание.

Таковое благотворительное пособие могущее доставить мне спокойное препровождение малого остатка дней моих исполнит чувства мои к вам, как к виновнику моего щастия, всегдашней благодарности.

С совершенным почтением и таковой же преданностию честь имею быть

Милостивый Государь

¹⁷Обер-шталмейстером в 1813 г. был Сергей Ильич Муханов (1762–1842) (согласно официальному Месяцеслову за 1813 г., ч. I, с. 2, 110).

вашего высокопревосходительства
покорнейшая ко услугам
баронесса Марья Шлиппенбах

Апреля 29-го дня 1813-го года.» ■

8.5 Трое прямых потомков

Среди более дальних прямых потомков Г.И. Левенвольде (и, заметим, В.А. Шлиппенбаха; см. [56]) было много замечательных людей, про которых могут быть написаны, или уже написаны, отдельные книги. Выбрать всего лишь нескольких из них — трудная задача. Мы упомянем троих: участника Бородинского сражения Антона Андреевича Шлиппенбаха, православного общественного деятеля Николая Николаевича Неплюева и одного из основоположников космонавтики Александра Игнатьевича Шаргея.

8.5.1 А.А. Шлиппенбах

Имя Антона Андреевича Шлиппенбаха, старшего сына директора Конногвардейских заводов А.И. Шлиппенбаха, родившегося в 1778 г. и скончавшегося между 15 сентября 1834 г. и 17 августа 1836 г., можно видеть на 43-й стене Галереи воинской славы Храма Христа Спасителя (сражения при Теплице, Гисгюбели, Геллендорфе, Цегисте и Кульме 17–29 и 18–30 августа 1813 г.).

Известно (см. табл. 8.5.1 из [11]), что в ходе Бородинского сражения штабс-ротмистр Лейб-Кирасирского Ее Величества полка барон Антон Андреевич Шлиппенбах «храбро врубился в неприятельскую кавалерию и опрокинул оную, истребя большую часть неприятельского кирасирского полка». После ранения во время Бородинского сражения эскадронного командира (командира лейб-эскадрона) майора барона Б.И. Вестергольте штабс-ротмистр А.А. Шлиппенбах заменил его, причем его собственную жизнь спас вахмистр Федор Корнев, который «при атаке, врубившись в неприятеля, спас жизнь своего офицера».

А.А. Шлиппенбах был женат на Ольге Григорьевне Украинцевой. Два старших сына (дочерей не упоминаем) — Лев и Александр. Два младших сына — Николай и Павел; они действительные участники обороны Севастополя в 1854–1855 гг. Сын внучки А.А. Шлиппенбаха Людмилы Львовны — инженер и ученый А.И. Шаргей (жил под именем Юрий Кондратюк; о нем см. ниже, в разд. 8.5.3).

О службе А.А. Шлиппенбаха имеется целый ряд сведений. Среди них

Таблица 8.3. Список Лейб-Кирасирского Ее Императорского Величества полка отличившимся в сражении, бывшем августа 26 числа 1812 года

Майор Кошембар	С эскадроном подкрепил в атаке лейб-эскадрон, с левого фланга быстро атаковал и врубился в неприятеля
Майор Салогуб Майор Вистергальте	Оказали во все время сражения совершенную храбрость, сей последний получил две раны
Ротмистр Гагин	Атаковал батареи, где и ранен картечью в плечо
Штабс-ротмистр барон Шлиппенбах	Храбро врубился в неприятельскую кавалерию и опрокинул оную, истребя большую часть неприятельского кирасирского полка
Штабс-ротмистр Гедеонов	При прикрытии батареи получил рану ядром в ногу
Поручики: Михайловский Рудковской 2-й Кошембар 2-й	Находились в атаке храбро и собой подавали пример нижним чинам
Полковой адъютант поручик Кирилов Шефской адъютант корнет Лахман	Во все время сражения и в атаке находись при мне, исправляли долг свой с отличною храбростию и усердием
Вахмистр Рыбас	Отлично был храбр в атаке и, несмотря на жестокую рану, продолжал быть в строю.

Шеф полковник барон Розен.

биографическая справка, помещенная в «Сборнике биографий Кавалергардов» [71], на с. 358. При ее составлении, среди прочего, были использованы воспоминания двоюродной племянницы Антона Андреевича, Марии Константиновны Шлиппенбах, в замужестве графини Шуленбург. Ее собственноручная записка сохранилась в Российском Государственном Военно-историческом архиве. Автору этой книги было особенно интересно читать следующие строки:

«один из двоюродных братьев моего отца был Антон Андреевич. В детстве моем я его видела, когда он приезжал в Нижегородскую губернию навещать наших родителей. То было еще до поступления моего в С.-Петербургский Екатерининский институт, куда, девятилетней, меня поместили в 1834 году. У меня остались воспоминания о дяде Антоне Андреевиче, что он был, как мне казалось, добрый и веселый».

Основной интерес представляют, конечно, сами документы, использовавшиеся при составлении биографической справки, помещенной в «Сборнике биографий Кавалергардов» [71], которые и будут здесь приведены.

Выписка из «Списка служб и достоинств штаб офицеров лейб кирасирского Ея Императорского Величества полка». Июля 1-го дня 1815 года. ► РГВИА, Ф. 489, Оп. 1, Д. 2117, Лл. 2, 5а-об., 6.

«Майоры: 2. Барон Антон Андреев сын Шлиппенбах¹⁸ кавалер Золотой шпаги с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Анны 2-го класса, Прусского Пур-ле-мерита.

▷ Из дворян.

▷ В службу зачислен малолетним

- вахмистром 795 августа 17, лейб-гвардии в конном полку
- квартирмейстром 796 ноября 19, в кавалергардском полку из одного определен лейб-гвардии в конный полк старшим унтер-офицером с вахмистрским старшинством 797 ноября 11
- корнетом 798 ноября 14, определен в сей лейб-кирасирский Ея Императорского Величества полк 798 ноября 14
- поручиком 801 июля 13, в сем же полку
- штабс-ротмистром 808 сентября 30, в сем же полку
- ротмистром 812 апреля 19, в сем же полку
- майором 814 марта 6, в сем же полку

▷ 799-го мая 17-го в австрийских владениях и того же года сентября 26 в Швейцарии за рекой Рейном при деревне Шлате в действительном с неприятелем сражении, а оттоле 1800 года марта по 1-е число в той же области, 805-го августа с 21-го в австрийских владениях через Галицию и Моравию и Австрию до местечка Эберберха, откуда обратно находился в ретировавшемся корпусе от превосходных неприятельских сил под командой генерал-от-инфантерии Голенищева Кутузова до города Ольмуца и того же года ноября 20-го под местечком Аустерлицем был в действительном с французами сражении и после онаго чрезо Венгров 8 по 22-е января 806-го года в той же области и того же года декабря с 11-го 807 апреля по 22-е в Молдавии и Бессарабии с 22-го апреля по 9 июля при осаде города Измаила, где апреля 23, мая 18 и 19, и 12 ж июня числа находился против турок в сражениях, а оттоле в Валахии и Молдавии 808-го августа по 18 число, 809-го июня с 8-го по 3-е декабря в Галиции находился, 1812 июня с 16-го в действии против французов: июня 14 при Витебске в сражении, августа 5-го и 6-го под Смоленском, 26-го при селении Бородине в генеральном сражении, октября 6-го под Тарутином при разбитии французов, 12-го под Малым Ерославцем, 22 при Вязьме, 6 ноября под Красным при совершенном поражении и истреблении неприятельского корпуса, 813 года января с 3-го за границей в Пруссии

¹⁸Родился в 1778 г., скончался между 15 сентября 1834 г. и 17 августа 1836 г. Имя Антона Андреевича Шлиппенбаха занесено на 43-ю стену Галереи воинской славы Храма Христа Спасителя (сражения при Теплице, Гисгюбели, Геллендорфе, Цегисте и Кульме 17-29 и 18-30 августа 1813 г.).

и Варшавском герцогстве, марте 30 в Шлезии, а потом в Саксонии, где 20-го апреля в сражении под городом Люцыным, мая 7, 8 и 9-го под Бау-ценом в сражении, августа с 1-го по 14-е в Богемии, а с 14-го в Саксонии при крепости Кенихштейне в сражении и во время отступления армии 15, 16, 17 и 18-го числа в Богемии при местечке Кульм и селении Савохлеб в сражении при совершенном истреблении французского корпуса, где получил контузию от пролета ядра в правую ногу, а оттоле под Лейпцигом 4 и 6 числа октября в генеральном сражении и прогнании французской армии до города Франкфурта, а оттоле через королевство Вертембергское и Баден, перейдя 1814-го года января 1-го в Базыле реку Рейн, вступил в Швейцарию, а потом во Францию, где января 20-го при Бриене во время сражения находился, потом в марте 13 при деревне Лафер-Шампенуаз при совершенном разбитии французского корпуса, а после 18 марта при городе Париже, а от онаго чрез Пруссию в свои границы по 27 августа находился.

- ▷ По-русски и по-немецки читать и писать умеет
- ▷ Был в отпуску 812 года на 4 месяца 814-го на 3 месяца и насрок к полку прибыл
- ▷ Не бывал
- ▷ Холост
- ▷ При полку
- ▷ Достоин

8.5.2 Н.Н. Неплюев

Николай Николаевич Неплюев (1851–1908) — правнук Антона Ивановича Шлиппенбаха (младшего брата директора Конногвардейских заводов) и графини Марии Миних. Таким образом, Н.Н. Неплюев — прямой потомок не только Г.И. Левенвольде и В.А. Шлиппенбаха, но и Б.Х. Миниха.

Н.Н. Неплюев — юрист, дипломат, весьма состоятельный землевладелец, общественный деятель. Хотя полное собрание его сочинений [67] занимает пять томов, о строе его мыслей можно с достаточной полнотой судить уже по следующим тезисам его доклада «Война или мир? Боевой или мирный прогресс?» с подзаголовком «Публичная лекция для неверующих 3 ноября 1904 г.»:

- «1. Верующий, обращаясь к неверующим, обязан оставаться на почве любви, искать точек соприкосновения и, исходя из них, убеждать, говоря языком понятным и убедительным для собеседников.
2. Умы, ожесточенные борьбой, утрачивают способность быть справедливыми и понимать друг друга. Надо, на благо всем, сойти с

Рис. 8.3. Н.Н. Неплюев.

пути борьбы на путь мирного единения, с пути боевого на путь мирного прогресса.

3. Человечество желает свободы. Свобода невозможна без дисциплины любви. Борьба, ожесточая, является тормозом для истинной свободы.
4. Представители мира и любви — робки и разрозненны. Опасность велика. Необходимо сплотиться на дело мирного созидания лучшего будущего.
5. Необходимо рассеять предубеждения против веры, чтобы стало возможным единение и доброжелательное содействие между всеми представителями мира и любви.
6. Достигать путем борьбы того, что может быть достигнуто путем мирного созидания, слишком невыгодно для человечества.
7. Вере неосновательно противопоставляют свободомыслие. Признать, что « $2 \times 2 = 4$ », не есть насилие над разумом; отрицать, что « $2 \times 2 = 4$ », не есть разумная свобода, а самодурство. Вера есть « $2 \times 2 = 4$ » разума для любящих.
8. Значение для блага человечества веры в Бога-Творца, в разумный, вечный смысл любви, в конечное торжество добра, в разумный смысл временного зла, в благой промысел Божий и в силу благодати.
9. Значение для блага человечества высшей заповеди христианского Откровения. Обязательная логика веры приводит к совершенно определенной программе мирного прогресса.
10. Практическое значение трудового братства как опыта сплочения и организации прихода, опыта созидания здоровой, живой клетки живых организмов церкви и государства.

11. Чтобы жизненный опыт не терялся для многих, необходимо доброжелательное отношение, без которого не может быть ни понимания, ни справедливой оценки.
12. Долой борьба и вражда. Путем мирного прогресса — к мирному благоденствию».

В докладе «Вставай, страна моя родная!»¹⁹ он говорит:

«спасение России — в тесном единении всех верных сынов ее, любящих ее, сознательно благоговеющих перед святыней животворящего духа ее самобытного слова, ее самобытного дела. Дайте возможность всем им почувствовать себя вашими людьми, вполне слиться с вами и в дружном единении работать на дело оздоровления души народной и создания мирного благоденствия нашей России. Не полезно для нее деление на партии и всякое дробление. Провозгласите правду идеальных основ русской правды во всей духовной высоте и красоте, во всем лучезарном блеске ее святыни! Призовите добрые элементы объединиться в главном, в этом высоком и святом понимании идеальных основ русской правды, и вы дадите возможность примкнуть к вам, объединиться на вашей программе многим добрым силам, не только отдельным людям, но и целым организациям, как нашему Трудовому братству, которого блюстителем я состою, целым партиям, близким к вам по убеждениям и стремлениям, не согласным с вами и между собою во второстепенных подробностях, до сих пор чувствовавших себя в разладе с вами и во всем, что было недоговоренного в самом определении основных, идеальных основ вашей партии и несогласного с этими основами в ее деятельности или, вернее сказать, в словах и деятельности многих ее представителей, говоривших от ее имени».

Вероятно, пламенные революционеры нашли бы много сильных эпитетов²⁰ для этого велеречивого помещика. И нам пришлось бы с этим отчасти согласиться, если бы не следующее обстоятельство. Н.Н. Неплюев

¹⁹ Доклад на Киевском Всероссийском съезде «Союза русских людей», Киев: тип. И.И. Чоколова, 1906. «Союз русских людей» (не путать с «Союзом русского народа») — русская национально-монархическая организация, существовавшая в Москве с 1905 г. фактически до 1910–1911 гг., а формально до 1917 г. Учредители и главные деятели — гр. Павел и Петр Сергеевичи Шереметевы, кн. А.Г. Щербатов (1-й председатель), публицисты Н.А. Павлов и С.Ф. Шарапов. Задача Союза — содействовать законными средствами правильному развитию начал русской церковности, русской государственности и русского народного хозяйства на основе православия, самодержавия и русской народности.

²⁰ Сам Н.Н. Неплюев пишет об этом поветрии так: «Скандалная, изысканная грубость взаимных отношений между представителями разных партий не только в обыденной жизни, но даже и в парламентах и на конгрессах — явление всем известное. Что сказать о возрастающей грубости и неразборчивости на средства в разгар ожесточенной борьбы социальной, экономической, политической и международной! Все признается извинительным, всякая несправедливость, всякое насилие, всякая подлость возводятся в добродетель, в доблесть под предлогом «здорового понимания своих интересов» и «остроумной ловкости» в борьбе с противниками».

— вовсе не только мыслитель и писатель. Он — основатель Крестовоздвиженского православного трудового братства, основатель и попечитель Воздвиженской сельскохозяйственной школы (см., например, [100]).

Подвижничество Н.Н. Неплюева началось с создания им Воздвиженской школы; ее начало приходится на 4 августа 1881 г., когда он взял на воспитание десять крестьянских детей из беднейших семей. В августе 1889 г. состоялся первый выпуск школы. Из шести человек, получивших аттестаты, трое — Андрей Фурсей, Федор Четвертка, Илья Кобец — не захотели расставаться и стали первыми членами Крестовоздвиженского трудового братства. С этого момента вся жизнь Н.Н. Неплюева, избравшего путь безбрачия, полностью посвящена делу устройства Крестовоздвиженского братства. В этом ему помогали его мать, Александра Николаевна, урожденная Шлиппенбах, и сестры — Мария и Ольга.

В 1891 г., по примеру мужской, была создана четырехлетняя школа для девочек — Преображенская. Ее попечительницей стала ближайшая помощница и сестра Неплюева — Мария Николаевна Уманец. Вторая сестра — Ольга Николаевна — заведовала Ямпольской младшей школой, которая была подготовительной к обучению в сельскохозяйственной школе. В дальнейшем братство пополнялось, в основном, выпускниками Воздвиженской и Преображенской школ.

Таким образом, Н.Н. Неплюев имел полное право говорить о том, что

«наше дело, в лице нашем — дело православного русского народа, не теряя ни минуты, подготавливаться и других подготавливать к тому, чтобы в полной мере сознать нравственный долг свой и честно его выполнить. Не сомневаюсь, что это лучший способ действовать во благо родины и на представителей власти, в такой мере уяснив им их нравственный долг и желательные размеры честного его выполнения».

Предки Н.Н. Неплюева, такие как фельдмаршал Б.Х. Миних, пленipotенциарий Петра I барон Г.И. Левенвольде и (см. [18]) адмирал, действительный тайный советник и дипломат, основатель Оренбурга и устроитель Южного Урала, автор известных «Записок» [66] Иван Иванович Неплюев (1693–1773), более полагались на силу убеждения, подкрепленную силой оружия, чем на силу любви, оружием не подкрепленную, но с XVIII в. времена и нравы значительно поменялись.

8.5.3 А.И. Шаргей

В 1998 г. к 100-летию со дня рождения Ю.В. Кондратюка были опубликованы Материалы комиссии Российской академии наук (РАН) [50], подготовленные редколлегией в составе²¹: Б.В. Раушенбах, предсе-

²¹Борис Викторович Раушенбах (1915–2001); Виктор Николаевич Сокольский (1924–2002); Борис Евсеевич Черток (1912–2011); Всеволод Сергеевич Авдудевский (1920–2003); Олег Георгиевич Газенко (1918–2007); Александр Юльевич Ишлинский (1913–2003). Интересующийся читатель может без труда найти биографии всех этих лиц.

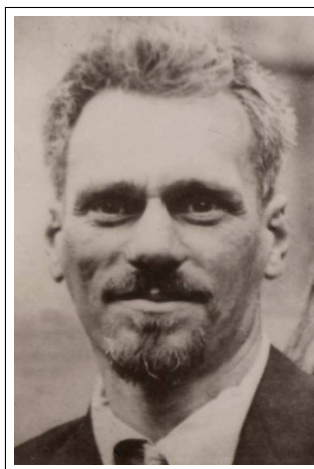

Рис. 8.4. А.И. Шаргей.

датель; В.Н. Сокольский, зам. председателя; Б.Е. Черток, зам. председателя; В.С. Авдеевский; О.Г. Газенко; А.Ю. Ишлинский; А.К. Медведева²²; С.А. Соколова, отв. секретарь.

В Материалы комиссии РАН [50] были включены, во-первых, доклады, «отражающие многогранную научно-изобретательскую деятельность Ю.В. Кондратюка как одного из пионеров теоретической космонавтики, его деятельность в области ветроэнергетики, а также его вклад в развитие элеваторного хозяйства». Им предшествовало обращение Б.В. Раушенбаха (см. [50], с. 8–9); оно завершилось следующими словами:

«имя Ю.В. Кондратюка прочно вошло в историю отечественной и мировой космонавтики и благодарные потомки всегда будут помнить его как одного из тех, кто своими трудами способствовал приближению начала космической эры человечества».

Суть в том, что Ю.В. Кондратюк — это псевдоним А.И. Шаргея, правнука Антона Андреевича Шлиппенбаха, участвовавшего в Бородинской битве. С деталями непростой биографии этого ученого, добровольцем ушедшего в народное ополчение Киевского района г. Москвы и погибшего в феврале 1942 г. в бою, можно ознакомиться, прочитав статью [55].

²² Алля Константиновна Медведева (1933–2014).

Рис. 8.5. Репринтное издание 1996 г. книги [48].

8.6 Заключение: «были хорошие люди — им честь, были дурные люди — Богу ответ дадут»

В качестве заключения мы приведем отрывок из книги «От Лифляндии — к Латвии. Прибалтика русскими глазами» [1]. Мы приведем его без каких-либо изменений и комментариев: в нем — по нашему мнению — все необходимое уже сказано. Вот он:

«...как теперь помню барона Матвея Ивановича²³. Высокий, плотный, стройный такой. Много я на своем веку хорошего про людей слышивал, но мало кому удавалось снискать такое общее расположение, каким пользовался Пален. Его все знали за истинно благородного, благодушного и честного человека, каким он был действительно. Не знаю я его родословной (курляндец, кажется, был), да и чинов его и отличий тоже не знаю²⁴, но знаю заподлинно, что своим кротким нравом, убедительностью речей, своею благородною личностью он много народу, замешанного в польский бунт, от Сибири спас, а может и от кнута избавил, а именно тем, что где ни проходил по Ковенской губернии, везде умел так привлечь к себе польских дворян

²³Матвей Иванович Пален (1779–1863). Племянник (сын брата) графа П.А. Палена. Кавалергардам Левенвольде он приходился двоюродным братом. — *Прим. В.М.*

²⁴Награды: ордена Александра Невского, Св. Владимира 2-й ст., Св. Анны 1-й ст. с алмазами, Св. Георгия 3-го кл., знак отличия «за 50 лет беспорочной службы»; иностранные: прусские — Pour le Mérite и Красного Орла 2-й ст., шведский Военный орден Меча; две золотые пшавы «за храбрость» (одна с алмазами). Портрет мастерской Джорджа Доу. Военная галерея Зимнего Дворца, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург). — *Прим. В.М.*

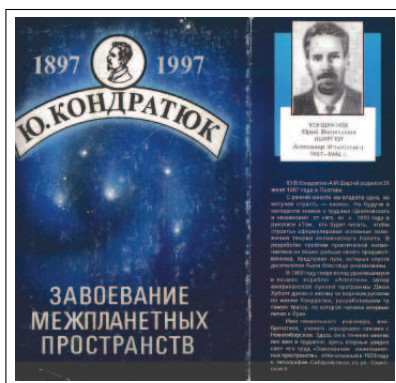

Рис. 8.6. Супербложка художника В. Курилова к репринтному изданию 1996 г. книги [48].

и молодежь, что те, повинувшись его убеждениям, мирно расходились по домам, бросали думать о шайках да о бунте. И ведь надобно же было так случиться, что 1841-й год разыгрался при нем²⁵. Как был кругом опутан честный старик, как был обманут кругом, не допускавший обмана в своей частной жизни, да уж поздно было. Весь век свой прослужил верою и правдою Руси (дай Бог всякому так послужить), а все-таки нашей матушки не уразумел, а стал лицом к лицу с православием, так и вовсе в тупик стал: известно — иноверный, лютеранский был. Ну, да что об этом толковать. Это был, одним словом, почтенный человек.

Вот однажды был с ним какой случай.

Проживал в Риге в тридцатых годах медник по имени Петер Бокум, так своеобразный медник, характерный, что даже удивительно. Честнейших был правил человек, а лжи и обмана не терпел и правду в глаза всякому говорил. Его вся Рига знала, а мошенники (не одни же ведь карманщики на самом деле мошенниками суть) так даже и побаивались его: при людях осрамит непременно. Такой уж был медник. Вот в Верманском парке сидит он в компании (никто его обществом не брезгал, ни купцы, ни ремесленники — умный был), толкует о том, о сем, и зашла речь о роде Паленов.

— Гм, — говорит Петер Бокум, — а я своего рода не променяю на род его.

— Как так?

— Да вот и так, — говорит.

²⁵ Речь идет о подавлении крестьянских волнений 1841 г. в Латвии, известных как «картофельный бунт», и о связанных с ними конфессиональных столкновениях. — Прим. В.М.

Нашлись, однако же, охотники, которые сейчас побежали к барону Матвею Ивановичу: так и так, говорят, новый историк нашелся, про ваше высокопревосходительство гласно при людях в саду отзывается нехорошо.

— Знаю я Петера Бокума получше вашего. Пожалуйста, в другой раз с такими докладами ко мне не ходить. Худо ли, хорошо ли про меня человек говорит — до вас не касается, ибо я делаю, что закон и совесть мне повелевают. А Петера Бокума попросите ко мне на беседу, на чашку чая.

Приходит Петер.

— Вот что, любезный Петер Бокум, скажу я тебе: глупо хвастаться или унижаться своими предками. Твои предки были медниками, мои были баронами; мы с тобой тут ровно ни при чем. Были хорошие люди — им честь, были дурные люди — Богу ответ дадут. А я-то при чем тут? Так знаешь ли — помалчивай-ка лучше. Другой еще рассердится.

Петер ушел, всегда он хвалил лично барона, но только лично: его, бывало, и не переспоришь».

Приложение А

Оригинальные документы

В настоящем приложении приводится оригинальный текст¹ следующих документов, напрямую относящихся к содержанию книги.

- 1) Инструкция Ея Императорского Величества Обер-гофмейстеру (опубликовано в [68], с. 53–62).
- 2) Инструкция Ея Императорского Величества Обер-гофмаршалу (опубликовано в [68], с. 63–74).
- 3) Особенности высочайшие повеления 1730 г.; номера 24–31 (опубликовано в [68], с. 100–102).
- 4) Начало образования при Капелле музыкантов (1740 г.) (опубликовано в [68], с. 121–122).
- 5) О приведении конских заводов в лучшее состояние и о размножении оных (опубликовано в [78], с. 832–838).
- 6) Выдержки из [38], относящиеся к истории формирования лейб-гвардии Измайловского полка.
- 7) Выдержки из «Записок» дюка Лирийского [52].
- 8) Текст «Обстоятельств, приготовивших опалу . . . » [9] Э.-И. Бирона (исключая комментарии переводчика М.Д. Хмырова).
- 9) Тексты родословий [85] и [86] в форме, удобной для их сопоставления.
- 10) Сертификат к родословию [86] на латинском языке, опубликованный в книге И.К. Бротце.
- 11) Выдержки из мемуаров «A fragment of a memoir of field-marshal James Keith» [118] на английском языке.
- 12) Архивные документы «О просимом графом Мантейфелем вознаграждении за конфискованную у предка его графа Левенвольда мызу Маллу, находящуюся в Эстляндской губернии» из дела о вознаграждении наследников графа Левенвольда (Российский Государственный архив).

Документы 1) — 4) имеют фундаментальную ценность для гл. 6. Документы 5), 6) весьма важны в гл. 3. Документы 7), 9), 10), 11) упоминаются в гл. 4. Документ 8) заслуживает внимания как источник сведений об анненском царствовании и относится к гл. 3–6.

¹Стиль и лексика оригиналов по возможности сохраняется.

А.1 Инструкция Императорского Величества господину Обер–гофмейстеру (1730 г.)

Понеже Ея Императорское Величество, по примеру других благоустроенных дворов Всемилоостивейше заблагоизобрела и при Своем Императорском дворе Обер–Гофмейстера учредить, а к тому такая персона требуется, которая–б не только добраго жития и поступка была, довольное знание и искусство, но и знатность и респект имела: верен, секретен и истинен, и такого христианскаго жития и поступка был, что–б он паще своим собственным примером, нежели наказанием ему подчиненных и протчих придворных служителей, основание полагал. Того ради Ея Императорское Величество, зная достоинства и добрыя качества и поступки Генерала и Подполковника от Гвардии Семена Андреевича Салтыкова, онаго в Свои Обер–Гофмейстеры Всемилоостивейше пожаловать изволила.

1. О доброй поступке Обер–Гофмейстеру.

И тако он Обер–Гофмейстер имеет к Ея Императорскому Величеству и Ея Высочайшей Императорской фамилии как верному слуге и честно–му придворному человеку надлежит поступать, всякой всеподданнейший респект оказывать и всегда по Ея Величества повелению и запрещению поступать, якоже Ея Величество ему для лучшаго понятия того свободный доступ позволит и его всегда и, коль часто он о чем важном предлагать будет, милостиво выслушать и надлежащую резолюцию снабдевать изволит.

2. Объявление и привод к присяге о пожалованных в знатной придворный чин.

Когда Ея Императорское Величество кого в знатной какой Придворный чин пожалует, то Обер–Гофмейстер по указу Ея Величества о том ему объявит, онаго к присяге приводит, и созвав всех к тому новому чину подвластных чинов и служителей, онаго яко их начальника им представляет и оных ко исполнению их должностей и послушания пристойно напоминает.

3. О смотреии над Дворцовою Канцеляриею во всем управлении.

Что до Дворцоваго домашняго управления касается, то Обер–Гофмейстер, яко Главный над Дворцовою Канцеляриею управитель, на то смотреть имеет, чтоб к тому определенный Императорские столовые маенности и все прочие дворцовые приходы, порядочно и *наиприлежнейшее*

[Так в [68]. — В.М.] управлены были, что надлежит на откуп с торгу на урочные лета или время из под его ведением обретающейся в Дворцовой Канцелярии с добрыми поруками отдавать, по договору срок платежа не пропускать.

Запас, который на лицо ставить, по торговой цене каждого места оценивать, на все, что деньгами или запасом привезено, квитанции давать. Против того же смотреть, дабы прочие дворцовые чины в которые что привезено, верный отчет приходам и расходам давали. Придворному штату, и что к оному принадлежит, по убавлению или прибавлению онаго, верные табели держать, на определенное жалованье и корм обыкновенных цыдулы раздавать, дабы каждый потому поступать и доказать мог, что ему обещано. И порядочной протокол всему держать велеть.

4. О смотреии над всеми дворцовыми строениями и церквами и о управлении о всех при Дворе расходах и о произведении годового жалованья всем придворным служителям.

Он же Обер-Гофмейстер имеет верхнее надсмотрение над всеми дворцовыми строениями, над Придворными церквами и всеми их принадлежностями. Також и все при Дворе случающиеся и к содержанию онаго потребные расходы, какого звания оные бы не были, под его Главным управлением отправляются и из подвластной ему Дворцовой Канцелярии о всем потребном надлежащего определения и распоряжения учинятся, также и всем придворным как вышним так нижним чином и служителям ежегодно жалованье раздается. И Ея Императорскаго Величества Всемилощивейшее соизволение есть, чтоб оная раздача жалованья по Генеральному Регламенту произведена была, то есть, по третям и по прошествии каждой трети года.

5. О подавании всем дворцовым управителем о надлежащих расходах ведений к Обер-Гофмейстеру и о смотреии, о скончании по прошествии всякаго года всех дворцовых счетов и о подаче к ревизии.

И понеже таким образом все дворцовое содержание и управление к тому касающихся иждивений от Обер-Гофмейстера и обретающейся под его ведением Дворцовой Канцелярии зависит, того ради все впрочие дворцовые управители должны о всяких до их департаментов надлежащих расходах и потребностях ему Обер-Гофмейстеру ведения подавать и он, учиня обо всем рассмотрение и согласаясь с теми, до которых дело надлежит, всякому к управлению поверенных ему расходов потребных деньги, запасы или вещи из Дворцовой Канцелярии отпускать. Напротив того от всех Департаментов по вся месячно порядочные репорты обо всем получает, дабы буде в чем какой недостаток явится, немедленное о том учреждение и дополнение из Дворцовой Канцелярии учинено быть могло, где также все дворцовые счета розочтены и от него, Обер-Гофмейстера,

апробованы быть имеют. Равным же образом Обер-Гофмейстер имеет о состоянии казны, из которой потребные расходы чинятся, ежели во оной какой недостаток случится, о том благовременно всеподданнейше доносить, дабы о том милостивое определение учинено было, и для того он, Обер-Гофмейстер, по последней мере по вся кварталы, ежели не во вся месяцы, от тех, которые щет держат, перечневого экстракта о том требовать имеет, чтоб потому поступать мог, а по прошествии всякаго года имеет он Обер-Гофмейстер смотреть, чтоб генерально все до Дворцоваго домашнего управления касающиеся щеты, окончены, освидетельствованы, апробованы и к ревизии поданы были. И дабы то лучшим успехом приходило, особливо на то смотреть, чтоб весь приход с расходом сличен был и верными доказательствами явилось, что как в расход, так и в приход исправно и верно поступлено было.

6. О надзирании в строении и починке определенных к Императорской Резиденции замков и загородных домов.

Должен он Обер-Гофмейстер все к Императорской Резиденции определенные замки и загородные дома и строения под своим надзиранием иметь, о случающемся в них поправлении чрез определенных интендантов и других служителей себе объявлять и починивать велеть. Ежели же до важнаго дела и строения касается, о том Ея Величеству Самой доносить. И во всяком случае с присяжными архитекторами [Так в [68]. — В.М.] обще ведомость подавать и милостивейшей резолюции на то ожидать.

7. О требовании ежедневных ведомостей от Управителей, которые в замках Резиденции, о всем в том их состоянии и карауле.

Имеет он Обер-Гофмейстер от тех служителей, которые в замках Резиденции, где Императорской Двор обретается, управление имеют, ежедневно ведомости требовать, что ночью случилось, и их понуждать чтоб они огня и свеч смотрели и никаких выносов не позволяли. Також и караулам чрез их командующих офицеров имянно приказать, чтоб они того смотрели и учиненныя о том определения исполняли.

8. О делании Придворным служителям новой ливереи и о покупках и о потребностях случающихся при Дворе.

Когда Придворным служителям новую ливерею делать или иныя кия покупки и потребности при Дворе случатся, то Обер-Гофмейстеру о всем потребныя ведения подаются, и он, сообщая о том с прочими при Дворе главными чинами и до кого дело надлежит, из своей Канцелярии надлежащия определения и распоряжения учинить.

9. О допущении к Ея Императорскому Величеству из российских или из иностранных особ мужескаго полу чрез Обер-Гофмейстера и о прочих церемониях и торжествах.

Когда кто хотя из Российских или из чужестранных особ мужескаго полу к Ея Императорскому Величеству допущен быть желает, то все к Обер-Гофмейстеру адресоваться имеют, а он Ея Величеству о том докладывает и указы от Ней получа, им о времени объявить им велит, и которые знатные, во определенные к тому апартаменты вводить и Ея Императорскому Величеству представляет. Он же при всех церемониях и торжествах непосредственно пред Ея Императорским Величеством идет и при публичных аудиенциях за Ея Величества креслами по правой стороне станет.

10. О поступке когда при торжественном каком случае Ея Императорское Величество изволит ехать в какую церковь.

Когда при торжественном каком случае Ея Императорское Величество изволит ехать в какую церковь, то Обер-Гофмейстер при карете Ея Величества тогда не присутствует, но за оною токмо рядом едут верхами или пеши следуют, смотря на разстояние церкви, или по торжеству: Обер-Шталмейстер по правой руке, а по левой Обер-Камергер. А когда Ея Императорское Величество едет из города, то помянутые чины едут пред Ея Величеством в каретах, в которых Обер-Шталмейстер первое место имеет и при таких случаях только одному Обер-Гофмейстеру, ежели он присудствует, уступает.

11. О поступке и удовольствовании экипажем и прочим когда иностранные Государи к Императорскому Двору прибудут.

Ежели же случится что иностранные Государи к Императорскому Двору прибудут, то Обер-Гофмейстеровою должностъ есть того смотреть чтоб им к их услуге кавалеры, пажы и другие служители даны, и каждой по своему достоинству, как угощением так и квартирою, экипажем и прочим таким образом учтиво и довольственнo снабден был как Ея Императорскаго Величества Высочайшая честь и присудствующих чин и достоинство того требует, якоже когда такие чрезвычайные расходы случатся, ему надлежащее определение чинить и откуда оные брать, надлежащее представление чинить и все потребное учреждать надлежит.

12. О содержании правосудия над всеми подчиненными нижними дворцовыми служителями в происходящих между ими ссорах и случаях.

Понеже Обер-Гофмейстер, как выше упомянуто, над всем Дворцовым управлением верхнее надзирание и начальство имеет и по силе такого его перваго при Дворе чина, должен главнейше старание иметь о постоянном содержании и сохранении добраго и совершеннаго во всем порядка и дабы всяк касающийся до него должности надлежаще исполнял, также ни кому ни в чем обида не учинена, но паче каждому всякая справедливость всегда показана была. Того ради ему принадлежит верхнее содержание

правосудия над всеми подчиненными нижними дворцовыми служителями в происходящих между ими ссорах, делах и случаях, которые от их непосредственных начальников решены быть не могут; также ежели чужестранные на таких дворцовых служителей жалобы приносить станут. Однакоже сие разумеется токмо о таких делах, которые не великой важности и до дворцовой службы касаются или иным каким рассуждением Дворцовому ведению и вершению подлежать могут, а в прочих тяжёбных, как о наследстве движимаго или недвижимаго имения или тому подобных делах в надлежащем месте те дворцовые служители бить челом и суда искать имеют.

13. Об отсылке розыскных дел в преступлении дворцовых служителей для вершения в Юстиц-Коллегию.

Когда кто из Дворцовых служителей в такое дело или в преступление впадет, которое розыску подлежит, то хотя Обер-Гофмейстер оное по требованию его чина розыскать и следовать будет, однакож по исследованию имеет он для вершения и учинения приговору оное дело отослать в Юстиц-Коллегию. Но прежде Ея Императорскому Величеству о том всеподданнейше докладывать и о Всемиловитвейшей Аprobации просить.

14. О вершении маловажных дел между дворцовыми служителями и о записывании того в Регистратуре.

В маловажных делах, когда дворцовые служители иногда между собою несогласие имеют или один для какого преступления наказанию подлежит, то оное дело хотя кратко вершить; однакоже по меньшей мере то в Регистратуре записать дабы когда востребуется о том подлинное известие подано быть могло.

15. О советовании Обер-Гофмейстеру с прочими главнейшими Придворными чинами о лучшем Императорского Двора управлении.

В протчем же, Обер-Гофмейстеру прилежно стараться и с прочими Главнейшими Придворными чинами советовать, что к лучшему домашняго Императорского Двора удравлению касаться может. И ежели в пользе оного что найдется, то вообще постановя, Ея Императорскому Величеству к решению и к Аprobации всеподданнейше предложить. Когда же они о том между собою согласиться не могут, то каждому особливо мнение свое письменно подавать и Ея Императорскому Величеству для Всемиловитвейшаго решения докладывать.

16. Об употреблении Обер-Гофмейстеру Дворцовой ливереи и экипажа.

Обер-Гофмейстер, для дистинкции Придворного его чина, ливерею и экипаж дворцовой употребляет.

У подлинной Инструкции подписано собственно Ея Императорского Величества рукою тако:

„Анна”

Примечание. Инструкция эта сохранилась в современной копии, в книге № 8-й под заглавием «1730 г. Копии с Инструкций Обер-Гофмейстера, Обер-Гоф-Маршала и Гоф-Маршала».

А.2 Инструкция Ея Императорского Величества Обер-гофмаршалу (1730 г.)

Внутреннее и подробное Дворцовое управление и к тому принадлежащие службы, не меньше как Начальство и ведение доброго во всем порядка и регламента, особливо от Обер-Гофмаршала и его Департамента зависит. И по неже к управлению и исполнению сего знатного чина; не токмо доброго и честного поступка и безспорочной к Ея Императорскому Величеству верности, но и довольного знания и искусства персона требуется: того ради Ея Императорское Величество во Всемиловейшем разсуждении добрых качеств и достоинства бывшего при Его Императорском Величестве Петре втором блаженнейшия памяти, старшего Действительнаго Камергера Графа и Рейнгольда Левенвольда одного к тому определить и в Свои Обер Гоф-Маршалы пожаловать Всемиловейше соизволила.

1.

И тако имеет он Обер Гоф-Маршал в начале к Ея Императорскому Величеству и Ея Императорской фамилии, как верному слуге и честно Придворному человеку надлежит поступать, всякой всеподданейший респект оказывать и всегда по Ея Императорского Величества повелению и запрещению учинить, якоже Ея Величество ему для лучшего понятия того свободно доступ позволяет и его всегда, сколь часто он о чем важном предлагать будет, милостиво выслушать и надлежащую резолюцию снабждать изволит.

2.

Во управлении того чина имеет он Обер Гоф-Маршал о всем том, что к лучшей пользе и удовольствованию Ея Императорского Величества касаться может и как оное производить и все убытки по крайнему разумению остерегать и отвращать всякое старание показать и над всем, что до его ведения и департамента надлежит, прилежное смотрение иметь.

3.

И понеже Главнейшая Обер Гоф–Маршальскому чину принадлежащая должность в том состоит, надзирание иметь, дабы, как Императорской, так и прочие при Дворе потребные столы, по Ея Величеству указу и соизволению, порядочно держаны и управлены были. Того ради Обер–Гофмаршал, с совету и согласия Обер–Гофмейстера, также и с сообщением с подчиненным ему Гоф–Маршалом и с прочими до которых управление того касается служителями, однажды за всегда учреждать и распорядить имеет сколько и какие столы, также и для кого и каким образом ежедневно при Дворе держаны быть имеют, ко всякому столу всяких чинов потребные служители, которым оной управлять, назначить и нарядить и каждому свою службу подробно предписать, не меньше же о нижних служителях кому из них при Дворе стол, а кому вместо того кормовая деньги давать, порядочное определение учинить; а и когда о том обо всем по Ея Императорского Величества Всемиловитейшему соизволению надлежащее соизволение и распоряжение учинено и поставлено: то Обер–Маршалу старание иметь и, как сам, так и чрез подчиненных ему управителей, накрепче на то смотреть дабы все так исправлено и во единожды уставленном порядке содержано было как Высочайшая Ея Императорского Величества честь и слава требует и к Всемиловитейшему Ея Величества удовольствованию и надлежащему Императорского Двора управлению касаться может.

4.

К получению же сего намерения и дабы надлежащему в том порядку наилучшим образом предусмотрено и все как к поварне и погребам потребные, так и прочие всякие на содержание Двора надлежащие запасы и провизии заблаговременно приготовлены были: того ради Обер Гоф–Маршал, яко главный и верхний над поварнею и погребом и все что до того и до содержания того касается управитель, имеет с прочими под его начальством стоящими и к управлению таких дел определенными и придворными служителями обо всем прилежно советовать и о всяких под его ведением при Дворе случающихся расходах точные ведомости из недели в неделю поваренные и погребные экстракты чрез Гоф–Маршала принимать, пересматривать и освидетельствовать: а потом, такие от него засвидетельствованные щеты, обо всем что исходит и вновь на дополнение требуется порядочно, для ведения помесечно Обер–Гофмейстеру отдавать якоже и Обер–Гоф–Маршал каким наилучшим и способным образом такие потребности припасены и все лишние убытки и протори отвращены и все Дворцовое Управление в надлежащем порядке содержано было и Ея Императорского Величества польза, интересы во всем и со всякою предосторожностью сохранены быть могли б, с Обер–Гофмейстером во всех случаях прилежное сообщение иметь и советовать: такожде и крепкое

надсматривание иметь должен чтоб от подчиненных ему нижних управителей и служителей их оплошностью или неверностью никакия утраты не учинились.

5.

И яко он Обер-Гоф-Маршал все Придворному управлению принадлежаши служители под своим главным ведением имеет и оные в их должности определяет и наставляет и тако имеет он старанье и смотреть чтоб все и каждый, по требованию их чина и по содержанию предписанного им учреждения, свою службу со всяким должным и возможным прилежанием исправляли, всякие беспорядки между ними прилежно предостережены и во всем доброй порядок, поведение и честность содержаны были; а буде кто из ливрейных или из прочих Обер-Гофмаршалству подчиненных служителей тому противно учинить и небрежением своей службы и должности или иным каким образом в погрешение и в преступление впадет, то Обер Гоф-Маршал против оного, по состоянию его чина и по учиненному на предь рассмотрению, в невеликой важности делах с надлежащим штрафом и наказанием поступает, а в важных преступлениях, об нем, для учинения решения о наказании или вяцаго определения ко Обер-Гофмейстеру в обретающуюся под его дирекцию Канцелярию отсылает; в протчем же Обер Гоф-Маршал, сколько от его ведения зависит, должен старание иметь дабы во всех случающихся делах каждому справедливость показана и всякое дело как возможно в кратце вершено и до пространства недопущено было.

6.

По силе такой Обер-Маршалу принадлежащей должности имеет он также надсматривание, дабы те которые в Дворцовую службу принимаются всегда доброго и безпорочного состояния и верности, не меньше же ко отправлению чинов в которые они определяются годны и следовательно всегда люди надежные и достойные были и когда по сему кто в службу или в чин какой пожалован будет, то Обер Гоф-Маршал ему надлежащее определение где ему обещанное жалованье в обыкновенных сроках получать дает, также буде ему по чину своему иных служителей ведать и ими повелевать надлежит, то его таким подчиненным служителям представляет и им о исполнении их должностей приказывает.

7.

Все ко двору или придворных служителей надлежащая квартиры под Обер-гофмаршалским ведением и он чрез Квартирмейстера всем придворным чинам и служителям, кому надлежит, квартиры дает и репорты в том от Квартирмейстера порядочно получает и на то наиглавнейше смотреть имеет, дабы по причине тех квартир никому обида не показана и ежели жалобы какия в том происходить будут, скорое и справедливое поправление учинено-б было.

8.

Как поварня, погреб, шенки, конфектурная камера и все к управлению Императорских Придворных столов принадлежности и к тому учрежденные всякие служители под Оберъ-Гоф-Маршальскою Дирекциею обретаются, так и все ко Дворцовому употреблению служащая вещи, сервизы и посуды его верхнему ведению подлежат и он на то смотреть имеет чтоб тем вещам, которыя в расход отдаются верная опись всегда держана и от тех, которым оныя даются, росписка взята была, которые в тех им отданных вещах ответственовать должны, чего ради и он Обер-Гоф-Маршал в поварне, в погребах, конфектурной и серебряной каморах, прилежно и сколько возможно сам, а больше чрез Гоф-маршала всем по росписям и по запискам осматривает и по часту освидетельствует, или что иногда утрачено или испорчено отмечает; которыя малые починки или прибавки требуются собою определяет, а ежели важные, то о том Обер-Гофмейстеру и под его ведением обретающейся Дворцовой Канцелярии представляет или по требованию дела, Ея Императорскому Величеству Самой всеподданейше докладывает и от Ней Всемилостивейшаго определения ожидает. А когда кто из таких ему в сохранение отданных вещей злобным или неосторожным образом что потеряет или иным образом какой убыток в том приключает, то он в том ответственовать и причиненные от него убытки заплатить должен. И для того по изобретению дела из его жалованья за то вычтено и за его неосторожность надлежащее наказание ему учинено быть имеет; яко-же Обер-Гоф-Маршал особое старание имеет дабы всякое расточение при дворе пресечено и все и каждое, куды надлежит на то и употреблено, а сверх потребнаго и определенного ничего лишняго не издержано-б было.

9.

Когда на Императорских ливрейных служителей, как уборная так и ежедневная дворцовая ливрея по Всемилостивейшему Ея Императорского Величества соизволению вновь строена быть имеет, то надлежащее о том ведение и на сколько людей ливрею сделать и что всяких вещей на то потребно подробныя росписи от Обер-Гоф-Маршала Обер-Гоф-Мейстеру в дворцовую канцелярию для учинения о том учреждения благовременно сообщаются и он с Обер-Гофмейстером прилежно обо всем советывать и старание иметь должен, дабы та ливрея удобнее сделана и с теми купцами, которым товары и вещи ставить или из других краев выписывать, надлежащие подряды и контракты, как о множестве, так и о качестве вещей и о сроке поставки и платежа до Всемилостивейшей апробации порядочно учинены, также с мастеровыми людьми за работу договореность, а наипаче то предостережено было чтобы как лучшая Ея Императорского Величества польза, так и не меньшеж Высочайшее Ея достоинство требует.

10.

Понеже Обер-Маршал также по должности своего чина управление всех при Дворе случающихся торжеств имеет, того ради он должен все то, что при таких торжественных и публичных или всяких иных отправлениях на пред сего в употреблении было также и то, что к тому для содержания церемониалу и протчаго управления по Высочайшему Ея Императорского Величества соизволению прибавлено или отменено быть может, знать. И так при чрезвычайных и зело редко случающихся великих торжествах яко: Коронациях, Супружествах, Крещениях и смертных случаях, имеет он Обер-Гоф-Маршал каким образом с церемониалом поступать все потребное предусматривает и с сообщением совета и согласия Обер-Гоф-Мейстера, Обер-Церемониймейстера и всех придворных чинов, до которых дело и управление онаго касаться может, учреждать и о том сочиненное всеподданнейшее мнение Ея Императорскому Величеству для Всемиловитвейшей апробации подавать, и что единожды постановлено, крепко содержать и как то учреждено и исправлено прилежно записывать и для постоянного предбудущаго известия в канцелярии сохранять и в учиненную о том роспись вносить велеть. Ежели-же за особливими обстоятельствами некоторое затруднение или важное сумнение при том случится, то имеет он о том с сообщением Обер-Гоф-Мейстера с Императорским высоким Министерием в присутствии Обер-Церемониймейстера советывать, и все так учреждать как слава и украшение Императорского Дома и Двора того требуют.

11.

Когда по причине какого смертнаго случая траур при Дворе употреблен быть имеет, то равным образом, как при учреждении прочих торжеств Обер-Гофмаршал, с сообщением и совету Обер-Гоф-Мейстера и других главных Придворных чинов до кого что касается, также и Обер-Церемониймейстера потребное о том учреждение каким образом и как долго оной траур носить, сочинить и к Всемиловитвейшей апробации подавать имеет.

12.

Равным-же образом при торжественных отправляемых фестейнах, которая в высокия дни рождения, коронации и именин случаются, Обер-гофмаршальская должность есть, чтоб он с сообщения Обер-Гоф-Мейстерскаго и с совету других придворных чинов до кого что касается, потребныя учреждения чинил, дабы при том все порядочно и как Императорское достоинство требует, отправлено было. И имеет он придворным кавалерам приказывать, также и сам сколько возможно смотреть, чтоб как Собственное Российское Министерство и Генералитетство, так и чужестранные послы и посланники, которые к тому призваны будут, учтиво

и пристойно приняты, к столу званы и при оном по их чинам, рангам и характером посажены, потчиваны и удовольствованы были. Ежели-же он в том сумнение какое либо имеет или между присутствующими послами, которые репрезентательной характер имеют или прочими чужестранными министрами о председательстве некоторое затруднение явится, то имеет он по требованию дела, или Ея Величеству о том докладывать, или с другими советовать, и прилежно того смотреть, чтоб ни Собственных Российским Министром правам, ни иностранным обид не было. Яко-же ему в сумнительных случаях такие способы изыскивать надлежит, через которых-б обе стороны удовольствованы быть могут: яко выниманием цыдулок и прочее.

13.

Во всех таких публичных и торжественных случаях и отправлениях, Обер-Гоф-Маршал всегда с своим жезлом служить, а именно: кушанье на стол внесено и поставлено, то он с жезлом в руке Ея Императорскому Величеству о том доносит, и прямо пред Ея Величеством к столу идет, где он свой жезл одному Придворному кавалеру до тех мест для держания отдает, пока дневальной Камер-гер Ея Императорскому Величеству блюдо с рукомойником поднесет и он Обер-Гоф-Маршал салфетку для утирания подает и стул, на котором Ея Императорское Величество сядет, придвинет, потом принимает паки жезл и не отдает пока Ея Императорское Величество не встанет, когда паки стул отнимает, салфетку подносит и Ея Императорское Величество в Императорские покои с жезлом паки препроводить; такожде Обер-Гоф-Маршал приказывает, в которой час в литавры бить и в трубы к столу играть и когда то учинено, докладывает Ея Величеству носить ли кушанье и полученный указ роздает.

14.

Когда же для многих таких при Дворе торжеств и иных чрезвычайных расходов, про обиход Дворца, определенное число всяких вещей и запасов доставать не будет, то должен Обер-Гоф-Маршал, взяв от подчиненных управителей и служителей ведение тому что еще потребно, о том заблаговременно всеподданнейше предлагать и Всемиловейшего решения ожидать.

15.

Когда Ея Императорское Величество куда на несколько время отъезжать изволит, то должен Обер-Гоф-Маршал, как вышним так и нижним Придворным служителем, которым за Ея Величеством ехать или оставаться, Ея Величества Всемиловейшее соизволение объявить; с Обер-Шталмейстером и прочими Главными Придворными чинами о том, что от каждого к тому уготовлено быть имеет, сообщаться, и все потребное порядочно учреждать и попечение иметь, ежели он сам за Ея Величеством

следовать имеет, дабы все в добром порядке по всякой возможности исправлено было; а когда он сам за Ея Величеством в походе не будет и управление Гоф–Маршалу или иному кому поручить, то оному обо всем надлежащее наставление дать и во отсутствие Ея Императорского Величества прилежное надзирание над Дворцом иметь, дабы все в добром состоянии содержано и к возвращению Ея Величества заблаговременно что надлежит исправлено.

16.

В протчем, Обер–Гоф–Маршал, как уже отчасти упомянуто, должен при Дворе и сколько до него и до его управления принадлежит, совершенно и постоянно порядок содержать, с каждым из высоких и нижних Придворных служителей ласково обходиться, всякого в нуждах своих охотно выслушать и как возможно удовлетворять и всякие являющиеся непорядки как возможно с самого начала пресекать и старание иметь якоже он и все то что иногда в сей инструкции не написано и при Императорском Дворе случится и до его чину касаться может, со всяким прилежанием исполнять и остерегать имеет; а что ему одному не возможно, о том с Обер–Гоф–Мейстером или по состоянию дела и с другими советовать, и следовательно все то, что к Всемиловитейшему Ея Императорского Величества удовольствованию и к исполнению во всем Ея Высочайшаго соизволения служить может, подлежащим образом и радением в действо производить.

А.3 Особенные высочайшие повеления 1730 г.

Приведем некоторые Высочайшие повеления по Придворному ведомству, опубликованные в [68]. Особое внимание заслуживает номер 26): архитектор Растрелли известен всем.

24) 1730 г. Сентября 2, кн. 7. № 26. «Об освобождении от постоя Придворнослужителей, имеющие свои дома в Москве».

Высочайше повелено: у Придворных Ея Императорского Величества служителей, которые в Москве имеют дома свои в оных их домах на квартиры никого не ставить, а которые Придворные же служители домов своих не имеют, оным давать квартиры по присылаемым реестрам от Двора Ея Императорского Величества за рукою Гоф–Штаб–Квартирмейстера Маркова, да из оных же Двора Ея Императорского Величества служителей, а именно: камер–лакеев, лакеев, гайдуков, поваров, хлебников, скатертников и истопников и прочих нижних чинов с дворов их и рогаточного караулу не спрашивать и в том в Полицмейстерскую Канцелярию послать промеморию (Указ за подписатем Обер–Гофмаршала Графа Фон–Левенвольда).

25) 1730 г. Ноября 5-го, кн. 7. «О выдаче по 100 р. на приданое девицам, служившим при покойной Великой Княжне Наталии Алексеевне: Анне и Фекле Самариным».

26) 1730 г. Ноября 10-го, кн. 7. № 28. «О назначении Придворным Архитектором итальянца де-Растрелли».

Ея Императорское Величество указала Именным Своим Императорского Величества Указом: Итальянской нации Архитектору де-Растрелли, по учиненному с ним контракту быть при Дворе Своего Императорского Величества Придворным Архитектором, считая сего 730-го года июня с 1-го числа (с которого он Растрелли обретался у строения нового Ея Императорского Величества Дворца) впредь три года, а именно будущего 1733 года июня по 1-е число и делать ему всякое строение каменное и деревянное, какое от Двора Ея Императорского Величества повелено будет, а Ея Императорского Величества жалованья давать ему по вышеписанному контракту по 800 рублей в год и сей Ея Императорского Величества Указ в Придворной Конторе записать в книгу (Указ подписан Обер-Гофмаршалом Графом Левенвольдом).

27) 1730 г. Ноября 15-го, кн. 7. № 29. «О пожаловании Царевне Екатерине Иоановне золотого подноса».

Ея Императорское Величество пожаловала имевшийся в комнате Ея Императорского Величества, из приема Эриха-Муса золотой поднос, в котором весу 1 фунт 65 золотников, изволила отдать сестре Своего Императорского Величества Ея Высочеству Благоверной Государыне Царевне и Герцогине Мекленбургской Екатерине Иоанновне.

28) 1730 г. Декабря 1-го, кн. 7. № 30. «Об определении в должность Придворного башмачника Кирила Борисова, бывшего башмачником при покойной Великой Княжне Наталии Алексеевне, с жалованием в год 60 р.»

29) 1730 г. Декабря 10-го, кн. 7. № 31. «О постройке повседневной ливреи Придворнослужителям и пажам».

30) 1730 г. Декабря 17-го, кн. 7. № 32. «О пожаловании денежной награды мундкоху и поварам».

Высочайше повелено выдать в Приказ денег на Верхнюю кухню: мундкоху Абдонку с подчиненными ему поваренными служителями 50 рублей, на Нижнюю кухню кухмистра Волку с служителями той кухни 50 же рублей. (Указ объявил Обер-Гофмаршал Граф Фон-Левенвольд).

31) 1730 г. Декабря 31-го, кн. 7. № 33. «О пожаловании в лакеи Михаила Андреева».

Высочайше повелено бывшей фрейлины Анисьи Толстой служителю ее Михаиле Андрееву, сыну Ястребову, быть при Дворе лакеем с жалованием противу прочих лакеев по 80 р. в год. (Указ объявил Гофмаршал Шепелев).

А.4 Начало образования при Капелле музыкантов (1740 г.)

Указ Нашему Обер-Гоф-Маршалу
Графу фон Левенволду.

Понеже не безизвестно, что из обучающихся при Дворе Нашем двенадцати старых музыкантов, иноземцов, некоторые будучи в долговременной службе находятся ныне в глубокой старости и за тем в знатные торжественные и другие дни когда при Дворе Нашем бывает бал, при музыке не бывают и быть не могут и для того в оной музыке бывают недостатки и ради дополнения оной принуждено брать и употребляются музыканты из других команд, того ради повелеваем от ныне впредь для Придворной капеллы содержать при Дворе Нашем из малолетних малороссийскаго народа людей обученных нотнаго пения до двенадцати человек, которых в удовольствие Придворной капеллы на разных приличных той капеллы инструментах обучать концерт-мейстеру Ягану Гибнеру и к принятию к той науки желающих представлять ему Гибнеру, а что до той музыки каких инструментов и прочаго надлежит оным удовольствоваться а тем ученикам квартиру иметь дрова и свечи и на письмо нот бумагу и чернила получать от Двора Нашего от Придворной Конторы, а что до той музыки каких инструментов и прочаго надлежит оным удовлетворять, також на содержание и пропитание тех учеников до совершеннаго той музыки обучения производить в дачу по 40 р. в год каждому человеку, да сверх того делать по всягодно мундир суконный, кафтаны, камзолы и штаны из одного зеленого сукна, ценою не свыше рубля аршин; да епанчи в три года из сукон василкового или зеленого цветов, ценою не свыше 70 к. аршин от Камер-Цалмейстерской Конторы, и в том обучении вышеписанных учеников иметь ему Гибнеру тщательное и прилежное старание, дабы каждый в своей науке к действительному и фундаментальному познанию возмог придти в непродолжительном времени, а когда из них кто в той науке лучше происходить будет, о таковых ему Гибнеру представлять, по которым представлениям тем к науке рачительным для лучшего авантажу чинить награждение прибавкою жалованья и смотря по достоинству той науки определять на убылые музыканские места и оклады действительными музыкантами, а на против того ежели из оных учеников, которые к той науке явятся неспособны, то о таковых не продолжая дальнего времени ему Гибнеру потому ж представлять и чинить о них особое рассмотрение.

(На подлинном подписано) Анна.

Генваря 10 дня 1740 г.

А.5 О приведении конских заводов в лучшее состояние и о размножении оных (1732 г.)

№ 6071 — Мая 26. Инструкция Генерал-Адъютанту и Генерал-майору Волынскому. — О приведении конских заводов в лучшее состояние и о размножении оных.

«Указали Мы, Нашему Обер-Шталмейстеру и Лейб-Гвардии Нашей Измайловскаго полка Полковнику и Генералу Нашему Адъютанту Графу фон Левенвольду собственные Наши, которые ныне есть Дворцовые конские заводы учредить, и оные размножить и привести в добрый порядок, сколько возможно, также и вновь в Государстве Нашем, усмотря к тому удобныя места, заводить и размножать по возможности особливые Государственные конские заводы, дабы впредь со временем могли Мы довольствоваться, как конную Нашу Гвардию, так и всю Нашу кавалерию, Своими природными Государства Нашего лошадьми рослыми, вместо того, что ныне в драгунских полках мелких лошадей и весьма негодных к регулярному войску имеет, а для вспоможения ему Обер-Шталмейстеру в том и размножения оных наших обоих конских заводов, повелели Мы быть в команде его Обер-Шталмейстера вам Генералу-Майору Волынскому, и для того ехать вам в Москву, и прибыв, чинить по нижеписанным пунктам:

1. Прибыв в Москву, взять вам из Сената обстоятельные ведомости, а именно Нижегородской, Казанской, Воронежской, Белогородской Губерний и при том Алатырской, Арзамасской, Свияжской, Симбирской, Пензенской, Козловской, Тамбовской, Севской, Курской Провинций, о солдатских и казачьих слободах и об однодворцах и тех слобод и о прочих подобных тому наших землях, также и о ясачных волостях, сколько оных числом слобод и волостей, и которая в котором уезде, и что в которой волости и слободе дворов и в них мужеска полу душ, и что в которой волости и слободе в дачах пашенных земель и сенных покосов и лесных угодий, и по скольку с души с которой волости и слободы платят подушных денег и на которые полки которые волости и слободы расположены, и вышеписанные все слободы и волости при каких реках или малых речках, и чтобы о всем о том в тех ведомостях прописывано было именно.

2. Потомуж взять ведомости и из Дворцовой Канцелярии о всех наших дворцовых волостях и о подмосковных селах прежних и вновь приписанных к дворцу Нашему, которая волость в которой Губернии и Провинции и уезде и что в которой волости и селе числом дворов и в них мужеска полу душ, и что в которой волости в дачах земель, пашни и сенных покосов и лесных угодий, и при каких реках, и по скольку в которой волости сеется какого дворцоваго хлеба и по скольку косят дворцового сена или окладного сена собирается с крестьян, и почему платят денежных и

хлебных, окладных и неокладных дворцовых доходов и почему в которой волости платят подушных денег и на которые полки которая волость расположена.

3. Учредить вам в Москве особливую Коммиссию о размножении вновь в Государстве Нашем сочиняемых конских (для Нашей Конной Гвардии и Кирасирских полков) особливых заводов; а в тое Коммиссию для вспоможения вам определить Членов, а именно из тех, которые по требованию помянутого Обер-Шталмейстера, по посланному в Сенат Нашему указу к оным делам определены; да канцелярских служителей, Секретаря Петра Богданова, который ныне у вас в комиссиях следствия, а канцеляристов и подканцеляристов и копиистов взять в Москве из Коллегий и Канцелярий до 10 человек; а кто потребены будут, о том требовать вам в Москве от Сената именно; и которые взяты в Москве от мест будут, тем получать жалование из тех Коллегий и Канцелярий, откуда они взяты будут; а которые взяты будут из Губерний и Провинций, тем давать вам жалованье из ассигнованной на конюшенные расходы суммы, сколько числом вам от Обер-Шталмейстера Графа фон Левенвольда особливо на оные расходы определено будет.

4. Собрать вам по 1 и по 2 пунктам ведомости из Сената и из Дворцовой Канцелярии, рассмотреть в Коммиссии о размножении вновь наших конских заводов, и которые волости и слободы дворцовые и прочих званий, по мнению вашему рассудятся удобны быть для конских заводов, послать вам в те волости и слободы из Коммиссии определенных для того по указу Нашему как Гвардии Нашей Обер-офицеров, так и прочих полков офицеров, придав им по своему разсуждению унтер-офицеров для вспоможения и солдат или драгун для конвоя, и велеть им те волости и слободы осмотреть и описать со всеми принадлежащими к ним пашенными землями и санными покосы и лесными угодья, прописывая каждую волость, село и деревню именно, котораго она уезда и что в ней числом дворов и в них мужеска полу душ, и почему где платят подушных и прочих окладных и неокладных доходов и сколько имеют земель в дачах четвертей по писцовым книгам, пашни и санных покосов и при каких оные волости, слободы, села и деревни больших реках и малых речках, и те воды чрез какой грунт течение имеют, а именно: чрез каменистый, или песчаный, или иловатый, или тиноватый, и есть ли при каких речках ключевая воды, также и пашенные какие имеют земли, черные или серые, и прочие какие разности земель и в сколько мер где по местам сверх семян земля ординарный хлеб родит; по тому ж осмотреть и описать каждого места и санные покосы, как луга, так пустоши и степи, и оные измерять верстами и положить в десятины, прописывая оных покосов длину и поперечник порознь, и которые покосы косят на себя жители и которые отдают в наймы и за какую цену и при том осматривать травы, где есть дятловина, пырей или мелкая осока, и, прописывая в описях именно, и по сколько где с которого луга, пустошей и степи каких сен званиями косится числом волоковых копен; а при том для лучшего на-

пример исчисления апробовать весом в каждом месте копен по 5 или до 10, по сколько где в копне будет весом пуд, дабы по тому можно было впредь ведать, где велики, где малы ставят волоковые копны, где есть и лесные мелкая поросли, которые впредь можно будет расчистить для сенных покосов, и те особливо описать же и измерить по тому ж в десятины; также осматривать и описывать и леса, прописывая в тех описях именно на сколько где верст годного на строение и дровяного и какие где леса, красные или черные и в каком расстоянии от которых волостей и слобод, сел и деревень имени, и в чьих те леса дачах. А ежели где в Наших Дворцовых и ясачных и солдатских и в прочих вышепомянутых дачах лесов, годных к строению, также и дровяного, нет; то по тому ж прописывать под каждым селом и деревнею именно, откуда тех мест жители оные леса получают себе на строение и на прочие потребности и как далеко возят и где водою и где сухим путем и из чьих дач, и буде где покупными лесами довольствуются, прописывать и то именно, почему купят 100 бревен хорошего лесу и заборнину и оный лес какой длины и толстоты в отрубе, также и дров, почему зимний воз купят. Притом велеть во всех местах осматривать и обыскивать глину, удобную для дела кирпича на печи и на нужные строения, на кузницы, на водогрейные горны и на прочее тому подобное; и где обыскание будет, прописывать в описях под каждую деревнею, и о том именно ж; по тому ж осматривать известь и камень белый и дикий и плитный и круглый, прописывая именно, где какой есть и много ль или мало онаго; а для осмотра и описи мест и земель, лугов и лесов и вод, и сочинения ландкарт, дабы оным посылаемым офицерам каждому по одному человеку геодезистов, а им геодезистам для вспоможения при дать каждому по одному человеку из учеников, и каждой волости селам и деревням сочинить аккуратные ландкарты. Притом, как о слободах и волостях, так и о пустых землях прописывать в тех описях именно, сколько которое место расстоянием верст от которых знатных городов и в скольких верстах которое место лежит от Москвы. И о том о всем надлежит вам Генералу–Майору оным посылаемым офицерам дать из Коммисии надлежащие инструкции, в которых им именно написать, дабы они сами и при них унтер–офицеры и прочие подчиненные, будучи у той описи и осмотров, отнюдь никому никаких обид и налогов не чинили, и чтоб ни с кого взятков никаких не брали и вели б свое дело порядочно, опасаясь за наималейшее преступление военного суда и тяжкаго истязания; а на прогоны, на бумагу, на чернила и на дачу жалованья приказным людям, кои при них будут, выдавать вам деньги из ассигнованной для того нарочно суммы; а канцелярских служителей, сколько кому по вашему разсуждению потребно будет взять им из Губерний и Провинций и из городов, к тем местам ближних, а о даче оных Канцелярских служителей и о прочем о послушных указах в Сенат указ Наш послан.

5. Что по оной учрежденной Коммисии и о сочинении вновь Государственных конских Наших заводов происходить будет, и в которые Губернии и Провинции для осмотра и описи мест, удобных к помянутым

заводам, и сочинения ландкарт кто Обер-офицеры от вас из Коммисии посланы будут, и что по тому учинено будет, о том о всем обстоятельно рапортовать вам, (а в отсутствие ваше рапортовать из Коммисии определенным при вас Членам) Нашему Обер-Шталмейстеру и Гвардии Нашей Полковнику и Генералу Нашему Адъютанту Графу фон Левенвольду для представления о том от него Самим Нам.

6. Вам же Нашему Генералу-Адъютанту и Генералу-Майору иметь дирекцию в Москве над Конюшенною Канцеляриею и подчиненными к ней Конторами, и притом над всеми приписными городами, слободами и волостями и селами и деревнями, которые до сего времени определены ведомством и дворцовыми доходами в Конюшенном Приказе были и которые были в особливой дирекции Нашего Обер-Шталмейстера Графа фон Левенвольда, оные по тому ж приписать и подчинить Конюшенной Канцелярии и иметь вам Генералу-Майору смотрение над всеми Нашими дворцовыми конскими заводами и оные от времени до времени приводить по возможности в добрый надлежащий к содержанию и доброте лошадей порядок. И для того надлежит вам во все приписные города, волости и села по тому ж, как и о прочих волостях в 4-м пункте изображено, послать офицеров Гвардии, а им придать из унтер-офицеров и из капралов и из солдат к тому достойных, и велеть оные города, волости, села и деревни осмотреть и аккуратно описать и сочинить особливья ландкарты, с прописанием дворцовых Наших меж и рубежей, назначивая на тех ландкартах именно, чьи порознь земли вокруг Наших дворцовых земель обошли и приткнулись к землям и угодьям Нашим, а притом самому тебе во все оныя места, где есть Наши конские заводы, ехать и за оными для ревизии посланными Обер и унтер-офицерами посвидетельствовать, правильно ль они по данным от вас инструкциям производили свое дело и не чинили ль каких обывателям обид и налогов и не имали ль себе каких взятков, также и слабости какой и утайки в осмотрах земель, лесов и сенных покосов, просьбы ради тамошних обывателей не чинили ль; и буде явятся в таких погрешениях, тех отсылать к военному суду куда надлежит без всякой поноворки, а между тем, будучи в тех местах, осмотреть вам все Наши конские заводы и оные разобрать по доброте и но шерстям, как кобыл, так и жеребцов и приплодных от них жеребят, а именно: выбирая рослых статных лошадей, и чтоб в них природных пороков не было, а именно, седлистых, острокостных, головастых, щекастых, слабоухих, лысых и прочих тому подобных, а шерстями прибирать годных к заводам вороных, карых, гнедых, бурых, вороночалых, карочалых и буланых. А прочих шерстей в заводах не держать, разве которая кобыла чистая и годная к Шпанским, Английским, Персидским жеребцам для заводу будут, и тех больше ста кобыл не держать; и которые кобылы выбраны годные к заводам будут, оных разобрать по шерстям, дабы одна шерсть с другою на заводе не весьма мешалась, разве по нужде без каких впредь до времени обойтись невозможно будет по довольству кормов тамошних, пока оные заводы впредь покупными годными кобылами

удовольствованы будут. А прочих негодных жеребцов, кобыл и жеребят, отобрав, определить в особливый места по своему рассмотрению, дабы оные более с отобранным и годными в заводах лошадьми уже не мешались. А что отобрано будет годных, и каких шерстей, и какой величины ростом, и сколько числом где оставлено будет, и что выбрано будет негодных, и которая за каким пороком, и куда оные на корм определены будут, о том о всем рапортовать вам обстоятельно Нашего Обер-Шталмейстера Графа фон Левенвольда и требовать о том от него резолюции и по тому впредь исполнять.

7. Учредить вам в Москве Конюшенную Канцелярию, дабы было подлежащее число в ней, также и в заводную Шталмейстерскую Контору, Членов; а кто потребен будет, в Конюшенную Канцелярию и в заводную Шталмейстерскую Контору, оных выбрать из отставных офицеров, также и из дворян искусных людей, которые порядочно ведут в домах и деревнях своих экономию и имеют нарочитые свои домашние лошадиные заводы, и хотя б оные где и у дел Наших были, наведаясь о них подлинно, прислать нам к Обер-Шталмейстеру именам их роспись, кто каково чину, и у каких дел ныне; а при том и Канцелярских служителей, как Секретарей, так и канцеляристов и прочие чины разобрать и выбрать годных, а негодных отрешить; а на те убылые места и вновь в добавок, сколько надлежит, выбрать из Коллегий и Канцелярий в Москве, также и из Губерний и Провинций по одному или по два, дабы и там делам остановки не учинить; а кто потребны будут именно, и у каких ныне обретаются мест, о том прислать вам к нему ж Обер-Шталмейстеру Нашему именную роспись.

8. Учредя Конюшенную Канцелярию и Шталмейстерскую заводную Контору и удовольствовавшись Членами и Канцелярскими служителями, иметь вам старание и накрепко Конюшенной Канцелярии Членам подтверждать, об учреждении в городах и в волостях Наших и во всех приписных местах земель пашенных и о порядочном размножении хлеба и о прилежном смотре сенокосов Наших покосов, дабы все луга, которые от несмотрения заросли, заблаговременно разчищены и в доброе учреждение приведены были, также и травы в удобное время всегда кошены и сена убраны были, понеже вся сила содержания конских заводов состоит в доброте трав и целости сен, дабы оные в надлежащее свое время и ведренные дни кошены и высушены и в нарочно устроенные места убраны были, так, чтоб никакое ненастье во время дождя и снегу онаго сена вредить не могло. И для того во всех местах, как возможно, от времени до времени делать близь сенокосов крытые сараи, в которых класть сено, вместо стогов и сдирдов, дабы впредь, кроме самых степных мест, отнюдь в стогах и скирах сено метано не было, как прежде бывало; понеже от порченного, гнилого и затхлого и помоченного дождем сена все худобы и болезни лошадям происходят; а делать оные сараи, где довольно лесов, там набирать бревнами в столбы; а где скудно лесов, там плестя из хворосту плетневые, а крыть соломою.

9. Между тем, когда вы будете ревизовать конские Наши дворцовые

заводы, осмотреть при том во всех местах конюшенные дворы и какие в них есть худобы или каких надлежащих покоев нет, которых ныне нужда требует, оные велеть исправить и сделать нужные, а особливо для жеребят покои к будущей зиме; а для прочего строения в будущую осень велеть заготовить лесов по своему разсуждению, где как способнее, покупкою или подрядом, будет, и по зимнему пути оные велеть в пристойные места вывозить; а где впредь быть строению, тем местам сделать планы. Также и для Московских Наших конюшен весьма надлежит быть особливому фуражному двору, на котором содержать сено, и чтобы оный был в поле близь Анненгофа, дабы на оном дворе содержать фураж для всех Наших Московских конюшен и чтобы на оном дворе впредь содержано было сено в сараях, а не в скирдах, и принимано было на фуражный двор весом, также и на конюшни раздачи чтобы чинены были впредь таким же образом в вес на число наличных лошадей, а не так, как прежде бывало. И для того обыскать вам к тому удобнее место и сделать план и положить исчисление, что на оное строение потребно будет лесов и прочего, и тому всему строению прописать цену, во что оное стать может. А при том вам и каменный в Москве запасный конюшенный мастеровой двор осмотреть и велеть Архитектору описать, какие в нем худобы и какой требует починки и пристройки и что каких материалов на оную починку и пристройку потребно по исчислению будет, тому всему прописать цену и сочинить план, каков оный двор ныне есть и что надлежит к тому пристроить, дабы впредь быть на том запасном дворе магазинам для дорожных карет, колясок и прочего, и для запасных каретных лесов и прочих надлежащих к конюшне Нашей материалов, и притом быть особливым мастеровым покоем и жить тут мастеровым людям для лучшего и порядочного их содержания.

10. Сочинить вам Нашему Генерал-Майору в Москве обстоятельные ведомости, как о всей Конюшенной Канцелярии, о доходах окладных и неокладных, так и о городах и волостях порознь, и что с которой по окладам собирается дворцовых Наших конюшенных доходов, и что с прошлого 1728 года запущено в доимку, и что на которые годы порознь не взято, и что ныне в Москве какого на лице хлеба, и которых оный годов, и что в городах за расходами на лице ныне какого хлеба, стоящего в скирдах и молоченого в житницах порознь по годам, и оныя ведомости прислать к Нашему Обер-Шталмейстеру Графу фон Левенвольду.

11. Понеже Хатинская волость указом Нашим особливо определена для содержания птичьей и псовой охот Наших, для того с помянутой Хатинской волости, как денежные, так и прочие доходы ни на какие конюшенные расходы держать не велеть, а довольствоваться из оной суммы кречетников, сокольников, егерей и прочих охотников по окладам их денежным и хлебным жалованьем; и оным приходам и расходам велеть вести особливые счета, как надлежит, а с конюшенными не мешать.

12. Разсудили Мы ныне за благо, прежде в собственных Наших конских заводах более умножить Немецких, Датских и прочих пород чуже-

странных лошадей, которых надлежит содержать в особливо чистой и покоем и довольстве, нежели до сего времени в заводах Наших в непризнании лошади непорядочно содержаны были. Однакож оных лошадей в надлежащей доброте малолюдством содержать невозможно; того ради набрать вам из всех волостей из крестьянских и бобыльских детей 200 человек вновь в конюхи, чтоб оные были от 15 до 20 лет, и оных взять в Москву и обучать, чтоб они прежде могли себя в чистоте, а именно в платье и в прочем содержать, а притом обучать их чистить и водить лошадей, и что принадлежит до содержания оных, то б совершенно могли знать, дабы оные со временем могли при Наших заводах исправными конюхами быть, и пока при конюшне Нашей обучаться будут, определить им денежного жалованья по 4 рубли на год, да провиант против солдатских дач, а сверх того поденных на пищу по одной копейке на день, и давать им сермяжный мундир и обувь. Притом особливо выбрать вам из всех же волостей подъяческих, также церковных и земских дьячков и пономарских детей, умеющих грамоте, от 12 до 15 лет 50 человек, и взять их в Москву и отдать для обучения в школу Латинского языка, читать и писать, дабы оные могли знать на Латинском языке имена трав и прочих медикаментов, принадлежащих для пользования лошадей; а потом, когда в той школе обучатся, раздать их для обучения иноземцам коновалам, и пока в школе будут, давать им денежного жалованья по 6 рублей на год, да кормовых денег по три копейки на день и притом сермяжный мундир и обувь. И для того вышеписанных крестьянских и бобыльских и подъяческих и церковниковых детей, ежели которые из них положены и платят подушный оклад, из того оклада их исключить, а что будет той суммы, платить за них из доходов Конюшенной Канцелярии.

13. Впрочем, хотя чего ныне вам, Нашему Генерал-Майору и Генерал-Адъютанту в сей инструкции и не написано, то однакож впредь со временем, что в дополнение к сему еще надлежит, приобщено будет. А между тем, что от вас к пользе Нашей и доброму впредь порядку усмотрено и изобретено будет, в том вам трудиться по совести, сколько возможность допустит, так как верному и честному человеку надлежит, и о том о всем рапортовать вам Нашему Обер-Шталмейстеру и Лейб-Гвардии Нашей Полковнику и Генерал-Адъютанту Графу фон Левенвольду и присылать от себя к нему письменные предложения и во всем поступать и исполнять впредь по присылаемым от него указам и резолюциям. А ежели он Обер-Шталмейстер от двора Нашего за какими делами в отлучении будет, тогда вам в небытность его писать о всем и доносить в Кабинет Наш».

А.6 Из полковой истории л.-гв. Измайловского полка

В этом разделе приводится отрывок из книги «История лейб-гвардии Измайловского полка» [38] Н. Зноско-Боровского, а именно гл. I: «Царствование Императрицы Анны Иоанновны». Читателю следует иметь в виду, что это не просто книга, а официальная полковая история.

1730. 17-го августа 1730 г. генерал-адъютант л.-гв. Семеновского полка полковник князь Голицын, сообщил Государственной военной Коллегии Высочайшее повеление о формировании нового полка пехоты из одной гренадерской и восьми мушкатерских рот.

Хотя в повелении и было сказано, что полк формируется на армейском положении, но полку предполагалось дать гвардейское обмундирование и полк предполагалось сделать гвардейским. Набор рядовых для нового полка был поручен Майору Семеновского полка Хрущеву, который и был послан с этою целью в Малороссию в Ландмилицкие полки.

Хрущеву предписано было набрать людей высокого роста и привести их в Москву не позже половины сентября месяца того же года.

Унтер-офицеров и капралов предполагалось набрать из соседних армейских полков, которые, согласно словам повеления, должны были состоять из «людей добрых, как в состоянии, так и собою, не весьма малорослых и грамоте умеющих, которые бы могли тот сочиняемый полк обучать по указам и впредь офицерами быть».

Музыканты, барабанщики и нестроевые были назначены по распоряжению военной Коллегии.

24-го августа пришло повеление, что вместо одной гренадерской и восьми мушкатерских рот, сформировать в новом полку три батальона, по четыре мушкатерские роты в каждом.

По приводе, майором Хрущевым, людей в Москву, они были представлены па смотр Императрице, которая и нашла их в отличном состоянии.

Вследствие этого состоялся Высочайший Указ, в котором, между прочим, сказано: «Сентября 22-го дня Ея Императорское Величество указала, выбрав из ландмилиции, учредить полк в трех батальонах и в одной гренадерской роте, именовать Измайловским и содержать, против л.-гв. Семеновского полка, третьим полком гвардейским, а офицеров определить из лифляндцев и курляндцев и прочих наций иноземцев и из русских, которые, на определенном против гвардии рангами и жалованьем, себя содержать к чистоте в полку могут без нужды и по обучению приложить свой труд».

Таким образом, 22-е сентября 1730 года, есть начало существования л.-гв. Измайловского полка, получившего свое название от села Измайлово — любимой, летней резиденции Императрицы Анны Иоанновны.

Высшие офицеры, назначенные в Измайловский полк, были следующие:

Шефом или полковником назначен обер-шталмейстер и генерал-адъютант граф Карл Левенвольде, бывший генерал-адъютантом Императора Петра I. Подполковником назначен генерал-майор Джеймс Кейт — шотландец. Майорами назначены: 1) премьер-майор Азовского драгунского полка Иосиф Гампф, 2) капитан Иван Шишов (бывший прежде адъютантом генерала Балка) и 3) капитан Густав Бирон (младший брат известного по истории, Бирона герцога курляндского).

Эти пять лиц первые положили основание Измайловскому полку и вели его, как в мирное время, так и в первых походах молодого полка.

При начальном сформировании, полк состоял в следующем составе:

Чины	Гренадерския роты	Мушкатерския роты	Всего
Полковников	—	—	1
Подполковников	—	—	2
Майоров	—	—	2
Капитанов	1	1	13
Капитан-поручиков	1	1	13
Поручиков	1	1	13
Подпоручиков	1	1	13
Прапорщиков	—	1	12
Сержантов	2	2	26
Каптенармусов	1	1	13
Подпрапорщиков	1	1	13
Фурьеров	1	1	13
Капралов	6	6	78
Барабанщиков	2	2	26
Флейщиков	2	—	2

Кроме того состояло штатное число артиллерийской команды, называвшейся пушкарями, при одной гаубице и шести трехфунтовых орудиях.

1731. Жалованье офицерам было положено такое же, как и в двух старых полках, а унтер-офицерам и рядовым немного меньше против старых полков; но вскоре, а именно, 9-го декабря 1731 г., оно было сравнено с Преображенским и Семеновским полками.

17-го февраля 1731 года, Измайловцы в первый раз представились на смотр Ея Императорскому Величеству на Царицыном лугу за Москвой рекою. Тут они получили знамена, принесли присягу на верность службы. 28-го мая в первый раз заступили в дворцовый караул на смену л.-гв. Семеновского полка и с тех пор начали нести службу наравне с двумя старыми полками.

Лето 1731 года полк провел в лагере под Анненгофским дворцом, а

10-го августа 1-й и 2-й батальоны выступили в Петербург, где и расположились на Петербургской стороне. 3-й же батальон остался на старом месте и только осенью перешел к Спасо-Андрониевскому монастырю в Воронью слободу.

9-го декабря 1731 года вышел новый штат для полков гвардии, причем комплект людей был доведен до 2535 человек.

Особая гренадерская рота была расформирована, а в замен ей при каждой мушкатерской роте положено было иметь по 16-ти grenадер, которые собирались вместе только на парады, учения и в походе. В этих случаях для командования назначались особые офицеры и унтер-офицеры из мушкатерских рот.

По этому штату оклады жалованья Измайловцев были сравнены с двумя старыми полками, вместо прежних двух майоров, положено было иметь двух премьер-майоров и одного секунд-майора. Означенный штат вошел в силу с 1-го января 1732 года.

1732. В январе 1732 года Императрица переехала на жительство в С.-Петербург и первою Ея заботою было устроить Измайловцам походную церковь в честь Св. Троицы.

1733. В 1733 году Измайловцы перешли на жительство в адмиралтейскую часть, близъ церкви Вознесения, а 9-го апреля 1734 г. пришел в Петербург 3-й батальон и расположился на Петербургской стороне.

1735. В 1735 году Измайловцы потеряли первого своего полковника графа Левенвольде, скончавшагося в Дерпте, а 15-го августа Императрица Анна Иоанновна приняла звание полковника л.-гв. Измайловскаго полка и с этого времени полк постоянно имел шефами или полковниками особ Императорскаго дома.

В качестве полковника Императрица в первый раз 27-го августа, присутствовала на Царицыном лугу на ученье полка и в объявлении по этому поводу, между прочим, было сказано: «27-го дня прошедшаго месяца, делал Измайловский полк гвардии пред Ея Императорским Величеством на лугу, близъ летняго дому военныя экзерциции. Капитан Чернцов командовал оными вместо майора. Ея Императорское Величество изволила оныя экзерциции смотреть из палат его сиятельства графа Ягужинскаго и об исправном учении и стрелянии сего полку особое удовольствие показывала; потом допущены были Ея Императорским Величеством офицеры к руке и пожалованы разными напитками».

В этом же году некоторые из Измайловцев, а именно: полковник Бирон; капитан-поручики: князь Трубецкой и барон Мейндорф; поручики: фон Левенвольде² и князь Барятинский; подпоручик Гагемейстер; пра-

²Вероятно, Адам Фридрих Левенвольде, племянник К.Г. Левенвольде, которому по завещанию отошла мыза Ряпина, дед кавалергардов братьев Левенвольде (см. гл. 7). — *Прим. В.М.*

порщики: Бок и барон Мейндорф; гренадеры: Коргополов и Стрелков с Высочайшаго разрешения отправились к австрийской армии, для участия в делах против французов.

Все они пробыв четыре месяца под личным начальством принца Савойского, возвратились назад, но к сожалению, не известно, участвовали ли они в делах с неприятелем, или нет.

К этому же времени замечается сильное прибытие в ряды Измайловского полка дворян, которые стали записываться в большом числе, в особенности с тех пор, как полк перешел на стоянку в Петербург.

Как на самого видного из служащих рядовых в полку, можно указать на графа Панина, замечательного сподвижника Румянцева-Задунайского в семилетнюю войну и турецкий поход. Он записался в полк 1738 года. Другой — князь Репнин, генерал-аншеф и кавалер ордена Св. Георгия 1-го класса.

1736, 1737. Осенью 1735 года была объявлена война Турции. В 1736 г. войска наши вторглись на Крымский полуостров, овладели Азовом, а в 1737 году решено было взять Очаков, для чего предназначена была армия в 70 тысяч человек под начальством Миниха. К этой то армии Императрица приказала присоединить трех-тысячный отряд из гвардейцев.

От Измайловского полка пошел сводный батальон. в числе одного штаб-офицера (премьер-майор Гампф), 21 обер-офицера, 37 унтер-офицеров и капралов, 717 рядовых и 167 нестроевых, а всего в составе 943 человек.

Выбор людей производился следующим порядком: гренадер с 1, 2, 3 и 4 роты по 5 человек, с остальных рот по 6 человек; мушкатеров со всех рот по 58 человек из всех трех шеренг поровну. Моложе 20 лет посылать было запрещено.

Общее командование принял младший полковник Измайловского полка Бирон.

20-го января выступили Измайловцы в свой первый боевой поход, через Новгород, Москву и в Чернигове соединились с прочими частями гвардейского отряда.

Из Чернигова гвардейцы прошли через Дубны, перешли 3 мая Днепр у Переволочны и присоединились к армии, которая стояла у крепостцы Мишурный-Рог, по ту сторону Днепра. Фельдмаршал Миних лично выехал встречать гвардейские части во время переправы через Днепр, а на другой день принял у себя в палатке всех гвардейских офицеров.

Перейдя Днепр, русской армии представилось необозримое море волнующегося ковыля. Трава в степях была высохши, воды было мало, или совсем не было, полкам приходилось переносить страшный жар и жажду.

Обремененные переноскою рогаток, войска все таки подвигались вперед, не смотря на то, что массы неприятельской конницы поминутно показывались перед отрядом и производили нападения. При тогдашнем неповоротливом строе, при нападении кавалерии, войскам приходилось оста-

навливаясь, загораживаться рогатками и отбиваться от лихих налетов татар.

Но как не храбры были татарские и турецкие джигиты, все таки они разбивались о стойкость русских богатырей.

Не смотря на то, что тревожимыя и днем и ночью, вечно стоя под ружьем и в аммуниции, ежеминутно ожидая нападения, перенося жажду и палящий зной, все таки наши непрерывно подвигались к Бугу.

Видя, что своими налетами им ничего не поделать, татары стали пользоваться встречными нам ветрами и зажигать сухую степную траву.

Тут уже приходилось бороться не с врагом человеком, а со врагом стихиею. Высоко вздымая огненные языки, неся перед собою страшные столбы дыма, катился огненный ураган на встречу русских смельчаков. Казалось все должно быть потеряно, масса храбрых должна задохнуться в этом аду и лечь костями в далекой непроглядной степи; но нет, русские молодцы моментально выстраивались с лопатами, на скоро перерывали степь канавами и тем только останавливали поток огня, но легче ли от этого было?

В воздухе стоял страшный жар и смрад от сгоревшаго ковыля; идти далее приходилось по горячей обожженной земле, на которой подошвы корбились от жару. Воды ни капли, а пройдя погорелое пространство, приходилось, на рубеже его, останавливаться перед натиском массы татар, которые как вихрь налетали на истомленные батальоны, но всегда, встречаемые страшным отпором, они подобно урагану исчезали в степи, а на место их снова появлялся страшнейший еще враг, степной пожар.

История повторялась прежняя: те же канавы, та же ходьба по горящей золе, а в перспективе, бой с отчаянным врагом. Но ни враг, ни стихии, не остановили русскую армию, а вместе с нею и гвардейский отряд. Герои все подвигались вперед и 24-го июня перешли реку Буг, на берегах которой вздохнули спокойно. Но не долго пришлось стоять гвардейцам на месте.

Неприбыте судов для перевозки войск, заставили Миниха решиться быстро двинуться к Очакову, чтобы не дать опомниться сераскиру и разбить его, а крепость взять хоть штурмом.

Для отвлечения внимания турок, часть войска была послана к Бендерам, гвардия же с остальными войсками, соблюдая крайнюю осторожность, двинулась к Очакову.

Обозы были оставлены у Буга, а с собою взято только на две недели продовольствия. На этом марше турки уже не беспокоили наших. Единственный раз только, не доходя двадцати верст до крепости, шеститысячный конный отряд завязал перестрелку с нашими пешими войсками, но вскоре принужден был отступить.

Когда Миних 29-го июня подошел уже почти к Очакову, то сераскир выступил из крепости, желая принять бой; но увидя русскую армию, двигающуюся на встречу ему в грозном молчании и в боевом порядке, ушел в крепость, где и заперся, ожидая штурма.

Укрывшись в крепости, турки зажгли форштаты перед гласисом, которые и горели всю ночь.

Дойдя до разстояния пушечного выстрела от крепости, русские стали располагаться лагерем. Пожар горящих форштатов светил им среди ночи.

Грозною стеною легла русская рать, упираясь, правым крылом в Черное море, а левым в Днепровский лиман. Ночью наши начали строить пять редутов, но земля была на столько крепка, что, не смотря на усилия десяти тысяч рабочих, к утру не успели построить ни одного. Страшный залп орудий, раздавшийся на разсвете 30 июня, доказал, что турки заметили наши работы, а потому людей отвели назад.

Занятые рабочими, турки не заметили, как наши колонны подвигаясь вперед, заняли два сада на разстоянии полувыстрела от крепости. Турки пытались атаковать, но были отбиты со страшным уроном. В это же время левый фланг наших придвинулся на ружейный выстрел к крепости и завязал перестрелку с неприятелем. Так дело шло до ночи. С наступлением темноты, работы по устройству редутов были возобновлены, вся артиллерия выдвинута вперед и начато бомбардирование. Страшно заговорили русские пушки, сотни смертей изрыгали они из своих жерл на осажденный город и гибельное действие их скоро обнаружилось: в крепости начали загораться здания и пожар разрастался со страшною силою.

Не желая дать опомниться туркам, а так-же пользуясь удобным моментом, фельдмаршал подъехал к Измайловскому батальону, взял знамя и поехал во главе его на штурм крепости.

Дивная открылась картина.

Войска двинулись по всей линии.

В темноте ночи, при страшном зареве пожара, идут батальоны гвардейцев и армии на штурм страшной и сильной крепости. Маститый вождь, находясь во главе Измайловцев, смело едет впереди. Под ним падает лошадь, ему подают другую, он опять продолжает ехать впереди, держа высоко знамя Измайловцев. Другая лошадь ранена и вновь заменена, но вождь все идет вперед и ведет за собою отважных бойцов. Смело, стеною, идут за фельдмаршалом Измайловцы, они полны гордости, видя перед собою такого знаменосца; пули и гранаты рвут ряды их, но они не обращают на это внимания и подвигаются вперед.

Вот подошли к гласису, — фельдмаршал втыкает знамя Измайловцев в землю; они двигаются дальше, но на дороге встречается громадной ширины и глубины ров, перейти который нет возможности. В это время турки делают вылазку и как освирепелые лезут на наших. Но если наши не могут перейти ров, если они принуждены остановиться, то это не значит, что они разбиты и что турки могут иметь смелость производить вылазки. В миг массы неприятеля валятся к ногам героев, а остальные бегут в город.

Выдержав страшный огонь с крепостных верков, отбив контр-атаку неприятеля, Измайловцы в числе других стройно отступают, чтобы не

подвергаться напрасно огню турок. В этом деле баталион потерял подполковника Кейта, раненого в ногу. Дело затягивалось; но вот, от действий нашей артиллерии, взлетает в Очакове пороховой погреб и при этом масса турок до 6000 человек делается жертвою взрыва. Устрашенный сераскир не знает на что решиться.

Сначала он вступает в переговоры, но получив отказ в двадцати четырех часовой отсрочке, он бросается со всеми войсками к морю. Эскадроны наших гусар и казаков бросаются на перерез туркам и все, что попадает под саблю и шашку валится на землю. Устрашенный неприятель бросает оружие и сдается в плен, лишь две тысячи человек успевают уйти на судах в море. Русские вступают в город и, во главе всех, движется баталион Измайловцев, покрывший себя славою во время предыдущаго дела; в честь его входные ворота называются Измайловскими, а капитан-поручику Нащекину вверяется караул над знатными пленниками.

Эта первая компания Измайловцев покрыла их славою, которую они с успехом поддерживают в продолжении 150 лет.

За взятие Очакова пожалована и первая награда полку: две серебряные трубы.

И так, полк, только что за семь лет сформированный, делает компанию, ведет за собою всю армию и не уступает в храбрости, даже старым, закаленным в битвах полкам.

За это вся честь принадлежит тем офицерам, которые сумели довести своих молодых солдат до такого великолепнаго состояния. Имена их вечно останутся в памяти Измайловцев.

При взятии Очакова баталион потерял капитана Толстаго, сержанта из дворян Писарева и трех рядовых убитыми, подполковника Кейта, премьер-майора Гампфа, поручика Левенвольде³, подпоручика Бока, прапорщика Репнинскаго, капрала князя Бярятинскаго и 52 рядовых ранеными и 7 рядовых пропавшими без вести. Вот первые жертвы, принесенныя на алтарь отечества Измайловцами. Мир праху героев, павших за веру, царя и отечество.

По занятии Очакова, Миних оставив в нем гарнизон, с остальною частью войска выступил на зимния квартиры в Малороссию. Измайловскому баталиону достался город Нежин, где он и оставался до весны 1778 года.

³Вероятно, Адам Фридрих Левенвольде, племянник К.Г. Левенвольде, которому по завещанию отошла мыза Ряпина, дед кавалергардов братьев Левенвольде (см. гл. 7). — *Прим. В.М.*

А.7 Бирон Э.И.: «Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнста–Иоанна Бирона»

Мы опускаем примечания и предисловие переводчика, М.Д. Хмырова. Читатель может ознакомиться с ними по изданию [9].

1730–1742. Вопрос престолонаследия Российской империи, женитьба принцессы Анны Леопольдовны. Болезнь и смерть императрицы Анны Иоанновны, регентство. Арест, заключение в Шлиссельбургскую крепость, следствие по делу, ссылка и помилование при восшествии на престол Елизаветы Петровны. В 1730 г. приезжал в Москву Эммануил, инфант португальский, предпринимавший это путешествие с целью расположить к себе сердце императрицы Анны Иоанновны и сочетаться с нею браком. Однако же, прежде каких бы то ни было объяснений, первоначальное намерение Эммануила исчезло внезапно и внимание гостя обратилось на принцессу Анну, дочь герцогини мекленбургской, Екатерины Иоанновны. Но инфанту посоветовали — не думать о принцессе.

С этого времени вице-канцлер граф Остерман и обер-гофмаршал граф Левенвольд часто начали заговаривать с императрицею о порядке престолонаследия в России, вкрадчиво изъясняясь, что необходимо было бы принять надлежащая к тому меры. Императрица, настроенная подобными внушениями, поручила Остерману и Левенвольду обсудить этот вопрос вдвоем и доложить ей о результатах своих совещаний.

Несколько дней спустя, Остерман и Левенвольд представили государыне следующий план:

- 1) Так как Ея Величеству не угодно избрать себе супруга, то надлежит принцессу Анну Леопольдовну выдать за одного из иностранных принцев.
- 2) Ея Величество изберет своим наследником одного из детей, рожденных от этого брака, не стесняясь правом первородства.
- 3) Империя должна присягнуть в признании наследником престола того лица, которое изберет Ея Величество.
- 4) Чрез это заблаговременно устранятся все недоразумения и разрушатся интриги, которые могли бы возникнуть и затеяться в России или за границую.
- 5) Предпочтение детей матери легко оправдывается: а) надеждою видеть на троне потомство мужской линии; б) как средство удалить принцессу Анну от мысли, что она, как старшая племянница императрицы, имеет личные права на престол; в) избежанием неудобства видеть большее почтение к принцессе, нежели к императрице, и наконец г) безопасностью от предприятий отца

принцессы, человека заведомо безпокойнаго, который не упустил бы случая внушать дочери гибельныя покушения на спокойствие императрицы.

- 6) Подобное учреждение престолонаследия не может никому казаться странным, потому что в австрийской империи уже утверждено точно такое же.
- 7) Если Ея Величество соизволит принять предлагаемый план, то нужно будет отправить к некоторым европейским дворам доверенную особу, с поручением — высмотреть и избрать супруга, достойнаго руки принцессы Анны.

Таковы были мнения, представленные в 1730 г. императрице. Она приняла их однако же довольно равнодушно. И каждый раз, когда Остерман и Левенвольд заводили речь о своем плане, государыня отзывалась, что еще много времени впереди и принцесса слишком молода для замужства.

Что касается герцогини мекленбургской, то хотя и ничего не сообщали ей о существовании плана, но она вероятно уже кое-что знала. По крайней мере часто видели, как со слезами умоляла она императрицу принять ко двору ея дочь, позаботиться о ея образовании, воспитать ее в православной вере. Герцогиня в этом случае не была без опоры: ее поддерживал троцкий архимандрит, духовник императрицы. Пользуясь собственным кредитом у государыни, герцогиня старалась извлечь всю пользу и из влияния духовника. Соединенныя усилия их увенчались успехом, но главная цель не была еще достигнута.

С другой стороны Остерман и Левенвольд сильно содействовали учреждению кабинета, членами которого императрица назначила: канцлера графа Головкина, Остермана и кн. Черкаскаго. Тут Остерман достиг цели; но вопрос о престолонаследии все еще не разрешался. Тогда Остерман склонил на свою сторону архиепископа новгородскаго, человека весьма уважаемаго императрицею, и Феофан, представив всю необходимость меры, задуманной Остерманом, подействовал на государыню.

Чрез два или три дня по учреждении кабинета, Остерман втайне составил манифест о присяге будущему наследнику. Труд Остермана удостоился высочайшаго утверждения. Придворная типография перемещена в дом Феофана, туда же заперты наборщики и форму присяги велено печатать во многих тысячах экземпляров. Затем назначен день и час, когда высшие сановники, духовные и светские, должны были собраться во дворец. Во время выхода императрица объявила присутствующим, что она признала за благо потребовать от них и всех верных подданных присягу, которую они должны принести в соборе. Сановники повиновались. В этот и следующие дни происходило рукоприкладство к печатным присяжным листам.

Успокоенный насчет престолонаследования, Остерман не переставал изливаться в похвалах благоразумию императрицы, поступившей по его совету, а Левенвольд весь погрузился в мысль об отправлении в Германию

посла, для скорейшего выбора жениха Анне Леопольдовне. Архиепископ новгородский, так хорошо успевший в одной половине дела, был приглашен Остерманом и Левенвольдом к содействию в другой. Феофан не только склонил императрицу к исполнению желания Остермана и Левенвольда, но даже умел ее убедить, что так как присяга уже совершена, то весь успех благих ее последствий зависит единственно от двух вышеозначенных графов. И Левенвольду было приказано совещаться с Остерманом о том, кого именно отправить в Германию. Остерман предложил генерал-адъютанта графа Левенвольда, впоследствии обер-шталмейстера, а если бы Левенвольд не годился, то брата своего, Остермана мекленбургского.

Но как ни была убеждена императрица, что затеявшееся дело находится в добрых руках, она не могла вполне полагаться на скромность посла, не могла решиться оставить его без своего собственного, ближайшего надзора. Генерал-адъютанту Левенвольду велено приготовиться к отъезду «нарочным», посетить германские дворы, не делать нигде ни малейших предложений и возвратиться возможно скорее с донесением о том, каких и где принцев он видел и каков каждый из них ему показался.

Едва успел Левенвольд выехать из Москвы, открылось, что иностранные министры вовсе не чужды предполагаемой тайны.

Побывав, неизвестно для чего, и в Вене, Левенвольд возвратился с подробным донесением о принцах, которых ему случилось видеть. Отзывы его о маркграфе Карле, и принце Бевернском были особенно лестны: Левенвольд очень хвалил характеры и достоинства обоих. Оставалось сделать выбор. Императрица склонилась в пользу принца Антона Бевернского. Решено было пригласить принца в Россию, дать ему чин кирасирского полковника и назначить приличное содержание. Левенвольд, по высочайшему повелению, сообщил об этом родным принца. Родные незамедлили прислать избранника в Россию. Явившись при дворе, принц Антон имел несчастье не понравиться императрице, очень недовольной выбором Левенвольда. Но промах был уже сделан; исправить его, без огорчения себя или других, не оказывалось возможности. Принцу дали полк, обеспечили все его содержание и кроме того назначили ему по несколько тысяч рублей в год жалованья.

Принц безпрестанно бывал при дворе, где усердие его вознаграждалось такою холодною, что в течении нескольких лет он не мог льстить себя ни надеждою любви, ни возможностью брака. Тому и другому одинаково препятствовали нерешительность императрицы и отвращение к принцу ее племянницы. Смерть Левенвольда, случившаяся в этот промежуток времени, и болезнь Остермана, мешавшая ему энергически поддерживать начатое предприятие, повергли все дело принца как бы в забвение. Императрица или не оказывала этому делу никакого внимания, или весьма малое, не любила даже говорить о нем. Напротив, венский двор держался за начатое дело серьезно и не упускал ничего, что могло клониться к осуществлению его видов. В это-то самое время покойная

императрица австрийская, чрез министров своих, графа Остейна и резидента Гогенгольца, просила меня похлопотать о бракосочетании принца, предлагая, в знак высокого своего ко мне уважения, выдать за сына моего, наследного принца курляндского, одну из принцесс вольфенбиттельских, с ежегодным доходом по 100 000 червонцев из собственной кассы Ея Величества. Хотя я и благодарил императрицу, отклоняясь молодостью моего сына, но все-таки успел впасть в подозрение, что ищу женить его на принцессе Анне, чего никогда не приходило мне в голову.

Императрица Анна была уже нездорова. Однажды, и может-быть под влиянием усилившагося недуга, Ея Величество говорила мне: «никто не хочет подумать о том, что у меня на руках принцеса, которую надо выдать замуж. Время идет; она уже в поре. Конечно принц не нравится ни мне, ни принцессе; но особы нашего состояния не всегда вступают в брак по склонности. К тому же принц ни в каком случае не примет участия в правлении, и принцессе все равно, за кого бы ни выйти. Лишь бы мне иметь от нея наследников и не огорчать императора отсылкою к нему принца. Да и сам принц кажется мне человек скромный и сговорчивый. Посмотрим, что скажет Остерман». Послали не помню кого к Остерману. Он объявил, что партия принцессы с принцем тем благоразумнее и выгоднее, что она утешит императора, огорченного своими собственными обстоятельствами.

Отданы повolenия о приготовлениях к свадьбе — и бракосочетание совершилось.

Принцеса родила сына. Возник вопрос о том, какое звание принадлежит новорожденному и следует ли на эктениях⁴, за именем императрицы, произносить его имя, с титулом великого князя? Потребовали мнения Остермана. Согласясь на первое, Остерман отверг последнее. Принца крестили, и по совершении таинства императрица взяла новорожденного к себе.

Во все время пребывания своего в Петергофе, императрица принимала лекарство и чувствовала себя гораздо лучше; но по возвращении в Петербург не переставала жаловаться на бессонницу. Врачи, очевидцы постоянной испарины Ея Величества, не предрекали ничего хорошего.

Наконец в одно из воскресений государыня почувствовала слабость, сопровождавшуюся тошнотою и рвотою, и была принуждена лечь в постель. Первый медик, Фишер, сказал мне, что припадок императрицы — дурной знак, и если болезнь разовьется быстро, Европе скоро предстоит траур. Санхец, придворный медик, был совсем другого мнения, полагал случившееся безделицей, но говорил, что после таких усилий природы, государыня должна остаться на несколько часов в совершенном покое.

Все вышли. Я удалился из первых, чтобы сообщить о происшедшем принцессе Анне, тогда тоже нездоровой. Но она не приняла старшего из

⁴Эктения (ектения) — заздравное моление о государе и о доме его, во время службы. — Прим. В.М.

сыновей моих и велела ему идти к фрейлине Менгден, которой он и передал событие с императрицею.

Неудовольствовавшись этим, я послал за князем Черкасским, Бестужевым-Рюминым и фельдмаршалом Минихом. Когда они явились на мой зов, я представил им обоих врачей, которые и объяснили гг. министрам положение государыни. Мне оставалось уведомить о том же графа Остермана. Я поручил это обер-гофмаршалу графу Левенвольду, а сам тотчас же поспешил к императрице. «Я чувствую себя очень дурно, сказала мне государыня, и боюсь, не близок ли мой конец. Однако же покоряюсь воле Божией. Но что будет с империей! Страшно подумать, каким беспорядкам подвергнется она без меня. Знаю, как будут упрекать меня за то странное стечение обстоятельств, в котором оставлю Россию!» Я отвечал, что Бог умилосердится к Ея Величеству; что государыня не должна так тревожиться судьбою России; что беспокойство только увеличивает ее страдание и что все земное ведется рукою провидения. Минуту спустя, императрица приказывала мне уведомить принцесу, но от самого себя, о крайнем положении Ея Величества; спрашивала, съехались ли министры и что они делают; просила послушать что они говорят. Спрошенный вскоре же об исполнении всех этих повелений, я доложил императрице, что министры, по случаю куртага, уже собрались и готовы приступить к совещанию, что они очень опечалены известием о болезни Ея Величества и что тоже самое чувство, как мне известно от фрейлины Менгден, испытывает ея высочество принцеса Анна.

Пока все находились в таком смущении, возвратился от Остермана Левенвольд, посланный к вице-канцлеру с запросом: что следует делать? Остерман чрез Левенвольда отвечал, что прежде всего следует подумать о престолонаследии, то есть учредить и утвердить порядок его возможно скорее и на прочных основаниях. С тем вместе Остерман передавал, что он не сомневается в постоянстве образа мыслей императрицы насчет новорожденного принца, а потому советует повторить пример Петра I, провозгласившего младенца, сына своего, наследником престола.

Одобрение императрицею мысли Остермана последовало тотчас же и было самое полное. Два кабинет-министра немедленно отправились к Остерману. «Я хочу, говорила мне императрица, сделать все что зависит от меня. Остальное — во власти Божией. Знаю наперед, что оставляю ребенка в грустных обстоятельствах: он не в состоянии, а родители его не в праве делать что-нибудь. Отец в особенности не имеет никаких дарований, чтоб быть поддержкою сына. Принцеса правда неглупа, но у нея жив отец, тиран своих подданных; он тотчас же явится сюда, начнет поступать в России как в своем Мекленбурге, вовлечет наше государство в пагубные войны и приведет его к крайним бедствиям. Да, я вполне уверена, что когда умру, — память моя пострадает». Я умолял Ея Величество быть мужественнее, надеяться, с Божиею помощью, на выздоровление — и вышел на несколько минут, чтобы сообщить министрам все слышанное мною от императрицы.

Фельдмаршал Миних заговорил первый. Он изъявлял опасение, что первым делом герцога мекленбургского будет овладеть военачальством, произвести чрез то множество смут и потом, наверное, отмицать Россию Австрии и Ганноверу. Эти опасения Миниха долгое время обсуждались всеми министрами.

Снова позванный к императрице, я оставался у Ея Величества несколько часов; но возвратившись вечером домой, напohl у себя множество особ, в том числе и Фельдмаршала Миниха. От него я узнал, что присутствующее у меня собрание — ревностные патриоты, которые, рассуждая по совести, кому бы приличнее было вручить правление на время малолетства императора, в случае если Господь воззовет к себе государыню, — после многих размышлений и единственно в видах государственной пользы, нашли способнейшим к управлению Россией меня. В деле этого избрания, объяснял Миних, патриоты, кроме личных качеств моих, известных всем с самой выгодной стороны, руководились убеждением, что никто точнее меня не знает положения империи, никто ближе моего не знаком с делами внутренними и внешними, никто не может быть так приятен народу как я. — Министры же — заключил фельдмаршал — уже привыкшие к моему образу действий, никому кроме меня подчиняться не желают.

Взволнованный таким объяснением, я отвечал собранию: «Если бы я не был уже твердо убежден, что имею в вас друзей, то должен бы был получить такое убеждение с этой самой минуты. Но я боюсь думать, что ваша дружба потребует от меня обязанностей, исполнение которых мне не по плечу. Плохое состояние моего здоровья, истощение сил, наконец, домашняя забота — все это в настоящее время вынуждает меня думать только об одном: как бы мне устранился от государственных дел и провести спокойно остаток жизни. И если будет угодно промыслу пресечь дни императрицы, — я сочту себя свободными от всего, и надеюсь, вы позволите мне остаться среди вас, пользоваться моим положением, ни во что не вмешиваясь, и — быть вашим другом. Благодарю вас, господа, за доверенность ко мне, но не решаюсь ею воспользоваться». Фельдмаршал, возразив в присутствии всех, что предложения его не ограничиваются одним простым желанием собравшихся ко мне вельмож, но составляют волю великого и могущественного государства, пригласил меня обратить на это внимание и сообразить, что упорствуя в своем отказе, я очень дурно заплачу за все милости государыни, до сих пор на меня излившиеся. Я отвечал, что моя признательность окончится с моею жизнью, но что собственную неспособность я понимаю лучше нежели кто-нибудь. В эту минуту меня потребовали к государыне — и тем прервалось совещание, происходившее в тоже самое воскресенье, когда Ея Величество слегла в постель.

Государыня спросила меня, с кем я говорил. Я назвал Миниха, Черкасского, Бестужева-Рюмина, Ушакова, обер-штальмейстера

кн. Куракина, кн. Трубецкого, адмирала гр. Головина, обер-гофмаршала гр. Левенвольда, Бреверна и многих других.

Весь этот день я не выходил из моих передних покоев иначе как по приказанию государыни, посылавшей меня к министрам, с которыми я оставался недолго и возвращался опять к Ея Величеству. При ней я пробыл до полуночи.

В понедельник утром я доложил государыне о Минихе, двух кабинет-министрах и других сановниках, собравшихся у меня и испрашивавших высочайшей аудиенции. Ночью у Остермана они составили присягу великому князю.

Изъявив императрице свое соболезнование, министры прочли присягу и предложили ее к высочайшему утверждению. Миних, удалившийся последним, от имени всех благодарил императрицу, а все вместе они умоляли Ея Величество объявить меня регентом империи. Императрица не разсудила за благо ответствовать. Но возвратясь к ней, я нашел ее сильно опечаленною и грустною. «Присягу, говорила она мне, я подписала дрожащею рукою, чего не было со мною, когда я подписывала объявление войны Порте оттоманской». Минуту спустя, государыня меня спросила: давно ли служу ей? и на мой ответ, что уже двадцать два года имею счастье находиться в службе Ея Величества, сказала: «намерение мое не исполнилось: я не успела наградить вас по заслугам. Но не сомневайтесь, что вам воздаст Господь. Фельдмаршал сказал мне такую вещь, что я продумала всю ночь». Я понимал, в чем дело — и не нуждался в объяснении.

День или два спустя, в опочивальню государыни вошло множество сановников. Остерман, бывший с ними, отвел меня в сторону и сказал мне, что они целым обществом пришли просить меня, именем государства, согласиться на их предложение. Остерман добавлял, что согласием с моей стороны я заслужу себе тысячи благословений и пожеланий всякого благополучия. Дело шло о регентстве. Я всячески тому противился. Но сановники настаивали на своем, давали честное слово разделить со мною тягость предстоявшего мне бремени, и так как я решительно не склонялся на их представление, — требовали от меня ответа, с которым могли бы пойти к императрице. Между тем они прочитали мне письменный акт, ими же заготовленный. Не видя ни вероятности, ни возможности увернуться от возлагаемых на меня обязанностей, я потребовал прибавления к акту по крайней мере того заключительного пункта, что в случае если нездоровье или другие побудительные причины воспрепятствуют мне править государством, за мною остается право — сложить с себя достоинство регента. Это заключение, как известно, было присоединено к акту. Наконец гр. Остерман, несколько лет не выдававшийся с императрицею, отправился к Ея Величеству, говорил с нею без свидетелей и передал ей акт. В минуту входа моего к государыне, она держала акт в руках и готовилась подписать его. Я умолял императрицу не делать этого, представляя,

что отказ Ея Величества утвердить акт — почту полным вознаграждением за все мои службы и услуги. Государыня взяла бумагу и положила ее к себе под изголовье.

Все нетерпеливо желали звать подписан ли акт, но узнали, что нет. И хотя втечении следующих дней императрица несколько раз была готова исполнить желание министров, но я, несмотря на продолжительные настояния Ея Величества, отклонял ее от такого исполнения.

Убедясь наконец, что втечении нескольких дней все еще не произошло никакого решения, государственные сановники согласились сделать меня регентом даже и в том случае, если бы государыня скончалась не успев утвердить акта о регенстве и следовательно не сделав никаких распоряжений о государственном правлении. Для того же, чтобы лучше успеть в своем намерении, сановники пригласили в собрание все чиновные лица, до капитан-поручиков гвардии. Таким образом около 190 лиц, собравшихся в кабинет, добровольно обязались действовать в пользу назначения моего к регентству.

Я узнал об этом не ранее суток спустя, от некоторых сановников — и изъявил им мое удивление, что дело, зашедшее так далеко, совершено без моего ведома. Но члены собрания твердо стояли в своем решении, и даже более: они стоворились подать Ея Величеству прошение, которым, в выражениях самых патетических, хотели умолять государыню о даровании государству милости — назначением меня к регентству до совершеннолетия императора. Простение подписали: фельдмаршал Трубецкой, фельдмаршал Миних, гр. Остерман, кн. Черкасский, генерал-фельдцейхмейстер принц Гессен-Гомбургский, генерал-аншеф Чернышов, генерал-аншеф Ушаков, обер-гофмаршал гр. Левенвольд, адмирал гр. Головкин, действительный тайный советник гр. Головкин, кабинет-министр Бестужев-Рюмин, обер-шталмейстер кн. Куракин, генерал-прокурор кн. Трубецкой, — всего тринадцать человек.

Императрица, прочитав наедине представленное ей прошение, рано утром послала Остерману повеление явиться во дворец. Все собрались и ожидали Остермана; но в девять часов его еще не было. Явившись по вторичному приглашению, Остерман сидел у государыни в то самое время, когда я, входя в опочивальню, застал Ея Величество вынимающего акт из под изголовья. «Я утверждаю акт, говорила императрица, — а вы, Остерман, объявите господам, чтоб они успокоились: прошение их исполнено». С этими словами императрица взяла перо и подписала бумагу; а Остерман тотчас же завернул подписанное в конверт и запечатал у самой постели Ея Величества. Императрица передала конверт подполковнице Юшковой, которая спрятала его в шкатулку с драгоценностями. Долго еще разговаривала государыня с Остерманом, а когда его вынесли, потребовала к себе генерала Ушакова, спрашивала его о разных делах и в заключение сказала ему: «я подумала о всех вас; вы будете мною довольны. Передайте мои

слова тем, кто заговорит с вами об этом». В течении своей болезни императрица ежедневно принимала придворных дам и кавалеров; посетители проводили у постели Ея Величества по несколько часов. В первые дни бывала у государыни и принцеса Анна, тоже больная, почему Ея Величество часто говорила о племяннице с доктором последней; но доктор постоянно старался уверить государыню, что состояние здоровья принцессы отнюдь не опасно. Однакоже принцеса совершенно неожиданно поручила однажды подполковнице Юшковой доложить императрице, что чувствуя большую слабость, она, принцеса, желала бы приобщиться св. таин. Юшкова передала желание принцессы без надлежащей осторожности, а на другой день, точно так же, объявила без обиняков, что принцеса хочет собороваться. Императрица сильно встревожилась и выговаривала докторам, которые оправдывались тем, что невидя никакой опасности, они докладывали мнение свое принцесе, но ея высочество им не поверила. Два дня спустя, принцеса сама явилась к императрице, очень разсерженной проделками племянницы. С этого времени тетка и племянница видались ежедневно. Каждый раз, когда принцеса являлась в опочивальню Ея Величества, мы все почтительно удалялись. Но государыне, ослабевавшей более и более, не нравилось наше отсутствие; а насчет принцессы у Ея Величества часто вырывались такие выражения, что я о них умалчиваю.

Императрица сохранила разум и память до последней минуты, допустила к руке всех присутствовавших, собравшихся в весьма малом числе, называла каждого по имени, потом велела себя соборовать и скончалась весьма покойно.

При этом печальном событии первую мою заботу было — запечатать драгоценности императрицы. Я сидел в антикаморе⁵, когда пришли ко мне сановники и спрашивали, где завещание государыни. Я направил их к подполковнице Юшковой, которая и указала спрашивавшим известную шкатулку с драгоценностями. Шкатулку отпечатали в присутствии принца брауншвейгского, вынули из нея завещание, сняли с него конверт, и генерал-прокурор кн. Трубецкой во всеуслышание прочел содержание акта о регентстве. Что касается до меня, больного и проникнутого скорбию, я затворился у себя, вынес ночью жестокий болезненный припадок и поэтому ни выходил из моих комнат всю субботу. Следовательно я не принимал ни малейшего участия ни в чем, тогда происходившем. Кабинет-министры вершили самонужнейшие дела и рассылали повеления, подписывать которые я не был в состоянии.

Принцеса Анна была ко мне очень благосклонна, много меня благодарила за согласие принять на себя такую тяжкую заботу, как правление государством, и обещала мне честь дружбы своей и своего супруга. Не уклоняясь от исполнения моих обязанностей к ним обоим, я просил их высочества, в случае получения ими каких-нибудь донесений, которые могли бы посягать на добрые наши отношения, не достаивать того ни

⁵ Антикамера — комната перед аудиенц-залом. — *Прим. В.М.*

малейшим вниманием, но, для разъяснения истины, объявлять мне доносителей. С своей стороны я обязывался действовать точно так же. Их высочества и я, в присутствии многих высших сановников, укрепились на том взаимным словом.

Не зная, будут ли их высочества иметь все общее с двором или пожелают ежегодно получать на свое содержание определенную сумму, я поручил обер-гофмаршалу узнать мнение о том принцессы и ее супруга. Они изъявили желание получать ежегодно двести тысяч рублей. Сообразно с этим, я подписал два определения: одно — об отпуске их высочествам назначенной ими суммы, другое — о выдаче Императорскому Величеству, ныне царствующему, 50 000 рублей. Оба определения были отправлены в надлежащие места кабинет-министрами.

Поздним вечером того же дня ко мне явился кабинет-министр Бестужев-Рюмин с известием, что два поручика преображенского полка затевают что-то недоброе. Я отложил исследование до утра, а утром сказал о том Миниху, который, в качестве преображенского подполковника, вызвался допросить обоих офицеров и поступить с ними как потребуют того обстоятельства дела; потом донес мне, что находит необходимым арестовать допрошенных и произвести розыск по форме. Тогда же получил я сведение и от кн. Черкасского, что к нему являлся один отставной капитан и сообщил разговор свой с гр. Головкиным — о правах родителей императора на регентство, причем не скрывал, что он, капитан, был с подобными же объяснениями послан гр. Головкиным к принцу брауншвейгскому, от лица 300 дворян, офицеров и солдат, недовольных существующим правительством. За донесением кн. Черкасского последовало извещение о том же от самого принца брауншвейгского, с добавлением того обстоятельства, что его высочество приказал являвшемуся у него офицеру придти к себе вторично, около полудня. Генерал-прокурор кн. Трубецкой, улучив минуту, поговорил с офицером и спросил у него имена недовольных; но князю стали известны только два поручика, один унтер-офицер да сам старый отставной капитан, имевший разговор и с графиней Ягужинской. Наконец захватили этого капитана и с ним обоих офицеров.

Так как гр. Головкин был женат на племяннице покойной императрицы, то я сначала полагал, что открывавшийся теперь замысел был прелюдией заговора в пользу графини Головкиной. Я тотчас же отправился к принцу брауншвейгскому и сказал ему, что в силу взаимноданного нами обещания не скрывать ничего, что могло бы касаться наших дружеских отношений я считаю своею обязанностью предостеречь его высочество насчет людей, затевающих возмущение, о чем ему уже известно; но если закрывать глаза на это бедствие, то оно, едва возникая теперь, будет возрастать со дня на день и неизбежно приведет к самым гибельным последствиям. — «Да ведь кровопролитие должно произойти во всяком случае», заметил мне принц. Я спросил его высочество, не считает, ли он кровопролития такою безделицею, на которую можно согласиться почти шутя? «Представьте себе, говорил я ему, все ужасы подобной развязки.

Не хочу думать, чтобы ваше высочество желали ее». — «Могу вас уверить, три раза повторил принц, я никогда не начну первый». — «Такой ответ, возразил я принцу, дурно обдуман. Не одно ли и тоже зараждать разномыслие и сообщать движение мятежу? Впрочем легко может случиться, что ваше высочество первый же и пострадаете за это». Принц повторял одно, что он ничего не начнет первый и не подвинет прежде других знамени возмущения. Я спросил еще, что думает его высочество выиграть путем мятежа? и если он недоволен чем-нибудь, то чем именно? — Наконец принц объяснился, что не совсем верит в подлинность завещания покойной императрицы, даже подозревает, что подпись Ея Величества — подложная. Тогда я сказал принцу, что об этом он вернее всего может узнать от Остермана, который в деле по завещанию императрицы может почитаться лицом ответственным.

С тем вместе я заявил принцу и мое мнение, что его высочество, напрасно пороча завещание, вредит сыну своему, который именно этому завещанию обязан престолом. Доводы свои я заключил тем, что собственной моею особою не мешаю его высочеству развивать и осуществлять его планы, желая впрочем, чтобы принц сам мог предвидеть их исход; мне же не остается сказать ничего более, как удостоверить его высочество, что основания планов, ему угодных, вовсе не так прочны, как может-быть его высочество предполагает. — «Ваше высочество, добавил я, конечно не должны бы были затевать смуты; напротив, вам следовало бы молить небо об отвращении обстоятельств, открываемых в настоящее время, а не порождать их собственной вашею фантазиею». Отозвавшись обо всем этом как о пустяках, принц сказал мне, что я прекрасно бы сделал, если б уволил старых гвардейских солдат и офицеров, служивших еще великому Петру. Я отвечал, что сделать это вовсе не легко и такое увольнение будет соединено с риском еще более увеличить опасность; потому что его высочеству должно-быть известно впечатление, оставленное Петром не только в умах старых воинов, но и в сердцах всех его подданных. Уговаривая его высочество не слушать людей неблагонамеренных, но объявлять их, я сделал еще одну напрасную попытку изменить образ мыслей принца и закончил вопросом: советовался ли он с принцессою и знает ли она о намерениях своего супруга? Принц отвечал отрицательно.

После обеда я потребовал к себе министров, кн. Черкасского с Бестужевым, и передал им мой разговор с принцем. Непосредственно затем ко мне вошел камер-юнкер Менгден и доложил, что принцесса, заподозрив поведение своего русского секретаря, присылает его ко мне на испытание. Секретарь допрошен гг. кабинет-министрами. От него узнали, что принц брауншвейгский замышляет возстание, что адъютант принца — самое доверенное лицо его высочества и что Андрей Яковлев, тоже участник тайны. Андрей Яковлев признался в своем преступлении; адъютант в свою очередь сообщил, что был избран орудием к возбуждению мятежных движений толпы, а принц в минуту смены караулов долженствовал стать в главе бунтовщиков, захватить всех, кто стал бы сопротивляться, и

провозгласить себя вторыми лицом в государстве после императора. К исполнению этого плана принц намеревался приступить в самый вечер дня, назначенного для похорон императрицы, хотя вольфенбиттельский советник Кейзерлинг и советовал обождать, представляя, что принцу прежде всего необходимо добиться звания генералиссимуса, с чем уже все остальное совершится без затруднения и согласно желаниям его высочества.

Оба кабинет-министра разсудили, что настояла неременная надобность пригласить в собрание всех особ первых двух классов. Приглашение последовало в тот же вечер и в собрание явились: фельдмаршалы Миних и кн. Трубецкой, три кабинет-министра, принц Гессен-Гомбургский, генералы Ушаков и Чернышов, адмирал гр. Головин, обер-штальмейстер кн. Куракин и генерал-прокурор кн. Трубецкой. Я откровенно изъяснил собранию все что касалось принца брауншейгского, затем в присутствии всех тоже самое изложил письменно. Мой немецкий текст был переведен по-русски статским советником Бреверном и перевод тут же громогласно прочитан присутствующим. Все они тем более были поражены слышанною новостью, что никто из них не ожидал такой опасности и ее последствий. Вольфенбиттельский посланник Кейзерлинг находился в собрании налицо, и вскоре сюда же явилась принцесса Анна. Я сообщил ей причину собрания. Ея высочество казалась встревоженною поведением принца, объявила, что ей ничего не было известно и удалилась для объяснения с своим супругом. Но в то самое время, когда члены собрания разговаривали о всем происшедшем, к ним вошел принц, сопровождаемый советником вольфенбиттельского посольства Кейзерлингом.

— Я намерен, господа, сказал принц собранию, — сложить с себя все мои должности и пришел объявить вам об этом.

Я отвечал принцу, что никогда невозлагав на его высочество никаких должностей, не вижу, каких именно могу лишать его и теперь; но что в настоящее время речь не о должностях и знаниях, а о спокойствии империи; что я наконец не мог не сообщить гг. присутствующим моего разговора с его высочеством. Этот разговор, повторенный мною от слова до слова и без малейшего противоречия со стороны принца, произвел ропот в собрании. Генерал Ушаков, слишком взволнованный всем слышанным, подошел очень близко к принцу и сказал ему прямо в лицо:

— Могли ли мы думать, сударь, чтобы вы были способны вводить у нас то, чего здесь не бывало видано? Как! вы хотите вознаградить вашу службу убийствами и кровопролитием, вами уже зачинаемым? Хотя вы и отец императора, но вам не следовало бы забывать, что старший подполковник во всей гвардии — я; и я же командир того самого семеновского полка, на который вы опираетесь, желая им располагать по вашему произволу. Разуверьтесь, если воображаете, что я перестал быть честным человеком. Клянусь, останусь таким до самой смерти.

При этих словах принц заплакал. Он проклинал тех, кто ввел его в заблуждение, просил прощения в присутствии всего собрания и клятвенно обещал не возобновлять никаких покушений. Составили акт, содержание

которого я забыл. Помню только, что все присутствующие утвердили этот акт приложением своих гербовых печатей.

Несколько дней спустя вбежала ко мне баронеса Менгден, весьма смущенная. Она поспешила сообщить, что Ея Величество ныне царствующая императрица, показывала ей портрет и меру роста герцога голштинского, причем очень выхваляла баронесе этого государя, между тем как при жизни покойной императрицы никто не видал этого портрета, который — что ей, баронесе, известно — намерены показывать теперь с удовольствием всем и каждому. Фельдмаршал Миних трубил мне в уши тоже самое, утверждая, что об этом было говорено и его племяннице. Он обдумывал, соображал, и уверенный, что во всем этом кроется что-то намеренное, советовал мне воспользоваться моими правами и запретить показывание портрета. Я отвечал фельдмаршалу, что каждый волен иметь у себя портреты родных и следовательно странно бы было лишать этого права ея императорское высочество. Принцеса Анна тоже говорила со мною об этом, но полусловами. Затем шум стихнул разом. Тишина и спокойствие продолжались несколько дней.

Перед самую эпоху моего несчастья, фельдмаршал Миних предупредил меня, что камер-юнкеры двора ныне царствующей императрицы весьма нередко посещают французского посланника. Это обстоятельство казалось Миниху подозрительным. Я отвечал фельдмаршалу, что подобные знакомства и связи не могут иметь важных последствий, тем более, что как ему, фельдмаршалу, известно — ея высочество цесаревна всегда может рассчитывать на помощь преданного ей народа. Миних возражал, что в расположении к цесаревне народа он сомневается, а в преданности ея высочеству войска совершенно уверен. «Нет, говорил я: войско и народ, сановники и простолюдины — все искренно и одинаково любят ея высочество. Это так верно, что даже гвардия, невыключая полка, которым вы теперь командуете, вполне предана цесаревне». Миних уверял, что именно теперь все в восторге от того, что на троне император, который упрочит наконец престолонаследие в мужской линии, и что если бы даже было иначе, то он, фельдмаршал, все-таки находит излишним столько угождений цесаревне, которую напротив мне следовало бы схватить и заключить в монастырь. Изумленный таким образом мыслей фельдмаршала, я едва мог верить своим ушам. «Ну уж это было бы слишком!» проговорил я Миниху, оробев совершенно. Он заметил последнее и оставляя меня, сказал: «предположимте наконец, что цесаревна могла бы быть заключена не навсегда, а на несколько лет».

Фельдмаршал конечно не сомневался, что в этом мы не согласимся; он не мог ожидать, чтобы я попался в ловушку, очертя голову. Более вероятно, что Миних предлагал мне такую меру или в видах ея ускорения с моей стороны, или с целью заставить меня со временем раскаться в ея отсрочке, если бы даже я и не вполне пренебрег ею.

Как бы то ни было, фельдмаршал встретил во мне совершенное противоречие и чувствовал, что зашел слишком далеко. Он боялся, чтобы я

не заставил его при случае поплатиться за такую неосторожность, — и не поколебался принести меня в жертву своему личному спокойствию.

Я был схвачен в постели, в ночь с 8 на 9 ноября, поднят в одной рубашке гренадерами, вытащен ими к карете, приготовленной Минихом, и под конвоем минихова адъютанта Манштейна отвезен в зимний дворец. Тут меня ровно ни о чем не спрашивали.

9 ноября после обеда меня и все мое семейство отправили в одной карете в Шлиссельбург, где я пробыл до 13 июня. Тут меня допрашивали три раза. При втором и третьем допросах предлагались мне следующие пункты:

До какой степени простирались отношения мои с нынешней императрицею, имевшая целью удаление от престола тогда царствовавшего императора?

Каким образом приглашал я в Россию нынешнего великого князя?

Кто именно знал об этом?

Каким образом принимался я за дело о бракосочетании нынешнего великого князя с моею дочерью?

Остальные пункты заключались в мелочах: зачем говорил я, что если принцесса Анна достигнет регентства, то семейство Менгден будет управлять всею Россиею? Как мог я отзываться, что все включенное Менгденами в манифест есть ткань лжи и нечестия?

Я отвечал лаконически, что все это мне совершенно неизвестно. Но заявил, что со мною поступают безчеловечно и неслыханным образом; что везде, а также и в России, существует обычай уличать обвиняемого письменными доказательствами или изустными показаниями достоверных свидетелей; что сам я лицо владетельное, вассал короля польского⁶, и следовательно нельзя меня допрашивать и выслушивать без депутата со стороны Польской республики. Мне довольно грубо отвечали, что упорствуя в подобном для себя исключении, я напрасно буду стараться воспрепятствовать юрисдикции моих судей; что напротив мне вовсе бы не мешало отказаться от своих требований, которые отнюдь не помогут, а свидетелей для моего обвинения найдется достаточно. Я уступил, ждал, был доволен.

Наконец мне дали очную ставку с Бестужевым-Рюминым, самый вид которого уже возбуждал сожаление. Встретив меня, Бестужев мне поклонился и воскликнул: «Я согрешил, обвиняя герцога. Все что мною говорено — ложь. Мне не в чем уличить его. Кроме хорошего я ничего не могу сказать о герцоге. Прошу гг. следователей внести настоящее показание мое в протокол. Признаюсь торжественно, я был подкуплен

⁶Формально Курляндия по условиям гродненского сейма 1589 г. относилась к Польше. Между тем еще Петр Великий, видя довольно независимое от Польши положение Курляндии, захотел распространить на нее сферу своего влияния, выдавав замуж свою племянницу Анну Иоанновну за курляндского герцога Фридриха-Вильгельма. Назначение Бирона герцогом Курляндским обеспечило план полного вмешательства в дела Курляндии.

фельдмаршалом Минихом: он обещал мне свободу, но с условием — запутать герцога. Жестокость обращения и страх угроз вынудили меня к ложным обвинениям герцога».

Совсем тем обвинительные пункты вовсе не были важны. Они касались поведения принца брауншвейгского, семейства Менгден, вызова на дуэль, которую я должен был иметь с принцем, и прочих, подобных же пустяков. Все поздравляли меня. В Петербург был отправлен нарочный курьер, с возвращением которого все ожидали благоприятного для меня оборота моего дела. Но вместо того следователи были встревожены получением строжайших предписаний на мой счет, с присоединением выговора за неточное исполнение своего долга. Меня и семейство мое повелевалось заключить еще теснее, а Бестужева-Рюмина тотчас же отправить в Петербург.

В конце апреля прибыли: бывший кабинет-секретарь Яковлев, гвардии майор Соковнин и капитан Ямыш. Они делали мне третий допрос следующим образом:

Опасныя намерения мои — так начали новые судьи — уже открыты. Но милосердие принцессы Анны превосходит громадность моих преступлений. Если я добровольно и без утайки объясню все, о чем меня будут спрашивать, то мне обещается от имени принцессы не только свобода, но и значительная награда. Если же напротив я захочу упорствовать в прежних моих показаниях и не идти далее, то мне с семейством не следует ожидать никакой пощады; мы погибнем без помощи и невозвратно. Затем следовали пункты:

- 1) Так как сама цесаревна Елизавета показала, что я не переставал побуждать ее к низвержению с престола тогда царствовавшего императора, с целью воцарить на его место герцога голштинского, то от меня требовались объяснения: для чего я покушался на такую революцию? какими средствами думал привести ее в исполнение? кто были мои сообщники?
- 2) Вместо того чтобы оставить мои покушения, зачем я надоедал ими цесаревне, которая, неодобряя ничего подобного, милостиво старалась отвлечь меня от исполнения моих преднамерений?
- 3) В каких выражениях заявлял я мысль о бракосочетании нынешнего великого князя и какие располагал употребить к тому способы?
- 4) Что делывал я у нынешней царствующей императрицы, посещая ее секретно, ночью?
- 5) Для чего так часто прихаживала ко мне цесаревна и какие меры предпринимали мы, запершись с нею наедине?

Следователи повторяли, что все это обнаружено самою цесаревною и мне остается только объяснить, по пунктам, все обстоятельства.

Я отвечал вкратце, что хотя у меня отнято все, кроме чести и совести,

которых не дам никому похитить, но не знаю ничего того, о чем меня спрашивают, отроду не замышлял ничего подобного; никогда не посещал цесаревну ночью; был у ея высочества всего один раз, и то среди белого дня, когда цесаревна благосклонно позволила мне явиться к ней с соблезнованием о кончине императрицы. Что же касается до визитов, которыми иногда удостоивала меня цесаревна, то они были знаком милости, постоянно оказываемой ея высочеством моему семейству. Я заключил тем, что совершенно уверенный в сердечной справедливости цесаревны, не разумею ея высочество способною неблаговидно воспользоваться особенностями, которые предлагаются ей к моему обвинению, и готов понести бремя моего несчастья, предавшись воле Бога, верховного судии и истинного сердцеведа.

После этого объяснения кабинет-секретарь Яковлев, надеясь убедить меня успешнее, выслал своих сочленов и еще раз пригласил меня к сознанию, если желаю уйти от беды. Но услышав, что на приобретение свободы такую цену согласия моего никогда не будет, Яковлев объявил мне, что я пропал.

Мне пришлось убедиться в этом на деле. Июня 13 прибыл за мною конвой, и меня с семейством повлекли из Шлиссельбурга в Сибирь. 5 ноября мы достигли места, где долженствовала окончиться наша жизнь и где смерть вероятно предупредила бы продолжительность наших страданий, если б Господь не явил милости своей Ея Величеству ныне царствующей государыне. 20 декабря — день нашего освобождения. К нам прибыл курьер с радостною вестью, что наше заключение окончилось. Тогда же были мы снабжены всем необходимым. Восемь дней спустя, загорелся дом, в котором мы содержались и сгорел до основания. Нас перевели к воеводе. У него жили мы до 27 февраля следующего 1742 г., потом отправились в путь и чрез четыре недели приехали сюда. Бисмарк и мои братья соединились с нами, спустя несколько месяцев.

Теперь мы здесь в постоянном ожидании милосердия Божия и Ея Императорского Величества, славное царствование которой да утвердит небо и да продлит оно дни государыни.

С французского М. Хмыров.

А.8 Дюк Лирийский: «Отдельное разсуждение о характерах различных особ при дворе Российском»

«В сем небольшом сочинении целью моею будет пояснить характеры важнейших особ, которых знал я при Российском Дворе, что постараюсь я исполнить с величайшим безпристрастием, не льстя ни царям, ни

царицам, ни принцессам. Представлю также характеры иностранных министров, бывших в России в мое время, и могу уверить, что не увлекаюсь, описывая их какою либо страстью, и что я сам лично знал всех, о ком буду упоминать. Начну с Царя Петра II-го.

ЦАРЬ ПЕТР II-й. Он был высок, строен и красив; выражение лица было у него задумчивое, сложение тела крепкое, чело возвышенное и сила необыкновенная. Хотя нелегко изречь справедливое суждение о четырнадцатилетнем юноше, но можно было предполагать, что он будет решителен, самостоятелен, и может быть, даже суров. Вина он не терпел, то есть, пил его сколько следовало, но заметно уже было, что он не будет ненавистником прекрасного пола, нравиться которому имел он способность. Он был очень щедр, и щедрость его приближалась даже к излишеству. Хотя ласковый с теми, кого видал часто, он был однакож от природы важен и угрюм с другими. Понятия у него были живые, и при большой осторожности, он был однакож решителен, любил свой народ и мало уважал другия нации. Словом, он мог со временем быть великим монархом, но можно полагать, что ему могло повредить воспитание Долгоруких, главная система коих была держать юнаго Царя в отдалении и пренебрегать его образованием.

ЦАРИЦА АННА ИОАННОВНА. Она была вдовствующею Герцогинею Курляндскою, когда возвели ее на трон; дочь Царя Иоанна, старшаго брата Петра Великаго. Дородна собою, смугла и с мужественным выражением лица, любезна, обязательна и необыкновенно внимательна. Щедрость ея доходила до излишества. Чрезвычайно любила великолепие, и поставила Двор свой на такую ногу, что он, конечно, превосходил все другие Дворы блеском. Она хотела, чтобы все ей повиновалось, и чтобы в точности доносили ей обо всем, что происходит в ея империи. Никогда не забывала она услуг, какия оказывали ей ея подданные, но не забывала и оскорблений, и можно уверительно сказать, что она даже слишком была подвержена слабости помнить неудовольствия, однажды против кого либо возбужденныя в душе ея. Говорили, будто сердце ея склонно было к нежности, и я также думаю, но поступки ея были притом весьма осторожны. Наконец, могу сказать, что она была Царица вполне достойная долголетия царствования.

В.К. НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА. Она была сестра Царя Петра II-го, принцесса, украшенная столькими добрыми свойствами, что даже трудно себе вообразить. Красотою она не блистала, и напротив, была довольно некрасива, хотя и стройна, но ея добродетели вознаграждали недостаток красоты. Она была любезна, великодушна, внимательна, исполнена приятностей, нрава была кроткаго, и привлекала сердца всех, кто только знал ее. По Французски и по Немецки говорила превосходно. Любила чтение и была покровительницею иностранцев. Все такия свойства производили то, что все желали ей продолжения многих лет, но Богу такое желание не было угодно, и она была похищена смертью, после продолжительной бо-

лезни, 3-го Октября 1728 года, 14 лет от роду. Русские и иноземцы, великие и бедные были равно опечалены.

В.К. ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА. Она была дочь Петра Великого и Царицы Екатерины, и одна из прекраснейших особ, каких только видал я в жизнь мою. Цвет лица ее был удивительный и глаза превосходные, рот прелестный, грудь истинной красавицы, а талия несравненная. Она была высокого роста и необыкновенно жива; обладала умом и прелестью, танцевала весьма хорошо, и безстрашно ездила верхом. Она была честлюбива, скрытна и сердце ее было нежно. Царь Петр II-й несколько времени был влюблен в нее, и даже думали, что он сочетается с нею браком.

ГЕРЦОГИНЯ МЕКЛЕНБУРГСКАЯ ЕКАТЕРИНА. Она была сестра Царицы Анны Иоанновны. Чрезвычайно жива, неосторожна, не затруднялась ни чем на свете, и говорила все, что приходило ей на мысль. Она была необыкновенно дородна...

В.К. ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА. Также сестра Царицы Анны. Не отличалась обширным умом, была очень некрасива, худощава и слабого здоровья...

Здесь необходимо перейти к характерам главнейших вельмож, начиная с любимца Царя Петра II-го.

КНЯЗЬ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ДОЛГОРУКИЙ. У него было только одно хорошее качество — доброе сердце. Царь Петр II-й любил его страстно, и он мог делать из воли своего Государя все, что ему было угодно, любя его также нежно. Ум у него был весьма ограниченный, ни малейшей не было проницательности, много спеси и гордости мало решительности и никакого расположения к труду. Он любил женщин и вино, но не был двоедушен. Ему хотелось править царством, хотя он не знал даже, как начать такое великое дело. Он способен был к величайшей ненависти, не получив никакого воспитания и образования, так, что мог во всяком другом месте назваться решительным невеждою.

ВЕЛ. КАНЦЛЕР ГРАФ ГОЛОВКИН. Он был старец почтенный во всех отношениях, ученый, скромный, осторожный, разсудительный, с большими способностями. Любил свое отечество, и хотя имел наклонность к старинным нравам, но не порицал и новых, если видел в них что либо хорошее. Привязанный к своим Государям, он был не подкупим, и потому удержался во все времена, даже самые трудные, ибо его не в чем было укорить.

ГРАФ АПРАКСИН. Он был Великий Адмирал и ревностно служил Петру Великому. Царица, супруга Феодора, старшего брата Петра Великого, была ему родная сестра. У него было довольно способностей, храбрости и решительности, и в тоже время достаточно проницания, но никогда не выезжавши из своей земли, он ненавидел новости, которые вводил Петр Великий, и был готов всем пожертвовать, чтобы только привести все в России в прежний порядок. Смертельный враг был он всем иностранцам, притом корыстолюбив, и так сильно брал взятки, что при Петре Великом едва не лишился головы, но успел однакож кое-как вывернуться из хло-

пот. Он решительно не знал дел Европейских, и хотя считался адмиралом, но не ведал даже первых начал навигации.

БАРОН ОСТЕРМАН. Вице-Канцлер, Немец по рождению; отец его был Лютеранским пастором в какой-то Вестфальской деревне. Очень молодой приехал он в Россию, и превосходно выучившись Русскому языку, получил место в какой-то канцелярии. Дарования и знание многих языков сделали его известным Петру Великому, у которого служил он переводчиком. Он предался потом в покровительство Князя Меншикова, который вел его столь быстро в чины, что Остерман вскоре заступил место Вице-Канцлера Шафирова, своего прежнего благодетеля. Когда скончалась Царица Екатерина, Меншиков назначил его Гофмейстером к Царю Петру II-му, и Остерман тотчас начал работать, подрывая своего покровителя, в чем и не замедлил успеть. У него были все необходимые для хорошего министра дарования, и он был притом неутомим. Действительно желал он добра России, но был лжив в возможной степени, бывши притом мало религиозен, или, лучше сказать, не имея вовсе ни какой религии. Он был еще чрезвычайно скуп, но ничего и ни от кого не брал. Совершенно обладая искусством притворяться, он давал такую наружность правды тому, что было ей совершенно противоположно, что мог обмануть самого хитрого человека. Словом, великий министр был он, но если бы притом был он и ангелом, сошедшим с небес, то достаточно было одного того, что он иностранец, для смертельной ненависти к нему Руских, которые много раз испытывали все, что могли для его низвержения. Ловкостью своею Остерман спасался каждый раз от умысла врагов своих.

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН. Член Тайного Совета. Он был один из тех стариков, которые, вместо всякой системы, твердили одно: Для чего нам все новые обычаи? Разве не можем мы жить, как жилали наши отцы, так, чтобы иностранцы не предписывали нам новых законов? У него было достаточно ума, но было много и злости, тщеславие невыносимое и гордость безпримерная.

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ДОЛГОРУКИЙ. Также член Совета, человек с умом и добрый по виду. Он был Послом в Швеции, Дании, Польше и Франции, и везде приобретал известность министра ловкого и способного. Весьма хорошо говорил он на многих языках, и был такой человек, с которым жить было можно, но в тоже время был он весьма подвержен подкупу, не имея ни веры, ни закона, и способен всем пожертвовать для низкого интереса. Он заплатил дорого за свои интриги, ибо Царица Анна сослала его наконец на отдаленный остров Белого моря.

КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ ДОЛГОРУКИЙ. Второй воспитатель юного Царя Петра, член Совета и отец молодого Долгорукаго, любимца. Немного было у него ума и не было никакого знания обычаев света. Как многие другие, был он лжив, ненавистник иностранцев, раб при Дворе, защитник старых обычаев, исполнен тщеславия, что побудило его стараться о возведении дочери на трон, назначив ее супругою Царскою. Преждевременная кон-

чина Царя разрушила замыслы, и Царица Анна сослала честолюбца, со всем его семейством, в Сибирь.

ФЕЛЬДМАРШАЛ ДОЛГОРУКИЙ. Человек умный, храбрый, праводушный, но малоопытный в военном деле. Притворяться он не умел, и недостаток его был тот, что он слишком был откровенен и искренен. Был он отважен, но весьма тщеславен, добрый друг, но и враг непримиримый. Иностранцов врагом он не был, не слишком однакож и любил их. Жил открыто, и вообще сказать можно, что он принадлежал к числу вельмож, делавших честь своей отчизне.

КНЯЗЬ МИХАИЛ ДОЛГОРУКИЙ. Он был брат Фельдмаршала, человек самый тщеславный, какого только знал я в жизнь мою. Все считал он безделкой, и в то же время был способен делать величайшие низости для достижения своей цели. Умом был он очень недалек, лгал немилосердно, был лжив и плутоват, никого не любил, скупец был в последней степени, и словом — никакого достоинства в нем не было.

ФЕЛЬДМАРШАЛ ГОЛИЦЫН. Герой, человек с умом и с честью. Он хорошо знал военное искусство, был храбр и очень любим войсками. Он был смел и отважен, не терпел иностранцев, но в то же время воздавал справедливость имевшим достоинства; был щедр и очень любезен; боялся знатных и особенно Петра Великого. Еслибы Россия была более просвещена, он мог бы быть истинно великим человеком.

ФЕЛЬДМАРШАЛ САПЕГА. Поляк, и только одно было у него доброе качество, что был он очень храбр. Три раза бунтовал он против своего Короля, и потому принужден был удалиться в Россию, где по влиянию при Дворе сына его, любимца Императрицы Екатерины I-й, пожаловали его в фельдмаршалы. Он не знал даже самых первых оснований военного искусства, не имел капли ума, был сварлив, повелителен, напивался ежедневно, был лжец, и способен все предпринять для достижения своей цели.

ФЕЛЬДМАРШАЛ ТРУБЕЦКОЙ. Невежда, каких можно встретить немного. Его мало уважали, но считали добряком; незнающий в своем деле, он был притом заика и исполнен тщеславия.

КНЯЗЬ ЧЕРКАСКИЙ. Любезный человек и с умом; знал больше, нежели знали обыкновенно его земляки; не был врагом иностранцев, был весьма безкорыстен, весьма благороден; но только робок и нерешителен.

ГРАФ БИРОН. Любимец и Обер-Каммергер Царицы Анны, Курляндец, долго и верно служивший ей в Курляндии. Он был очень вежлив, внимателен, хорошо воспитан, ревностен к славе своей Государыни и готов сделать каждому удовольствие. Ума у него было немного, и потому он должен был позволять другим управлять собою, так, что если другие, кому он верил, давали ему советы, он не мог различать хороших советов от дурных. Не смотря на то, он был любезен, разговор его был приятен, лицо было у него доброе, но и честолюбие большое, с порядочно долею тщеславия.

ФЕЛЬДМАРШАЛ БРЮС. Родился в Москве, но родители его были Шотландцы. Служил с большим отличием и был весьма уважаем Петром Великим. Очень вежливый, он хорошо знал свое дело, имел много дарований, превосходно понимал Россию, и вел себя так, что ни в чем нельзя было его упрекнуть, по чему все его почитали и уважали.

ГРАФ ЛЕВЕНВОЛЬД, СТАРШИЙ. Полковник третьего гвардейского полка и генерал-лейтенант, хоть и не Русский, но Лифляндец и Русский подданный. Имел дарования и был ловкий, смелый, отважный и лживый человек. Любил славу своей Царицы и имел у нея большую доверенность. Но его ненавидели Русские, потому, что система его состояла в том, чтобы употреблять в делах только иностранцев. Был великий игрок, и притом очень скуп, способен на подкуп, но благоразумен в советах.

ГРАФ ЛЕВЕНВОЛЬД, МЛАДШИЙ. Гоф-Маршал Царицы Анны, человек самого дурного характера, какого только видал я в жизни моей. Счастливым своим обязан был он женщинам, но способен на всякое дело для достижения своей цели. Ничто его не останавливало, и он пожертвовал бы лучшим другом, и человеком, которому всем был обязан, если бы только видел в том свою пользу. Честолюбие было у него чрезмерное и тщеславие большое. Религии у него не было никакой и едва ли даже верил он бытию Бога. Корысть всегда его руководствовала и он был лжив, хитр, ненавидим народом, но в тоже время благороден в обхождении, снисходителен, внимателен, хорошо служил своей Царице и умел придавать блеск ее праздникам; умен и довольно красив собою.

ГЕНЕРАЛ ВЕЙСБАХ. Немец, и человек неимевший ни малейшего разсудка. Он считал себя великим генералом, хотя не пользовался никакого известностью, а напротив, все дурно думали, не только об его храбрости, но и об его опытности. Скупец, тяжелый, но добряк.

ГЕНЕРАЛ БЕМ. Также Немец, генерал пехотный, служил много и довольно хорошо знал свое дело. Был вежлив, но чрезвычайно робок, и трепетал всего что могло не понравиться при Дворе. Благоразумен и осторожен, но холоден со всеми, и нагл, выше всякого выражения, с подчиненными.

ГЕНЕРАЛ ЛАССИ. Ирландец, генерал пехотный, знал хорошо свое дело, был уважаем и любим народом, умен, с познаниями, честен, неспособен к дурному делу, и у всех пользовался известностью хорошаго, генерала.

ГРАФ МИНИХ. Немец, артиллерийский генерал, очень хорошо знал военное дело и был превосходный инженер, но обладаем высокомерием неограниченным, тщеславием безконечным и честолюбием безмерным, Притом лжив, с двойным сердцем, казался другом всех, но собственно не был другом ни кому; очень внимателен и учтив с теми, кто не был под его начальством, но несносен с низшими.

ГЕНЕРАЛ ГИНТЕР. Немец, артиллерийский генерал. Хорошо знал свое дело; был вежлив, друг надежный и верный своих друзей, но неприятель непримиримый и надменен; впрочем, с умом и был весьма уважаем в России.

ГЕНЕРАЛ МАТЮШКИН. Русский, пехотный генерал. Служил очень хорошо, понимал достаточно свое дело, был добродетельный и честнейший человек.

ГЕНЕРАЛ ЧЕРНЫШЕВ. Русский генерал пехотный, умен, храбр, хорошо вел себя по службе, но был очень скуп и лжив, и притом враг иностранцев.

ГРАФ ЯГУШИНСКИЙ. Кавалерийский генерал и Шталмейстер, Поляк и весьма не знатного рода. В молодости приехавши в Россию, принял он Греческую веру, и вошел в милость у Петра Великого, который весьма любил его, до самой своей смерти. Военное дело знал он плохо, да и не имел на то претензий; человек был умный, с дарованиями, смелый и чрезвычайно решительный. Однажды сделавшись другом, был им без притворства, за то не скрывал и вражды своей. Говорили, будто он был лжив, но я не могу сказать, чтобы заметил в нем такой порок. Он был очень тверд в своих решениях и весьма привязан к своим Государям, но способен надеться тысячи шалостей, когда бывало подопьет. Удаляясь от сей дурной привычки, становился он совсем другим человеком. Словом, он был одним из самых способных людей в России.

КНЯЗЬ ЮСУПОВ. Пехотный генерал, Татарского происхождения; брат его при мне был еще Магометанином. Весьма вежлив, хорошо служил, хотя знал свое дело очень посредственно. Он был весь изранен; любил иностранцев; был предан своим государям, и словом, был он один из тех людей, которые прямо идут своею дорогою, но только слишком любил выпить.

ГЕНЕРАЛ УШАКОВ. Русский, пехотный генерал; хороший офицер, храбрый, честный, чрезвычайно преданный своим Монархам, человек с добрым сердцем и с хорошими намерениями.

ГРАФ САЛТЫКОВ. Пехотный генерал и Великий Церемониймейстер. Человек весьма вжливый; хорошо служил, был очень храбр; ума был недалежного, но дело свое знал и всегда желал делать добро.

ГЕНЕРАЛ МАМОНОВ. Русский, пехотный генерал. Человек с умом, храбрый, решительный; хорошо служил и был хороший офицер, но притом очень коварен, хитр, и народ его не любил.

БАРОН ГАБИХТАЛЬ. Обер-Церемониймейстер, Швейцарец, человек с большим умом, множеством сведений и памятью изумительною. Был скромн, осторожен, весьма вежлив, друг своих друзей, скрытн с теми, чью дружбу мог подозревать, но вполне открыт для тех, кого знал точно за честных людей и кто сам доверялся ему. Он был очень привязан к службе своих повелителей, и всех заставлял уважать его. Не говорил худа ни о ком; был, что называется, добродетельный человек, и притом чрезвычайно безкорыстен.

Вот характеры почти всех главных лиц, которых знал я при Русском Дворе. Теперь хочу я изложить мое мнение обо всех министрах, бывших в одно время со мною.

ГРАФ ВРАТИСЛАВ. Посол Императорский, происхождением от одного из самых старинных родов Богемских. Долго был он Министром на

Регенсбургском Сейме, а потом Послом в Польше, откуда переведен в Россию, после смерти Графа Рабутина. Нельзя было выбрать министра менее способного находиться при Русском Дворе. Русские любят, чтобы иностранные министры были ласковы, щудры и великолепны, а Граф Вратислав не имел ни одного из сих качеств. Он, правда, говорил о себе, что живет великолепно, но показывал совсем противное во всех своих поступках, и везде заметна была у него величайшая скупость. Безпрестанно хвалил он доброту своего сердца, но я не знал никогда другого человека лживее его. Безпрестанно говорил он, не давая никому сказать одного слова и не слушая, что ему говорят. Ни какого воспитания он не получил, и потому был весьма неучтив со всеми, даже и с дамами. Он был притом чрезвычайно пристрастен, надменен, гордости нестерпимой, и ума небольшого. Никогда в жизнь мою не знал я другого человека, более способного на впечатления от других и кто только хотел, тот мог тотчас передать ему и доброе и худое направление. Короче, он был более способен забавлять детей баснями старых баб, нежели быть министром, ибо у него не было ни каких для того дарований, и мне кажется, что друзья Графа Рабутина нарочно послали Вратислава в Россию, чтобы увековечить в России память его предшественника, поведение и ловкость которого были удивительны.

БАРОН МАРДЕФЕЛЬД. Старик, десять лет бывший полномочным Пруссим Министром в России. Он был очень красив и большой волокита, рисовал превосходно и хорошо играл на лютне, был весьма умен, и мог почестся в свете за самого любезного и благовоспитанного человека. Но все сии качества не могли перевесить безконечного множества недостатков, какие он имел при них. Душа его была такая продажная, что он готов был предпринять все, что угодно, только бы добыть деньги. Религии у него не было никакой, и не смотря на то, он был непримиримый враг Католицизма. В жизнь мою не видывал я человека, который столь легко льстил бы себя успехами во всем том, чего он желал, и такая ветренность заставляла его верить всякому вздору, и без размышления рассказывать новости, когорыя не имели никакого основания, кроме желания рассказчика, чтобы оне были правда. Он был коварен и лжив, неспособен делать добро никому, но весьма способен наделать много зла, не только из дурного намерения, но даже и потому, что всякая партия водила его за нос во всем. Надменность оказывалась у него ужасная всегда, и ничего не находил он хорошего, кроме того, что только делал он сам, или делали его сообщники. Одним словом, можно сказать, что он был любезный негодяй, более всего любивший забавляться и хорошо поесть.

БАРОН МАРДЕФЕЛЬД, младший. Племянник и наследник предшествовавшего. Был умен, весьма коварен, не знал что такое честь и одарен всеми способностями злаго человека. Поведение его было весьма дурное; он играл и проигрывал более, нежели мог заплатить, не имел никаких дарований министра, и обладал всеми пороками своего дяди, не имея притом его хороших качеств.

БАРОН ЦЕДЕРКРЕЙЦ. Чрезвычайный Посол Шведский, красавец собою. Он следовал за Карлом XII-м во всех его кампаниях, был человек честный, и друг своих друзей, но не умен, и легко допускал себя обманывать. Жена его, совершенно им управлявшая, была лгунья, тщеславная и скупая.

Г-Н ДИТМАР. Преемника предшествовавшего, человек умный и весьма любезный. Говорил мало; хорошо знал по Русски и был всеми любим.

Г-Н ВЕСТФАЛЕН. Чрезвычайный посол Датский. Был умен, опытен и с большими познаниями. Человек отлично честный, неспособный к худому делу и весьма усердный к службе своему Государю. Но его надменность и тщеславие были невыносимы. Всегда занятый величием своего Короля, он думал, что все другие Государи должны были уступать Королю его. Обо всем он задумывался, и выводил следствия из самых вздорных слухов, какие носились при Дворе, или в дипломатическом корпусе. Жил весьма уединенно и редко являлся на обед к другим, боясь, что и ему в свою очередь придется за то кормить других, а того-то он и трепетал.

Г-Н ЛЕФОРТ. Чрезвычайный Посланник Польский, родом Женевец, племянник славного Лефорта, бывшего любимцем Петра Великого. Очень любезный человек, неспособный сделать ничего, что могло повредить его характеру, весьма безкорыстный, готовый всем пожертвовать для своих друзей, и довольно хорошо знавший все, что делалось в России, за что и уважали его при Польском Дворе. Но если и не был он глуп, то и ума у него не было, и он так плохо судил о делах, как будто никогда их в руках у него не бывало. Дом у него был открыт всякому, но жил он очень посредственно.

БАРОН ШТАМБКЕН. Посланник Голштинский, человек основательный в суждениях. Писал удивительно хорошо, но говорил очень плохо; был скромн, учен, осторожен, хорошо служил своему Государю, жил прекрасно и — напивался притом ежедневно. Впрочем, был друг для друзей и неспособен к коварству.

ГРАФ БУДЕ. Преемник предшествовавшего, и вот было величайшее животное, какого только видал я в жизнь мою — невежда, тяжелый человек, несносный вопрошатель, и притом воображал себе, будто он умен. Он был коварен и скуп в возможной степени, и делал все роды низостей, только бы как нибудь заработать деньги. Словом, был он человек без малейшего достоинства.

ГЕНЕРАЛ ТЕССИН. Также Министр Голштинский, но совсем разный от своего товарища. Он имел много ума и был отлично воспитан, любезен, весел, исполнен чести, откровенен, неспособен на подлости; словом, был человек совершенный во всем и хороший министр.

Г-Н ДЬЁ. Чрезвычайный Посланник Голландский. Не имел ни чьего внимания, лишен был ума и великих достоинств, невежда, худо воспитанный, человек тяжелый и настоящий Голландец.

БАРОН ДАССЕБУРГ. Посланник Вольфенбюттельский, молодой чело-

век из знаменитого рода. Он был умен, благоразумен, осторожен, исполнен чести и добродетелей, и в то же время любезен и добрый друг.

БАРОН ЧАМ (СЗАМ). Посланник Бланденбургский. Походил он с виду на обезьяну, и был притом истинный педант. Всегда погруженный в политику, он ежедневно ездил по министрам, чтобы заставить публику думать, будто он занят важными делами. Ум у него был, но человек он был притом лживый; хоть и разнеживался при всяком вздоре. Почитал себя величайшим министром в целой Европе, но много что годился бы он разве быть где-нибудь школьным учителем.

БАРОН ОСТЕРМАН. Посланник Мекленбургский, брат Вице-Канцлера, величайший в мире глупец, и притом хотел прослыть человеком с дарованиями. Всегда говорил он загадочно, жил уединенно и ни кем не был уважаем.

Г-Н ГОГЕНГОЛЬЦЕРН. Резидент Императорский, человек честный, с добрым сердцем, но притом невежда, глупец и пьяница. Не смотря на то, он хорошо знал Россию и давал об ней довольно верные отчеты.

Г-Н ВИЛЬДЕ. Резидент Голландский. Он был Амстердамский торгаш, не имевший ни ума, ни достоинств, и больше отправлял ремесло купца, нежели министра. Притом был он скуп и служил предметом насмешек всего Двора, как равно и жена его, бывшая прежде у него кухаркою, до его супружества.

Оканчивая здесь изображение характеров и описание моего посольства в Россию, объявляю, что сие сочинение мое служит только для собственного моего увеселения и для поучения детям моим».

А.9 Сопоставление истинного и подложного родословий

В качестве основы взято родословие Г.Р. Левенвольде [85], хранящееся в РГАДА, относительно подлинности которого сомнений нет. В нем имеются значительные пробелы в передаче шотландский линии. Наложим на него родословие К.Г. Левенвольде [86], где многие пробелы якобы устранены. Пустые места в родословии Г.Р. Левенвольде [85] обозначены символом □. Текст, выделенный курсивом, взят из родословия К.Г. Левенвольде [86], которое является подложным.

**Gustav Reinhold Graff von Löwenwolde
Ihro Kayserl[iche] Mayest[ä]t von Rußland Cammer Herr**

► Родители Г.Р. Левенвольде (1-е поколение)

1. Gerhard Johann Freyherr von Löwenwolde. Ihro Rußische Kayserl[iche] Mayest[ä]t Geheimbter Rath
2. Magdalena Elisabeth Freyin von Löwen auß dem Hauße Lohde

► Дедушки и бабушки Г.Р. Левенвольде (2-е поколение)

3. Christopher Bernhard Freyherr von Löwenwolde⁷
4. Isabella von Orcquart⁸ ⟨B [86]: *Isabella ab Urquart*⟩
5. Georg Johann Freyherr von Löwen von der LandRath des hertzogthums Esthland, herr auf Lohde, Seyer, Tönnola, Lesby und Melby
6. Barbara Dorothea von Fersen auß dem Hauße Rayküll

► Прадедушки и прабабушки Г.Р. Левенвольде (3-е поколение)

7. Gerhard Freyherr von Löwenwolde⁹
8. Gerderutha von Pattküll¹⁰
9. Johann von Orcquart ⟨B [86]: *Joh. ab Urquart, Toparcha in Kinbaikie Caroli X regis Svec. Tribunus militum 1663*⟩
10. Isabella von Kinnemundt ⟨B [86]: *Isabella de Kenmur, Gordon filia unica*⟩
11. Friedrich Freyherr von Löwen General von der Cavalerie, Geheimbter Kriegs Rath, Obrister von der Ritterschafft Land Rath in Esthland herr auf Lohde, Seyer, Tönnola, Lesby und Melby
12. Angnetha von Maydell aus Tockenbeck und Wiedenhagen
13. Hermann von Fersen Rittmeister von der Ritterschafft Herr auf Rayküll
14. Margaretha von Anrep aus Hähl

► 4-е поколение

15. Tönnis von Löwenwolde
16. Anna von Tiesenhausen
17. Georg von Pattküll
18. Gerderutha von Twieweln ⟨B [86]: *von Zweiffeln*⟩
19. Canutus von Orcquart ⟨B [86]: *Alexander ab Urquart Toparcha in Kienbackie, Castri et Comitatus Invernets? praefectus*⟩
20. □ ⟨B [86]: *Margaretha de Abernethie primogenita*⟩
21. Thomas von Kinnemundt ⟨B [86]: *Thomas Kenmur, Gordon haeres Dominy de Peningham, regni Sver. Tribunus equitum*⟩

⁷Даты жизни прим. 1648–1663.

⁸В [125], составленном в 20-м веке, сказано (с. 157): «T. d. schwed. Obersten Johann v. U. u. d. Isabella Kenmur-Gordon, beite aus Schottld». Такая же ошибка содержится в [115], с. 609.

⁹Даты жизни: прибол. 1575–1645.

¹⁰∞ 1599.

22. □ 〈B [86]: *Isabella Kieth ex linea Pavburniana primogenita*〉
23. Gerhard von Löwen Obristen und General Quartiermeister herr auf Seyer
24. Adelheid von Hastfer aus Kandel
25. Jürgen von Maydell LandRath in Esthland herr auf Tockenbeck und Wiedenhagen
26. Margaretha von Wrangel aus Kojel und Jess
27. Fabian von Fersen LandRath in Esthland herr auf Rayküll
28. Barbara Üxküll aus Kosck
29. Reinhold von Anrep FeldtMarschal und LandRaht in Ehistland, herr auf Hähel
30. Dorothea von Wrangel aus Ellistfer

► 5-е поколение

31. Jacob Johann von Löwenwolde¹¹
32. Margaretha von Mexs
33. Heinrich von Tiesenhausen
34. Margaretha von Gilsen
35. Andreas von Pattküll
36. Helena von Gilsen
37. Tonnis von Twieweln
38. Margaretha von Owerlücken
39. □ 〈B [86]: *Rodericus ab Urquart Toparcha in Kenbackie, Provinciae Rossiae Praefectus*〉
40. □ 〈B [86]: *Anna Monroe, tertia genita, obiit 1661, an at: 112*〉
41. □ 〈B [86]: *Joh. Abernethie, haeredit: Doming de Helmdel, Legionis milit. Chiliargus*〉
42. □ 〈B [86]: *Janetta nata de Sutherlandia 3-io genita*〉
43. □ 〈B [86]: *Georgius Kenmur Gordon har. in Peningham, regis Jacobi IV Consiliarius et Thesaurarius*〉
44. □ 〈B [86]: *Helena Ogilvie 3-io genita*〉
45. □ 〈B [86]: *Jac. Kieth Toparcha de et in Pauburn Provincia Marriae praefectus*〉
46. □ 〈B [86]: *Maria Grahame 2-da genita ex linea Ballgown*〉
47. Johann von Löwen aus dem Hauße Morsen Hoffrath und Cammer Juncker bey dem Hertzog Magno von Holstein
48. Margaretha von Lennepen
49. Johann Hastfer herr auf Kandel
50. Adelheit von Överlacken aus Pallifer

¹¹Даты жизни: прибол. 1526–1586.

51. Tönnis von Maydell Ammiral und LandRath in Esthland, herr auf Tockenbeck, Wredenhagen und Suttlem
52. Catharina von Schneidecken
53. Moritz von Wrangel LandRath in Esthland herr auf Kojel und Jess
54. Angnetha von Anrep aus Hähl
55. Hermann von Fersen Rittermeister von die Ritter Pferde herr auf Rayküll
56. Anna von Tiesenhausen aus Berson
57. Wilhelm von Üxküll von Kosck. Ritter und LandRaht in Ehistland
58. Gerderutha von Tittfer aus Wenden
59. Hans von Anrep LandRath in Esthland herr auf Hahl
60. Margaretha von Rosen aus Allo
61. Herman von Wrangel herr auf Elliestfer Feld Obrister und LandRath in Esthland
62. Adelheit von Üxküll aus Rosenbergh

► 6-е поколение

63. Jacob von Löwenwolde¹²
64. Maria von Dönhoff
65. Rudolf von Mecks
66. Anna von Asserien
67. Engelbrecht von Tiesenhausen
68. Gerderutha von Errmes
69. Detloff von Gilsen
70. Dorothea von Stackelberg
71. □ 〈B [86]: *Bertholomeus von Patkull*〉
72. □ 〈B [86]: *Catharina von Salis*〉
73. □ 〈B [86]: *von Gilsen*〉
74. □
75. □ 〈B [86]: *Twieweln*〉
76. □
77. □ 〈B [86]: *Owerlach*〉
78. □
79. □ 〈B [86]: *Jacob ab Urquart Toparcha in Kenbackie, Senator Parlamenti pro Nobilibus Moraviae*〉
80. □ 〈B [86]: *Margaretha Stuart, Mater 14 filiorum et 9 filiarum*〉
81. □ 〈B [86]: *Hector Monroe Toparcha in Kilternie, Senator Parlamenti pro Nobilus Rossiae*〉
82. □ 〈B [86]: *Grisila Gordon, ex Gordonstoun primogenita*〉

¹²Даты жизни: прибл. 1510–1559.

83. □ ⟨B [86]: *Alexander Abernethy haires de Helmdel et Seaton, Praefectus Buchaniae*⟩
84. □ ⟨B [86]: *Elisabeth Graham naeta ex Morhio 3-is genita*⟩
85. □ ⟨B [86]: *Alexander Sutherland Toparcha in Carnseye, Ductor legionis militum*⟩
86. □ ⟨B [86]: *Lelias Cambell nata de caddel, 2-do genita*⟩
87. □ ⟨B [86]: *Wilh. Kenmur Gordon Toparcha in Peningham, provinciae Gallovidia praefectus*⟩
88. □ ⟨B [86]: *Maria ab Urquart Malcolmi 1-o genita*⟩
89. □ ⟨B [86]: *David Ogilvie 2-do genity Toparcha de Pourie Senator Parlamenti Eques auratus*⟩
90. □ ⟨B [86]: *Helena Grahame Andrea 1-o genita*⟩
91. □ ⟨B [86]: *Malcolmus Kieth Toparcha in de Pauburn Senator Parlamenti*⟩
92. □ ⟨B [86]: *Cathar. Maul nata de Panmure 3-io genita*⟩
93. □ ⟨B [86]: *Jac. Grahame Toparcha de Ballgoven, provincia Angrusiae praefectus*⟩
94. □ ⟨B [86]: *Anna Ogilvie nata de Innerwartii 3-ia genita*⟩
95. □ ⟨B [86]: *Friedrich v. Löwen*⟩
96. Sophia von Landscron
97. Gerhard von Lennepen
98. Margaretha Taub von Kublen
99. Jürgen Hastfer Herr auf Kandell
100. Anna von Kalwen aus dem Hauße Pöddes
101. Berendt von Överlacken herr auf Pallifer
102. Anna Taub aus Nienhoff
103. Johann Maydell herr von Suttlem und Wredenhausen
104. Ephremia Nieroth aus Kappel
105. Hinrich von Scheidecken
106. Catharina von Hünnergeyer
107. Moritz Wrangell LandRath in Esthland herr auf Jess und Kojel
108. Gerderutha Tödwen aus Kojel
109. Hermann Anrep LandRath in Esthland herr auf Hähl
110. Margaretha von Rosen aus Allo
111. Lorentz von Fersen herr auf Raykul
112. Anna von Fürstenberg aus Raykül
113. Fabian von Tiesenhausen herr auf Berson
114. Gerderutha von Tauben aus Marth
115. Johann von Üxküll herr auf Kosck Ritter
116. Barbara von Anrep aus Wittensee
117. Carsten von Tittfer herr auf Wenden

- 118. Anna von Fahrensbach aus Udenkull
- 119. Johann Anrep herr auf Wittensee LandRath in Esthland
- 120. Willmott von Schwartzhoffen
- 121. Reinhold von Rosen herr auf Allo LandRath in Esthland
- 122. Angnetha von Dönhoff aus Allo
- 123. Hans von Wrangel LandRath in Esthland herr auf Elstfer
- 124. Margaretha Üxküll aus Lackt
- 125. Johann von Üxküll LandRath in Esthland herr auf Riesenberg
- 126. Dorothea von Mexs aus Rabbifer und Poll

► 7-е поколение

- 127. Johann Woldemar von Löwenwolde¹³
- 128. Sophia von Fürstenberg
- 129. Gustav von Dönhöff
- 130. Elisabeth von Mengden
- 131. Hinrich von Mexs
- 132. Juliana von Büschöffden
- 133. Engelbrecht von Asserien
- 134. Berta von Saltza
- 135. Johann von Tiesenhausen
- 136. Helena von Plettenberg
- 137. Casper von Errmes
- 138. Gerdrutha von Schwartzzen
- 139. Christoph von Gilsen
- 140. Catharina von Budberg
- 141. Berendt von Stackelberg
- 142. Anna von Rehbinder
- 143. □ 〈B [86]: *Patkull*〉
- 144. □ 〈B [86]: *Salis*〉
- 145. □ 〈B [86]: *Salis*〉
- 146. □ 〈B [86]: *Gottleben*〉
- 147. □ 〈B [86]: *Gillen*〉
- 148. □
- 149. □
- 150. □
- 151. □ 〈B [86]: *Twieweln*〉
- 152. □
- 153. □

¹³Даты жизни: прибл. 1495–между 1504 и 1507.

- 154. □
- 155. □ 〈B [86]: *Owerlach*〉
- 156. □
- 157. □
- 158. □
- 159. □ 〈B [86]: *Alexander ab Urquart, Fil 2-dis Joannis L. B et Lord de Cromatrie, acrepit Toparchiam de Kenbakie haereditario*〉
- 160. □ 〈B [86]: *Magdalena Grant Filia Roberti ... familia Grant*〉
- 161. □ 〈B [86]: *Jo. Stuart regulus in Reston, nepos Joanis Comititis de Alhol et filius Alexandri in Reston*〉
- 162. □ 〈B [86]: *Majorana Seaton Jacobi Toparchae in Petineden filia 2-da*〉
- 163. □ 〈B [86]: *Robert Monro Toparchae de Alkenge Roberti Monro filius secundus*〉
- 164. □ 〈B [86]: *Helena Dumbar Jacobi Toparchae de Drun filia primogenita*〉
- 165. □ 〈B [86]: *Georg Gordon regulus de Gordonstoun*〉
- 166. □ 〈B [86]: *Catharina Lindsey, Davidis L. Lord de Spenzia filia 2-da*〉
- 167. □ 〈B [86]: *Hector Abernethy regulus de Salton, Senator Parlamenti, eques auratus*〉
- 168. □ 〈B [86]: *Grisila Leslie Georgii Toparcha de Parekhill filia unica*〉
- 169. □ 〈B [86]: *Jacob Graham, regulus de Morphie Davidis Comititis de Montrose nepos ex fratre*〉
- 170. □ 〈B [86]: *Esther Rose filia 4-to genita Roberti Lord Baronet de Rosse*〉
- 171. □ 〈B [86]: *Wilhelm Sutherland Lord Baronet de Duffus Par regni regi Jacobo IV a consiliis*〉
- 172. □ 〈B [86]: *Elisab. Frazer filia primogenita Hugonis Lord Baronet de Lovat*〉
- 173. □ 〈B [86]: *Archibald Cambell ex Argylensibus, regulus in Caddel, Senator Parlamenti*〉
- 174. □ 〈B [86]: *Maria Forbesia filia 2-da Jacoba Forbes, Toparcha in Colloden*〉
- 175. □ 〈B [86]: *Jo. Gordon ViceComes Lord de Kenmur Par regni, Jacobi IV Tribunis equitum*〉
- 176. □ 〈B [86]: *Elisab. Maxwell fil. 2-da genita Jo. Maxwell Lord Baronet de Heries, eius prosteri Comites de Nithsdale*〉
- 177. □ 〈B [86]: *Malcolm Urquart Toparcha de Meldrum, Senator Parlamenti pro Nobility Murraviae*〉
- 178. □ 〈B [86]: *Judith Banetyne Wilhelmi reguli de Courhouse filia 2-da genita*〉
- 179. □ 〈B [86]: *David Ogilvie, Lord Baronet de Airlie Par regni euj. posteri Comites d'Airlie*〉
- 180. □ 〈B [86]: *Dornabella Irwine, Roberti reguli de Drum filia unica*〉

181. □ 〈B [86]: *Andr. Graham Toparcha in Fintrie, Praefect. militar sub Jacobo IV & V.*〉
182. □ 〈B [86]: *Agnes Douglas Jacobi Toparchae de Stendrie filia 3-io genita*〉
183. □ 〈B [86]: *Alang Kieth Toparcha in Panburn sub Jacob IV supremacy aula Judex*〉
184. □ 〈B [86]: *Susana Hamilton Alexandri Toparcha in Bayres fil. oujus posserisunt Comites de Haddington*〉
185. □ 〈B [86]: *David Maul Lord Baronet de Panmure Par regni cuj. posteri hodie Comites*〉
186. □ 〈B [86]: *Felicitas Erskine Georgii Erskine Comitis de Marr filia 3-io genita*〉
187. □ 〈B [86]: *Patricig Grahame Toparcha de Ballgown Senator Parlamenti, Eques*〉
188. □ 〈B [86]: *Euphemia Bruce fil. Davidis reguli de Solacmanen. Provincia Sterlingae prefectus regius*〉
189. □ 〈B [86]: *Jacob Ogilvie Toparcha de Innerwartii Proviciae Merniae prefectus regius*〉
190. □ 〈B [86]: *Caecilia Crichton Ludovici reguli de Frentheit filia unica*〉
191. Gerhard von Löwen auß dem Hauße Mörsel in Holstein
192. Anna von Ellern
193. Johann Arendt von Landscronen
194. Maria von Diepenbrock
195. Johann von Lennepen
196. Anna von Walen
197. Jacob Taube Herr auf Kubbel
198. Catharina von Fürstenberg
199. Jürgen Hastfer Herr auf Kandell
200. Margareth von Zögen
201. Diedrich Kalwe Herr auf Pöddies
202. Elisabeth Fahrensbach aus Udenküll
203. Johann von Överlacken herr auf Udenküll
204. Anna Taub von Jesse
205. Johann Taub Herr auf Nienhoff
206. Anna Meck aus Rappifer
207. Hinrich Maydell Herr auf Wredenhagen und Suttlem
208. Gerdrutha Hastfer aus Sommerhaußen
209. Hinrich Nieroth herr auf Kappel
210. Elisabeth von Wrangel auß Jesse
211. Johann von Schnidecken
212. Maria Anna von Goldingen

213. Hermann von Hünnergeyer
214. Berta von Bönningen
215. Moritz Wrangell Land Rath in Esthland herr auf Jess und Kojell
216. Anna Hastfer aus Sommerhaüßer
217. Wilhelm von Tödwen herr auf Ringen und Kojell
218. Anna von Liewen aus dem hauße Parmel
219. Johann Anrep herr auf Wittensee. Ritter
220. Wilmoth von Schwartzhoffen
221. Reinhold von Rosen herr auf Allo
222. Magnetha Danhoff aus dem hauße Allo
223. Johim von Fersen aus dem hauße Buntt Slatt in Pommern
224. Margaretha von Wapersnau
225. Ludlof von Fürstenberg LandRath in Esthland herr auf Reyküll
226. Margaretha Wrangell
227. Fabian von Tiesenhausen herr auf Berson und Kaltznau
228. Magdalena Krusse aus Fähna
229. Claus Taube herr auf Marth
230. Anna von Riesebiether auß Addila
231. Wilhelm Üxküll herr auf Kosck
232. Margaretha von Twiewelln
233. Herrman Anrep herr auf Wittensee
234. Sophia Schwartzhoffen
235. Reinhold von Tidfer herr auf Wenden
236. Anna von Mexs aus Rabbifer
237. Johann von Fahrensbach herr auf Udenküll, Heymer und Waddemois
238. Catharina Üxküll aus dem hauße Fickel
239. Adolph von Anrep herr auf Wittensee Ritter
240. Anna von Fiffhusen
241. Friedrich von Schwartzhoffen
242. Barbara von Grothusen aus Runnendahl in Curlandt
243. Kersten von Rosen herr auf Hochrosen
244. Elisabeth von Ungernsternberg aus dem hauße Fistell
245. Johann Döönhoff herr auf Allo
246. Adelheit von Däcken aus Nienhoff
247. Woldemar Wrangell herr auf Ellistfer
248. Margaretha von Tauben
249. Woldemar Üxküll herr auf Lacket Ritter
250. Angnetha von Fahrensbach
251. Conrad Üxküll herr auf Riesenberg Ritter

252. Anna von Wedebroch genant Boderick
253. Johann Mexs her auf Rabbifer und Poll
254. Anna Rehbock ⟨B [86]: *Rechbocken*⟩

К родословной росписи [85] даны следующие комментарии на немецком языке¹⁴:

Demnach vorzeigen dieses Stambaums, Ihro Rußisch=Kayserlich=May[es]t[ä]t Hochgebohrner Cammer Herr, H[err] Gustav Reinhold Graff von Löwenwolde, auß dem Hauße Malla, bey diesem Ihro Rußisch Kayserl[ich] May[es]t[ä]t Oberland Gericht des Hertzogthum Ehistlandes, gebührend zu erkennen gegeben, wasmaßen Er einer Berichtlichen Attestation dieser seiner alhie angeführten und benanten, so woll Vätter= als Mütterlicher=linia, Uhalten Adelichen Ahnen benötigt wäre; Und dann deßelben Gesuche man um so viel weniger entseyn können; als nicht nur von dem Uhalten Adelichen Geschlechte derer von Löwenwolde, sondern auch derer von Löwen hieselbsten man keine andere Nachricht weiß, denn daß Sie schon zu Hoch= und Herrmeister Regierungs=Zeit albereits in dem Hertzogthum Ehst= und Lieffland derer alhie gewöhnlichen Ehren=Amptern und was sönsten dem Ritter= und Adel Stand mit mehren Anhängig, ohne widersprache, theilhaftig und fähig gewesen; Als bezeugen und bekräftigen Wie solches alles hiemit und inkraft dieses unsers offenen Brieffes, thun auch allen und jeglichen nach Standes gebühr respective, insonderheit denen Hochwürdigsten Duhm=Stiftern, Ritter Orden, und weme es sonsten auf erforderden falle zu wissen von nöhten seyn möchte, Kund: daß obbemalter Cammer Herr, Herr Gustav Reinhold von Löwenwolde aus vorstehenden befindlichen und Uns aufgewiesenen dazu erforderlichen Uhalten Adelichen Ahnen herstamme, und Er aus beiderseits Eltern, als Herr Gerhard Johann FreyHerrn von Löwenwolde, und Frauen Magdalena Eliesabeth, Gebohrne FreyHerrin von Löwen auß dem Hauße Lohde, rechtmäßigem Ehebette Ehrlich erzeuget und Gebohren, mithin Solchemallen nach von Uns und Einer Gesamnten respective Ritterschafft des Hertzogthum Ehistlandes für einen geliebten Mitbruder, so wie Ers je und alle wege gewesen und wurcklich ist, willigst erkennet und gehalten wird. Zu mehrem Uhrkund haben Wir jetziger zeit des Hertzogthum Ehistlandes vice Gouverneur, anwesende Land Rähte und Ritterschafft=Hauptmann dieses Testimonium mit unser und unsers Secretary Eigenhändigen Nahmens Unterschrift, und beygedruckten angebohrnen Pettschafften bekräftiget. So geschehen in Ihro Kayserl[ich] May[es]t[ä]t Oberland= Gericht auf dem Ritterhaüße zu Reval den 19. Augusti im Jahre nach der Gebuhrt Christi unsers Heylandes Eintausend Siebenhundert und Sechs und Zwantzig.

¹⁴Заметим, что весь этот документ исполнен на немецком языке; ни одна из его частей не исполнена, например, на латыни. Шотландская же часть родословия [86] и сопроводительный документ к ней исполнен на латыни.

Все сведения в [85] заверены — с приложением печатей — следующими 12 лицами:

- F: v: Löwen Freyherr und v[ice] Gouverneur
- Georg Gustav Wrangell Freyherr und Landtraht
- B: F. Schulman Landtraht
- B W Taube freyherr und landtraht
- J V Rosen landrath
- G H Buddberg Freiherr und landrahth
- Carl Wrangel lantraht
- J. J. Berg Landraht
- Gotthard Johann Zög Landrath
- G: W: V Fersen Landtraht
- Jacob Henrick Ulrick Ritterschaft haubtman[n]
- Justus Johannes Rosenkampff Imper: Majest: Jud: Supr: per Esth: Secretarius mmppr

Итак, «Изабелла Кенмюр–Гордон» («Isabella de Kenmur, Gordon filia unica»), фигурирующая здесь под номером (4), появляется как прабабушка Г.Р. Левенвольде (3-е поколение), а «Изабелла Кит» («Isabella Kieth ex linea Pavburniana primogenita»), номер (22), появляется как прапрабабушка Г.Р. Левенвольде (4-е поколение). Прочее суть прикрытие этого «родства».

Интересно, что еще одно баснословное родство — «Маргарета Абернети» («Margaretha de Abernethie primogenita»), номер (20), также показанная как прапрабабушка Г.Р. Левенвольде (4-е поколение), прикрывается поддельным¹⁵ свидетельством короля Карла II о происхождении Джона Архарта, ныне хранящегося в Британской библиотеке.

А.10 Сертификат к подложному родословию

К родословному древу Карла Густава Левенвольде приложен сертификат, выполненный на латыни. Приведем его.

«In nomine Domini Amen

Anno reparate salutis millesimo septingentesimo trigesimo, XI calendas Junii Aberdoniae in regia Scotiae circuitate, in frequentissimo virorum eruditorum confessu examen f[s]uit institutum super Genealogia illustris

¹⁵Заключение о поддельности этого документа как противоречащего имеющимся сведениям принадлежит Дж. Гордону.

prosapiae Urquatorum de Kel[n]baickie et in specie de genitoribus et maioribus Domina Isabella Urquartae, filia Domini Ioannis Urquarti, serenissimi et potentissimi Regis Sv[u]ecorum et Gothorum quondam fatellitii Tribuni et Domina Isabella Kendur-Gordonae, eiusdem Ioannis conjugis. Atque ut in hoc Actu historico-critico legitime et debitocum ordine procederetur, officiosissime convocati fuere viri gravissimi, genere illustrissimi, eruditione et longo usu in hocce argumenti genere versatiss[fi]mi, praeprimis qui ad negotiu[o]m accuratius recognoscendum et certius de eo indicandum magis idonei vedebantur, illi quog quorum maiores cognati et affines in ferie propositae quaestionis locum essent obtenturi. Omnibus sic rite dispositis et authenticis productis instrumentis, qua pic[o]tis et scriptis, qua imprestis et sculptis, post diligentissimam discussionem omnes in hanc[o] sententiam convenere: Quod Isabella praedicta praesati Ioannis Urquarti a Kenbaickie et uxoris eius Isabella Kenmur-Gordonae legitima esset filia, quodque Ioannes patrem habuerit Alexandrum Toparcham de Kenbaickie, filium Roderici de Kenbaickie et Annae Monro de Kilternie : matrem vero Margaritham natam de Abernethie filiam Ioannis haereditarii domini de Helmdel, et Janethae natae de Sutherlandia. Isabellae[?] autem Kenmur Gordonae genitor esset Thomas Kenmur Gordon haereditarius Dominus de Penningham Serenissimi Regis Svecorum equitum Tribunus, filius Georgii haereditarii domini de Penningham et Helena Ogilviae natae de Purie: Genitrix vero Isabella Kiets nata de Pauburn, filia Jacobi Kiets Toparchae de Pauburn et Mariae Grahame natae de Ballgown, et ita ascendendo per duas adhuc generationes recensiti sunt ex utrag parte et fexu in quinta generatione non minus quam triginta duo maiores, qoud v[u]lt confusio ex multitudine devitetur, visum est hos omnes progenitores in uno schemate distincte notare, atq ordinate digerere, prout versa pagina monstrabit.

Hier folgt das Schema der Beschluß lautet also:

«Ego Johannes Comes de Sutherland Lord Baro de Strathnevern et Dunrobin, Sac. Reg. Maj. a Secretioribus Consiliis et ejusdem provinciarum Mu[a?]rraniae, Rossiae, Sutherlandiae, Catb[h]nessiae et Insularum Orcadarum Locumtenens, Par regni, et Ego, Jacobus Ogilvie Comes de Airlie et Elight, Lord Baro de Ogilvie et Lentrathen, haereditarius Baieliu[n]ius Aberbrothiae, Par regni etc. ad supradictum confessum et actum genealogico-heraldico-criticum, ubi producebatur, examinabatur, et probabatur Sistema Progenitorum familiae Urquart Kenbaickie requisiti fuimus feorsum, et humanissime vocati : Postquam superius notata ac descripta omnia et fingula audiui[m]us[?] vidimus, lustravim[us?] et attente perpendimus juxta optimae fidei instrumenta et fincera r[c]erum gestarum documenta, invenimus obversum Schema maiorum et antecessorum Donnae Isabella Urquarta, Domini Christophori Bernardi Comitissae de Loewenwold conjugis, genuinum, verum et historicae veritat[ri] in omnibus consentaneum, quod et nobis ex eo maxime constat,

quia plurimi ex maioribus nostris in eo sunt recensiti, ita quidem ut certins quid vel euidenti^{us} haberi potuerit nihil. Ast praeter haec simul exhibita nobis f[s]uit oblonga tabula duabis membran^{is} glutine junctis constans, in qua ad modum arboris genealogicae praedicta Dominae Isabella progenitores scite admodum sunt[d] repositi et coloribus i[j]uxta ordinem praecedentis Schematis venuste expressi : in superno que[o]que ordine adiecta sunt singulorum arma gentilitia, sine insignia nobilitatis secundum ad, quod singulis familiis competere et proprium este dignosotur, prout hodi[a]e gestare seu portare in sigillis s[f]uis, et aliis ornamentis, prosuo[t] i[j]ure possunt et debent. Cum igitur omnes triginta duo majores utri usg sexus praefatae Domina comitissce non solum l[r]egitimon thoro f[s]uerint procreati, sed et nemo e[c]orum, quantum restci[o]re lic[o]uit, s[f]ese plebejis permisc[o]ueri[n]t, aut mercimonium vel artem mechanicam exercuerit, neg ullus indignus maiorum suorum apparuerit : visum est nobis prae[s]atam stirpem i[j]uxta omnes s[f]uos gradus et generationes t[s]um in descripto schemate, tum in depicta tabula membranea cum armis et insignibus suis, nobili nostro verbo et pro nostra nota dignitate, nec non et subsc[o]riptionibus ac s[f]igillis nostris appositis ut moris est, confirmare, roborare, atq indubitata[m] reddere ; prout hov praes[f]ente instrumento publico roboramus firmamus et indubitata[m] reddimus. Acta sunt hoc Aberdoniae, die et anno, quo supra, feliciter in DEI nomine. Amen

L.S

I. Sutherland

L.S

Co. Airlie

A.11 Оригинальный текст воспоминаний Джорджа Кита

Имея в виду возможность неточного перевода (см., например, разд. 6.7), приведем оригинальный текст из мемуаров «A fragment of a memoir of field-marshal James Keith», опубликованных (см. [118]) в 1843 г.

«As I had no pretensions to any advancement, being little more than a year in the Empire, I saw all these favours with the pleasure one naturally has to consider that, being in the service of a generous Princesse, I shou'd have my share when time had given me occasions to rendre any service; and having little or no acquaintance with Count Levenwolde, the General Adjoutant, one evening I was surprized to receive a billet from Lt General le Fort, advertising me that the Count Levenwolde desired I shou'd come to Court (which was then in the country) next day, he having something to communicate to me. I reaved all night what cou'd be the meaning of such a message; I consulted myself if I had done any thing amiss which might

deserve a reprimand from the Empress by her Ajoutant; and finding myself entirely innocent, I concluded I might have some enemy at Court who might misrepresent me. Full of these thoughts, I went next morning to Lt General le Fort, whom I found with his cousin, the Polish Envoyé, and the Duke of Liria. My first question was, if Count Levold had told him nothing of what he had to say to me, or if he had discover'd nothing in his face that marked his being displeased with me? He assured me no, and that he told him nothing of what he had to say. The Duke of Liria, who was present and who saw my embaras, said, that he was informed that the regiment which was raising for Count Levold was to be guards, and that perhaps he designed to propose me as Lt Collonel; to which I answer'd, that it was already published in the army as an ordinary regiment, with the difference of a battalion more, in which case I cou'd not accept the Lieutenant Collonel, and if it was a regiment of guards, I was pretty sure the employment wou'd not be proposed to me, (being commonly filled by Generals in Chief, or Lt Generals,) who was one of the youngest Major Generals of the army. Every one agreed with me that it must be something else, and in this doubt I arrived at Ismailof, where the Court then was, and where I made my reverence to Count Levenvolde, d'un air très embarassé. Howsoon he saw me, he took me aside, and after a compliment which entirely assured me, he proposed me the Lt Collonel of his regiment, which was to be guards; and at the same time told me that I might take 24 hours to consult if I would accept it. I thanked him immediatly for the preference he had given me over so many who deserved such a trust better, and for the 24 hours they were needless, since I accepted the honour in the instant; and two days after he presented me to the Empress, who declared me Lt Collonel of her Guards. All Mosco was as surprised as I was myself; and as the emploiment is looked on as one of the greatest trust in the Empire, and that the officers of the Guards are regarded as domesticks of the Souveraign, I received hundreds of visits from people I had never seen nor heard of in my life, and who imagined that certainly I must be in great favour at Court, in which they were prodigiously deceived».

**А.12 О просимом графом Мантейфелем
вознаграждении за конфискованную у
предка его графа Левенвольда мызу Маллу,
находящуюся в Эстляндской губернии**

► 30 сентября 1815 г., № 128.

Милостивый Государь мой Алексей Николаевич.

Граф Фридрих Мантейфель просил меня об исходатайствовании ему у Государя Императора вознаграждения за конфискованную у предка его графа Левенвольда мызу Маллу, находящуюся в Эстляндской губернии.

Из собранных мною по сему случаю сведений оказалось, что о вознаграждении графа Мантейфеля, с прочими сонаследниками графа Левенвольда, за конфискованную у сего последнего в 1742-м году мызу Маллу, поднесен был от Правительствующего Сената в 1778 году блаженной памяти Государыне Императрице всеподданнейший доклад; но на оный не последовало Высочайшей конфирмации, как видно из примечания сделанного под копию с сего доклада находящегося в архиве при деле.

Я имел счастье входить по просьбе графа Мантейфеля с всеподданнейшим к Государю Императору докладом и Его Императорское Величество высочайше повелеть соизволил означенное дело о конфискованном у графа Левенвольда имении рассмотреть в Государственном Совете.

Сообщая Вашему Превосходительству сию Высокомонашью волю, имею честь препроводить у сего копию с всеподданнейшего доклада Правительствующего Сената по сему делу и записку из оного, составленную в Департаменте вверенного мне Министерства по случаю просьбы присланной ко мне от графа Мантейфеля.

С совершенным почтением имею честь быть,

Милостивый Государь мой
Вашего Превосходительства
Покорный слуга
Иван Дмитриев¹⁶

№ 2012

Апреля 6 дня

1812 года

Его Прев-ву А.Н. Оленину».

По прозьбе Графа Мантейфеля. ► 30 сентября 1815 г.

Граф Фридерик Мантейфель изъясняя в прозьбе своей к Министру Юстиции разстроенное свое состояние просит содействия в исходатайствовании Высочайшей резолюции по делу о наследстве его после обер Гофмаршала графа Левенвольда, по которому в 1778-м году поднесен от Сената всеподданнейший доклад.

По справке:

Обер гофмаршал граф Левенвольд, дед графа Мантейфеля по женскому

¹⁶Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) — русский поэт, баснописец, представитель сентиментализма. Член Российской академии (1797). Министр Юстиции с 1 января 1810 г. по 30 августа 1814 г.

колену¹⁷, имел недвижимые имения, во первых, в Лифляндии жалованное ему за службу, во вторых, в Ингермонландии и в третьих в Эстляндии родовое имение мызу Малла.

В 1742-м Обер-Горфмаршал Левенвольд был сослан в ссылку, а имения его движимые и недвижимые велено взять в казну.

После Графа Левенвольда осталась родная сестра Баронесса Елена Шлиппенбах, у которой был один сын¹⁸ Отто Иоганн, и две дочери¹⁹, одна за ландратом бароном Ферзенем, а другая за подполковником Еберггардом Густавом Мантейфелем.

В 1745-м году вдова капитанша баронесса Шлиппенбах вошла в Сенат с просьбою, что конфискованная мыза Малла по смерти отца ее следовала в наследство двум ее братьям, обер-шталмейстеру Левенвольду, обер-гофмаршалу графу Левенвольду и ей просительнице, но брат ее родной, означенный обер-гофмаршал Левенвольд, будучи в силе, принадлежащей ей части не отдал, по елику она никакого преступления не сделала, то и просила выдать ей наследственный участок.

Между же тем как производилось по сему прошению дело в 1764-м году прислано в Сенат при Высочайшем указе на рассмотрение всеподданнейшее прошение подполковника Мантейфеля, в которой он повторяя просьбу тещи своей о возвращении наследственной мызы Маллы, просил, чтобы возвратить ему и все конфискованное наследство деда его графа Левенвольда.

По предписанию Сената рассматривала дело сие Юстиц-Коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, которая находила:

Во 1-х, что мыза Малла есть старинная фамилии Левенвольдов, во время шведского правления была взята в казну, по завоевании Эстляндии Петром Великим возвращена сим Государем бывшему Тайному Советнику барону фон Левенвольду, по смерти его осталась по наследству трем его детям, а именно Обер-Шталмейстеру Левенвольду и дочери капитанше Шлиппенбаховой. Поелику же по Эстляндским правам получают в разделе недвижимого сыновья двойные а дочери одиночные части, то сей Шлиппенбаховой следовало из сей мызы $\frac{1}{5}$ часть, когла же старший ее брат обер-шталмейстер умер, то по разделе и его $\frac{2}{5}$ частей между другими ее братом обер-гофмаршалом и ею, следовало уже ей $\frac{2}{5}$ части, но сей последний, владея один означенною мызою до самой его ссылки и конфискации его имений, принадлежащего ей наследства не отдал — а потому Юстиц-Коллегия и полагала, что означенные принадлежащие Шлиппенбаховой из мызы Маллы две пятых части, составляющие восемь

¹⁷Это не верно. Граф Мантейфель — внучатый племянник Обер-гофмаршала Левенвольде. — *Прим. В.М.*

¹⁸Это не верно: Отто Иоганн Шлиппенбах — зять, а не сын, баронессы Шлиппенбах. — *Прим. В.М.*

¹⁹Это не верно: дочерей три, а не две. — *Прим. В.М.*

гаков с долями, яко не подлежащие конфискации следует возвратить ей с доходами со времени конфискации мызы Маллы. А как в Эстляндском земском праве именно изображено, что если кто из тамошних подданных изобличится в важном преступлении, в таких случаях хотя чести и живота лишается, но имение остается ближним его родственникам, то Коллегия заключила, что и остальную той мызы часть следует отдать так же Шлиппенбаховой, а за смертью ее зятям ее подполковнику графу Мантейфелю, ландрату барону Ферзену и барону Шлиппенбаху.

Во 2-х, Лифляндских мыз не имеют права наследники графа Левенвольда требовать потому, что оные, быв пожалованы ему из Высочайшей милости, конфискованы потом для того, что он преступлением своим соделал себя недостойным таковой милости.

В 3-х, за имения в Ингермонландии лежащие никакого удовлетворения сделать не можно, ибо в сей провинции действуют не Лифляндские права, но Российские уложения, и

В 4-х, движимого имения лишился граф Левенвольд так же по Российским законам при том же и вышеупомянутые Лифляндские права относятся единственно до недвижимого а не до движимого.

Между же тем, как дело сие производилось, мыза Малла в 1764-м пожалована была в вечное и потомственное владение Сенатору Муравьеву.

Сенат, утверждая мнение по сему делу Юстиц Коллегии, подносил в 1772-м году всеподданнейший доклад, в коем предствлял, что согласно приведенным Юстиц Коллегией Эстляндским правам, должны возвратить мызу Маллу наследникам графа Левенвольда, отказав им в прочем его, Левенвольда, имении, согласно с мнением Юстиц Коллегии, но как означенная мыза пожалована Имянным указом Сенатору Муравьеву, то по сему немогши приступить к отдаче оной наследникам Левенвольда, ниже к назначению соотвентственного награждения, предавал сие на Высочайшее благоразсмотрение.

Но сей доклад в 1777-м был возвращен в Сенат от бывшего Генерал Прокурора с объявлением Высочайшей воли, что как о прописываемых в сем докладе обстоятельствах не было представлено Государыне Императрице при пожаловании той мызы Сенатору Муравьеву, то и по вышеозначенным претензиям Сенат имеет решиться по своему благоразсуждению.

По сему случаю Сенат рассмотрев вновь сие дело полнес в 1778-м году Государыне Императрице вновь всеподданнейший доклад, в котором представлял, что при пожаловании мызы Маллы в 1764-м году Сенатору Муравьеву не было представлено об обстоятельствах сего дела Государыне Императрице потому, что Сенат в то время не мог знать о прямом существе той мызы, ибо дело об оной не было еще в то время совершенно рассмотрено, а потому, полагая вторично, что наследникам Левенвольда следует дать за оную мызу эквивалент, или соответственное награждение,

представлял не благоугодно ли будет назначить, вместо онаго, наследникам Левенвольда, из состоящей в Лифляндии казенной мызы Карнегоф и Бушгоф 15-ть гаков, и как оные производят количество гаков, в мызе Малле заключающейся, то сей излишек зачесть им вместо требуемого ими и Сенатом присужденного возвращения собранных с мызы Маллы после смерти Левенвольдовой доходов, чем быв им довольными, никаких уже по сему делу претензий к короне более не иметь.

На копии с сего доклада находящейся под делом, отмечено, что подлинный отдан марта 3-го дня 1778 году к Генерал прокурорским делам, но Высочайшей конфирмации на оной не последовало.

Граф Мантейфель в заключение просьбы своей к Министру Юстиции изъясняет что он был бы доволен если бы за все то, чего он по делу сему лишился пожалован был ему пансион по 1500 рублей в год, с тем однакож, чтобы оный определен был ему единственно как милость а не как вознаграждение, не означая даже причины побудившей к сему пожалованию, ибо как сия малая сумма не может соответствовать всей претензии, то он не в состоянии был бы делать расчет с прочими графа Левенвольда сонаследниками.

Директор Граф Салтыков

Коллежский ассессор Адам Ноинский».

Приложение В

Специальный анализ

В настоящем приложении собраны следующие сведения, полезные для понимания основного содержания книги, но лежащие несколько в стороне от основного изложения.

- 1) Один пример того, как на основе фактических данных совершаются ошибки в построении логических конструкций.
- 2) Один пример ошибочных утверждений авторитетных историков.
- 3) Один пример скупулезного анализа текста [86] на основе использования комплексной информации; этот анализ приводит к тем же выводам, что сделаны нами в гл. 4, но другим путем.
- 4) Текст Арбротской декларации 1320 г., авторство которого приписывается (см. гл. 3) епископу Александру Киннимонду.
- 5) Стихи 2065–2294 Старшей Ливонской Рифмованной хроники, опубликованные в книге [58], как в немецком подлиннике, так и в русском переводе, с комментариями.

В.1 Источники и даты

Приведем лишь один пример того, как можно впасть в заблуждение относительно дат, персон и хода событий. Последствиями этого могут быть неверные оценки и выводы.

Обстоятельствам развода Анны Федоровны Хитрово и Павла Ивановича Ягужинского посвящены статьи Н.И. Барсова [5], А.А. Гоздаво-Голомбиевского [29] и А.И. Свирелина [95]. Николай Иванович Барсов (1839–1903) был церковным историком, духовным писателем, профессором Московской духовной академии с 1871 г. Он автор многочисленных трудов по истории церковной проповеди, истории старообрядчества. Александр Иванович Свирелин (1830–1906) — священник (см. рис. В.1) Русской Православной Церкви, педагог, историк, смотритель Переславского духовного училища, автор книг по Закону Божию, толковых Евангелий. По заслуженности перед Русской Православной церковью второй явно превосходит первого.

Итак, Анна Федоровна Хитрово, ставшая женой П.И. Ягужинского,

Рис. В.1. А.И. Свирелин (1830–1906), священник, историк, педагог.

происходила из старинного дворянского рода. П.И. Ягужинский получил за супругой обширные поместья, располагавшиеся в 12 уездах трех губерний. Этот брак, заключенный под влиянием Петра I, имел целью породнить полезных ему людей со старыми московскими семьями¹. Так, в феврале 1721 г. царь женил (см. [44]) А.И. Остермана на Марфе Стрешневой. Но если этот брак оказался на удивление прочным, то брак П.И. Ягужинского и А.Ф. Хитрово таким не был и завершился в августе 1723 г. крайне редким для тех времен разводом.

Н.И. Барсов и А.А. Гоздаво–Голомбиевский безапелляционно посчитали, что развод был со стороны П.И. Ягужинского совершенно вынужденным, связанным с многообразно «непотребным» поведением супруги. В самом деле, со страниц введенного в научный оборот Н.И. Барсовым бракоразводного дела Анна Федоровна представляла психически неполноценной, развратной и буйной особой.

Полностью восприняв (вслед за синодальными чиновниками) версию инициатора развода П.И. Ягужинского, Н.И. Барсов и А.А. Гоздаво–Голомбиевский упустили из виду то обстоятельство, что все без исключения свидетельства о «засорных» поступках Анны Ягужинской исходили от лиц, прямо зависящих от ее мужа — холопов и священнослужителей домово́й церкви.

В подобных свидетельствах усомнился А.И. Свирелин. Критически рассмотрев представленные П.И. Ягужинским в Синод доказательства «мерзостей» Анны Федоровны, А.И. Свирелин пришел к выводу об их глубокой сомнительности. Он писал:

«если бы у Ягужинской, как ныне [в начале XX в.], были адвокаты, они ... весь процесс опровергли бы».

¹Брак Н.Ф. Лопухиной, о котором говорилось в разд. 6.7, из их числа.

Дошедшие до наших дней письма Анны Ягужинской к жене А.Д. Меншикова Дарье Михайловне начала 1720-х гг. сохранили и другие подробности этой драмы. Умоляя Дарью Меншикову о помощи, Анна Федоровна сообщила и о насильственном разлучении ее с детьми, которых было четверо, и о запрете распоряжаться собственным имуществом². Никаких следов психической неполноценности Анны Ягужинской ни в содержании, ни в стилистике ее писем не видно.

Между тем, поиски П.И. Ягужинским улики для бракоразводного процесса принимали местами зловещие формы. Известно, к примеру, что по распоряжению генерал-прокурора подвергли жестоким пыткам служившего у него управляющим дворянина Богдана Тыркова. У него требовали одного: дать показания об интимной связи с А.Ф. Ягужинской. Ситуация получила непредвиденную огласку и генерал-рекетмейстер В.К. Павлов попытался добиться рассмотрения челобитной об истязаниях Богдана Тыркова в Правительствующем Сенате. Разволновавшийся П.И. Ягужинский принялся прямо на заседании Сената вырывать из рук генерал-рекетмейстера эту челобитную³.

К этому следует прибавить только то, что на с. 720 статьи Н.И. Барсова [5] говорится:

«Мая 25-го 1724 года, Ягужинский подал в св. синод новое прошение, в котором изъяснил, что он женился, по данному ему разрешению (на Головкиной, дочери вице-канцлера), вторым браком, но что бывшая его жена, заключенная в монастырь, Анна Федорова, порицает его, будто она невинно послана в монастырь. Поэтому он решился представить, чего прежде не хотел делать, несколько писем, одно к ней, Анне Федоровой, от неизвестного человека, другое ее к этому неизвестному, обличающие его бывшую жену в прелюбодейной связи. Письмо от женского лица сличено с было с почерком руки Ягужинской и оказалось писанным несомненно ею. В письмах выражается взаимное чувство страстной и нежной привязанности. Заслуживает внимания, что изложение в письмах мужского лица доказывает крайне плохое знание не только грамматики, но и русского языка: «хотя ви я три дне твоих писем читал, то ви мне не скушна бил на свет», или «магу тебе правду и верну Божица, что я сколку на свете жил, и сколку я луди видал, никто мне так мил не был, как ты мая сердце дорогая» ... Под одним из этих писем подпись — «Иван», под другим — «Леворьхен», под остальными лишь начальные буквы имени и фамилии. В дальнейшем производстве дел неизвестный корреспондент Ягужинской прямо называется — «Левольд» (Левенвольд)».

Сюда Н.И. Барсов дает сноску:

²РГАДА, ф. 198, № 1177, лл. 109-109об.

³Запись журнала Рекетмейстерской конторы от 23 декабря 1723 г. РГАДА, ф. 248, кн. 8155, л. 154об.-155.

«Гергард-Иоганн Левенвольде, род. 5-го окт. 1699 г. См. «Русскую Родословную книгу» изд. 1876, т. II, с. 60.»

Читатель этой книги знает, что

- на 1724 г. Г.И. Левенвольде, умерший 26.4.1723, уже не с нами, а с праотцами нашими обретался⁴,
- Карл Густав Левенвольде, родившийся не ранее 1680 г., на 1724 г. был человеком за 40 лет и с вполне определенным социальным статусом; напомним, что он генерал-адъютант Петра I и (на март 1723 г.) «в Петербург приехали оба Гессен-Гомбургских принца с подполковником Левольдом»,
- Фридрих Казимир и Густав Рейнгольд, родившиеся в 1692 г. и 1693 г. соответственно, имели 32 года и 31 год, соответственно.

Итак, под «Иваном», вопреки намеку Н.И. Барсова, никак нельзя понимать Герхарда Иоганна Левенвольде. Кроме того, выглядит довольно странным, что против двух младших братьев Левенвольде «всесильный» П.И. Ягужинский не предпринял никаких законных действий. Если бы его обвинения были основательными, то это дело приняло бы совсем другой оборот.

Такие недопонимания, особенно если они выстраиваются в цепь «свидетельств», вовсе не безобидны. Так, про российскую историю XVIII в. большинство граждан знает по фильму «Гардемарины, вперед!», основанному на творчестве писателя Юрия Нагибина. Труды этого писателя, как и неизвестного Валентина Пикуля, кишат ошибками того же сорта, что и разобранный выше.

В.2 Как использовать источники

Историк Н.И. Костомаров (1817–1885) относительно Густава Рейнгольда Левенвольде пишет:

«Левенвольда сослали в Соликамск, оттуда в 1752 году перевели в Ярославль, где он и умер. О нем сохранились противоречивые известия: по одним — он показал себя трусом, по другим — он переносил свое несчастье со стоическим терпением. Также и о нравственных качествах этой личности говорят различно. Дюк де Лириа называет его коварным и корыстолюбивым, Манштейн — человеком честным».

⁴Около 1716 г. его называли (см. [109]) «старик Левеновольд». Между датой его вступления в брак, 1680 г., и датой его смерти, 1723 г., прошло 43 года. Если прибавить к этому 30 лет, обычный возраст вступления в брак для мужчин его круга, то получится, что он прожил 73 года. Если взять явно заниженную оценку в 20 лет, то будет 63 года.

В математике говорят, что это не решение задачи, а отказ от решения задачи: ученый-историк не может ограничиться лишь указанием на мемуары. Он обязан провести если не анализ, подобный нашему, то хотя бы сопоставление мемуаров с первичной информацией. На это могут последовать длинные возражения об авторском стиле и о праве автора на художественный вымысел. Тогда скажем по-другому: Н.И. Костомаров допускает прямую ошибку, поскольку *Левенвольде не умер в Ярославле*.

Левенвольде умер и похоронен в Соликамске. Как говорит Нэлли Михайловна Савенкова, сотрудник Соликамского краеведческого музея,

«Костомаров ошибался, вероятно, путая Левенвольде с Бироном. Последнего, действительно, перевели в Ярославль из Пелыма в 1742 г. Левенвольде отбывал ссылку и скончался в Соликамске, чему есть документальные свидетельства — Протоколы Правительствующего Сената. В частности, 10 выпуск за 1757–1758 гг. (СПб., 1903), где на с. 302 говорится о смерти Левенвольде в Соликамске.

Относительно того, как переносил ссылку граф, есть упоминание у Гмелина⁵ в его «Путешествии по Сибири» (уточню, Гмелин побывал в Соликамске в декабре 1742 г., т.е. в первый год ссылки Левенвольде): «Здесь мы жили во время поста, который начался с 15 декабря и продолжится до Рождества Христова. До нас дошел слух о пребывании здесь известного нам немца, который находился в ссылке и так устроился, что даже в пост не нуждался в мясе. Он выслал нам прекрасный кусок мяса из своего собственного запаса».

Речь идет о Левенвольде. Других ссыльных в то время в Соликамске не было. Гмелин не называет имени по вполне понятным причинам — из опасения обвинения в связи с ссыльным и в нелояльности к власти. Свой запас мяса во время поста о многом говорит, и запас значительный, если учесть, что группа Гмелина и его спутников насчитывала более 20 человек, и жили они в Соликамске 2 недели. Следовательно, кусок был не только прекрасный, но и крупный, и не последний. И посылка его участникам императорской экспедиции — жест скорее вельможи, чем жалкого ссыльного».

Нэлли Михайловна Савенкова заметила также следующее:

«Строгановы не были хозяевами в Соликамске. Ошибочно считается, что Соликамск относился к их землям. Вотчина Строгановых входила в Соликамский уезд, но почти всегда происходили земельные и

⁵Гмелин, Иоганн Георг, младший (нем. Johann Georg Gmelin; 1709–1755) немецкий естествоиспытатель на русской службе, врач, ботаник, этнограф, путешественник, исследователь Сибири и Урала, адъюнкт химии и натуральной истории Петербургской Академии наук (30 августа 1727 г.), профессор с 22 января 1731 г. по 1 января 1748 г., действительный член Петербургской Академии наук. Натуралист академического отряда Великой Северной экспедиции. — *Прим. В.М.*

промышленные споры между соликамцами и Строгановыми. И воеводы заявляли свои административные права и всячески старались показать, кто в доме хозяин. Думаю, тут большее значение имеет сам Левенвольде и его окружение — слуги, два из которых повара, и лекарь. Полагаю, у графа было, чем заплатить и за провиант, и за расположение к нему. После его смерти дом был продан купцу Суровцову, который обнаружил спрятанный сундучок с драгоценностями. Об этом сундучке нет документальных свидетельств, однако легенда довольно правдоподобна».

Откуда возникла ошибка Н.И. Костомарова? Скорее всего не от того, что он путал Г.Р. Левенвольде с И.Э. Бироном, а от не критического чтения им труда «Русские избранники» Г. Гельбига, переведенных на русский язык (см. [24]) в 1900 г., уже после смерти Н.И. Костомарова, В.А. Бильбасовым. Там, в нескольких местах в [24], говорится:

- «Обер-гофмаршал граф Левенвольде, родом из Лифляндии, один из достойнейших государственных мужей России. Он умер в Ярославле».
- «В тот же день все были отправлены из Петербурга к местам своей ссылки: граф Остерман — в Березов, где умер князь Меншиков. Граф Миних — в Пелым. Там он попал в тот самый дом, который он по собственному чертежу приказал построить для герцога Курляндского. Граф Головкин — в место ссылки генерала Карла Бирона, который только что возвратился тогда. Название места нам неизвестно. Граф Левенвольде — в Ярославль, куда прибыл в то время из Пельма герцог Курляндский. Так как Ярославль есть небольшое ссыльное местечко, то, вероятно, оба эти время из Пельма герцог Курляндский. Так как Ярославль есть небольшое ссыльное местечко, то, вероятно, оба эти мужа встречались там. Барон Менгден был сослан туда, где находился Густав Бирон, тоже возвращенный».
- «Бергер был курляндец простого происхождения. Он отправился в Россию, где властвовал тогда Бирон при дворе Анны. Бергер вступил в военную службу и, благодаря рекомендации, стал офицером армейского полка. В 1743 году он был назначен ехать в Ярославль, в место ссылки графа Левенвольде, чтобы принять надзор над этим важным узником, исполнявшимся до того другим офицером, Соликамским».

Причем к баснословному «офицеру Соликамскому» дана сноска: «Из простого звания, без фамильного имени, родом из города Соликамска Казанской губернии»⁶.

⁶Для проверки правильности перевода (фраза «без фамильного имени» вызывает вопросы), выполненного В.А. Бильбасовым в 1900 г., необходимо обратиться к оригиналу, к рукописи автора. Мы оставляем это увлекательное исследование читателю.

Георгу Гельбигу простительно делать удивительные по нелепости ошибки, обнаруживающие пробелы в его знании русской географии⁷. Но повторять эти ошибки профессиональный историк, каковым считается Н.И. Костомаров, не имеет никакого права.

В.3 Несоответствия, обнаруженные Дж. Гордоном при анализе родословия К.Г. Левенвольде

В гл. 4 было доказано, что в родословии К.Г. Левенвольде неверно указано имя жены Джона Архарта: это не Изабелла Гордон, а Изабелла Киннимонд. Анализ в гл. 4 был проведен на основе биографической базы [126] шотландцев на шведской службе в XVII в. Анализ с тем же выводом, т.е. что родословие сообщает недостоверную информацию, являясь таким образом поддельным, можно провести другим способом: выяснить, какие еще ложные сведения обнаружит в нем современный высококвалифицированный генеалог, специализирующийся на Доме Гордонов. В этом разделе мы приведем результаты такой экспертизы, сделанной в 2009 г. Дж. Гордоном⁸, одним из авторов статьи [116].

Поскольку основной интерес представляет оригинальный текст этой экспертизы и поскольку незаинтересованный в этих деталях читатель мало потеряет, если не ознакомится с этим специальным анализом, мы приводим его в подлиннике, на английском языке.

PARENTS (OF ISABELLA)

- John (Johann ab) Urquhart — There is no record of this gentleman in any English-language material that I have been able to find. This is not a problem because he was evidently born in Sweden. His description says he was a military officer in the service of Charles X. According to Ms. (probably now Dr.) Ailes “*Military Migration and State Formation*”, the first generation of Scots serving in Sweden married widows, sisters and daughters of their Scottish colleagues. Their sons, however, were more integrated and assimilated into Swedish society, some marrying Swedish women and giving their children Swedish names.

- Isabella, only daughter — She is supposed to be the only daughter of Thomas Gordon of Penninghame/Pennygame Gordons. This is where the difficulties arise. According to Ms. Ailes book, John Urquhart married Isabella Kinnenmond, who “... was born and raised in Scotland.” Then “In the 1620s, three of her brothers entered Swedish service, where they joined their

⁷Так, Соликамск находился в Соликамском уезде Пермской губернии. Соликамск от Казани примерно в три раза дальше, чем от Перми.

⁸Jim Gordon, M.A., Co-Administator, House of Gordon Surname DNA Project,

uncle Col. Johan Kinnenmond.” She goes on to say that sometime after her brothers went to Sweden, she married “. . . , a Scottish nobleman, John Urqvard [Urquhart] who was also serving in the Swedish military.” The part of Isabella marrying fits with Brotze’s chart. The disagreement is with her surname. The Swedish records, which you quote elsewhere, say it is Kinnenmond, which is a Scottish family from northeast Scotland, while Brotze’s chart says she is a Gordon from the Penninghame Gordon family.

GRANDPARENTS

- Thomas Gordon of Penninghame — There is no record of this gentleman in any English language documents that I have been able to find. In fact, the only Thomas Gordon that I can find in “*Gordons Under Arms*” who served on the Continent is Russian Admiral Thomas Gordon, Commander of Kronstadt, among other things. Once again, as with John Urquhart, this might not be a problem because he could very well have been in Sweden of Scottish parents; however, Kinnenmond says he was born in Scotland. Brotze’s chart says he was a cavalry officer in the Swedish service. This fits with Kinnenmond which says that Thomas was Colonel of a squadron (cavalry battalion) of Finnish soldiers. According to “*The Scottish Peerage*” and Burke’s “*Landed Gentry/Commoners*”, there was no Thomas Gordon in the Penninghame Gordons. Further, according to a Swedish document, the Noble Family Kinnenmond (attached), Thomas Kinnenmond was the son of William Kinnenmond who ranked 505 in the Swedish nobility. It also states that No 505 was established in the 1650s and became extinct in 1677. It further notes that the family is descended from Matthew, Bishop of Aberdeen. Supporting this is a piece from Scottish Cathedrals and Abbeys which says that Matthew de Kinninmond was the third Bishop of Aberdeen.

The Swedish document goes on to say that William had two sons Patrick and Thomas. It also says that Thomas was married twice. His first wife was Christina, daughter of fellow Scot Col James Scott. His second wife was Col Scott’s sister Margaret Gibson, evidently the widow of another Scot. This does not agree with Brotze, who says he was married to Isabel Keith of the Keiths of Powburn, specifically the first-born and heir to her father. I can find no English language documents that support a Keith of Powburn, especially a female heir, marrying a Gordon. This also an inconsistency as the Keiths of Powburn were the hereditary Earl Marichals of Scotland, but lost their title and lands for supporting the Jacobite cause.

GREAT-GRANDPARENTS

- George Gordon of Penninghame — There was a George Gordon in the Lochinvar–Kenmure line; but he is the great great uncle of Wiliam, the 1st of Penninghame and not in Penninghame line at all. He married Janet Maclellan.

George Gordon, who was a member of the Privy Council of James IV, also was not of the Penninghame line. He was the 2d Earl of Huntley. The 2d Earl of Huntley was married first to Princess Annabella, widow of the Earl of Angus and daughter of James I. His second marriage was to Elizabeth Hay, widow of

Patrick Hay of Gray. The preceding was taken from “*The Scottish Nation; the surnames, families, literature, honours and...*” by William Anderson p. 518.

GREAT–GREAT GRANDPARENTS

- William Gordon of Penninghame — This person is the 1st Laird of Penninghame. He died in 1581 and it would a far stretch for him to be a great-great-grandparent of Isabella, who married John Urquhart “... (s)ometime after her brothers left Scotland [in the 1620s]” (Ailes, p. 61). I would take this “sometime” to mean in the late 1630s or early 1640s. A generation is normally figured at 25 years; so the 50 years between William of Penninghame’s death and Isabella’s presumed marriage would not a long enough for him to be her great-great grandfather, which is four generations. William married Helen Stewart of Garilies. The next William of Penninghame is this William’s great-great grandson, the 6th Viscount Kenmure who was executed in 1716 for supporting the 1715 Jacobite cause. This George lived almost a century after Isabella and could hardly have been an ancestor of Isabella.

- Grisilla Gordon of Gordonstoun and presumably heiress (primogenita — literally “first born”). There is no heiress Grisilla among the Baronets of Gordonstoun. Even if she were the first born and not the heiress, she certainly would have been mentioned in the Baronets of Gordonstoun pedigree, Burke’s Peerage (1908), under Gordons of Letterfourie.

GREAT–GREAT–GREAT GRANDPARENTS

- George Gordon of Gordonstoun — None of the Baronets of Gordonstoun was named George and none of their known sons was named George. This does not exclude an unaccounted son. There was a George Gordon who was the uncle of the 1st Baronet of Gordonstoun and was born in 1616, too late to be a great grandparent of our Isabella.

- John Gordon, Viscount Kenmure — The 1st Viscount Kenmure was born c. 1599 and would have been of the same generation as Isabella, hardly her great-great-great grandfather. He was also the brother of William Gordon, 1st of Penninghame, a purported great-great grandfather of Isabella. Brotze’s chart mentions that John lived during the reign of James IV (1488–1513) This is impossible as the Viscountcy of Kenmure wasn’t created until 1633. It appears that he is confusing John Gordon, 2d Laird of Lochinvar and Kenmure who lived during James IV reign with John Gordon, 6th Viscount Kenmure who was executed in 1716.

It also states that a great grandfather, George Gordon of Penninghame served on the Privy Council of James IV. There was a George Gordon who lived during the reign of James IV. He was the brother of John Gordon the 2nd Laird of Lochinvar and Kenmure, who died in 1517. George’s wife was Janet Maclellan or Donaldson.

THE ABOVE GLARING DISCREPANCIES LEAD ME TO DOUBT THE ACCURACY AND POSSIBLE THE AUTHENTICITY OF BROTZE’S CHART.

I have thoroughly researched Isabella’s family tree as presented by the Swedes and while I can find the families listed thereon, I can not find any of

the persons, even accounting for Swedish rendering of names. This is what I have found:

1. David Maul(e) Baronet of Panmure Earl of Penmure — The closest person I could find was David Maule 1551–79. There were no Baronets of Panmure, only Earls of Panmure and the first Earl was David's nephew. There is no record of his marrying; nor a record of a daughter Catherine.

2. George Erskine Earl of Marr — George Erskine was the brother of the 1st Earl of Mar and was styled George Erskine of Innertail. George Erskine married; but there's no mention of his wife. He had apparently one daughter, who was his co-heir, implying no other children.

3. Alang/Malcolm/James Kieth of Powburn — There's no record of a Malcolm Keith of Powburn. James Keith was a real person, but there is no record of a marriage, nor a daughter. James' father was Patrick.

4. Thomas Gordon of Penninghame — There is no record of a Thomas Gordon among the Gordons of Penninghame. When Alexander Gordon 5th Laird of Penninhgame became the 5th Viscount Kenmure he disposed of the Penninghame property and thus was the last of the Gordons of Penninghame.

5. Patrick and James Graham of Balgowan (Ballgowan) — I could not find any Grahams of Balgowan who were named Patrick or James.

6. James and Ann of Innerwart in Merria — I couldn't find anything on either Innerwart or Merria, although a search of Google Maps suggested a couple of close names in SW England near Reading.

7. Louis and Cecilia Crichton of Frentheit — I could not locate the placename so I assume it was just the name of the estate and could find nothing on the Crichton family.

В.4 Арбротская декларация

Святейшему Отцу во Христе и Господину Иоанну, божественным провидением Верховному Понтифику Святой Римской и Вселенской Церкви, смиренные и преданные сыны его: Данкан, граф Файф; Томас Рэндолф, граф Морей, лорд Мэн и Эннандейл; Патрик Данбар, граф Марч; Малис, граф Стрэтэрн; Малколм, граф Леннокс; Уильям, граф Росс; Магнус, граф Кейтнесс и Оркни; Уильям, граф Сатерленд; Уолтер, сенешал Шотландии; Уильям Соуле, дворецкий Шотландии; Джеймс, лорд Дуглас; Роджер Моубрей; Дэвид, лорд Брихин; Дэвид Грэхем; Ингерам Амфравилл; Джон Ментит, хранитель графства Ментит; Александр Фрейзер; Гилберт Хэй, констебль Шотландии; Роберт Кит, маршал Шотландии; Хенри Сент-Клер; Джон Грэхем; Дэвид Линдсей; Уильям Олифант; Патрик Грэхем; Джон Фентон; Уильям Эбернети; Дэвид Уимс; Уильям Масет; Фергус Ардроссан; Юстес Макссуэлл; Уильям Рэмсей; Уильям Моуат; Элан Морей; Доналд Кэмпбелл; Джон Кэмбрен; Реджиналд Чейн;

Александр Ситон; Эндрю Лесли; Александр Стрейтон и прочие бароны и свободные держатели, как и вся община королевства Шотландии, шлют всяческое сыновнее почтение с благочестивыми лобзаниями блаженных стоп его.

Мы ведаем, Святейший Отец и Господин, и заключаем из древних преданий и книг, что среди других славных народов наш, шотландский, народ был отмечен многими хвалами. Перешедши из Великой Скифии через Тирренское море и Геркулесовы Столпы и обитая в течение долгого времени в Испании меж свирепейших племен, он никогда не мог быть покорен ни одним из них, сколь бы варварскими они ни были. Удалившись же оттуда спустя тысячу двести лет после перехода израильтян через Красное море, многими победами и неустанными трудами он обрел себе пределы на западе, кои населяет и поныне, изгнав бриттов и совершенно истребив пиктов, и, невзирая на постоянные нападения норвежцев, датчан и англичан, всегда сохранял их свободными от всякой повинности, чему свидетельством старинные предания. В королевстве их [скоттов] правили сто тринадцать королей из своего монаршего рода без какого-либо чужеземного вмешательства. Их доблести и заслуги, хотя бы они не явствовали из чего-либо иного, ярко воссияли из того, что Царь царей и Господь господствующих Иисус Христос после страстей и Воскресения Своего одними из первых призвал их, населявших крайние пределы земли, к святейшей Своей вере. Утвердить же их в вере сей пожелал Он не кем иным, как Своим первым по призванию апостолом, хотя и по положению вторым или третьим, — именно Андреем, милостивейшим братом святого Петра, коему Он повелевал пребывать всегда их Покровителем. Тщательно учитывая это, Святейшие Отцы, предшественники Ваши, жаловали сие королевство и народ, как достояние брата святого Петра, частыми милостями и многими привилегиями.

Так народ наш под их защитой доныне жил вольно и покойно, когда сей знаменитый государь, король английский Эдуард, отец того, что теперь правит, под личиной друга и союзника потревожил подобно врагу наше королевство и обезглавленный народ, не подозревавший никакого зла и обмана и еще не привычный к войнам и вторжениям. Те несправедливости, убийства, насилия, грабежи, поджоги, заключение в темницу прелатов, сожжение монастырей, разорение и избиение клириков и иные непомерные бесчинства, какие причинил он сему народу, не щадя ничьего возраста, пола, сана и достоинства, никто не мог бы описать и в полной мере осознать, если не испытал этого сам. С помощью Того, Кто излечивает и исцеляет раны, мы освобождены от этих бесчисленных бедствий *доблестнейшим государем, королем и господином нашим Робертом*⁹, который во имя избавления народа и наследства своего от рук неприятелей

⁹Роберт I Брюс (англ. Robert the Bruce, гэльск. Roibert a Briuis, 11 июля 1274–7 июня 1329; король Шотландии (1306–1329), организатор обороны страны в войне за независимость против Англии, победитель в битве при Баннокберне (1314), основатель королевской династии Брюсов).

с радостью перенес труды и лишения, голод и опасности подобно новому Маккавею и Иисусу Навину. Божественный промысел, а равно законы и обычаи наши, кои мы будем отстаивать до смерти, право наследия и должное наше согласие и утверждение сделали его государем и королем нашим, коему, как благодетелю народа, как по правам его, так к заслугам, мы во всем будем хранить верность ради защиты нашей свободы. *Если бы он отступился от начатого дела, захотев нас и королевство наше подчинить английскому королю и англичанам, мы тотчас постарались бы изгнать его, как нашего недруга и губителя прав своих и наших, и избрали бы другого короля, способного нас защищать. Ибо доколе хоть сотня из нас останется в живых, никогда и ни в коей мере не покоримся мы английскому владычеству. Ведь не ради славы, богатств или почестей мы сражаемся, но единственно во имя свободы, кою каждый добрый человек утратит лишь вместе с жизнью.*

Вот о чем, Досточтимый Отец и Господин, мы смиренно и коленопреклоненно просим Ваше Святейшество со всею настойчивостью. Коль скоро Вы, чистосердечно и благочестивым разумом помыслив, что для Того, Чью службу Вы несете на земле, нет превосходства и различия меж иудеями и греками, шотландцами или англичанами, призрите отеческим взором на беды и горести, причиненные англичанами нам и Церкви Господней, благоволите наставить и побудить английского короля (коему надлежит довольствоваться тем, что имеет, ибо прежде земли в Англии было довольно для семи или более королей), чтобы он оставил в мире нас, обитающих в скудной Шотландии, далее коей нет обитаемой земли, и не желающих ничего чужого. Мы же ради достижения нашего покоя с готовностью сделаем для него то, что сможем, сохраняя уважение к нашему достоинству.

Сделать это, Святой Отец, тем более важно для Вас, что Вы видите, как неистовствует ярость неверных против христиан в наказание за грехи их, а христианские владения каждодневно уменьшаются. Вы заботитесь, дабы никто не оскорбил памяти Вашего Святейшества, если (упаси Господь!) какая-либо часть Церкви претерпит в Ваше время ущерб или несчастье. Убедите же христианских государей, дабы они не измышляли предлога, будто не могут отправиться на избавление Святой Земли из-за войн с соседями. Истинная причина, препятствующая этому, — что в войнах с малыми соседями они полагают ближайшую выгоду и слабейшее противодействие. Но Тот, от Кого ничто не сокрыто, знает, с каким радостным сердцем помянутый господин наш король и мы отправимся туда, если король английский оставит нас в покое. Мы возглашаем и подтверждаем это наместнику Христову и всему христианскому миру.

Но если Ваше Святейшество искренно не поверит этому и, слишком легко вняв наветам англичан, не откажется поддерживать их к нашему смятению, мы сочтем, что Всевышний вменит Вам в вину умерщвленные тела, погубленные души и прочие тяготы, совершенные ими и нами, какие воспоследуют. За то, чем обладаем, мы ныне и впредь готовы во всем

угодать Вам, наместнику Господа, как покорные сыны Ваши. Ему же, как высшему Владыке и Судие, вверяем мы защиту нашего дела, возлагаем на Него помыслы и твердо уповаем, что Он вселит в нас мужество и низведет врагов наших.

Всевышний да сохранит во здравии Ваше Святейшество для святой Своей Церкви на долгие времена.

Дано в Арбротском монастыре, в Шотландии, месяца апреля шестого дня в год Милости тысяча триста двадцатый, в год же правления помянутого короля пятнадцатый.

В.5 Взгляд на события 1240–1242 гг. с ливонской стороны

Ниже приведены стихи 2065–2294, опубликованные в книге [58], как в немецком подлиннике, так и в русском переводе, с комментариями. Эти стихи прямо относятся к событиям 1240–1242 гг. Комментарии приводятся в конце основного текста и в самом тексте обозначены цифрами в квадратных скобках.

Таблица В.1. Стихи <02065>–<02294> Старшей Ливонской Рифмованной хроники

Оригинал	Перевод
<02065> Nû lege wir die rede nider [1]	<02065> Прервем теперь это повествование [1]
<02066> und sprechen abir wider,	<02066> и поговорим опять [о том],
<02067> wie iß dem dûtschen hûs in hant [2]	<02067> как дела Тевтонского ордена
<02068> zû dem êrsten gienc in Nieflant. [3]	<02068> первоначально шли в Ливонии.
<02069> von Darbete [4] bischof Herman [5]	<02069> Дерптский (von Darbete) епископ Герман [5]
<02070> bie den zîten began	<02070> в это время начал
<02071> zeisen mit den Rûßen.	<02071> враждовать с русскими.
<02072> die wolden sich ûf strûßen	<02072> Те хотели подняться
<02073> gegen dem cristentûme [6] als ê.	<02073> против христианства [6], как прежде.
<02074> in tet ir unsâlde vil wê. [7]	<02074> Их кощунство принесло им много горя [7].
<02075> sie tâten leides im [8] genûc.	<02075> Они причинили ему [8] достаточно зла.
<02076> dô er daß lange vertrûc	<02076> Долго он это терпел,
<02077> die brûdere [9] er zû hulfe bat.	<02077> пока не попросил помощи у братьев-рыцарей (brûdere) [9].

Оригинал	Перевод
$\langle 02078 \rangle$ der meister [10] quam im ûf der stat $\langle 02079 \rangle$ und brâcht im manchen rischen [11] helt $\langle 02080 \rangle$ beide kûne und ûß irwelt. $\langle 02081 \rangle$ des kuniges man [12] quâmen dar $\langle 02082 \rangle$ mit einer hovelichen schar; $\langle 02083 \rangle$ des was bischof Herman vrô. $\langle 02084 \rangle$ mit deme here sie kârtên dô $\langle 02085 \rangle$ vrôlichen in der Rûßen lant. [13] $\langle 02086 \rangle$ eß gienc in dâ vil wol in hant. [14] $\langle 02087 \rangle$ vor eine burg sie quâmen dô, $\langle 02088 \rangle$ die [15] was irre kumft unvrô. $\langle 02089 \rangle$ sturmes man mit in began, [16] $\langle 02090 \rangle$ daß hûs gewonnen sie in an. $\langle 02091 \rangle$ Ísburc [17] die burc hieß. $\langle 02092 \rangle$ der Rûßen man keinen ließ, $\langle 02093 \rangle$ man brêchte in in nôt. $\langle 02094 \rangle$ welcher sich zû were bôt, $\langle 02095 \rangle$ der wart gevangen oder geslagen. $\langle 02096 \rangle$ man hôte rûfen und clagen: $\langle 02097 \rangle$ in deme lande ubir al $\langle 02098 \rangle$ erhûb sich ein michel schal. $\langle 02099 \rangle$ Die von Plezcowe [18] dô $\langle 02100 \rangle$ wâren diser mêre unvrô. $\langle 02101 \rangle$ eine stat [19] ist sô genant, $\langle 02102 \rangle$ die liet in Rûßen lant. $\langle 02103 \rangle$ dâ sint lûte harte sûr, [20] $\langle 02104 \rangle$ die wâren diser nâkebûr. $\langle 02105 \rangle$ von den wart nicht gespart, $\langle 02106 \rangle$ sie hûben sich ûf die vart $\langle 02107 \rangle$ und jageten grimmelichen dar	$\langle 02078 \rangle$ Магистр [10] прибыл к нему немедленно $\langle 02079 \rangle$ и привел к нему много отважных героев, $\langle 02080 \rangle$ смелых и отменных. $\langle 02081 \rangle$ Мужья короля (kuniges man, датские вассалы) [12] прибыли туда $\langle 02082 \rangle$ со значительным отрядом; $\langle 02083 \rangle$ Епископ Герман возрадовался этому. $\langle 02084 \rangle$ С этим войском они [12a] двинулись тогда $\langle 02085 \rangle$ радостно на Русь. $\langle 02086 \rangle$ Их дела пошли там очень хорошо. $\langle 02087 \rangle$ Там они подошли к замку, $\langle 02088 \rangle$ в замке не возрадовались их приходу. $\langle 02089 \rangle$ Пошли на них [русских] приступом, $\langle 02090 \rangle$ захватили у них замок (burc). $\langle 02091 \rangle$ Этот замок назывался Изборск (Ísburc). $\langle 02092 \rangle$ Ни одному русскому не дали $\langle 02093 \rangle$ [уйти] невредимым. $\langle 02094 \rangle$ Кто защищался, $\langle 02095 \rangle$ тот был взят в плен или убит. $\langle 02096 \rangle$ Слышны были крики и причитания: $\langle 02097 \rangle$ в той земле повсюду $\langle 02098 \rangle$ начался великий плач. $\langle 02099 \rangle$ Жители Пскова (Plezcowe) тогда $\langle 02100 \rangle$ не возрадовались этому известию. $\langle 02101 \rangle$ Так называется город (die stat), $\langle 02102 \rangle$ который расположен на Руси. $\langle 02103 \rangle$ Там люди очень крутого нрава, $\langle 02104 \rangle$ они были соседями этого [захваченного замка — Изборска]. $\langle 02105 \rangle$ Они не медлили, $\langle 02106 \rangle$ они собрались в поход $\langle 02107 \rangle$ и грозно поскакали туда,

Оригинал	Перевод
⟨02108⟩ mit mancher brunjen [21] lichtvar; ⟨02109⟩ ir helme lûchten als ein glas. [22] ⟨02110⟩ vil manich schutze [23] dâ mite was. ⟨02111⟩ sie quâmen ûf der brûder her; ⟨02112⟩ die satzten sich kein [24] in zû wer. ⟨02113⟩ die brûdere und des kuniges man ⟨02114⟩ die Rûßen vrîlichen riten an. [25] ⟨02115⟩ bischof Herman der was dar ⟨02116⟩ als ein helt mit sîner schar. ⟨02117⟩ sich hûb ein ungevûger strît: ⟨02118⟩ die dûtschen hiwen wunden wît, [26] ⟨02119⟩ die Rußen liden grôße not: [27] ⟨02120⟩ man slûc ir achte hundert tôt, ⟨02121⟩ die bliben ûf deme wal. ⟨02122⟩ bie Îsburc nâmen sie den val. ⟨02123⟩ die anderen [28] nâmen dâ die vlucht, ⟨02124⟩ man jagete sie âne zucht ⟨02125⟩ vaste [29] hin zû lande [30] wert. ⟨02126⟩ die Rûßen manten sêre ir pfert ⟨02127⟩ beide mit geiseln und mit sporn; ⟨02128⟩ sie wânten alle sîn verlorn: ⟨02129⟩ der wec dûchte sie gar lanc. ⟨02130⟩ der walt von jâmerschalle clanc. ⟨02131⟩ zû lande was in allen gâch; ⟨02132⟩ der brûdere her zogete hin nâch. ⟨02133⟩ die Mode [31] ein waßer ist genant:	⟨02108⟩ многие были в блестящей броне; ⟨02109⟩ их шлемы сияли, как стекло. ⟨02110⟩ С ними было много стрелков [23]. ⟨02111⟩ Они встретили войско братьев-рыцарей; ⟨02112⟩ те оказали им сопротивление, ⟨02113⟩ братья-рыцари и мужи короля ⟨02114⟩ смело атаковали в конном строю русских. ⟨02115⟩ Епископ Герман там был ⟨02116⟩ как герой со своим отрядом (schar). ⟨02117⟩ Начался жестокий бой: ⟨02118⟩ немцы наносили глубокие раны, ⟨02119⟩ русские терпели большой урон: ⟨02120⟩ их было убито восемьсот [человек], ⟨02121⟩ они пали на поле брани. ⟨02122⟩ Под Изборском они потерпели поражение, ⟨02123⟩ Остальные тогда обратились в бегство, ⟨02124⟩ их беспорядочно преследовали ⟨02125⟩ по пятам по направлению к их дому. ⟨02126⟩ Русские сильно понукали своих коней ⟨02127⟩ плетьюми и шпорами; ⟨02128⟩ они думали, что все погибли: ⟨02129⟩ путь им казался очень долгим. ⟨02130⟩ Лес звенел от горестных криков. ⟨02131⟩ Они все спешили только домой; ⟨02132⟩ войско братьев-рыцарей следовало за ними. ⟨02133⟩ Великой (Mode) [31] называется река:

Оригинал	Перевод
$\langle 02134 \rangle$ nâ in uber ûf daß lant $\langle 02135 \rangle$ die brüdere vûren mit gewalt; $\langle 02136 \rangle$ sie brâchten manchen degen balt. $\langle 02137 \rangle$ Die von Plezcowe dô $\langle 02138 \rangle$ wâren der geste unvrô. $\langle 02139 \rangle$ die brüdere slügen ir gezelt $\langle 02140 \rangle$ vor Plezcowe ûf ein schône velt. $\langle 02141 \rangle$ der bischof und des koniges man $\langle 02142 \rangle$ ir legirstat vil wol gewan. $\langle 02143 \rangle$ manich ritter und knecht $\langle 02144 \rangle$ vordienten wol ir lêgenrecht. [32] $\langle 02145 \rangle$ man ließ gebieten in dem her, $\langle 02146 \rangle$ man solde bereiten sich zûr wer, $\langle 02147 \rangle$ und ließ sie dâ bie verstân, $\langle 02148 \rangle$ man solde ouch zû sturme [33] gân. $\langle 02149 \rangle$ die Rûßen wurden des gewar, $\langle 02150 \rangle$ daß sturmen wolde manich schar $\langle 02151 \rangle$ beide burc unde stat. [34] $\langle 02152 \rangle$ die Rûßen wâren strîtes mat $\langle 02153 \rangle$ dâ vor bie Îsburc worden: $\langle 02154 \rangle$ sie boten sich [35] dem orden, $\langle 02155 \rangle$ wan sie vorchten ungemach. $\langle 02156 \rangle$ um einen vride man dô sprach. $\langle 02157 \rangle$ der vride wart gemachet dô $\langle 02158 \rangle$ mit den Rûßen alsô, [36] $\langle 02159 \rangle$ daß Gêrpolt, [37] der ir kunic [38] hieß, [39] $\langle 02160 \rangle$ mit sîme gûten willen ließ $\langle 02161 \rangle$ burge und gûte lant $\langle 02162 \rangle$ in der dûtschen brüdere hant, $\langle 02163 \rangle$ daß ir der meister solde pflegen. $\langle 02164 \rangle$ dô bleib daß sturmen under wegen.	$\langle 02134 \rangle$ за ними на другой берег $\langle 02135 \rangle$ переправились братья-рыцари с большой силой; $\langle 02136 \rangle$ они вели за собой многих смелых воинов. $\langle 02137 \rangle$ Псковичи тогда $\langle 02138 \rangle$ не были рады гостям. $\langle 02139 \rangle$ Братья-рыцари разбили свои палатки $\langle 02140 \rangle$ перед Псковом на красивом поле. $\langle 02141 \rangle$ Епископ и мужи короля также $\langle 02142 \rangle$ очень удобно расположились лагерем. $\langle 02143 \rangle$ Многие рыцари (ritter) и кнехты $\langle 02144 \rangle$ хорошо заслужили здесь свое право на лен [32]. $\langle 02145 \rangle$ По войску дали приказ $\langle 02146 \rangle$ готовиться к бою, $\langle 02147 \rangle$ при этом дали понять [участникам похода], $\langle 02148 \rangle$ что пойдут также на приступ. $\langle 02149 \rangle$ Русские заметили то, $\langle 02150 \rangle$ что многие отряды намеревались штурмовать $\langle 02151 \rangle$ как замок (burc), так и посад (stat) [34]. $\langle 02152 \rangle$ Русские изнемогли от боя $\langle 02153 \rangle$ под Изборском: $\langle 02154 \rangle$ они сдались [35] ордену, $\langle 02155 \rangle$ так как опасались [большого] несчастья. $\langle 02156 \rangle$ Тогда повели переговоры о мире. $\langle 02157 \rangle$ Мир был заключен тогда $\langle 02158 \rangle$ с русскими на таких условиях, $\langle 02159 \rangle$ что Герпульт [37], который был их князем, [38] $\langle 02160 \rangle$ по своей доброй воле оставил $\langle 02161 \rangle$ замки и хорошие земли $\langle 02162 \rangle$ в руках братьев-тевтонцев, $\langle 02163 \rangle$ чтобы ими управлял магистр. $\langle 02164 \rangle$ Тогда штурм [Пскова] не состоялся.

Оригинал	Перевод
⟨02165⟩ Dâ die sûne [40] geschach, ⟨02166⟩ nicht lange sûmete man dar nâch, ⟨02167⟩ daß her brach ûf gemeine dô. ⟨02168⟩ sie wâren alle in gote vrô ⟨02169⟩ und gâben gote die êre: ⟨02170⟩ sie dankten im vil sêre. ⟨02171⟩ dô daß her was bereit ⟨02172⟩ vrôlich iß von dannen reit. ⟨02173⟩ zwêne brûdere man dar ließ ⟨02174⟩ die man daß lant bewaren hieß, [41] ⟨02175⟩ von dûtschen eine cleine macht. [42] ⟨02176⟩ daß wart in sint zû schaden brâcht: ⟨02177⟩ ir hêrschaft werte unlange vrist. [43] ⟨02178⟩ eine stat in Rûßen lande ist, ⟨02179⟩ Nogarden [44] ist sie genant. ⟨02180⟩ dem kunige wart daß mêre bekant, ⟨02181⟩ er hûb sich ûf mit mancher schar ⟨02182⟩ gegen Plezcowen, daß ist wâr. [45] ⟨02183⟩ dar quam er mit grôßer macht; ⟨02184⟩ er hette manchen Rûßen brâcht ⟨02185⟩ zû lôsene die von Plezcô. ⟨02186⟩ des wâren die von herzen vrô. ⟨02187⟩ dô er die dûtschen irsach, ⟨02188⟩ nicht lange sumete er dar nâch, [46] ⟨02189⟩ die zwêne brûdere er verstieß ⟨02190⟩ der vogetie er sie erließ [47] ⟨02191⟩ und alle ir knechte [48] man vertreib.	⟨02165⟩ После того как произошло это примирение, ⟨02166⟩ долго не ждали, ⟨02167⟩ войско тогда собралось в обратный путь. ⟨02168⟩ Все они были преисполнены божьей благодати ⟨02169⟩ и восхваляли бога; ⟨02170⟩ они были ему благодарны за очень многое. ⟨02171⟩ Когда войско стало готово для обратного похода, ⟨02172⟩ оно радостно ушло оттуда. ⟨02173⟩ там оставили двух братьев-рыцарей, ⟨02174⟩ которым поручили охранять землю [41], ⟨02175⟩ и небольшой отряд немцев [42]. ⟨02176⟩ Это обернулось позже им во вред: ⟨02177⟩ их господство длилось недолго. ⟨02178⟩ На Руси есть город (stat), ⟨02179⟩ он называется Новгород (Nogarden). ⟨02180⟩ До [новгородского] князя дошло это известие, ⟨02181⟩ он собрался со многими отрядами ⟨02182⟩ против Пскова, это истина [45]. ⟨02183⟩ Туда он прибыл с большой силой; ⟨02184⟩ он привел много русских ⟨02185⟩ чтобы освободить псковичей. ⟨02186⟩ Этому они от всего сердца обрадовались. ⟨02187⟩ Когда он увидел немцев, ⟨02188⟩ он после этого долго не медлил [46], ⟨02189⟩ он изгнал обоих братьев-рыцарей, ⟨02190⟩ положив конец их фогству [47], ⟨02191⟩ и все их кнехты [48] были прогнаны.

Оригинал	Перевод
⟨02192⟩ der dûtschen keiner dâ bleib: ⟨02193⟩ den Rûßen ließen sie daß lant. ⟨02194⟩ den brûderen gienc iß sus in hant: ⟨02195⟩ wêre Plezcowe dâ behût ⟨02196⟩ daß wêre nû dem cristentûme gût ⟨02197⟩ biß an der werlde ende. ⟨02198⟩ eß ist ein missewende, [49] ⟨02199⟩ der gûte lant betwungen hât ⟨02200⟩ und der nicht wol besetzt hât: ⟨02201⟩ der claget wen er den schaden hât, ⟨02202⟩ wan iß im vil lichte missegât. ⟨02203⟩ der kunic von Nogarden [50] kârte wider. ⟨02204⟩ Eß stûnt dar nâch nicht lange sider. ⟨02205⟩ ein stat ist grôß unde wiet ⟨02206⟩ die ouch in Rûßen lande liet: ⟨02207⟩ Susdal [51] ist sie genant. ⟨02208⟩ Alexander was genant ⟨02209⟩ der bie der zit ir kunic hieß: [52] ⟨02210⟩ sîn volc [53] er sich bereiten ließ. ⟨02211⟩ den Rûßen was ir schade leit; [54] ⟨02212⟩ snelle wurden sie bereit. ⟨02213⟩ dô vûr kunic Alexander, ⟨02214⟩ mit im vil manich ander ⟨02215⟩ Rûße her von Susdal. ⟨02216⟩ sie vurten bogen âne zal, ⟨02217⟩ vil manche brunje wunneclîch. [55] ⟨02218⟩ ir banier die wâren rîch, [56] ⟨02219⟩ ir helme die wâren liecht bekant. [57]	⟨02192⟩ Никого из немцев там не осталось: ⟨02193⟩ русским оставили они землю. ⟨02194⟩ Так шли дела братьев-рыцарей: ⟨02195⟩ если бы Псков был тогда убе-режен, ⟨02196⟩ то это приносило бы сейчас пользу христианству ⟨02197⟩ до самого конца света. ⟨02198⟩ Это — неудача. ⟨02199⟩ Кто покорил хорошие земли ⟨02200⟩ и их плохо занял военной си-лой, ⟨02201⟩ тот заплачет, когда он будет иметь убыток, ⟨02202⟩ когда он, очень вероятно, потерпит неудачу. ⟨02203⟩ Новгородский князь [50] опять ушел в свою землю. ⟨02204⟩ После этого недолго было спокойно. ⟨02205⟩ Есть город (stat) большой и широкий, ⟨02206⟩ который также расположен на Руси: ⟨02207⟩ он называется Суздаль (Susdal) [51]. ⟨02208⟩ Александром (Alexander) зва-ли того, ⟨02209⟩ кто в то время был его кня-зем: ⟨02210⟩ он приказал своему войску (volc) [53] готовиться к походу. ⟨02211⟩ Русским были обидны их неудачи; ⟨02212⟩ быстро они приготовились. ⟨02213⟩ Тогда выступил князь Алек-сандр ⟨02214⟩ и с ним многие другие ⟨02215⟩ русские из Суздаля. ⟨02216⟩ Они имели бесчисленное ко-личество луков, ⟨02217⟩ очень много красивейших до-спехов [55]. ⟨02218⟩ Их знамена были богаты, ⟨02219⟩ их шлемы излучали свет.

Оригинал	Перевод
$\langle 02220 \rangle$ sus zogeten sie in der brüder lant $\langle 02221 \rangle$ dâ gewaldeclich mit her. $\langle 02222 \rangle$ die brüdere dâ mit sneller wer $\langle 02223 \rangle$ brächten in daß kegenzil; $\langle 02224 \rangle$ ir was aber måßen vil. [58] $\langle 02225 \rangle$ Zû Darbete wart vernomen $\langle 02226 \rangle$ kunic Alexander wêre komen $\langle 02227 \rangle$ mit her in der brüder lant $\langle 02228 \rangle$ und stifte roub und brant. [59] $\langle 02229 \rangle$ der bischof des nicht enließ, $\langle 02230 \rangle$ des stiftes [60] man er snelle hieß $\langle 02231 \rangle$ ilen zû der brüdere her $\langle 02232 \rangle$ kegen den Rûßen zû wer. $\langle 02233 \rangle$ waß er gebôt daß geschach. $\langle 02234 \rangle$ nicht lange sûmeten sie dar nâch,[61] $\langle 02235 \rangle$ sie quâmen zû der brüdere macht. $\langle 02236 \rangle$ sie hatten zû kleine volkes brâcht; $\langle 02237 \rangle$ der brüdere her was ouch zû clein. $\langle 02238 \rangle$ idoch sie quâmen uber ein, $\langle 02239 \rangle$ daß sie die Rûßen ritten an. [62] $\langle 02240 \rangle$ strîtes man mit in began. $\langle 02241 \rangle$ die Rûßen hatten schutzen vil, [63] $\langle 02242 \rangle$ die hûben dô daß êrste spil [64] $\langle 02243 \rangle$ menlîch vor des kuniges schar. $\langle 02244 \rangle$ man sach der brüder banier [65] dar $\langle 02245 \rangle$ die schutzen underdringen, $\langle 02246 \rangle$ man hôte swert dâ clingen $\langle 02247 \rangle$ und sach helme schrôten. $\langle 02248 \rangle$ an beider sît die tôten $\langle 02249 \rangle$ vielen nider ûf daß gras. [66]	$\langle 02220 \rangle$ Так направились они в землю братьев-рыцарей, $\langle 02221 \rangle$ сильные войском. $\langle 02222 \rangle$ Тогда братья-рыцари, быстро вооружившись, $\langle 02223 \rangle$ оказали им сопротивление; $\langle 02224 \rangle$ но их [рыцарей] немного. $\langle 02225 \rangle$ В Дерште узнали, $\langle 02226 \rangle$ что пришел князь Александр $\langle 02227 \rangle$ с войском в землю братьев- рыцарей, $\langle 02228 \rangle$ чиня грабежи и пожары. $\langle 02229 \rangle$ Епископ не оставил это без внимания $\langle 02230 \rangle$ быстро велел мужам епископ- ства [60] $\langle 02231 \rangle$ поспешить в войско братьев- рыцарей $\langle 02232 \rangle$ для борьбы против русских. $\langle 02233 \rangle$ Что он приказал, то и произо- шло. $\langle 02234 \rangle$ Они после этого долго не мед- лили [61], $\langle 02235 \rangle$ они присоединились к силам братьев-рыцарей. $\langle 02236 \rangle$ Они привели слишком мало народа, $\langle 02237 \rangle$ войско братьев-рыцарей было также слишком маленьким. $\langle 02238 \rangle$ Однако они пришли к едино- му мнению $\langle 02239 \rangle$ атаковать русских. $\langle 02240 \rangle$ Немцы начали с ними бой. $\langle 02241 \rangle$ Русские имели много стрел- ков [63], $\langle 02242 \rangle$ которые мужественно приня- ли первый натиск [64], $\langle 02243 \rangle$ [находясь] перед дружиной князя (vor der kuniges schar). $\langle 02244 \rangle$ Видно было, как отряд [65] братьев-рыцарей $\langle 02245 \rangle$ одолел [65] стрелков; $\langle 02246 \rangle$ там был слышен звон мечей, $\langle 02247 \rangle$ и видно было, как рассека- лись шлемы. $\langle 02248 \rangle$ С обеих сторон убитые $\langle 02249 \rangle$ падали на траву [66].

Оригинал	Перевод
⟨02250⟩ wer in der brüdere her was	⟨02250⟩ Те, которые находились в
⟨02251⟩ die wurden ummeringet gar.	войске братьев-рыцарей,
⟨02252⟩ die Rûßen hatten sulche schar,	⟨02251⟩ были окружены.
⟨02253⟩ daß ie wol sechzic [67] man	⟨02252⟩ Русские имели такую рать
⟨02254⟩ einen dûtschen ritten an.	(schar),
⟨02255⟩ die brüdere tâten wer gnûc,	⟨02253⟩ что каждого немца атакова-
⟨02256⟩ idoch man sie dar nider slûc.	ло,
⟨02257⟩ der von Darbete quam ein teil	⟨02254⟩ пожалуй, шестьдесят человек
⟨02258⟩ von deme strîte, daß was ir heil:	[67].
⟨02259⟩ sie mûsten wîchen durch die	⟨02255⟩ Братья-рыцари достаточно
nôt.	упорно сопротивлялись,
⟨02260⟩ dar bliben zwênzic brüder tût	⟨02256⟩ но их там одолели.
⟨02261⟩ und sechse wurden gevangen.	⟨02257⟩ Часть дерптцев вышла
⟨02262⟩ sus was der strît ergangen.	⟨02258⟩ из боя, это было их спасени-
⟨02263⟩ Kunic Alexander was vrô,	ем,
⟨02264⟩ daß er den sig behielt alsô.	⟨02259⟩ они вынужденно отступили.
⟨02265⟩ er kârte wider zû lande.	⟨02260⟩ Там было убито двадцать
⟨02266⟩ er ließ doch dar zû pfande	братьев-рыцарей,
⟨02267⟩ sumelichen rischen man, [68]	⟨02261⟩ а шесть было взято в плен.
⟨02268⟩ der reisen nimmer mêr began.	⟨02262⟩ Таков был ход боя.
⟨02269⟩ waß brüder in dem strîte was	⟨02263⟩ Князь Александр был рад,
⟨02270⟩ geslagen, dâ ich nû von las, [69]	⟨02264⟩ что он одержал победу
⟨02271⟩ die wurden sider wol verclait	⟨02265⟩ Он возвратился в свои земли.
⟨02272⟩ mit manchem helde unverzait.	⟨02266⟩ Однако эта победа ему стоила
⟨02273⟩ die sich durch got hân gegeben	⟨02267⟩ многих храбрых мужей [68],
⟨02274⟩ in der dutschen brüdere leben,	⟨02268⟩ которым больше никогда не
⟨02275⟩ der ist biß her von jenen tagen	ходить в поход.
⟨02276⟩ vil mancher in gotes dienste	⟨02269⟩ Что касается братьев-рыца-
geslagen.	рей, которые в этом бою были
⟨02277⟩ sie haben ouch mit werenden	⟨02270⟩ убиты, о чем я только что чи-
hant	тал [69],
⟨02278⟩ betwungen sider gûte lant,	⟨02271⟩ то они позже должным обра-
⟨02279⟩ als ûch her nâ wol wirt bekant.	зом оплакивались
	⟨02272⟩ со многими бесстрашными ге-
	роями,
	⟨02273⟩ которые по призыву бога
	⟨02274⟩ посвятили себя жизни среди
	братьев-тевтонцев;
	⟨02275⟩ очень многие из них с тех пор
	⟨02276⟩ были убиты на службе богу.
	⟨02277⟩ Они также вооруженной ру-
	кой
	⟨02278⟩ с тех пор покорили хорошие
	земли,
	⟨02279⟩ как вам станет дальше из-
	вестно.

Оригинал	Перевод
⟨02280⟩ nû dise rede ist volant.	⟨02280⟩ На этом кончается это повествование.
⟨02281⟩ Meister Herman Balke [70]	⟨02281⟩ Магистр Герман Балк [70]
⟨02282⟩ der was in deme walke	⟨02282⟩ вел войну
⟨02283⟩ mit Rûßen und mit heiden. [71]	⟨02283⟩ с русскими и язычниками [71].
⟨02284⟩ der mûste er sich beiden	⟨02284⟩ Он должен был от них обоих
⟨02285⟩ mit grôßeme urlouge weren	⟨02285⟩ обороняться в большой войне
⟨02286⟩ und helfen gotes viende heren.	⟨02286⟩ и помог [этим] разорению божьих врагов.
⟨02287⟩ der bischof und des kuniges man,	⟨02287⟩ Епископ и мужи короля [его поддерживали],
⟨02288⟩ wes er mit den began,	⟨02288⟩ все, что он с ними предпринимал,
⟨02289⟩ daß trûc alleß uber ein	⟨02289⟩ делалось единодушно,
⟨02290⟩ als eß an den werken wol schein.	⟨02290⟩ как это видно по сами делам.
⟨02291⟩ daß bûch saget uns vor wâr,	⟨02291⟩ Эта книга истинно нам говорит,
⟨02292⟩ daß iß werte sechstehalb jâr	⟨02292⟩ что продолжалось пять с половиной лет
⟨02293⟩ daß meister Herman Balke riet.	⟨02293⟩ правление магистра Германа Балка,
⟨02294⟩ dar nâch er von der werlde schiet.	⟨02294⟩ после чего он умер.

Комментарии из книги [58].

- [1] В предыдущей главе речь шла о разделе Северной Эстонии между датским королем и орденом при посредничестве папского легата.
- [2] dem dutschen hus — дословно «немецкому дому», dem dutschen hus — одно из самоназваний Тевтонского ордена, объясняемое тем, что этот орден был в XII в. организован при доме призрения немецких паломников и Иерусалиме; отсюда название орденских рыцарей die brüdere von dem dutschen hus — «братья из немецкого дома».
- [3] Nieflant — так систематически и «Рифмованной хронике» называется Ливония. Ее обычное название в немецких текстах того времени Liefiant, Liffiant, livlant, т.е. «страна ливов». Форма Nieflant в «Рифмованной хронике», возможно, является реминисценцией с легендарной страной нибелунгов в немецком эпосе.
- [4] Darpete — нижненемецкое название эстонского Тарту, русск. — Дерпт (Юрьев). Совр. нем. — Dorpat.
- [5] bischof Herman — брат рижского архиепископа Альберта; епископ эстонский, перенес в 1224 г. свою резиденцию на тартуский вышгород, на место древнего русского Юрьева, став таким образом непосредственным соседом псковичей.
- [6] Истинными христианами автор Рифмованной хроники признает только христиан римско-католического вероисповедания.

- [7] in tet ir unsalde vil we — стих, вызвавший разные толкования. Немецкие интерпритаторы «Рифмованной хроники» прошлого пока понимали этот стих так, что «безбожность русских причиняла епископу Герману страдания». Мы считаем такое понимание ошибочным. Ключом к истинному смыслу этого предложения должно служить местоимение in, с которого начинается стих. Синтаксически здесь требуется дательный падеж, так как местоимение занисит от глагола tet ... we, ср.: «dem meister tet die rede we». Следовательно, in, также и по форме являющееся дательным падежом множественного числа от местоимения sie — они, заменяет собой не существительное bischof, а существительное die Rußen. При таком, грамматически обоснованном толковании значения местоимения in мы считаем, что автор Рифмованной хроники в этом стихе вовсе не говорит о «страданиях Германа», а намекает на то, что вызванная, по его мнению, схизматиками–русскими против «истинных христиан» война была для них неудачной, привела к захвату рыцарями Изборска и Пскова.
- [8] Епископу Герману.
- [9] die brüdere — так в Рифмованной хронике называются орденские рыцари. Будучи связанными монашескими обетами, они, по аналогии с монастырским обычаем, называли себя братьями. Этот термин здесь и далее переводится «братья–рыцари».
- [10] der meister — магистр, глава ордена в Ливонии.
- [11] risch — «быстрый, смелый, дерзкий»; один из постоянных эпитетов, применяемых в средневерхненемецкой эпической поэзии для характеристики воина, рыцаря.
- [12] des kuniges man — обозначение, употребляемое в «Рифмованной хронике» для вассалов датского короля, владевшего в то время Северной Эстонией. Эти датские феодалы неоднократно были союзниками ордена в его войнах с Русью и Литвой. Они приводили с собой в орденское войско отряды, состоящие из зависимых от них эстов.
- [12a] Подразумеваются епископ и магистр.
- [13] der Rußen lant — дословно «земля (страна) русских», здесь и далее переводится «Русь».
- [14] eß gienc in dā vil wol in hant — идиоматическое выражение «их дела пошли очень хорошо».
- [15] die — указательное местоимение, заменяющее собой burg; здесь это следует понимать как «люди, находящиеся в замке», «его гарнизон».
- [16] sturmes man mit in began — дословно «начали их штурмовать».
- [17] Îsburc. Русский топоним Изборск этимологизирован в Рифмованной хронике на немецкий лад. Такая этимологизация вызывалась звуковым сходством слова «борск» с немецким burg — «замок». В ⟨2087⟩ и ⟨2091⟩ Изборск назван просто burg, а в ⟨2090⟩ — hus. Термины burg и hus соответствуют русскому слову «город» только в одном из его значений, а именно «укрепленное место», «замок», но не «посад». Такое словоупотребление говорит о том, что автор «Рифмованной хроники» рассматривал Изборск как укрепление, посад при котором не имел большого значения. Ср. ниже, ⟨2101⟩, где речь идет о Пскове.

- [18] Die von Plezcowe — дословно «те из Пскова», т.е. псковичи. Обычная конструкция в немецком языке средних веков для обозначения жителей того или иного города.
- [19] Хронист называет Псков словом stat. Такое словоупотребление говорит о том, что он в первую очередь видит в нем посад с ремесленным и торговым населением. Ср. прим. [17], где речь идет об Изборске.
- [20] sîr — в основном значении — «кислый», «резкий», «едкий», «горький»; в переносном значении относительно людей — «твердый», «злой», «нехороший», «грозный», «жестокий», «кровавый».
- [21] brunje — это доспех для защиты верхней части туловища, т.е. броя, панцирь, кольчуга.
- [22] als ein glas — часто встречающееся у хрониста сравнение при описании блеска защитного вооружения, в частности шлемов.
- [23] manich schutze — подразумеваются русские стрелки из лука; далее в <2216> говорится, что войско Александра Невского имело на своем вооружении очень много луков (bogen).
- [24] kein — здесь одна из форм предлога gegen — «против».
- [25] riten an — претерит от глагола anriten — дословно «атаковать в конном строю», так как riten — «ехать верхом». Атака в конном строю наиболее типична для рыцарских отрядов. Но хронист сообщает также о более редких случаях, когда всадники перед боем спешивались и шли на противника в пешем строю.
- [26] wunden wît — дословно «широкие раны».
- [27] grôße not — дословно «большую нужду».
- [28] die anderen — дословно «другие».
- [29] vaste — наречие, имеющее много значений: «крепко», «тесно примыкая», «до», «до близости»; «сильно», «мощно», «быстро», «очень», «довольно».
- [30] zû lande — соответствует русскому «домой».
- [31] die Mode — название, которым ливонские немцы обозначали реку Великую у Пскова. Этот топоним встречается у Б. Руссова в форме Modda (Scriptores rerum livonicarum, Bd. I, p. 28) и у Жильбера де Ланноа в написании Moede, Moeude (Guillebert de Lannoy et ses voyages en 1413, 1414 et 1421 commente en francais et polonais par Joachim Lelewel, Bruxelles, 1844, pp. 36 et 49), Жильбер пишет, что Псков расположен на двух реках, Moede et Plesco, и что обратно и Ливонию его везли на санях по льду реки Moede, а затем по льду Чудского озера. Это описание, а также то, что в ливонских источниках Mode называется река, которую немцы должны были форсировать по пути из Изборска в Псков, позволяет отождествить Mode с р. Великой.
- [32] По-видимому, речь идет о праве получить лен в захваченных псковских землях.
- [33] zû sturme — дословно «на штурм».
- [34] Хронист различает в Пскове burc — «кремль» и stat — «посад». Ср. прим. [17] и [19]. И это не только в этом месте. При описании более позднего набега рыцарей на Псков (в 1269 г.) хронист рассказывает, что псковичи сами сожгли посад (stat) и укрылись в кремле (burc).

- [35] Глагол *sich bieten* имеет значения «предоставить себя», «отдать себя», «предложить себя». Здесь хронист сообщает и пытается объяснить беспримерный факт сдачи без боя в руки ордена Пскова, кремль которого хронист в другом месте считает неприступным при условии единодушия защитников. Из летописи известно, что сдача была осуществлена группой псковских бояр-изменников.
- [36] *alsô* — дословно «так, таким образом».
- [37] Мы считаем, что ближе всего подошли к истине П. Гетце и А.М. Амманн. Эти исследователи полагают, что Герпольт — это князь Ярослав Владимирович из рода смоленских Ростиславичей, единственный русский князь, который в те годы активно поддерживал нападение немецких крестоносцев на Русь. Летописи содержат ряд известий об этом князе-изменнике. В частности, по свидетельству летописей, Ярослав Владимирович лично участвовал в походе немецких рыцарей 1240 г. на Изборск, т.е. в том самом походе, который затем завершился захватом немцами Пскова. Весьма вероятно, что именно этого князя подразумевал автор хроники, упоминая загадочного Герпольта, помогавшего немецким рыцарям овладеть Псковом.
- [38] *kunic* — дословно «король». Этот термин употребляется хронистом и вообще в ливонских источниках до конца XV в. для обозначения как западноевропейских королей, так и русских князей периода феодальной раздробленности. В латиноязычных памятниках русские князья соответственно называются *reges* (ср. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, с. 455, прим. 3). Слово *kunic*, примененное к русским князьям, здесь и далее переводится словом «князь». Хронист лишь один раз называет русского князя (Юрия Андреевича, племянника Александра Невского) словом *vurste* и то потому, что тот не занимал княжьего стола, а вел переговоры с магистром только в качестве представителя новгородского князя: *er was an des kuniges stat*.
- [39] *hieß* — дословно «назывался», здесь этот глагол употреблен в функции связки, по значению равной глаголу *sein* — «быть»; ср. аналогичное употребление: *⟨02208⟩ Alexander was genant ⟨02209⟩ der bie der zit ir kunic hieß*.
- [40] *die süne* — «искупление», «примирение», «мир», «покой», «суд», «приговор».
- [41] Речь идет об оккупации захваченных псковских земель.
- [42] *eine cleine macht* — дословно «малую силу».
- [43] *unlange vrist* — Дословно «недолгий срок».
- [44] *Nogarden* — одна из наиболее распространенных форм передачи в немецких текстах названия Новгорода Великого.
- [45] Это заверение вызвано необходимостью ввести рифму к *schar*.
- [46] *nicht lange sumete er dar nâch* — типичное для Рифмованной хроники вставное предложение, которое вовсе не хочет подчеркнуть, что действие развивалось необычно быстро, а является лишь художественным приемом. Такие предложения с глаголом *sumen*, а также *sparn* и некоторыми другими порождены необходимостью ввести в стих ту или иную рифму. Кроме того, наличие таких предложений-заполнителей

вызвано тем, что рифмованные хроники были предназначены для чтения вслух. Эти предложения разбавляли действие и облегчали восприятие содержания аудиторией. Таких предложений с глаголом *sumen* в Рифмованной хронике насчитывается 20.

- [47] Буквально: освободив (избавив) их от фогтства, т.е. от исполнения обязанностей фогтов. Захваченные земли орден членил на административные области, во главе которых ставились орденские рыцари, называвшиеся в одних областях командорами (комтурами), в других — фогтами. Последнее название происходит от латинского слова *advocatus*. В русских источниках орденские фогты называются «судьями», например: «Судья ругодивескеи Еремен», «кескеи судья Иване». Слово *vogetie* может обозначать как административный район, так и название должности; здесь подразумевается последнее.
- [48] Речь идет об отряде военных слуг — кнехтов (*knechte*).
- [49] *misewende* — многозначное слово: «неправильный поворот», «отклонение от лучшего к худшему», «упрек», «позор», «изъян», «преступление», «позорящее действие», «несчастье», «вред».
- [50] Хронист не называет новгородского князя, изгнавшего немцев из Пскова, по имени. Он не отождествляет его с Александром Невским, который в Рифмованной хронике начинает принимать участие в событиях лишь в следующей главе в качестве суздальского князя. Автор Хроники Тевтонского ордена (XV в.), пользовавшийся Рифмованной хроникой при изложении событий 1238–1242 гг., исправил этот недостаток и связал освобождение Пскова с именем Александра Невского.
- [51] Хронист очень мало искажает русские топонимы. В данном случае мы видим абсолютно точную транслитерацию.
- [52] См. прим. [39], здесь же глагол *hieẗ* применен в прямом значении.
- [53] *volc* — многозначное слово, может обозначать: «народ», «люди», «воинство», «войско», «подданные», «слуги», «отряд», «толпа».
- [54] *den Rûßen was ir schade leit* — дословно «русским был обиден вред [причиненный им немцами]».
- [55] См. прим. [21].
- [56] *rîch* — подразумевается «богато украшены».
- [57] *ir helme die wâren liecht bekant* — дословно «их шлемы, те были известны сияющими».
- [58] *mâßen vil* — дословно «умеренно много».
- [59] *und stifte roub und brant* — постоянная фраза в Рифмованной хронике при описании военных походов.
- [60] Территория, находившаяся под властью ливонских епископов, называлась словом *stift* (епископство).
- [61] См. прим. [46].
- [62] См. прим. [25].
- [63] См. прим. [23].
- [64] *daẗ êrste spil* — дословно «первую игру». Название боя словом *spil* («игра») — типичная метафора в рыцарской поэзии. В Рифмованной хронике она встречается часто.

- [65] Слово *banier* может обозначать как «знамя», «хоругвь», так и «отряд», сражающийся под данным знаменем; здесь *banier* употреблено в последнем значении и обозначает характерное для орденских рыцарей клиновидное построение, «свинью» русских летописей.
- [65 a] Возможен также перевод: «оттеснил», «врезался», «прорвался сквозь [ряды]...».
- [66] *ûf daß gras* — Возможно, что слово *gras* — «трава» здесь применено метонимически для выражения понятия «земля». Ср. немецкое идиоматическое выражение *in das Gras beißen* — «пасть на поле брани», дословно — «укусить траву». В этой идиоме основной образ настолько уже ослаблен, что она может применяться без учета времени года, в котором происходит описываемое событие.
- [67] Число шестьдесят, по-видимому, служит здесь условным обозначением превосходства в числе, так как оно встречается в Рифмованной хронике также при описании и другого боя немцев с русскими: *ein dûtscher müste geben strit || wol sechzic Rûßen...*
- [68] *⟨02266⟩ er ließ doch dar zû pfande ⟨02267⟩ sumelichen rischen man* — дословно «он, однако, оставил там в залог много храбрых людей».
- [69] Этот стих говорит о том, что Рифмованная хроника была предназначена для чтения вслух.
- [70] В действительности Герман Балке был ливонским ландмейстером не более двух лет (1237–1238 гг.). В начале марта 1239 г. он уже умер. Его преемником в Ливонии в 1238 г. стал Дитрих фон Грюнинген, который и был главой ливонской ветви ордена в 1238–1242 и 1244–1246 гг. Но в событиях на ливоно-псковской и ливоно-новгородской границах он непосредственного участия не принимал, так как руководил в это время орденскими войсками, действовавшими против куршей и литовцев на территории Курляндии. Так кто же был в действительности упоминаемый хронистом магистр? Этот вопрос еще в середине XIX в. поставил А. Энгельман. Он приходит к выводу, что этим лицом был Андреас фон Вельвен, который у М. Тумлера значится ливонским вице-магистром в 1241 г. Это тем более вероятно, что с этим орденским деятелем обычно отождествляют персонаж из Жития Александра Невского — Андреяша. Этот Андреяш, охарактеризованный как «некто силенъ от Западныхъ страны, иже нарицаются слугы божия», приезжает незадолго до похода ордена на Русь к Александру, чтобы лично узнать его. Термин «слуги божия», который мы здесь находим, перекликается с летописным термином «божии рытор», как в Новгородской летописи названы взятые и плен во время Ледового побоища орденские рыцари. Только в «Житии» слово «рытор» заменено в соответствии с жанром произведения более общепонятным «слуги». Э. Бонель относит поездку Вельвена в Новгород к весне или лету 1240 г. Несомненно, что путешествие в это время видного орденского руководителя по Новгородской земле носило разведывательный характер. То, что Андреас фон Вельвен заключил от имени ордена договор с сааремааским (эзельским) епископом о разделе светской и духовной власти в завоеванных русских землях, также подтверждает его руководящую роль в походе на Русь.

- [71] В.Т.Пашуто считает (см. [72], с. 104), что под язычниками хронист подразумевает карел и ижорцев, которые были в составе новгородского войска, изгнавшего орденских рыцарей из Копорья. Но это мало вероятно, так как хронист вообще ничего не знает и не сообщает о военных действиях в Водской земле. Скорее всего язычниками здесь названы литовцы, которые действительно в это время были еще язычниками и оказывали орденской агрессии упорное сопротивление.

Литература

- [1] АБЫЗОВ, Ю. (сост.) От Лифляндии — к Латвии. Прибалтика русскими глазами. М.: Аркаюр, 1993.
- [2] АГЕЕВА, О. Г. Императорский двор России. 1700–1796 годы. М.: Наука, 2008.
- [3] АЛЕКСИЙ II (Ридигер, А. М.) Православие в Эстонии. Церков.-науч. центр «Правосл. энцикл.», 1999.
- [4] АФАНАСЬЕВ, В. А. Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 г. М.: Кругок ревнителей памяти Отеч. войны 1812 г., 1912.
- [5] БАРСОВ, Н. И. Анна Федоровна Ягужинская. Русская старина, т. 18, с. 713–722, 1877.
- [6] БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ, Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. В пяти частях. М.: 1836.
- [7] БЕГУНОВ, Ю. К., КЛЕЙНЕНБЕРГ, И. Э., ШАСКОЛЬСКИЙ, И. П. Ледовое побоище 1242 года. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. Отв. ред. Г.Н. Караев. М., Л.: Наука, 1966.
- [8] БЕРХГОЛЬЦ, Ф. В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. Перевод с немецкого И. Ф. Аммона. Изд. 2-е., ч. 1–2. М.: 1858–1860.
- [9] БИРОН, Э.-И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского. Время, т. 6, № 12, с. 522–542 (примечания с. 543–622), 1861.
- [10] БОКМАН, Х. Немецкий Орден. Двенадцать глав из его истории. Пер. с нем. В.И. Матузовой. М.: Ладомир, 2004.
- [11] Бородино. Документальная хроника. М.: РОССПЕН, 2004.
- [12] БРИКНЕР, А. Г. Русский двор при Петре II. 1727–1730. По документам венского архива. Вестник Европы, 1896.
- [13] БРОКГАУЗ, Ф. А., ЕФРОН, И. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. С.-Петербург: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1890–1907.

- [14] БУТУРЛИН, Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. т. IV, 2-я половина. С.-Петербург: Военная Типография Главного Штаба Его Императорского Величества, 1823.
- [15] ВАРТБЕРГ, Г. Ливонская хроника (Chronicon Livoniae: Scriptores regum Prussicarum) Изд.: Е.В. Чешихин-Ветринский, Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876.
- [16] ВАСИЛЬЕВ, А. Русская регулярная кавалерия в Бородинском сражении. Боевое расписание. Цейхгауз, т. 1 (2), 1993.
- [17] «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.: (перевод и комментарии). Под ред. В.Л. Янина; Сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
- [18] Родословная дворян Неплюевых. сост. В.М., Витевский. Казань, 1897.
- [19] ВИТТ, В. О. Из истории русского коннозаводства. М.: Гос. изд. сельхоз. литературы, 1952.
- [20] ВОЕЙКОВ, Д. И. Ю.Ф. Самарин. Крупный русский деятель пред лицом двух государей. 1848–1868. Российский архив. М., 2007.
- [21] ВОЗНЕСЕНСКАЯ, И. А. Записки В.А.Нащокина: роль документа в мемуаристике XVIII в. В сб.: Вознесенская, И. А. Вспомогательные исторические дисциплины, Сб. статей, с. 47–61. С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 2017.
- [22] ВРАНГЕЛЬ, А. П. Генерал Врангель: доверие воспоминаний. Минск: Арти-Фекс, 1999.
- [23] ГЕЙКИНГ, К. Г. Из дней Императора Павла. Император Павел и его время. Записки курляндского дворянина, 1796–1801. Русская Старина, т. LVI, с. 365–394, 1887.
- [24] ГЕЛЬБИГ, Г. Русские избранники. М.: Военная книга, 1999.
- [25] ГЕРЬЕ, В. И. Борьба за польский престол в 1733 году. Ист. дис., сост. по архивским источникам. М.: тип. В. Грачева, 1862.
- [26] Герцогиня Анна Ивановна до восшествия ее на престол в ее письмах. Русская старина, № 11, с. 375–380, 1884.
- [27] ГМЕЛИН, И. Г. Путешествие в Сибирь. Пер. с нем. Д.Ф. Криворучко, Отв. ред. Е.В. Смирнов, Соликамск, 2012.
- [28] ГОДУНОВ, В. И. Краткий очерк истории Эстляндии к 200-летию юбилею завоевания ее Россией (1710–1910). Ревель, 1910.
- [29] ГОЗДАВО–ГОЛОМБИЕВСКИЙ, А. А. Первая жена графа П.И. Ягужинского. Русский архив, № 7. с. 406–415, 1903.

- [30] Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) Вып. 1, 2. Сост.: Т.С.Майкова. М.: Кругъ, 2004.
- [31] ГЛИНКА, Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. М.: Юрайт, 2019.
- [32] ГРАБАРЬ, И. Э. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. С.–Петербург, 1994.
- [33] ДМИТРИЕВ, И. И. Сочинения. Ред. и прим. А.А.Флоридова. С.–Петербург: изд. Евг.Евдокимова, 1893.
- [34] ДОЛГОРУКАЯ, Н. Б. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. С.–Петербург, 1913.
- [35] ЕВРЕИНОВ, Н. Н. История телесных наказаний в России. С.–Петербург, 1913.
- [36] ЖАМОВ, В. Е. Крепость Усть–Двинск — краткий исторический очерк с 12 чертежами. Рига: Издание штаба крепости, 1912.
- [37] Замечания на «Записки Г.Манштейна о России». Опубликовано в: Отечественные записки. С.–Петербург, [ч. 21, с. 87–110, 223–252; ч. 22, с. 46–68; ч. 23, с. 158–172] 1825, [ч. 25, с. 221–248] 1826, [ч. 35, ч. 36, с. 41–64] 1828, [ч 38, ч. 39, с. 366–378] 1829.
- [38] ЗНОСКО–БОРОВСКИЙ, Н. А. История лейб–гвардии Измайловского полка. 1730–1880. С.–Петербург, 1882.
- [39] ИВЧЕНКО, Л. Л. Кутузов. М.: Молодая гвардия, 2012.
- [40] ИЛОВАЙСКИЙ, Д. И. Петр Великий и царевич Алексей. Исторический очерк. Собрание сочинений (9 кн.) М.: АСТ, Астрель, Хранитель, ОЛМА Медиа Групп, 2001–2015.
- [41] ИЛЬИНА, Т. В. Русское искусство XVIII века. М.: Высшая школа, 1999.
- [42] История кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка с 1724 по 1-е июля 1851 года. С.–Петербург: Военная типография, 1851–1852.
- [43] КАЗАНОВА, Дж. История моей жизни. М.: Моск. рабочий, 1991.
- [44] КАРАТЫГИН, П. П. Семейные отношения графа А.И. Остермана. Исторический вестник, т. 17, № 9. с. 603–606, 1884.
- [45] КЛЮЧЕВСКИЙ, В. О. Курс русской истории. С.–Петербург, 1904.
- [46] КОМАРОВСКИЙ, Е. Ф. Записки графа Е.Ф. Комаровского, М.: Товарищество русских художников, 1990.
- [47] КОРФ, М. А. Брауншвейгское семейство. Старина и новизна, № 22, с. 148–203, 1917.

- [48] КОНДРАТЮК, ЮР. Завоевание межпланетных пространств (под редакцией и с предисловием проф. В.П. Ветчинкина). Издание автора. Новосибирск, 1929.
- [49] КОСТОМАРОВ, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. С.–Петербург: Лениздат, 2007.
- [50] О Ю.В. Кондратюке (материалы к 100–летию со дня рождения). М.: ИИЕТ (Института истории естествознания и техники) АН СССР, РАН, 1998.
- [51] ЛЕВИН, Л. И. Дело о «брауншвейгском семействе» (В.В. Стасов и М.А. Корф). Исторический вестник, т. XXII, с. 194–223, 2017.
- [52] БАРВИК–и–ЛИРИЯ, Я. Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при Императорском российском дворе в звании посла короля испанского. 1727–1730-х годов. Перевод с французского Д. Языкова. С.–Петербург: Гутенбергова тип., 1845.
- [53] ЛЮТЕР, М. Краткий катехизис. О десяти святых заповедях Божиих, 95 тезисов, С.–Петербург: Роза мира, 2002.
- [54] МАЛИНОВСКИЙ, В. К. Бароны Шлиппенбах — офицеры Императора Александра I. Сборник трудов потомков участников Отечественной войны 1812 года. Вып. 2. М.: Янус-К, 2008.
- [55] МАЛИНОВСКИЙ, В. К. Некоторые штрихи к биографии А.И. Шаргея (Ю.В. Кондратюка), 2020.
- [56] МАЛИНОВСКИЙ, В. К.. Шлиппенбах. Некоторые исторические сведения. М.: Янус–К, 2021.
- [57] МАНШТЕЙН, Х. Г. Записки Манштейна о России: 1727–1744. Перевод с французского с подлинной рукописи Манштейна и редакция издания М.И. Семевского. С.–Петербург: тип. В.С. Балашева, 1875.
- [58] МАТУЗОВА В. И., НАЗАРОВА Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в.–1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002.
- [59] МАШКЕ, Э. Немецкий орден. Государство Немецкого Ордена. Портреты великих магистров. С.–Петербург: Евразия, 2003.
- [60] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседнев. зап. делам кн. А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727. Публ. Долгова С.Р., Лаптева Т.А., М.: Рос. фонд культуры [и др.], 2004.
- [61] МИЛЛЕР, Г. Ф. История Императорской Академии наук в Санкт–Петербурге. В книге: Г.Ф. Миллер. Избранные труды. Сост., статья, прим. С.С. Илизарова. М.: Янус–К, 2006.

- [62] МИЛЛЕР, Г. Ф. О происхождении и о службах предков Шереметевых, особливо же о славных делах фельдмаршала графа Бориса Петровича и о потомках его. В книге: Г.Ф. Миллер. Избранные труды. Сост., статья, прим. С.С. Илизарова. М.: Янус-К, 2006.
- [63] МИНИХ, И. Э. Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха. С.-Петербург, тип. В.С. Балашева, 1891.
- [64] НАЩОКИН, В. А. Записки Василия Александровича Нащокина. С.-Петербург, 1842.
- [65] НЕЛИПОВИЧ, С. Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига: Объед. ред. МВД России, 2010.
- [66] НЕПЛЮЕВ, И. И. Записки И.И. Неплюева (1693–1773). С.-Петербург: изд. А.С. Суворина, 1893.
- [67] НЕПЛЮЕВ, Н. Н. Полное собрание сочинений Н.Н. Неплюева (в 5 томах). С.-Петербург: тип. и лит. В.А. Тиханова, 1901–1908.
- [68] Общий архив Министерства императорского двора. С.-Петербург: тип. Деп. уделов, 1888–1892.
- [69] Опыт наставлений, касающихся до экзерциций и маневров кавалерийского полка. 1805.
- [70] Очерки истории СССР. Том VIII. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957.
- [71] ПАНЧУЛИДЗЕВ, С. (Сост. под ред.) Сборник биографий Кавалергардов, т. 1–3, Сост. под ред. С. Панчулидзева, С.-Петербург, 1901–1908.
- [72] ПАШУТО, В. Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории. В сб.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963.
- [73] Петербургский некрополь: в 4 т. Изд. вел. кн. Николай Михайлович. С.-Петербург, 1912–1913.
- [74] РОНДО, ДЖ. Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию. Безвременье и временщики. Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л.: Художественная литература, 1991.
- [75] Письма и бумаги императора Петра Великого. т. 10. М., 1956.
- [76] ПОДМАЗО, А. А. Список генеральских чинов российской императорской армии и флота.

- [77] ПЛАНО КАРПИНИ, ДЖ. История монгалов. М.: Мысль, 1997.
- [78] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 11. 1740–1743. С.–Петербург: Тип. II отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830.
- [79] ПОЛЬСКОЙ, С. В. Артемий Волынский и его «злодейския разсуждения и проект». Отечественная история, 2008.
- [80] Русский биографический словарь: В 25 т. А.А. Половцов. М., 1896–1918.
- [81] ПУШКИН, А. С. История Петра. Подготовительные тексты. ПСС в 10-и томах (т. 9). изд. 4-е, Ленинград: Наука, 1979.
- [82] ПУШКИН, А. С. Записки Моро-де-Бразе. ПСС в 10-и томах (т. 9). изд. 4-е, Ленинград: Наука, 1979.
- [83] ПУШКИН, А. С. Table–talk. ПСС в 10-и томах (т. 8). изд. 4-е, Ленинград: Наука, 1979.
- [84] ПУШКИН, А. С. Заметки по русской истории XVIII века. ПСС в 10-и томах (т. 8). изд. 4-е, Ленинград: Наука, 1979.
- [85] Родословие Густава Рейнгольда графа фон Левенвольде [Stambaum Gustav Reinhold Graff von Löwenwolde]. РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 294, лл. II–1, 2.
- [86] Родословие Карла Густава графа фон Левенвольде [Stammbaum Carl Gustavs Grafen von Löwenwolde]. В рук. кн.: Brotze, J. K. Sammlung verschiedener Liefelandischer Monumente. т. 5, ч. 1.
- [87] РОЗЕН, А. Е. Очерк фамильной истории баронов фон Розен. 992–1876. С.–Петербург, 1876.
- [88] САБАНЕЕВ, Л. П. Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Кн. 1. Легавые. М.: изд. А.А. Карцева, 1896.
- [89] САВЕНКОВА, Н. М. К вопросу о ссылке графа Р.Г. Левенвольде. <http://skmold.solkam.ru/stati-nauchnyh-sotrudnikov/k-voprosu-o-ssylke-grafa-r-g-levenvolde/>
- [90] Московский некрополь: в 3 т. Сост. В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. Репринтное издание 1907–1908 гг. С.–Петербург: Альфабет, 2006.
- [91] САМАРИН, Ю. Ф. Сочинения. М., 1890.
- [92] Сборник Русского исторического общества. т. 3. С.–Петербург: Тип. Имп. Акад. Наук, 1868.
- [93] Сборник Русского исторического общества. т. 5. С.–Петербург: Тип. Имп. Акад. Наук, 1870.

- [94] Сборник Русского исторического общества. т. 20. С.–Петербург: Тип. Имп. Акад. Наук, 1877.
- [95] СВИРЕЛИН, А. И. Надгробная надпись на могиле А. Ягужинской (Исторический экскурс по поводу ея). Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. 4. с. 29–35, Владимир, 1902.
- [96] СЕМЕВСКИЙ, М. И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс, 1692–1724. Очерк из русской истории XVIII века. С.–Петербург, 1884.
- [97] Сенатский архив. 8. Протоколы Правительствующего Сената 1750, 1751 и 1752 гг. С.–Петербург, Тип. Прав. Сената, 1897.
- [98] Сенатский архив. 10.1. Протоколы Правительствующего Сената 1757 г., проч. С.–Петербург, Тип. Прав. Сената, 1903.
- [99] СОЛОВЬЕВ, С. М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989.
- [100] СОМИН, Н. В. Апостол братской любви: жизнь и труды Н.Н.Неплюева.
- [101] ТУРГЕНЕВ, И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978.
- [102] ФОККЕРОДТ, И. Г. Россия при Петре Великом. Чтения в Обществе истории и древностей Российских, 1874 г. (Переиздано в кн.: Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000).
- [103] ХОРУЖЕНКО, О. И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М.: Наука, 1999.
- [104] ХРАПОВИЦКИЙ, А. В. Дневник А.В.Храповицкого. 1782–1793. По подлинной его рукописи, с биографическою статьею и объяснительным указателем Николая Барсукова. С.–Петербург, 1784 (Переиздано в кн.: Екатерина II. Искусство управлять. М.: Фонд Сергея Дубова, 2008).
- [105] ШАБАНОВ, В. М. (сост.) Военный орден святого великомученика и победоносца Георгия. Отв. сост. В.М.Шабанов. М.: Русский мир, 2004.
- [106] ШЕРЕМЕТЬЕВ, С. Д. Воспоминания. С.–Петербург, 1899.
- [107] ШИРОКОРАД, А. Б. Северные войны России. Минск: Харвест, 2001.
- [108] ШОДЕРЛО ДЕ ЛАКЛО, П. Опасные связи. Или письма собранные в одном частном кружке лиц и опубликованные господином Ш. де Л. в назидание некоторым другим. М.: Правда, 1985.

- [109] ЭЙХГОЛЬЦ, И. Д. Карл Леопольд дед императора Иоанна Антоновича. Рассказ барона Эйхгольца 1678–1747. (Из бумаг П.П. фон-Геца). Русская старина, т. 12, кн. 1–2, 1875.
- [110] Des Heil. Röm. Reichs genealogisch–historischen Adels–lexici. Johann Friedrich Gleditsch, Leipzig, 1747.
- [111] BARROW, G. W. S. Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland (3rd ed.), Edinburgh: Edinburgh University Press, 1988.
- [112] MOREAU DE BRASEY, J.N. Mémoires Politiques, Amusans Et Satiriques De Messire J. N. D. B. C. de L, Colonel du Regiment de Dragons de Casanski & Brigadier des Armées de Sa M. Czarienne Bd. 1. Veritopolie [i.e. Amsterdam], 1716.
- [113] MOREAU DE BRASEY, J.N. Mémoires Politiques, Amusans Et Satiriques De Messire J. N. D. B. C. de L, Colonel du Regiment de Dragons de Casanski & Brigadier des Armées de Sa M. Czarienne Bd. 2. Veritopolie [i.e. Amsterdam], 1716.
- [114] ELGENSTIERNA, G. Den introducerade svenska adelns ättartavlor, Stockholm, 1925–1936.
- [115] Genealogisches Handbuch der estländischen Ritterschaft, Bd. 1, Görlitz, 1931.
- [116] GORDON, J., MALINOVSKII, V. K. Isabel, wife of John Urquhart, Colonel in the Swedish Service. The Scottish Genealogist, Vol. LVII. No. 4, 176 (Dec. 2010).
- [117] КАМК J., СИЛИВАСК K. History of the Estonian SSR. Tallinn, 1979.
- [118] A fragment of a memoir of field-marshal James Keith. Edinburgh, 1843.
- [119] KLINGSPOR, C. A. Baltisches Wappenbuch. Wappen sammtlicher, den Ritterschaften von Livland, Estland, Kurland und Oesel zugehöriger Adelsgeschlechter, Stockholm, 1882.
- [120] KRUSENSTJERN, G. Die Landmarschälle und Landräte der Livländischen und der Öselschen Ritterschaft in Bildnissen. Harry v. Hoffman Verlag, Hamburg, 1963.
- [121] KRUSUS, H. Grundriss der Geschichte des estnischen Volkes. Tartu, 1932.
- [122] Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235–1250. Übersetzt, eingeleitet und erläutert von Hansgerd Gockenjan und James R. Sweeney. (Ungarns Geschichtsschreiber; Bd. 3) Graz, Verlag Styria, 1985.
- [123] MACFARLANE, W. Genealogical collections concerning families in Scotland, made by Walter Macfarlane, 1750–1751.

- [124] MALINOVSKII, V. K. A Scottish Branch of Urquharts in the Loewenwolde Family Tree. *The Scottish Genealogist*, Vol. LIV, No. 4, 155–165 (Dec. 2007).
- [125] MOSER V. FILSECK, H. Erloschene Familien Livland. Stuttgart. Matrikel № 25: v. Löwenwolde. В рук. кн.: «Genealogische Angaben ueber erloschene Familien, die bei der Livlaendischen Ritterschaft immatrikuliert waren», 1985.
- [126] MURDOCH, S. GROSJEAN, A. The Scotland, Scandinavia and Northern European Biographical Database (SSNE). Published to the internet by the University of St. Andrews, November, 2004.
- [127] RONDEAU, J. Letters from a lady who resided some years in Russia to her friend in England: with historical notes. London: printed for J. Dodsley, 1775.
- [128] THEINER, A. Monumenta vetera historica Hungariam sacram illustrantia. Rome, 1859.
-
- [129] БАУЭРС, Н., ГЕРБЕР, Х., ДЖОНС, Д., НЕСБИТТ, С., ХИКМАН, ДЖ. Актуарная математика. М.: Янус-К, 2001.
- [130] КААС, Р., ГУВЕРТС, М., ДЭНЕ, Ж., ДЕНУТ, М. Современная актуарная теория риска. М.: Янус-К, 2007.
- [131] ЛЕМЕР, Ж. Автомобильное страхование. Актуарные модели. М.: Янус-К, 1-е изд. 1998, 2-е изд. 2003.
- [132] ЛЕМЕР, Ж. Системы бонус–малус в автомобильном страховании. М.: Янус-К, 1-е изд. 1998, 2-е изд. 2003.
- [133] МАЛИНОВСКИЙ, В. К. Модели долгосрочного страхового планирования. Ценовая конкуренция и регулирование финансовой устойчивости. М.: Янус-К, 2020.
- [134] ПАНДЖЕР, Х., БОЙЛЬ, Ф., ГЕРБЕР, Х., ДЮФРЕНЬ, Д., КОКС, С., МЮЛЛЕР, Х., ПЕДЕРСЕН, Х., ПЛИСКА, С., ТАН, К.С., ШЕРРИС, М., ШИУ, Э. Финансовая экономика. с приложениями к инвестированию, страхованию и пенсионному делу. М.: Янус-К, 2005.
- [135] САВИЧ, С. Е. Элементарная теория страхования жизни и трудоспособности. М.: Янус-К, 2003.
- [136] MALINOVSKII, V. K. Insurance Planning Models. Price Competition and Regulation of Financial Stability. World Scientific Publishers, Singapore, 2021.
- [137] MALINOVSKII, V. K. Level-Crossing Problems and Inverse Gaussian Distributions. Closed-Form Results and Approximations. Chapman and Hall/CRC, Boca Raton, 2021.

- [138] MALINOVSKII, V. K. Risk Measures and Insurance Solvency Benchmarks. Fixed-Probability Levels in Renewal Risk Models. Chapman and Hall/CRC, Boca Raton, 2021.

Именной указатель

- Александр Невский, 2, 4, 6, 7, 9–11, 356–358, 361–364
Александр I, 234, 242
Алексей Петрович, xi, 18–20, 26, 50, 51
Анна Иоанновна, xii, xiii, xv, 67, 79, 81, 88, 92–94, 109, 128, 129, 164, 167, 169, 170, 172, 175, 178, 179, 181, 184, 196, 218, 299
Анна Леопольдовна, 74, 94, 95, 179, 181, 195, 196
Анна Петровна, 160
Архарт
 Джон, 15, 17, 121–123, 125
 Эндрю, 123
 Изабелла, 15–18, 120, 125
 Томас, 17, 123
Август II, 23, 25, 26, 28–30, 44
Багратион Петр Иванович, 237
Барклай де Толли Михаил
 Богданович, 62, 213, 225, 227, 228, 233, 236
Бела IV, 5
Бирон
 Эрнст Иоганн, 21, 82, 84, 108, 116, 133–136, 145, 168, 169, 171, 193, 194
 Густав, 89, 100, 103, 145, 148, 290
Бокум Петер, 265, 266
Бороздин Николай Михайлович, 225, 228, 232
Бротце Иоганн Кристоф, 119, 120, 131, 139, 141, 267
Брюс Яков Вилимович, 158
Депрерадович Николай Иванович, 220
Дуглас Густав Отто, 132, 133
Екатерина I, 50, 52, 54, 118, 157, 162, 164, 200, 206
Екатерина II, 162, 186, 198, 199, 206, 242
Елизавета Петровна, xv, 46, 94, 145, 151, 159, 173, 174, 176, 181, 182, 192, 194, 195, 197, 202–204, 240, 245, 313
Эйлер Леонард, 177, 178
Ферзен
 Иван Евстафьевич, 62, 192, 242–246
 Карл Густав, 239, 241
Фоккеродт
 Иоганн Готхильф, xii
Фридрих II Великий, 49, 111, 114, 115
Гаген Лаврентий, пастор, 32, 36
Гастфер Якоб Юхан, 22, 23, 38
Гельбиг Георг, 173, 174, 195, 199, 200, 344, 345
Георг I, 113, 114, 117
Георг II, 128
Гордон
 Адам, 126
 Александр, 138
 Дж., генеалог, 140, 330
 Уильям, виконт Кенмюр, 16
Григорий IX, 5
Хитрово Анна Федоровна, 339, 340
Историк
 А.А. Гоздаво–Голомбиевский, 339, 340

- А.Г. Брикнер, 52
 А.И. Свирелин, 339, 340
 Д.И. Иловайский, 49, 50
 Д.Н. Бантыш-Каменский, 68, 69
 М.Д. Хмыров, 20, 21, 267, 311
 М.И. Семевский, xi, xii, 76
 М.Н. Покровский, xiv
 Н.И. Барсов, 339–342
 Н.И. Костомаров, 80, 81, 173, 174, 195, 345
 Н.М. Савенкова, 209, 210, 343
 С.М. Соловьев, 82, 96, 104, 148, 149, 196
 С.Н. Шубинский, 174
 В.О. Ключевский, xiii, xiv, 81, 136, 167, 174
 Иван VI, 94, 178, 194, 196
 Карл VI, 49, 51, 52
 Карл XI, xv, 23, 27, 28, 44
 Карл XII, 25, 26, 29, 30, 44
 Киннимонд
 Александр, 126, 339
 Джон, 124
 Изабелла, 17, 121, 122, 125, 132
 Патрик, 123, 124
 Томас, 122, 124, 125
 Вильям, 17, 121, 122
 Кит
 Джеймс, 126, 129–131
 Джордж, 111–115, 117, 126, 127, 138
 Кнорринг Отто Федорович, 216
 Кологривов Андрей Семенович, 220
 Комаровский Евграф Федотович, 245
 Константин Павлович, 219, 232
 Костюшко Анджей Тадеуш
 Бонавентура, 62, 244, 245
 Кристина, королева Швеции, 15, 16
 Кромвель Оливер, 18
 Крузенштерн Георг, 72, 73
 Кутузов Михаил Ларионович, 227, 229, 234, 236, 245, 246, 258
 Левенвольде
 Адам Фридрих, 211, 239
 Елена Кристина (по др. ист. Шарлотта), 21, 22, 239
 Эйлхард, 1–3, 7, 10, 13, 14
 Фридрих Казимир, 96, 99, 143, 147, 148, 150, 239, 241
 Герхард, 23
 Герхард Иоганн, xi, 15, 18, 19, 22, 67, 96, 153, 239, 240, 256, 262
 Густав Рейнгольд, xv, 46, 58, 79, 82, 117, 118, 125, 126, 153, 158, 179, 194, 206, 207, 209, 239, 240, 320
 Иоахим Фридрих, 18
 Иоганн, 15
 Карл, xii, xv, 212
 Карл Густав, xi, xii, xiv, xv, 67–70, 72–74, 79, 81–83, 85–87, 89, 90, 92–94, 96–100, 103–105, 107, 108, 117, 131, 141, 145, 150, 217, 239, 320
 Карл Магнус, 239
 Казимир, xii
 Кристиан Фридрих, 150
 Кристоф Бернгард, 15–18, 23, 120, 125, 139
 Роберт, 1, 3
 Шарлотта (урожд. Розен), 68, 69, 72, 217
 Лириа Джеймс Фитц-Джеймс, 20, 21, 54, 69, 126–133, 136–138
 Лопухина (урожд. Балк) Наталья Федоровна, 188, 205
 Мантейфель
 Эберхард Густав, 239, 241
 Фридрих, 242
 Меншиков Александр Данилович, 46, 50, 53, 54, 57, 157, 158, 161–164
 Миллер Герхард Фридрих, 19, 20, 44, 171, 177
 Миних

- Бурхард Христофор, 68, 78,
79, 83, 87, 194, 262
Эрнст (Сергей
Христофорович), 78, 79,
85
Моро де Бразе Жан Никола, 26,
55, 56, 58, 59, 61, 64
Муханов Сергей Ильич, 255
Муравьев Николай Ерофеевич, 46,
241
Наполеон, 216, 222, 233–235
Нарышкин Лев Александрович,
249, 250
Нащокин Василий Александрович,
xiv, xv, 21, 88, 90, 107,
115–117, 131, 211
Наталия Алексеевна, сестра
Петра I, 26, 50
Наталия Алексеевна, сестра
Петра II, 54, 162, 164
Неплюев
Иван Иванович, 262
Николай Николаевич, 256, 259,
262
Неплюев Николай Николаевич, 260
Николай I, 47, 48
Орлов Григорий Григорьевич, 162,
169
Остерман
Андрей Иванович, 53, 82, 83,
85–87, 158, 194, 296–300,
302, 303, 306, 314, 340, 344
Марфа (урожд. Стрешнева),
340
Пален
Августа Луиза, 211, 212
Матвей Иванович, 264, 266
Петр Алексеевич, 48, 211, 212,
214
Паскевич Иван Федорович, 221
Паткуль
Гертруда, 23, 211
Иоганн Рейнгольд, 23, 25, 26,
28–30, 32, 34–44, 117
Паткуль Иоганн Рейнгольд, 26
Павел, апостол, 42
Павел I, 192
Переводчик
А.И. Кронеберг, 138
А.С. Пушкин, 55
Б.Л. Пастернак, 110
Д.И. Языков, 136
М.Д. Хмыров, 21, 296
М.И. Касторский, 187, 188, 190
М.И. Касторский, 187
В.А. Бильбасов, 344
Ю.К. Бегунов, 1
Петр I, xii–xv, 19, 20, 24–26, 30–32,
44–48, 51, 52, 56, 58, 61, 70,
74, 75, 82, 89, 91, 92, 94, 95,
108, 157, 194, 262, 300, 306
Петр II, xi, 26, 54, 78, 127, 164
Петр III, 77, 186, 245
Писатель
И. Лажечников, 197
М. Эбнер–Эшенбах, xiv
В. Губарев, 171
В. Пикуль, 69, 70, 217, 218, 342
Ю. Нагибин, 342
Плано Карпини Джованни, 4
Потемкин Григорий
Александрович, 169
Пушкин Александр Сергеевич, 19,
20, 26, 45, 46, 52, 55–58,
62, 64, 76, 80, 113, 129,
178, 236
Раушенбах Борис Викторович, 263
Разумовский
Алексей Григорьевич, 69, 162,
169, 173, 174
Кирилл Григорьевич, 174, 176,
178
Рейнгольд Эмилий Иванович, 223
Ренне Карл Эвальд, xii
Ридигер Алексей Михайлович,
44–46
Розен
Александр Владимирович,
226, 228, 232
Андрей Евгеньевич, 70, 217

- Шарлотта, 70
 Рубо Франц Алексеевич, 226, 234
 Самарин Юрий Федорович, 47, 48
 Сумароков Петр Спиридонович,
 79, 83, 88
 Суворов Александр Васильевич,
 62, 244
 Шаргей Александр Игнатьевич
 (Юрий Кондратюк), 256,
 263
 Шереметев
 Борис Петрович, 18
 Павел Сергеевич, 261
 Петр Сергеевич, 261
 Сергей Дмитриевич, 64, 223
 Шевич Иван Георгиевич, 225, 228,
 230, 235
 Шлиппенбах
 (урожд. Украинцева) Ольга
 Григорьевна, 256
 (в замужестве Шуленбург)
 Мария Константиновна,
 257
 Александр Антонович, 256
 Андрей Иванович, 64, 192, 242,
 243, 247–249, 251–253
 Анна Фридерика, 240
 Антон Андреевич, 228, 234,
 256, 258, 263
 Антон Иванович, 242
 Беренд Фридрих, 21, 22, 132,
 133, 239
 Елена Шарлотта, 240
 Лев Антонович, 256
 Людмила Львовна, 256
 Максим Иванович, 242
 Мария Степановна, 253, 254,
 256
 Николай Андреевич, 252
 Николай Антонович, 256
 Отто Иоганн, 22, 146, 239–242,
 247
 Павел Антонович, 256
 Сири Шарлотта, 240
 Вольмар Антон, 239, 256
 Шуленбург
 (урожд. Шлиппенбах) Мария
 Константиновна, 257
 Шувалов Иван Иванович, 169
 Украинцева
 (в замужестве Шлиппенбах)
 Ольга Григорьевна, 256
 Уваров Федор Петрович, 220
 Волконский Сергей Григорьевич,
 xv, 214
 Врангель
 Алексей Петрович, 13
 Генрих, 12–14
 Петр Николаевич, 13
 Ягужинский Павел Иванович, 71,
 79, 81, 86, 88, 133, 134,
 339–342
 Яков II (VII) Стюарт, 95, 126–128

Об авторе

В.К. Малиновский (род. 7.12.1956, г. Москва) — доктор физико-математических наук, профессор. С 1982 г. по 2006 г. работал в отделе теории вероятностей Математического института им. В.А. Стеклова. С 2009 г. — главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН. Основные научные интересы В.К. Малиновского лежат в области теории вероятностей, математической статистики и математической экономики. В течение долгого времени преподавал в различных университетах Москвы. В 1993 г. и в 1998 г. был приглашенным профессором в Лаборатории актуарной математики университета Копенгагена, в 2000 г. был приглашенным профессором в университете Монреаля. Автор книг: [133], [136], [137], [138] и [56].

Перевел на русский язык и издал ряд наиболее известных монографий и учебных пособий по страховой математике: [129], [130], [131], [132], [134]. Переиздал книгу [135] (первые два издания — 1900 г. и 1909 г.). Подготовил к печати и издал три сборника трудов ныне живущих потомков участников Отечественной войны 1812 г.

Научное издание

Всеволод Константинович Малиновский

Левенвольде

Некоторые исторические сведения

Сдано в набор 28.02.2021. Подписано в печать 30.03.2021
Формат 70х100/16. Бумага офсетная
Уч.-изд. п.л. 24,0. Физ. п.л. 24,0. Тираж 300. Заказ № 4180

Издательство «Янус-К»
127411, Москва, Учинская ул., д. 1

Отпечатано в ООО «Красногорский
полиграфический комбинат»,
115093 г. Москва, Партийный пер. д. 1

ISBN 5-8037-0820-8

9 785803 708209